

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Леонид Васильевич Милов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

6

К 75-летию академика
Леонида Васильевича Милова

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2006

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-16289д)*

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. А. Горский (ответственный редактор)
д. и. н. И. Г. Коновалова (зам. ответственного редактора)
к. и. н. Т. В. Гимон (ответственный секретарь)
чл.-корр. РАН С. М. Каштанов
д. и. н. В. А. Кучкин
д. и. н. А. В. Назаренко
д. и. н. Л. В. Столярова
чл.-корр. РАН Б. Н. Флоря
чл.-корр. РАН Я. Н. Щапов

Средневековая Русь. Вып. 6 / Отв. редактор
А. А. Горский. — М.: «Индрик», 2006. — 408 с.

ISBN 5-85759-366-2

Предисловие

Очередной, шестой выпуск сборника «Средневековая Русь» включает в себя статьи по широкому спектру вопросов истории Руси IX–XV вв.: о торговых связях Руси со странами Халифата в IX в., об этническом самосознании древнерусской народности, социальном устройстве Новгорода XII–XIII вв., о новгородском владычном летописании и галицко-волынской летописи, о первых контактах русских князей с Ордой, о генеалогии св. Михаила Клопского, об источниках «Степенной книги» по истории домонгольской Руси. В сборнике помещены две рецензии на новейшие исследования отечественных и зарубежных ученых по истории Древней Руси.

А. А. Горский

Русское Средневековье в трудах Л. В. Милова

Некоторое время назад собеседник автора этих строк, услышав, что перед ним ученик Милова, и зная, что я занимаюсь Средневековьем, удивленно спросил: «Но ведь он, кажется, специалист по XIX веку?» Коллега (сам являющийся специалистом по новейшей истории), по-видимому, был знаком с творчеством Леонида Васильевича по его совместной с И. Д. Ковальченко книге «Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX в.», где Милову принадлежит текст почти по всему XIX столетию. Аналогично тот, кому из работ Л. В. известна книга «Исследование об „Экономических примечаниях“ к Генеральному межеванию», должен считать его специалистом по XVIII столетию, а тот, кто знаком с монографией «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия» — исследователем XVII века. Но научный диапазон Л. В. настолько широк, что не в меньшей мере, чем для историков русского позднего Средневековья и раннего Нового времени, он является «своим» для тех, кто занимается Средневековьем в общеевропейских хронологических границах этого понятия — периодом до XVI столетия.

Полвека назад Л. В. под руководством своего учителя М. Н. Тихомирова вел работу над древнейшим славянским законодательным памятником — «Законом судным людем», завершившуюся в 1961 г. двухтомным изданием этого источника, остающимся по сей день образцовым¹. Эти занятия определили проблему, интересую-

¹ Закон судный людем краткой редакции. М., 1961; Закон судный людем пространной и сводной редакций. М., 1961.

щую Л. В. по сей день — рецепция византийского права в Средневековой Руси. Помимо «Закона судного людем» (исследование текстологии которого было Л. В. продолжено²), его внимание привлек славянский перевод Эклоги, византийского кодекса законов VIII в. Вопреки традиционному представлению, что этот перевод болгарский (X в.), Л. В. обосновал гипотезу, что Эклога была переведена на Руси³. От «Закона судного людем» ученый вышел на источниковедческое исследование Пространной редакции Русской Правды, списки которой содержатся в тех же рукописях, что и списки «Закона судного». Он пришел к выводу, что Пространная Правда была создана в начале XII в., в период киевского княжения Владимира Мономаха. Такое мнение существовало в науке⁴, но его сторонники исходили из соображений, связанных с содержанием памятника. Равно другие авторы, также отталкиваясь от анализа содержания, относили создание Пространной редакции Русской Правды к началу XIII в.⁵, т. е. на целое столетие позднее. Работа, проведенная Л. В. Миловым, вывела исследование на качественно иной уро-

² См.: *Милов Л. В.* К истории текста Закона судного людем Пространной редакции // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; *Он же.* К истории Закона судного людем Краткой редакции // Советское славяноведение. 1978. № 6.

³ *Милов Л. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1; *Он же.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1984. № 3. Позже Л. В. высказал гипотезу, что перевод Эклоги был сделан в конце X в. при крестителе Руси Владимире, и именно об этой попытке ввести на Руси напрямую византийские правовые нормы говорит летописный рассказ о временной замене Владимиром традиционных вир на смертную казнь для «разбойников» (*Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1).

⁴ См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. М., 1965. Т. 76. С. 260–277; *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 165–167.

⁵ *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М., 1941. С. 204–238; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 276–278.

вень — сочетания текстологического (выявление наиболее близкого к оригиналу списка, в том числе с помощью математических методов) и кодикологического (изучение особенностей рукописи и содержащего ее сборника) анализа и позволила решить проблему в пользу ранней даты появления крупнейшего законодательного памятника средневековой Руси⁶.

Изучение проблем древнерусского права Л. В. продолжается⁷, и медиевисты надеются на скорое его оформление в виде книги.

С 1970-х гг. под руководством Л. В. началось изучение авторского стиля средневековых литературных произведений с помощью математических методов. Была поставлена задача найти пути к атрибуции сочинений, остававшихся анонимными, путем сопоставления их языкового строя с аналогичными показателями известных авторов. Итоги работы подвела коллективная монография «От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства» (1994). Помимо общего руководства (соавторы Л. В. по этой работе — его ученики) Л. В. написаны в ней разделы, относящиеся к произведениям, авторство которых традиционно вызывает особо ожесточенные споры — «Повести временных лет» и «Слову о полку Игореве» (глава о «Слове» — в соавторстве с И. В. Полянской и Н. В. Романковой). Сопоставление ряда фрагментов «Повести временных лет» с сочинениями, бесспорно принадлежащими перу монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, подтвердило гипотезу о его участии в летописной работе. Сравнение авторского стиля «Слова о полку Игореве» со стилем летописца XII в. (так называемого «Петра Бориславича») не привело к однозначным выводам, но дало «побочный» результат: выяснилось, что тексты «Слова»,

⁶ *Милов Л. В.* О происхождении Пространной Русской Правды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1989. № 1.

⁷ *Милов Л. В.* Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (Проблемы рецепции) // Древнее право. 1999. № 1; *Он же.* Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава // Культура славян и Русь. М., 1998; *Он же.* Византийская Эклога и Правда Ярослава // ГЕННАДИОС: К 70-летию Г. Г. Литаврина. М., 1999; *Он же.* К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000; *Он же.* Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000.

Ипатьевской летописи, а также произведений Кирилла Туровского (также привлекавшихся для сопоставления) обнаруживают определенную общность в структуре языка повествования, что подтверждает принадлежность «Слова» XII столетию.

К изучению «Слова о полку Игореве» Л. В. обращался и помимо проблемы атрибуции памятников средневековой литературы. В 1983 г. им была опубликована статья, вносящая значительный вклад как в реконструкцию особенностей погибшей в 1812 г. рукописи, так и в исследование процесса подготовки поэмы к изданию⁸. Затронутая в этой работе проблема термина «русичи» позже была рассмотрена еще в одной статье: по мнению Л. В., в первоначальном тексте «Слова» стояло слово «русци», которое, как он считает, основываясь на других источниках, бытовало наряду с понятием «Русь» по меньшей мере с IX века⁹.

Эпоха Средневековья занимает немалое место в концепции особенностей исторического развития России, сформулированной Л. В. в его капитальной монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (1998). Как показал автор, на Восточноевропейской равнине в силу специфики природных условий всегда имел место крайне короткий сезон земледельческих работ. Вместе с преобладанием малоплодородных почв это обусловило низкую урожайность и, как следствие, — невысокий объем совокупного прибавочного продукта. Общество в таких условиях было либо обречено на пребывание на догосударственной стадии развития, либо вынуждено к созданию жестких государственных механизмов, способных изымать и перераспределять этот продукт. Этим обусловлена прослеживаемая с раннего Средневековья (и увеличившаяся в Средневековье позднее) повышенная роль государства в социально-экономическом развитии.

Поздравляя Леонида Васильевича с юбилеем, редколлегия «Средневековой Руси» среди прочих, традиционных в таких случаях пожеланий выражает надежду на сохранение, а лучше — увеличение в дальнейшем доли средневековых сюжетов в его творчестве.

⁸ Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве» (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР, 1983. № 5.

⁹ Милов Л. В. Ruzzi Баварского географа и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1.

И. Г. Коновалова

Путь купцов-русов на Восток*

Ко времени выхода восточных славян и русов на арену международной торговли, т. е. к концу VIII — началу IX в., отдельные районы Восточной Европы уже были включены в систему транс-континентальных торговых путей, связывавших Китай, Индию, Среднюю Азию, Ближний Восток и Византию со странами Европы. Наибольшее значение для Восточной Европы имело ответвление Великого шелкового пути, шедшее из Средней Азии через Нижнее Поволжье и Северный Кавказ к побережью Черного моря и далее в Византию. Этот путь, проложенный согдийскими купцами, начал функционировать еще со второй половины VI в.¹. Велась и торговля по Волге, но, судя по данным археологии, до IX в. она носила спорадический характер. Установлено, что большая часть найден-

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 04-01-00228а).

¹ Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972; Она же. Аланский мир на «шелковом пути» (Мошевая балка — историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978; Кротошкин В. В. Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей: IV в. до н. э. — XI в. н. э. Ставрополь, 1999.

ного на Урале сасанидского и византийского серебра VI–VII вв. поступила туда не ранее IX в.²

На рубеже VIII–IX вв. и торговля по Волге, и восточноевропейский отрезок Великого шелкового пути находились в руках Хазарии, являвшейся в это время самой могущественной в политическом и экономическом отношении силой в Восточной Европе. Длительный период арабо-хазарских войн, начавшихся еще в середине VII в. с появлением арабов у стен Дербента, завершился к концу VIII — началу IX в. В результате арабо-хазарского противостояния арабы прочно укрепились в Дербенте, надолго превратив его в форпост своего влияния, а Хазария была окончательно вытеснена из Восточного Закавказья. Центр каганата из Приморского Дагестана, где находилась хазарская столица город Самандар, разрушенный арабами в 737 г., переместился в более северные районы — в Приазовье, на Нижний Дон и Северский Донец, а также на Нижнюю Волгу³. Именно со стабилизацией отношений между Халифатом и Хазарией принято связывать начало массового поступления арабского серебра в Восточную Европу, фиксируемого археологами на рубеже VIII–IX вв.⁴

Однако упорядочение арабо-хазарских отношений само по себе вряд ли могло являться достаточным условием для развертывания крупномасштабной международной торговли между Восточ-

² Noonan T. S. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval Period: An Examination of the Sasanian and Byzantine Finds from the Kama-Urals Area // АЕМА. 1982. Т. II. Р. 269–302; Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 388; Балинт Ч. Несколько слов о так называемом «Восточном серебре» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Мат-лы Межд. симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 189–194.

³ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 172–196.

⁴ Noonan T. S. Why dirhams first reached Russia: the role of Arab-Khazar relations in the development of the earliest Islamic trade with Eastern Europe // АЕМА. 1984. Т. IV. Р. 151–282; Киртичников А. Н. О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладогe) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Мат-лы Межд. симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 107–115.

ной Европой и странами Халифата. Для ведения такой торговли необходимо было наличие определенного слоя лиц, способных стать организаторами коммерческих операций на всех этапах — сбора товаров, предназначенных на экспорт, их транспортировки на дальние расстояния и реализации на рынках Халифата, ввоза заморских товаров в Восточную Европу. Хазары сами торговлей не занимались и даже не имели собственного морского флота. Львиную долю доходов от торговли хазарская элита получала от сбора таможенных пошлин. Поэтому Хазария была заинтересована главным образом в том, чтобы держать под своим единоличным контролем те территории, где пролегали наиболее важные международные пути — Нижнее Поволжье, низовья Дона, Приазовье и Керченский пролив. Что касается мусульманских купцов, то массовый импорт арабского серебра в Восточную Европу не сопровождался сколько-нибудь заметным их проникновением в глубь этого региона. Дальше Дербента и Баланджара на Северном Кавказе и Итиля на Нижней Волге восточные торговцы, как правило, не ездили. До Булгара на Волге добирались лишь единицы, и далеко не всегда их путь в Волжскую Булгарию пролегал по территории Хазарии. Например, знаменитое посольство багдадского халифа, описанное Ибн Фадланом, прибыло в Булгар в 922 г. обходной дорогой — через расположенные к востоку от Хазарского каганата владения огузов и башкир.

Наиболее ранние сведения письменных источников о русах говорят о том, что появление русов на исторической арене было самым тесным образом связано с началом функционирования трансконтинентального торгового пути, соединившего Восточную Европу со странами Ближнего Востока и Византией. Уже в первом дошедшем до нас описании этого маршрута у Ибн Хордадбега он охарактеризован как путь купцов-русов.

Сохранились два списка и один фрагмент «Книги путей и стран» (*Kitab al-masalik wa'l-mamalik*) Ибн Хордадбега, представляющие краткую и более пространную версии сочинения⁵.

⁵ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik* (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889. P. XIII.

В связи с тем что у более поздних арабских авторов есть ссылки на данные Ибн Хордадбега, отсутствующие в известных к настоящему времени рукописях его труда, считается, что оба имеющиеся в нашем распоряжении манускрипта являются лишь сокращенным вариантом «Книги путей и стран», которая некогда существовала и в более полном виде⁶.

Важный вопрос о времени составления произведения, дебатированный в науке еще с прошлого века, остается и по сей день дискуссионным. Издатель критического текста книги Ибн Хордадбега в серии «*Bibliotheca geographorum arabicorum*» М. Я. де Гуге пришел к выводу о том, что было две редакции сочинения, подготовленные в 232 (846/847) и 272 (885/886) гг. и представленные соответственно дошедшими до нас кратким (А) и пространным (В) списками⁷. М. Я. де Гуге исходил из того, что краткий список не содержит фактов, датируемых временем после 847–848 гг., а в пространном имеются сведения, отсутствующие в кратком и датируемые — самое позднее — 885–886 гг. Впоследствии мнения ученых, исследовавших сочинение Ибн Хордадбега, разошлись: большинство авторов разделяли точку зрения о существовании двух редакций его труда⁸, другие же настаивали на том, что была всего одна редакция, составленная в 80-х гг. IX в.⁹ Текстологические наблюдения над со-

⁶ Ibid. P. XV–XVII; Бартольд В. В. Введение к изданию *Худуд ал-'алам* // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 514; Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 140, 149; Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ. 1998 г. М., 2000. С. 282–283; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 21–27.

⁷ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. XVIII–XX.

⁸ Беляев В. И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX–XIII вв. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. С. 17; Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. 1961. Т. VIII. Р. 65; Golden P. B. The Question of the Rus' Qaganate // АЕМА. 1982. Т. II. Р. 83; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 17–30.

⁹ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 390; Булгаков П. Г. «Книга путей и

чинением Ибн Хордадбеха, накопленные наукой к настоящему времени, дают основания считать гипотезу о наличии двух редакций — 40-х и 80-х гг. IX в. — более обоснованной. В пользу этого мнения говорит не только состав сообщений в кратком и пространном списках, но также содержание авторского посвящения к «Книге путей и стран», которое может относиться только ко времени правления халифа ал-Васика (842–847)¹⁰.

Судя по составу доступных нам списков, Ибн Хордадбех работал над своим сочинением на протяжении многих лет — с 40-х по конец 80-х гг. IX в. Точных данных обо всех этапах жизненного пути Ибн Хордадбеха нет, однако известно, что составление «Книги путей и стран» было самым тесным образом связано со служебной деятельностью Ибн Хордадбеха, занимавшего высокий пост начальника почты в персидской провинции Джибал¹¹. По долгу службы Ибн Хордадбех должен был составлять докладные записки для главы почтового ведомства Халифата, и именно эти записки, как полагают исследователи, могли послужить первоначальной основой для его будущей книги¹².

Как долго Ибн Хордадбех прослужил в Джибале, неизвестно. Во всяком случае, во время правления ал-Васика Ибн Хордадбех пребывал уже в тогдашней столице Халифата Самарре¹³, в связи с чем существует предположение о том, что к этому времени он получил чин начальника почтового ведомства Халифата¹⁴. В Самарре Ибн Хордадбех встречался со знаменитым арабским путешественником

государств» Ибн Хордадбеха (К изучению и датировке редакций) // Палестинский сборник. М.; Л., 1958. Вып. 3 (66). С. 127–136; Новосельцев А. П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // ДГ. 1998 г. С. 361–362.

¹⁰ Историографию см.: Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 18–30.

¹¹ Джибал (букв. «горы») — арабское название древней Мидии, западных областей Иранского нагорья.

¹² Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 11, 27–28.

¹³ Самарра — город, построенный в качестве своей резиденции халифом ал-Му'тасимом (833–842) на левом берегу Тигра, в 120 км к северу от Багдада; выполнял функции столицы Халифата вплоть до правления ал-Му'тамида (870–892), возвратившего столицу в Багдад.

¹⁴ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 11.

Салламом ат-Тарджуманом («Переводчиком») и математиком и астрономом Мухаммадом ибн Мусой, со слов которых записал рассказы об их путешествиях по Азии и Европе¹⁵. И Саллам, и Мухаммад ибн Муса принадлежали к кругу лиц, участвовавших в организации различных экспедиций, предпринимавшихся по инициативе халифа ал-Васика¹⁶. Логично предположить, что интерес Ибн Хордадбега к рассказам Саллама и Мухаммада ибн Мусы мог быть вызван не только любознательностью, но связан с его собственной вовлеченностью в проводимые халифом географические изыскания. Не случайно в посвящении, предпосланном «Книге путей и стран», упоминается «сын избранных господ и благочестивых имамов, светоч веры и избранник Аллаха среди всех созданий», повелевший Ибн Хордадбегу составить «ясное изображение и описание путей земли и ее стран»¹⁷. Выполняя это поручение, Ибн Хордадбег, по его словам, познакомился с сочинением Птолемея и переложил его на арабский язык для своего высокого покровителя, а затем написал и свою книгу¹⁸. Таким образом, обстоятельства пребывания Ибн Хордадбега при дворе ал-Васика косвенным образом указывают на то, что первая редакция «Книги путей и стран» могла быть составлена им уже в середине 40-х гг. IX в.

Согласно сообщениям более поздних арабских авторов, Ибн Хордадбег и в дальнейшем оставался при дворе, где, в частности, был приближенным лицом халифа ал-Му'тамида¹⁹. В конце 80-х гг. IX в. Ибн Хордадбег подготовил вторую редакцию своего труда, которая существенно отличалась от первой по составу содержащихся в ней сведений. В эту вторую редакцию вошли не только данные о маршрутах, налогах и административном делении стран, но также множество занимательных рассказов сказочно-легендарного характера и стихотворных цитат. Обозначившийся во второй редакции «Книги путей и стран» крен в сторону изящной литера-

¹⁵ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 106–107, 162–170; *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 98–99, 129–133.

¹⁶ *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. С. 130–131.

¹⁷ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 3; *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 53.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 12.

туры был, в общем-то, совершенно естественным для Ибн Хордадбега, чьи интересы, судя по названиям приписываемых ему произведений²⁰, «почти сплошь вращались в области легкого *адаба*²¹ и веселой жизни»²².

Указанные отличия в составе сообщений между списками А и В также, на мой взгляд, свидетельствуют о существовании двух разновременных редакций труда Ибн Хордадбега, подготовленных им в разные периоды жизни. Первая редакция, основанная главным образом на фактических данных, была составлена им, по-видимому, для халифа ал-Васика, известного своей склонностью к научным занятиям. Вторая же редакция была написана при дворе ал-Му'тамида, в то время, когда Ибн Хордадбех являлся «сотрапезником» (*надим*) халифа, большого любителя развлечений.

Представляющее для нас интерес сообщение о купцах-русах находится в списках обеих редакций: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владелец ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан²³ и высаживаются на любом берегу. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские

²⁰ По свидетельствам более поздних арабских писателей, Ибн Хордадбех являлся автором книг по истории, генеалогии, астрономии, музыке, кулинарии, а также сочинений об искусстве питья и об увеселениях (список произведений см.: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 13–14).

²¹ *Адаб* — одно из ключевых понятий исламской культуры, обозначающее особый стиль мышления и манеру поведения, основанные на религиозном благочестии, светском воспитании и должной образованности; в Средние века словом *адаб* назывался обращенный к элите литературный жанр, представленный антологиями познавательного, назидательного и развлекательного характера.

²² *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. С. 148.

²³ Одно из наименований Каспийского моря, восходящее к арабскому названию древней Гиркании, области на юго-восточном побережье Каспия, центром которой являлся город Джурджан (совр. Горган).

слуги-евнухи. Они утверждают, что они христиане и платят подушную подать»²⁴.

Это сообщение Ибн Хордадбега уже неоднократно подвергалось анализу²⁵. Исследователи согласны в том, что в рассматриваемом фрагменте описаны два маршрута, эксплуатировавшиеся купцами-русами. Первый шел из окраинных славянских земель к Румийскому морю (*бахр ар-Руми*). Большинство исследователей склонны видеть в гидрониме «Румийское море» обозначение Черного моря и на основании этого полагать, что данный маршрут купцов-русов вел от северного черноморского побережья в Константинополь²⁶. Между тем эта весьма лаконичная характеристика пути не дает возможности ясно представить себе, ни где именно начинался маршрут, ни — в особенности — где находился его конечный пункт. Распространенное толкование фрагмента целиком опирается на известия более поздних источников о плаваниях русов по Черному морю в Византию, ибо оно никак не согласуется с географической номенклатурой, которой оперирует Ибн Хордадбег. Дело в том, что Румийским — по арабскому названию Византии (*ар-Рум*) — в сочинении Ибн Хордадбега именуется исключительно Средиземное море²⁷, Черное море называется Хазарским — *бахр ал-Хазар*²⁸, а соединяющие их проливы Босфор и Дарданеллы вместе с Мраморным морем составляют Константинопольский пролив (*халидж*), причем Мраморное море имеет еще и отдельное наименование *Бунтус* (Понт) и считается частью Хазарского, т. е. Черного моря²⁹. Поэтому путь по Черному морю в Константино-

²⁴ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 154; *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 124.

²⁵ Библиографию см.: *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 38–42; *Калинина Т. М.* Торговые пути Восточной Европы IX века (По данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // *История СССР*. 1986. № 4.

²⁶ Литературу см.: *Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 80. Прим. 73.

²⁷ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 177; *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 137.

²⁸ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 103–105, 156; *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 97–98.

²⁹ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 103–104; *Ибн Хордадбег*. Книга путей и стран. С. 97.

поль — это, в терминологии Ибн Хордадбеха, плавание по Хазарскому морю к побережью Константинопольского пролива, который, как говорится в нашем источнике, окружает византийскую столицу «с двух сторон — с востока и с севера»³⁰. Что же касается маршрута купцов-русов, ведущего из окраинных славянских земель к Румийскому морю, то его, если быть последовательными в трактовке употребляемых Ибн Хордадбехом гидронимов, скорее, следует сопоставлять с описанием пути «из варяг в греки» в Повести временных лет: «...И по тому морю (Варяжскому. — И. К.) можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море...»³¹. Кроме произвольного толкования термина «Румийское море», вызывает возражение и указание на Константинополь как на конечный пункт маршрута русов³². Ибн Хордадбех упоминает только о взимании с русов десятины (*ушр*) «владыкой Рума» (*сахиб ар-Рум*), но платить торговую пошлину купцы-русы могли и в Крыму, где при раскопках в Судак и Херсонесе найдены печати византийских таможенных чиновников, в том числе VIII–IX вв.³³. О принципиальной возможности именно такого понимания сведений источника говорит то, что среди информаторов Ибн Хордадбеха были лица, причастные к морскому сообщению между Крымом и основной территорией Византии. В частности, в посвященном ха-

³⁰ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 104; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 97.

³¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 7; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 6; Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 144. Т. М. Калинина также считает возможным видеть в данном сообщении Ибн Хордадбеха «намек на начавший функционировать в IX в. путь «из варяг в греки», по которому русы попадали в Константинополь» (Калинина Т. М. Торговые пути. С. 80–81), однако она не уточняет, какой отрезок этого пути имеет в виду.

³² Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 41; Калинина Т. М. Торговые пути. С. 80–81.

³³ Шандровская В. С. Находки печатей в Судак // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 1025–1026; Соколова И. В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 202.

рактике провинций Византии разделе своего сочинения Ибн Хордадбех пишет о кораблях, которые проникали в Константинопольский пролив «вниз по течению от [полу]острова³⁴ Хазарского моря»³⁵. В связи с этим более правильным представляется уже высказывавшееся в литературе мнение о том, что торговый путь русов в Византию в IX в. заканчивался в Крыму³⁶.

Правда, чтобы непротиворечиво объяснить упоминание о крымских владениях Византии в одном контексте с «Румийским морем» (понимаемым как Средиземное), придется допустить, что имевшаяся в распоряжении Ибн Хордадбега информация об этом пути купцов-русов была чрезвычайно отрывочной и полученной им по меньшей мере из двух разных источников. Таким образом, первый из описываемых Ибн Хордадбехом торговых путей купцов-русов поддается лишь самому общему определению: географу было известно только то, что меха, вывезенные из славянских земель, русы реализовывали где-то на территории Византии, причем неясно, как они туда добирались — морем или по суше.

Второй маршрут купцов-русов, охарактеризованный Ибн Хордадбехом более детально, чем первый, вел на Ближний Восток, в Багдад. На этот раз их путь лежал через Хазарию, куда они попадали по «реке славян», название которой в рукописях сильно искажено и восстанавливается большинством исследователей как «Тан(а)ис» (Дон)³⁷. Переправляясь — очевидно, в районе Переволоки — из Дона в Волгу, а затем спускаясь вниз по Волге, купцы-

³⁴ Арабским словом *джазира* обозначается как остров, так и полуостров. В этом сообщении Ибн Хордадбега видят единственное в ранней арабской литературе известие о Крымском полуострове (Новосельцев А. П. Ибн Хордадбех. С. 126).

³⁵ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 104; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 97.

³⁶ Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. II (1). С. 827; Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 292; Franklin S., Shepard J. *The Emergence of Rus: 750–1200*. L.; N. Y., 1997. P. 42, 90.

³⁷ Подробнее см.: Калинина Т. М. Торговые пути. С. 79–80; Она же. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГ. 1991 г. М., 1994. С. 216–217; Golden P. B. *Rus* // EI². Vol. VIII. P. 620–621.

русы попадали в Каспийское море, где высаживались с товарами «на любом берегу». Иногда купцы везли свои товары от Джурджана, города на южном побережье Каспия, до самого Багдада.

Исследователи давно уже обратили внимание на то, что в дошедших до нас списках сочинения Ибн Хордадбега рассказ о купцах-русах производит впечатление вставки: перед ним и после него говорится о путях еврейских купцов *ар-разанийя* из Европы в мусульманские страны и Китай³⁸. На этом основании некоторые ученые вообще ставят под сомнение достоверность сообщения Ибн Хордадбега о русах и рассматривают его как вставку, принадлежавшую позднейшим переписчикам³⁹.

Однако если обратить внимание не только на ближайший контекст сообщения о купцах-русах, но и на его место в композиции всей книги, то станет ясно, насколько на самом деле органично вписывается в структуру сочинения интересующий нас фрагмент. Книга Ибн Хордадбега почти целиком сводится к характеристике известных автору путей, соединявших различные города и страны. Труд Ибн Хордадбега открывается небольшим посвящением, за которым следуют общие сведения о Земле⁴⁰, указание *киблы*⁴¹ жителей различных стран⁴², описание административного деления Ирака⁴³, а также сведения о титулах владык Земли⁴⁴. Основную часть описания занимает перечисление дорожников, относящихся к

³⁸ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 153–155; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 123–124.

³⁹ Историографию см.: Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 293; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 85–86; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 38–139.

⁴⁰ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 4–5; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 54.

⁴¹ *Кибла* — направление на ал-Ка'бу в Мекке, которого следовало придерживаться при совершении мусульманской молитвы.

⁴² Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 5; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 54–55.

⁴³ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 5–15; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 55–60.

⁴⁴ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 16–18; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 60–61.

территории Халифата. Изложению этих сведений отведены четыре больших раздела, соответствующие четырем сторонам света: востоку — *ал-Маширик*, западу — *ал-Магриб*, северу — *ал-Джарби* и югу — *ат-Тайман*, где Ибн Хордадбех последовательно рассказывает о путях, которые вели из Багдада — являющегося пространственным центром повествования, — в Среднюю Азию, Индию и Китай, Северную Африку и Испанию, Византию и Закавказье, Аравию⁴⁵. После характеристики маршрутов по Аравийскому полуострову, завершающей описание южных областей Земли, говорится, сколько всего почтовых дорог имеется на территории Халифата⁴⁶. Приводимая Ибн Хордадбехом цифра в 930 дорог как бы подводит итог всему предшествующему изложению, после чего Ибн Хордадбех обращается к новому сюжету — характеристике путей еврейских купцов *ар-разанийя* и купцов-русов⁴⁷, а затем переходит к заключительному разделу своей книги — описанию всяких чудес и диковинок Земли⁴⁸.

Выбор автором места для сообщения о путях купцов *ар-разанийя* и купцов-русов кажется очень логичным: сначала он описывает со всеми известными ему подробностями дороги стран Халифата, а затем отдельно характеризует трансконтинентальные международные торговые пути, которые держали в своих руках купцы *ар-разанийя* и русы. Ибн Хордадбех в сущности вторично излагает тот же самый материал, но взятый в другом измерении, как бы «с птичьего полета», без детализации. Не случайно в описании путей купцов *ар-разанийя* и русов, за двумя исключениями, нет указаний на расстояния. Если нанести на карту маршруты тех и других купцов, то окажется, что они пересекаются только в одной точке — в Хамлидже, — а в совокупности обнимают чуть ли не всю ойкумену. Поэтому мы убеждены в том, что данные о путях

⁴⁵ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 18–153; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 61–123.

⁴⁶ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 153; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 123.

⁴⁷ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 153–155; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 123–124.

⁴⁸ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 155–183; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 125–141.

купцов-русов — не инородная вставка в текст, а его неотъемлемая часть.

В самом рассказе о путях купцов-русов не содержится каких-либо признаков, позволяющих с определенностью датировать эти сообщения 40-ми или 80-ми гг. IX в. Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что это сообщение присутствует в обоих дошедших до нас списках, есть все основания полагать, что оно фигурировало уже в первой редакции сочинения Ибн Хордадбега, и датировать его самое позднее — 40-ми гг. IX в. В последнее время некоторые исследователи высказываются в пользу того, что это известие Ибн Хордадбега отражает поездки купцов-русов в страны халифата даже в еще более раннее время — в 30-е гг. IX в.⁴⁹ или даже в начале IX в.⁵⁰

В пользу датировки сообщения Ибн Хордадбега о купцах-русах временем не позже 40-х гг. IX в. свидетельствует наличие в списке краткой редакции иных материалов, связанных по своему содержанию с сообщением о купцах-русах, а именно сообщения о хазарских городах и о маршруте Джурджан-Хамлидж, топо- и гидронимика которого имеет много общего с рассказом о путях купцов-русов: Джурджан, Хамлидж, «страна славян», «река, текущая из страны славян»⁵¹.

Кроме того, важным датирующим признаком является отсутствие титула правителя русов в специальном разделе «Книги путей и стран», посвященном титулатуре владык разных стран и народов мира⁵². Такой крупный чиновник, каким был Ибн Хордадбег, обязанный по долгу службы свободно ориентироваться в международной титулатуре правителей разных рангов — и имевший для этого все возможности! — почти наверняка не преминул бы зафиксиро-

⁴⁹ Pritsak O. An Arabic Text on the Trade Route of the Corporation of Ar-Rus in the Second Half of the Ninth Century // *Folia orientalia*. 1970. T. 12. P. 242–243.

⁵⁰ Noonan T. S. When did Rus/Rus' merchants first visit Khazaria and Baghdad? // *AEMA*. 1987–1991. T. VII. P. 213–219.

⁵¹ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 124; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 109.

⁵² Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 16–17; Ибн Хордадбег. Книга путей и стран. С. 60–61.

вать в специальном разделе своего сочинения титул главы русов, если бы он обладал соответствующей информацией. Из западноевропейских источников — сообщения Бертинских анналов под 839 г. и письма Людовика II (855–875) византийскому императору Василию I от 871 г. — известно, что в IX в. применительно к правителю русов в международной практике употреблялся титул «каган»⁵³. Ибн Хордадбех же называет каганами лишь правителей тюрок, Тибета и хазар: «Цари тюрок, Тибета и хазар — все они хаканы, за исключением царя карлуков, которого называют йабгу (*джабгуйа*)»⁵⁴. Это известие должно относиться ко времени до 840 г., поскольку правитель тюркского народа карлуков, названный у Ибн Хордадбега титулом «йабгу», после падения Уйгурского каганата в 840 г. стал претендовать на титул кагана⁵⁵. Если действительно перечень владык, носивших титул кагана, был составлен Ибн Хордадбеком до 840 г. или около того, вполне объяснимо отсутствие правителя русов в данном списке: географ просто мог и не обладать соответствующей информацией, поскольку неизвестно, чтобы титул «каган» вошел в употребление на Руси ранее 839 г.

Рассказ Ибн Хордадбега о путях купцов-русов, по всей вероятности, отражает самый ранний этап проникновения информации о русах в страны халифата, когда арабские авторы только еще начинали выделять русов из массы славянских народов.

Со славянами арабы впервые познакомились еще в VII в., когда славянские поселения появились в малоазийских провинциях Византии, которые после завоевания арабами Сирии в 635–636 гг. оказались ареной длительной арабо-византийской войны. Тогда же в арабской литературе появился этноним *ас-саклаб* (мн. ч. *ас-сакалиба*), восходящий к греческому названию славян — Σκλάβοι, Σκλαβηνοί⁵⁶.

⁵³ *Annales Bertiniani: Annales de Saint-Bertin* / Ed. F. Grat, J. Veillard, S. Clemencet. P., 1964. P. 30–31; *Chronicon Salernitanum* / U. Westerbergh. Stockholm, 1956. P. 111.

⁵⁴ *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 16; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 60.

⁵⁵ *Golden P. B. The Question of the Rus' Qaganate*. P. 83.

⁵⁶ *Свод древнейших письменных известий о славянах* / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1995. Т. II (VII–IX вв.). С. 508–509.

В пределах же Восточной Европы особая роль в распространении информации о славянах принадлежала, по всей вероятности, Хазарии, южные пределы которой у Дербента граничили с владениями Халифата. Об этом говорит тот факт, что все данные Ибн Хордадбеха о славянах, помещенные в разделе *ал-Джарби*, приводятся лишь в связи с упоминанием хазарского города Хамлиджа⁵⁷. Гидроним «река славян» арабы также узнали, по-видимому, от хазар, которым, скорее всего, и принадлежит это наименование реки. У других арабских авторов, сообщения которых о славянах в Восточной Европе относятся к более раннему времени, чем сведения Ибн Хордадбеха, о славянах также говорится в связи с событиями в Хазарском каганате. Так, историки ал-Балазури (IX в.) и ал-Куфи (первая четверть X в.) упоминают о славянах (последний говорит также о «реке славян») в контексте рассказа о походе арабского полководца Марвана ибн Мухаммада в глубь Хазарии в 737 г.⁵⁸ Хазары располагали, несомненно, богатой информацией о славянских землях, часть которых в IX–X вв. находилась в зависимости от каганата. По утверждению испано-арабского путешественника второй половины X в. Ибрахима ибн Йа'куба, хазары даже говорили по-славянски, так как смешались со славянами⁵⁹.

Если внимательно посмотреть на этнонимы, хоронимы и гидронимы, сопровождающие рассказ Ибн Хордадбеха о купцах-русах, то «славянский» контекст упоминания русов будет совершенно очевиден. В самом деле, купцы-русы заготавливают товары в «стране славян», плывут по «реке славян», пользуются услугами переводчиков-славян, да и сами являются, по определению Ибн Хордадбеха, «одной из разновидностей (*джинс*) славян». Учитывая то, что термином *джинс* Ибн Хордадбех обозначает также индийские касты⁶⁰, можно рассматривать русов как социальную группу,

⁵⁷ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 124; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 109.

⁵⁸ Детальный анализ их сообщений и историографию см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство. С. 184–186

⁵⁹ Вестберг Ф. Комментарий на Записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903. С. 149.

⁶⁰ Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik. P. 71–72; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. С. 82–83.

занимавшую особое место в славянском обществе и достаточно в нем укорененную.

О том, что первоначально купцы-русы воспринимались на арабском Востоке как часть славянского мира, говорит и сообщение, имеющееся в сочинении другого арабского автора, писавшего в самом начале X в. и почерпнувшего свои сведения из какого-то общего с Ибн Хордадбехом источника, — Ибн ал-Факиха: «Что касается славянских купцов, то они везут шкурки лисиц и бобров из окраин славянских [земель] и приходят к Румийскому морю, где с них взимает десятину владыка Рума. Затем они прибывают по морю в Самкарш иудеев, откуда [потом] возвращаются в [землю] славян. Или же они приходят от Славянского моря⁶¹ в ту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут [города] хазар Хамлиджа⁶², где с них взимает десятину владыка хазар, а затем

⁶¹ Одно из обозначений Балтийского моря в арабской литературе (*Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1956. Т. II. Cz. 1. S. 84–85; *Калинина Т. М.* Севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто*. М., 1999. С. 89–90).

⁶² В издании М. де Гуге *خليج الخزر*, что А. Я. Гаркави переводит как «Хазарский рукав» (*Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870. С. 251), В. Р. Розен — «пролив хазар» (*Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Т. II. С. 142), А. П. Новосельцев — «залив Хазарский» (*Новосельцев А. П.* Восточные источники. С. 292), Т. М. Калинина — «пролив хазар» (*Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 75) или «залив хазар» (*Калинина Т. М.* Арабские источники. С. 218); этот гидроним связывают с нижним течением Дона (*Гаркави А. Я.* Сказания. С. 255) либо с Азовским морем, которое могло рассматриваться как залив Черного, именовавшегося в IX в. арабами «Хазарским морем» (*Новосельцев А. П.* Восточные источники. С. 292; *Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 81). Т. Левицкий исправляет *خليج* (халидж — «пролив», «залив», «рукав») на *خلميج* — Хамлых (Хамлидж), известный по целому ряду источников хазарский топоним (*Lewicki T. Źródła arabskie* Т. II. Cz. 1. S. 28, прим. gg), что представляется оправданным не только графически, но и по существу, ибо имеющееся в книге Ибн ал-Факиха еще одно упоминание о «хазарском заливе» (*Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje*. Lugduni-Batavorum, 1885. P. 7: «От моря Джурджана до „хазарского

идут к Хорасанскому морю⁶³. Иногда они выходят в Джурджане и продают все, что у них есть, и идет все это в Рей⁶⁴»⁶⁵.

Как нетрудно заметить, в сообщении Ибн ал-Факиха те два торговых пути русов, о которых писал Ибн Хордадбех, представлены уже более отчетливо. В описании пути в Византию у Ибн ал-Факиха появляется новый топоним — «Самкарш иудеев», под которым, как полагают, имеется в виду принадлежавший хазарам город Таматарха, будущая Тмутаракань⁶⁶. Таким образом, торговые контакты славян и русов с Византией осуществлялись в IX в. по следующему маршруту: окраины славянских земель — Румийское море — хазарский город Самкарш, куда из византийских владений прибывали по морю и откуда возвращались назад в славянские земли. Учитывая то, что в понятие «Румийское море» Ибн ал-Факих, в отличие от Ибн Хордадбега, включал не только Средиземное, но и Черное море⁶⁷, будет, по всей вероятности, справедливым считать местом, где платили пошлину славянские купцы, не Константинополь⁶⁸, а один из византийских городов Крыма и таким образом целиком локализовать этот торговый путь в пределах Восточной Европы.

Говоря об описании у Ибн ал-Факиха второго маршрута купцов-славян, обычно обращают внимание на то, что в качестве ко-

залива" 10 дней пути, а при попутном ветре — 8 дней пути морем и 2 дня по суше») восходит к аналогичному сообщению Ибн Хордадбега, где вместо слова *халидж* стоит *Хамлидж* (*Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik*. P. 124; *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 109: «От Джурджана до Хамлиджа... по морю при попутном ветре 8 дней пути»).

⁶³ Одно из наименований Каспийского моря, восходящее к названию исторической и административной области на Северо-Востоке Ирана.

⁶⁴ Рей — арабское название древнего города Рага в Мидии, разрушенного монголами в 1220 г. Развалины города находятся близ совр. Тегерана.

⁶⁵ *Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani*. P. 271.

⁶⁶ *Lewicki T. Źródła arabskie*. Т. II. Cz. 1. S. 82–83; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 132–133.

⁶⁷ *Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadhani*. P. 145; *Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 74. Прим. 39.

⁶⁸ *Гаркави А. Я.* Сказания. С. 255.

нечного пункта пути на сей раз назван иранский город Рей, а не Багдад, как у Ибн Хордадбеха. Между тем Ибн ал-Факих приводит еще одну существенную деталь, позволяющую представить себе — пусть и в самых общих чертах — не только конечную, но и исходную точку данного маршрута. Отправлявшиеся в Прикаспье купцы-сакалиба, согласно Ибн ал-Факиху, приходили «от Славянского моря», т. е. откуда-то из Прибалтийских областей. Фигурирующий в этом выражении арабский предлог *мин* может быть переведен как «от», «из» или «через»⁶⁹, что само по себе не дает возможности точно определить, где именно начинался путь — за морем, в Скандинавии, или же в тесно связанных с Балтийской торговлей северо-западных областях Восточной Европы. Однако принимая во внимание, что основным предметом экспорта, по словам и Ибн Хордадбеха, и Ибн ал-Факиха, являлась вывозимая из окраинных славянских земель пушнина, исходную точку данного маршрута следует искать, скорее всего, в Приладожье, которое с конца VIII в. являлось крупнейшим на Севере Восточной Европы международным меховым поставщиком⁷⁰. Таким образом, сообщение Ибн ал-Факиха позволяет предполагать, что ближневосточное направление торговли в IX в. находилось в руках новгородских русов.

В отличие от Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факих не знает никакого иного наименования реки (называемой им «Славянской»), по которой купцы-сакалиба шли от «Славянского моря» к берегам Каспия. «Славянскую реку» Ибн ал-Факиха принято отождествлять либо с Волгой⁷¹, либо с Доном, откуда купцы в районе Переволоки переходили на Нижнюю Волгу⁷². Вряд ли следует проти-

⁶⁹ Варианты перевода: «от Славянского моря» (*Гаркави А. Я.* Сказание. С. 251), «из Славянского моря» (*Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 826), «из моря Славян» (*Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. II. С. 87), «из моря Славянского» (*Новосельцев А. П.* Восточные источники. С. 292), «od Morza Saqlabskiego» (*Lewicki T.* Źródła arabskie. Т. II. Cz. 1. S. 29), «от моря славян» (*Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 75).

⁷⁰ *Кирпичников А. Н.* О начальном этапе. С. 111.

⁷¹ *Lewicki T.* Źródła arabskie. Т. II. Cz. 1. S. 85 (Прим. 96).

⁷² *Калинина Т. М.* Торговые пути. С. 81; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. С. 115, 186.

вопоставлять эти обе точки зрения; ибо рассматриваемый гидроним, скорее всего, обозначал не какую-то конкретную реку Восточной Европы, а служил для наименования всего водного маршрута, по которому меха из окраинных славянских земель доставлялись в низовья Волги. Из Новгородской Руси достичь этой цели можно было двумя путями: по Волге, а также через Оку, Северский Донец и Дон. Согласно археологическим данным, основным вариантом Волжского пути в IX в. был переход по Дону на Волгу, а собственно Волга на всем ее протяжении стала активно использоваться уже в X в.⁷³ Однако и в IX в. путь по Дону на Волгу был не единственным: в частности, выход из Приладожья и Поволжья на Волгу и движение вниз по Волге до Булгара были прочно освоены не позднее середины IX в.⁷⁴ Таким образом, в сообщении писавшего в начале X в. Ибн ал-Факиха могла соединиться информация как об одном, так и о другом вариантах пути, соединявшего Север Восточно-Европейской равнины с Прикаспийскими областями.

Как видно из вышеизложенного, уже наиболее ранние сведения об участии русов в международной торговле показывают, что торговые пути вели из Восточной Европы на юг по двум основным направлениям — к византийским владениям в Крыму и на Ближний Восток (до Багдада и Рея). При этом второе направление было известно восточным авторам куда лучше, чем первое, что, по всей вероятности, следует относить на счет особенностей доступных им источников информации. О землях, находившихся к западу от Волги, арабо-персидские авторы IX — начала X в. располагали лишь сведениями, поступавшими к ним из вторых рук и носившими вследствие этого весьма туманный характер. В X в. арабы узнали о существовании Киева, но без его точной локализации⁷⁵.

⁷³ Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 214.

⁷⁴ Мельникова Е. А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Мат-лы Межд. симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999. С. 81.

⁷⁵ *Viae regnorum: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. P. 225; *Opus*

Днепр же вообще стал известен арабо-персидским авторам лишь в XII в., когда первое упоминание о нем появилось в сочинении ал-Идриси⁷⁶.

geographicum auctore Ibn Haukal ... ed. J. H. Kramers. Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1938. Fasc. II. P. 397.

⁷⁶ *Al-Idrisi. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare student» / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. VIII. P. 12, 909, 912, 913, 921, 957.*

А. В. Лаушкин

К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.)

Слова, вынесенные в подзаголовок статьи, в древнерусском языке полисемантичны. Если пренебречь второстепенными смысловыми оттенками, можно заметить, что в древнейший период они чаще всего тяготеют к одному из трех семантических полюсов. Слово «хрестеяни» может использоваться в чисто религиозном смысле, обозначая членов «тела Христова» (1 Кор. 12: 12–27) — верующих во Христа, следующих (хорошо или плохо) по заповеданному Им пути спасения, чающих «воскресения мертвых и жизни будущего века»¹. В этом случае актуализируется основной — духовный — аспект понятия, речь идет о «качественной» стороне веры. Примером тут может служить самое первое чтение Повести временных лет, где встречается интересующее нас слово: «Мы же, хрестеяне елико земля, иже верують въ Святую Троицу, ...законъ имамъ единь, елико во Христа крестихомся и во Христа облеко-

¹ Именно такой смысл слова комментируется во «Втором каноническом послании к Амфилохию» св. Василия Великого (правило 45): «Иже аще кѣто имя приимъ хрѣстьянства, роугаетъся Христу, несть пользы емоу отъ наречен[и]я» (Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907. Т. 1. С. 492).

хомся»². То же слово в других местах отличает несколько иная смысловая функция. Оно используется в качестве формального социоконфессионального определения, отделяющего христиан от нехристиан не столько по духовному содержанию их жизни, сколько по признаку простой принадлежности к христианскому социуму или субсоциуму. Пример такого словоупотребления можно отыскать в договоре Игоря с греками 944 г., где противопоставляются две части подданных князя — «хрестеяни» и «не хрестеянии»; соблюдать этот договор, согласно летописи, клянутся отдельно «поганые Русь» и «хрестеяная Русь»³. Еще один, третий, вариант употребления слова может быть отнесен к сфере этнонимии или политонимии⁴. Христианство в этом случае понимается как важный (доминирующий) этнический (или государственный) признак, и наименование «хрестеяни» служит допустимой заменой основного этнического или государственного наименования (этнонима или политонима), является частью этнонимической системы⁵. Так, для того же договора 944 г., равно как и для договора 911 г., характерна показательная оппозиция «хрестеянинъ» (в смысле: подданный императора, византиец⁶) — «русинъ»⁷, и это несмотря на то, что среди «русинов» в 944 г. также уже были христиане. Этот последний вариант употребления слова определим как парэтнонимический. В некоторых случаях в языке наблюдается сложение или подчинение выделенных смысловых функций.

Постепенно Древняя Русь усваивает последний вариант словоупотребления, и у слова «хрестеянинъ» в определенных контекстах

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 16.

³ Там же. Стб. 49, 54.

⁴ Термин «политоним» был введен Ю. В. Бромлеем для обозначения наименования населения той или иной страны не по этническому, а по государственному (политическому) признаку (Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 46).

⁵ О этнонимических системах см.: Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // СЭ. 1987. № 4. С. 21–22.

⁶ Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 422.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33–37, 49–53.

появляется особый смысл — «православный, житель Русской земли»⁸. Автор «Слова о погибели Рускыя земли» (XIII в.) уже уверенно использует для обозначения обитателей «земли Руськой», раскинувшейся от половецких степей до Белого моря, такие собирательные понятия, как «крестияньский языкъ» и «крестияне». Причем другого единого наименования для всех жителей Руси он не знает или сознательно избегает, тогда как для обозначения соседних народов (в том числе и христианских) использует четкие этнические определения («угры», «чахи», «ятвяги», «литва», «немцы», «корела», «морьдва», «половоцы» и др.)⁹. В XIV в. наименование «хрестеянь» (крестьян) закрепляется за основной массой русского населения и, видимо, входит в таком качестве в широкий обиход (сохраняясь в русском языке до сегодняшнего дня для обозначения сельских жителей, занятых в аграрном производстве)¹⁰.

Совершенно очевидно, что история усвоения понятия «хрестеяни» как этнического самоопределения (дополнительного эндоэтнонима) имеет непосредственное отношение к становлению и

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1403–1404, 1410; Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 39–40; Мавродин В. В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 165; Новосельцев А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // ВИ. 1989. № 9. С. 31; Даркевич В. П. Единство и многообразие древнерусской культуры (конец X — XIII в.) // ВИ. 1997. № 4. С. 42.

⁹ БЛДР. М., 1997. Т. 5. С. 90.

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1344–1345; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. Т. 2. С. 374; Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 243; Трубочев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 35; Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 323. Со временем эндоэтнонимический характер приобретает и слово «православный» (Русские. М., 1997. С. 650; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 504).

развитию этнического самосознания древнерусской народности. Детали этого процесса изучены еще не в достаточной мере. Между тем письменные источники, дошедшие от первых веков христианства в Древней Руси и представляющие различные жанры словесности (летописание, агиографию, «хожения», гомилетику, гимнографию и пр.), позволяют сделать интересные наблюдения за ранней эволюцией третьего варианта употребления интересующих нас слов. Наиболее отчетливо она прослеживается в памятниках древнейшего летописания, заключающих в себе относительно сохранные летописные тексты XI–XIII вв. Только в Повести временных лет, примыкающих к ней текстах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, а также в Новгородской I летописи (в части до начала XIV в.) изучаемые слова встречаются более двухсот раз. В большинстве случаев при анализе летописных текстов удастся с достаточной долей уверенности определить, к какому (или к каким) из названных семантических вариантов относится смысл того или иного слова в конкретном контексте (хотя порой сомнения в верности сделанной атрибуции все же сохраняются).

1.

В *ПВЛ* по Лаврентьевскому списку (с традиционным восполнением лакуны за 6406/898¹¹ — 6429/921 гг. по Радзивилловской летописи) и в заключительных статьях памятника за 6618/1110–6625/1117 гг., сохранившихся в Ипатьевском списке, отыскивается 66 случаев использования существительного «хрестеянинъ» и прилагательных «хрестеянии»/«хрестьяньскыи»¹². Из них к первому

¹¹ Вслед за цитируемыми изданиями для удобства чтения после летописных дат «от Сотворения мира» проставляются номера лет «от Рождества Христова». При этом следует учитывать, что из-за бытования в Древней Руси различных и при том неянварских стилей летосчисления и нередких для памятников летописания хронологических сбоях эти номера носят сугубо условный характер, представляя собой результат вычитания из летописной даты 5508 лет. Ср.: *Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи* // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72; *Березков Н. Г. Хронология русского летописания*. М., 1963.

¹² В это число не входят 4 случая использования рассматриваемых слов в подборке сочинений Владимира Мономаха, которая была внесена в

вышеназванному варианту употребления можно отнести 30 случаев¹³, ко второму — 5¹⁴. Оставшийся 31 случай требует специально-го рассмотрения.

Для обозначения византийцев («ромеев») исследуемые слова в *ПВЛ* прямо или косвенно применены 19 раз. Практически все случаи данного словоупотребления (за исключением единственного) локализируются в текстах договоров Руси и Византии 911 и 944 гг. и, надо думать, восходят к греческим оригиналам документов. Более последователен в этом отношении договор 911 г. (14 случаев в девяти статьях). Византийская сторона, противостоящая в договоре языческой Руси, выступает под наименованиями, которые выстраиваются в показательные синонимические пары: «грекы»/«хрестьяны», «земля Грецькаа»/«земля Хрестьяньскаа», «греческыи царь (цари)»/«хрестьяньскыи царь»¹⁵. Договор 944 г., фиксирующий появление христиан в среде «русинов», использует конфессионимы для определения византийской стороны уже значительно реже и скорее по недосмотру составителей или переводчиков (4 случая в двух статьях с одной дублировкой), предпочитая этнонимические определения («грекы» и т. п.)¹⁶. Последний (по ходу нашего рассмотрения) случай наименования жителей Византийской империи «хрестянами» встречается в *ПВЛ* под 6374/866 г. в известии о походе Аскольда и Дира на столицу Византии, во время которого «безбожные русь» «много оубииство крестьяномъ створиша»¹⁷. Показательно, что данное известие, включая процитированный оборот, также восходит к греческому источнику — приписываемому перу Симеона Логофета продолжению Хроники Георгия Амарто-

Лаврентьевский список *ПВЛ* кем-то из позднейших редакторов (см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 524–525; *Он же.* «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1940. Т. 4. С. 26–27).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16, 54 («беша варязи хрестянии»), 61, 63, 82, 83, 85, 86, 110, 111, 118, 121, 125, 131, 135, 138, 151, 153, 170, 180, 233; М., 1962. Т. 2. Стб. 264, 268.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 49, 53, 54 («хрестяную Русь»).

¹⁵ Там же. Стб. 33–37.

¹⁶ Там же. Стб. 49–53.

¹⁷ Там же. Стб. 21.

ла¹⁸. Таким образом, все случаи использования конфессионимов вместо этнонимов или политонимов для обозначения византийцев в *ПВЛ* должны рассматриваться как следствие инфильтрации из греческой языковой практики.

Обратимся к оставшимся 12 случаям употребления интересующих нас слов в *ПВЛ*.

Первый из них встречаем в некрологической похвале Ольге под 6477/969 г., где говорится, что княгиня «бысть предътекущая *крестьяньстеи земли*» (такое же чтение, судя по Комиссионному списку Новгородской I летописи, имелось и в Начальном своде 90-х гг. XI в.¹⁹). В слове «крестьяньская» здесь актуализирован прежде всего духовный смысл, но одновременно, будучи сопряжено со словом «земля», это прилагательное имеет и характер этно-географического указания: «крестьяньская земля» — это Русь после крещения, противопоставляемая в некрологе Руси языческой. Автор подчеркивает, что Ольга первой «вниде в Царство Небесное *от Руси*» и ее «хвалят *рустие сынове* аки началницю»²⁰. Схожее словоупотребление, забегая вперед, обнаруживаем и в другой погребальной похвале — преподобному Феодосию Печерскому (под 6599/1091 г.). Святой, говорится в ней, после своей смерти молится «за порученное ему стадо (т. е. за братию монастыря. — А. Л.) и за *люди хрестьяньския, за землю Русьскую*»²¹. Было бы неверным говорить, что между «людьми хрестьяньскими» и «землей Русьской» здесь стоит знак равенства²², но связь между этими понятиями, сближаемыми и в других местах *ПВЛ* (см. ниже), уже налицо.

¹⁸ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 48. Ср.: Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. С. 511; Пг., 1922. Т. 2. С. 11.

¹⁹ НПЛ. С. 120; Шахматов А. А. Разыскания. С. 12–15 и сл.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 68.

²¹ Там же. Стб. 213. См. также аналогичный оборот в Киево-Печерском патерике: «...за порученное ему стадо и за вся православныя христианы, и за землю Рускую» (БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 330).

²² В *ПВЛ* несколько раз встречаются обороты, в которых под «христианами» имеются в виду именно русские христиане, крестившиеся русские, но на первый план выдвигается не этногеографический, а духовный

Следующий случай (так же, как и первый, имеющий соответствие в Начальном своде²³) находится под 6568/1060 г. в известии о походе трех князей Ярославичей и князя Всеслава Брячиславича на торков. Испугавшись огромной русской рати, «торци... пробегоша... и помроша бегаючи, Божьимъ гневомъ гоними». «Тако, — заключает летописец, — Богъ избави хрестьяны от поганыхъ»²⁴. Здесь впервые русская сторона определена в рамках оппозиции «мы»/«наши» — «степняки» с помощью конфессионима «хрестьяны».

Рассказывая о русско-половецких отношениях, ПВЛ дает еще несколько ярких примеров подобного словоупотребления. Под 6601/1093 г., рассуждая о тяжелых поражениях, которые потерпели дружины киевского, черниговского и переяславского князей от половцев, летописец сетует, что после всего случившегося «на хрестьяньсте роде страхъ и колебанье, и беда оупространися». «Хрестьяньский род» здесь — это жители русских городов и сел, пострадавшие от половецких набегов. Продолжая повествование, летописец сообщает, что половцы угнали в плен «многого роду хрестьяньска»²⁵ и что по пути пленники переговаривались, «глаголюще: „Азъ бехъ сего города“, и други: „А азъ — сея в[ъ]си“; тако съупрашаются со слезами, родъ свои поведающе и въздышюче, очи возводяще на небо к Вышнему, сведущему тайная»²⁶. Под 6603/1095 г. о половцах сказано, что они «губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливають»²⁷ бесперестани» (сходное чтение имеется и под 6611/1103 г.); под 6604/1096 г. содержится провиденциальная констатация, что половцы, повоевавшие южные пре-

смысл. Эти случаи были отнесены к первому варианту употребления. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121 («людые хрестьяньсти»), 138, 153.

²³ НПЛ С. 183.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163.

²⁵ В Ипатьевской летописи этих слов нет (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 216).

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223, 225.

²⁷ Со временем выражение «пролити кровь (христианскую)» превратится в литературное клише (см.: Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 234), что указывает на формирование симптоматичного языкового стереотипа.

делу Руси, ворвавшиеся в Киев и разорившие Печерский монастырь, «пущени... на казнь *хрестьяномъ*»; под 6619/1111 г. в известии о крупнейшем походе русских князей на половцев летописец замечает, что степняки «падаху предъ *хрестьяны*... предъ *рускими* князи и вои»²⁸. Менее четкие, но типологически сходные с только что приведенными, примеры такого же словоупотребления отыскиваются в известиях о использовании князем Олегом Святославичем половецких отрядов для решения внутривосточных проблем (под 6586/1078 и под 6602/1094 гг.)²⁹.

Таким образом, примерно с конца XI в. (не позднее времени возникновения Начального свода) в контексте рассмотрения русско-степных отношений в книжной речи возникает устойчивое употребление слов «хрестяни» и «хрестьянский» для обозначения жителей Руси. Данное словоупотребление еще практически не выходит за рамки оппозиции «мы»/«наши» — «степняки» и носит, таким образом, ситуативный характер. Сама по себе такая ситуативность не представляет чего-то аномального и в той или иной степени присуща практически всем этносам и всем эпохам³⁰, указывая на значимость в конкретных условиях тех или иных факторов самоотождествления. В данном случае картина весьма показательна: несмотря на то, что Русь окружена множеством нехристианских (в основном — языческих) народов, конфессиональный аспект самоидентификации актуализируется прежде всего на том направлении, где имеет место тяжелая кровопролитная борьба с иноверными соседями (торками, затем половцами). Причем наиболее часто русские определены с помощью изучаемых слов в тех случаях, когда описывается нападение степняков на Русские земли.

Оборотную сторону того же явления отражают определения, которыми летописцы конца XI — начала XII в. (закладывая устойчивую традицию) наделяют степных недругов Руси. Эти определения также имеют конфессиональную природу: «поганые» — языч-

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227, 234, 279; Т. 2. Стб. 267.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200, 226.

³⁰ Ведюшкина И. В. Формирование коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 309.

ники³¹; «безбожные» — не знающие Бога; «безаконьнии» — не подчиняющиеся нравственным и обрядовым установлениям христианства³²; «сынове Измаилеви» — нечестивые потомки праотца Авраама, отступившие от Бога; и др.³³

Одновременно некоторые этнонимы, обозначающие нехристианские народы (к примеру, — волжских булгар), уже в период сложения *ПВЛ* начинают приобретать в языке конфессиональный оттенок³⁴, что еще раз указывает на устойчивый характер зародившейся в это время диффузии между сферами этнонимии и конфессионимии³⁵.

Без сомнения, акцентировка религиозных различий в ситуации нестихающего (и даже усиливавшегося в последние десятилетия XI в.) межэтнического конфликта была явлением совершенно естественным и даже неизбежным. Ясно и то, что такое положение дел не могло не усиливать конфессиональный фактор формирования этнического самосознания древнерусского общества, подготовленного уже к восприятию подобных идей столетием распространения христианства.

³¹ Следует согласиться с Е. Ч. Скржинской, что это слово, когда оно использовалось по отношению к кочевникам, было не только конфессионимом, но и «порицательным... прозвищем» (*Скржинская Е. Ч. Половцы: Опыт исторического истолкования этника* // ВВ. М., 1986. С. 259. Примеч. № 18).

³² *Словарь древнерусского языка (X–XIV вв.)*. М., 1988, Т. 1. С. 121–122.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 139, 163, 167, 168, 172, 200, 222–224, 226, 233, 234 и др.; Т. 2. Стб. 263–264 и др. См. также: *Kappeler A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur Ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl*. Stuttgart, 1986. S. 129–131.

³⁴ См.: *Верещагин Е. М. Образ волжских болгар «вѣтры бохмичѣ» в древнерусской книжности // Славяне и их соседи: Этно-психологический стереотип в Средние века. (Сборник тезисов.)* М., 1990, С. 25.

³⁵ Аналогичное явление со временем затронет и католические народы. Так, Киево-Печерский патерик противопоставляет «варягов» (приверженцев «латиньской буести») «христианам», т. е. православным (БЛДР. Т. 4. С. 300), а Новгородская I летопись под 6907/1399 г. называет католичество «лятской верой» (НПЛ С. 395).

2

Перейдем к рассмотрению летописных текстов XII в. и начнем с южнорусского летописания, отложившегося посредством Киевского свода 1198 г. под 6626/1118–6708/1200 гг. в Ипатьевской летописи (далее — *ИЛ*). В указанных погодных статьях встречаются 63 случая использования изучаемых слов. Распределение их по семантическим группам в ряде эпизодов затруднено недостаточной ясностью контекста или присутствием смысловых полутонов. К первому (духовному) варианту употребления с большей или меньшей уверенностью можно отнести 15 случаев³⁶. Остальные 48 случаев требуют специального рассмотрения.

В рамках уже знакомой оппозиции «мы»/«наши» — «враги» слова «хрестеяни» и «хрестьяньский» для обозначения русской стороны использованы 23 раза, причем «хрестеянам» в этом смысле противопоставляются уже не только язычники-половцы (как — вместе с торками — в *ПВЛ*), но и мусульмане-булгары (2 случая в одном известии)³⁷, а также (косвенно) языческие племена, докучающие Новгороду³⁸. Впрочем, именно половцы остаются в Киев-

³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387, 444, 453, 531, 541, 552–553, 559 («...Богородицу, скорую помощницу роду крестьяньскому»), 561, 565 («хрестьяньская молитва»), 574, 591 («...и до всего хрестьянства, и до всея погани» — условно; «истинное хрестьянство»), 594, 649.

³⁷ Там же. Стб. 565 («хрестьяны покры рукою своею»), 566. Именно с XII в. к булгарам начинают прилагаться летописцами и негативно-конфессиональные эпитеты (см.: Kappeler A. O Ethnische Abgrenzung. S. 130–131), подобные тем, какие ранее использовались только по отношению к степнякам, речь о чем шла выше.

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607–608, 610–611. Летопись рассказывает, что, сделавшись новгородским князем, Мстислав Ростиславич Храбрый совершил удачный поход против «поганных» чуди и намеревался продолжить наступление на других язычников — соседей Новгорода («хотя на все стороне поганья»), но скончался. Далее следует некролог, в котором автор хвалит покойного, что он всегда был готов умереть «за Роускою землю и за хрестьяны», в том числе и освобождая последних из плена «поганных». Учитывая предшествующий рассказ о борьбе князя с «поганой» чудью, следует думать, что оборот «Роуская земля» использован тут летописцем в широком значении (хотя выше он употребляет его явно в узком — ср.: Стб. 606–607), и под противопоставленными «хрестьянам»

ском своде тем народом, которому русские противопоставлены с помощью изучаемых слов в подавляющем большинстве случаев. Хотя в статьях памятника за первую половину XII в. половцы упоминаются регулярно (в основном — как участники княжеских междоусобий), все указанные случаи приходятся на вторую половину века, т. е. относятся ко времени нового обострения русско-половецких отношений³⁹. Причем чаще всего интересующие нас чтения встречаются в известиях о набегах половцев на Русские земли или походах князей против них, и лишь в редких случаях — в сообщениях о княжеских войнах с участием половцев (в последнем случае ответственность за действия кочевников летописцы, видимо, возлагали в основном на их союзников-князей, как это делали авторы *ПВЛ*⁴⁰). Все это лишний раз указывает на важную роль межэтнических конфликтов в формировании негативного образа соседа.

Половцы определяются в летописи как «врази» «правовернымъ *крестьянѣмъ*» и не «единемъ *крестьяномъ*, но и самому Богу» (под 6686/1178 г.)⁴¹. Часто упоминаются «хрестьяны»/«души крестьяные»; попавшие в половецкий плен или освобожденные из него (под 6660/1152, 6678/1170, 6680/1172, 6685/1177, 6686/1178, 6688/1180, 6693/1185 гг.)⁴². Киевский князь Мстислав Изяславич на княжеском «снеме» (под 6678/1170 г.), к примеру, так обращается к «братии»: «пожалте си о *Рускои земли* и о своей отчине и дедине, оже (половцы. — *А. Л.*) несуть *хрестьяны* на всяко лето оу веже свои...». Князья выражают готовность умереть за обитателей своих отчин и дедин: «а намъ даи Богъ за *крестьяны* и за *Рускую землю* головы свое сложити и къ мученикомъ причтенomъ быти»⁴³. Аналогичный оборот встречается и в некрологической похвале князю

«погаными» имеются в виду не только половцы, но и соседи Новгорода, которых автор некролога первым из летописцев (насколько позволяют судить сохранившиеся источники) назвал «погаными».

³⁹ См.: Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 112–116.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200, 226.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612.

⁴² Там же. Стб. 460, 538, 540, 559, 605, 611, 623, 648.

⁴³ Там же. Стб. 538.

Мстиславу Храброму под 6686/1178 г., где выражение «Руская земля» явно используется в широком смысле, и «хрестьяне», таким образом, оказываются собирательным понятием для всех жителей Руси⁴⁴. Рассматриваемые слова употребляются для обозначения русских и при упоминании Божьей помощи, полученной ими в борьбе с половцами и булгарами (под 6680/1172, 6681/1173, 6682/1174, 6691/1183, 6704/1196 гг.)⁴⁵. Красочные примеры содержит летописный рассказ о походе на половцев князя Игоря Святославича (под 6693/1185 г.). Игорь, захваченный на поле боя степняками, кается в своих грехах, из-за которых его постигли страшные наказания Божьи — поражение и плен, — и вспоминает, как годом раньше во время междоусобного набега на соседнее княжество он разгромил городок Глебов: «...много оубииство, кровопролитье створихъ в земле *крестьяньстей*, яко же азъ не пощадехъ *хрестьянь*, но взяхъ на щит городъ Глебовъ оу Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиннии *хрестьяни*...» Прямой межэтнической оппозиции тут нет, но «земля крестьянская», частью которой является Глебов, в контексте описываемой ситуации недвусмысленно противопоставляется Половецкой земле, в которую «моужъ именемъ Чилбоукъ» ведет плененного князя⁴⁶.

Противопоставление русских их соседям с помощью изучаемых слов на анализируемом участке *ИЛ* не ограничивается рассмотренным словоупотреблением (как это было в *ПВЛ*). В 7 случаях существительное «хрестяени» и прилагательное «хрестяении» обозначают русскую сторону не в рамках оппозиции «мы»/«наши» — «враги», а при упоминании нехристиан, состоящих в подданстве у русских князей или союзничающих с ними. Из-за почти полного⁴⁷ совпадения конфессиональных и этнических границ определяемых сообществ

⁴⁴ Там же. Стб. 610–612.

⁴⁵ Там же. Стб. 559, 565–566, 569, 632, 700.

⁴⁶ Там же. Стб. 643–644. См. также сходный случай: Стб. 545.

⁴⁷ Говорить о полном совпадении не позволяют говорить факты крещения в XII в. некоторых представителей кочевого мира (см.: Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 224–225), однако, без сомнения, этот процесс носил ограниченный характер и основная масса соседствующих с Русью кочевников оставалась языческой.

данное словоупотребление занимает промежуточное положение между вторым (формально-социальным) и третьим (параэтнонимическим) вариантами использования исследуемых слов. Так, под 6654/1146 г., описывая борьбу переяславского князя Изяслава Мстиславича за Киев, летописец выделяет две группы присягнувших князю людей — «хрестьяныя и поганыя», разумея под первыми (как это следует из контекста) киевлян, белгородцев, васильевцев и переяславцев, а под вторыми — черных клобуков и «все Поросье». В той же летописной статье описывается «рать» переяславского и черниговских князей на Новгород-Северский, в которой приняли участие русские и берендеи; приступ к городу начался с того, что князь «пустиша стрелце свои къ градуу — и хрестьяныя; и берендея»⁴⁸. Этнонимический подтекст прилагательного «хрестеянии» здесь подчеркнут его противопоставлением этнониму «берендеи». Аналогичные примеры встречаем и в летописных статьях 6657/1149, 6659/1151 и 6702/1194 гг.⁴⁹. Не приходится сомневаться, что совместное проживание с инородцами-язычниками («своими погаными», расселявшимися на южной окраине Руси, а также другими некрещеными племенами) также оказывало влияние на развитие конфессиональной составляющей этнического самосознания древнерусской народности.

Оставшиеся нерассмотренными 18 случаев употребления изучаемых слов в Своде 1198 г. составляют единую группу, и при том совершенно новую по отношению к *ЛВЛ*. В рамках этой группы слова «крестеяни» и «крестьяньскыи» используются для обозначения жителей Русских земель вне противопоставления «поганым», т. е. в качестве самодостаточных определений. При этом интересно, что в большинстве случаев примеры такого рода встречается не в авторской речи летописцев, а в «речах» героев повествования — князей (13 раз) и духовных лиц (2 раза). Это дает основание предполагать широкую распространенность данного словоупотребления (по крайней мере, в этикетно-дипломатическом языке с его устойчивыми речевыми конструкциями⁵⁰). Наиболее раннее чтение

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323, 331.

⁴⁹ Там же. Стб. 373, 419, 681.

⁵⁰ По наблюдениям Д. С. Лихачева, летописцы стремились к дословной точности при передаче посольских «речей» (Лихачев Д. С. Русский

рассматриваемой группы находится под 6636/1128 г. в рассказе о едва не вспыхнувшей «каторе» между киевским князем Мстиславом Владимировичем и черниговским князем Всеволодом Ольговичем. Мстислав должен был начать боевые действия, выполняя крестоцеловальную клятву, данную им ранее дяде Всеволоду муромскому князю Ярославу Святославичу. Однако игумен Андреевского монастыря Григорий сумел убедить Мстислава, что нарушение «хрестьного целования» есть меньшее зло, «неж[ели] *кровь* пролити *хрестьянскую*». Ясно, что под «хрестьянами» игумен разумел христиан вообще, но одновременно и потенциальных участников конфликта — киевлян, переяславцев, муромцев и черниговцев⁵¹. Упоминание пролития «хрестьяньской» крови в сходных контекстах встречаем еще несколько раз: под 6657/1149 г. суздальский князь Юрий Долгорукий предлагает мир киевскому князю Изяславу Мстиславичу и призывает его не проливать «*крови хрестьяньскы*»; под 6659/1151 г. киевский князь Вячеслав Владимирович, на стороне которого выступает брат его соправителя смоленский князь Ростислав Мстиславич и некоторые другие князья, пытается предотвратить столкновение с Юрием Долгоруким и черниговскими Ольговичами и выступает с тем же призывом (ситуации в обоих случаях осложнены присутствием в составе противоборствующих коалиций кочевников, но этот момент в летописных отчетах о переговорах не акцентируется); под 6667/1159 г. черниговский князь Святослав Ольгович указывает на свое прежнее смирение («не хотя *крови* пролити *хрестьяньски*») и упрекает киевского князя Изяслава Давыдовича в вероломстве; под 6685/1177 г. — князья Роман и Рюрик Ростиславичи, «не хотяче губити *Руской земли и крестьянской крови* проливати», без боя уступают Киев черниговскому князю Святославу Всеволодичу (который, правда, уже пригласил себе на помощь половцев); под 6703/1195 г. — митрополит Никифор примиряет киевского князя Рюрика Ростиславича с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо, говоря при этом так: «...мы есмы приставлены в Роуской земле от Бога

посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 142, 146–149, 152–153) и, конечно же, хорошо представляли себе их ключевые формулы.

⁵¹ ПСРЛ, Т. 2. Стб. 291.

востягивати вас от кровопролитья, ажь ся прольяти *крови крестьяньской в Роуской земле*» (здесь обращает на себя внимание употребление топонима «Руская земля» в безусловно широком значении)⁵². В княжеских «речах» при описании мирных переговоров часто встречается еще одна устойчивая формула: «*Руских дея земля и хрестьян дея*». Ради «Руских земель»/«Руской земли» и населяющих их «хрестьянь» мирятся Ольговичи и Мстиславичи (под 6656/1148 г.), готов к миру с киевским князем Изяславом Мстиславичем князь Юрий Долгорукий (под 6657/1149 г.), другой киевский князь, Вячеслав Владимирович, желает замирииться с Юрием Долгоруким и Ольговичами (под 6659/1151 г.)⁵³; «*хрестьяных дея душъ, а бышь не погинули*», готов отступить от Чернигова в пользу князя Изяслава Давыдовича князь Святослав Ольгович (под 6663/1155 г.)⁵⁴. Находим и другие случаи того же словоупотребления. Под 6656/1148 г. в описании уже упоминавшихся мирных переговоров между Ольговичами и Мстиславичами содержится показательная оппозиция «*Роускою землю гоубити*» — «*хрестьян блюсти*» (ниже встречается синонимичный оборот «*Роуской земли блюсти*»)⁵⁵. Под 6657/1149 г. о князе Андрее Боголюбском, склоняющем отца к миру с князем Изяславом Мстиславичем, сказано: «сущю бо ему милостиву на свой родъ (князей Рюриковичей. — *А. Л.*), паче же — на *крестьяны*»⁵⁶.

Как видим, приложение к жителям Русских земель собирательного определения «хрестьяне» и производных от него вне оппозиции иноплеменникам-иноверцам имеет на данном отрезке *ИЛ* систематический характер. «Хрестьяне» в приведенных случаях — это «свои» для летописца люди, подданные русских князей. Конечно, в процитированных местах исследуемое понятие еще не имеет прямого этнонимического смысла, связь между ним и часто встречающимся рядом понятием «Русская земля» носит скорее корреляционный характер. Однако тут уже налицо то сформировавшееся культурное «ощущение», из суммы которых и вырастает, в конеч-

⁵² Там же. Стб. 380, 429, 431, 500, 605, 684.

⁵³ Там же. Стб. 365–366, 380, 429–431.

⁵⁴ Там же. Стб. 478.

⁵⁵ Там же. Стб. 364, 366.

⁵⁶ Там же. Стб. 392.

ном счете, этническое самосознание⁵⁷. Христианская вера осознается как важнейший атрибут обитателей Руси, делающий недопустимым пролитие их крови. В этой связи показательно, что автор «Слова о князьях» (XII в.) стыдит потомков Рюрика за то, что они поднимают руку не только «на братию», но и на «единоверники своя»⁵⁸, а епископ Серапион (XIII в.), призывая владимирцев быть милостивыми к каждому из «братии своеи», будь то «велможа или простыи», воскликнет: «Не таков же ли человекъ, яко же и ты? *Не зверь есть, ни иноверец!*»⁵⁹. (Тут уместно вспомнить и преподобного Феодосия Печерского, который просил Бога обратить язычников «на крестьянство», после чего, по его убеждению, они станут «братья наша»⁶⁰.)

Обратимся к Лаврентьевской летописи (далее — ЛЛ), которая на участке с 6619/1111 г. до середины 50-х гг. XII в. отразила в основном южнорусское летописание, а начиная со второй половины 50-х гг. и до начала XIII в. — по преимуществу летописание князей «Суждальской земли». В этих рамках находятся 22 случая использования изучаемых слов, из них 13 — в составе текстов, параллельных с ИЛ⁶¹. Из 9 оригинальных случаев к первому (духовному) варианту употребления можно отнести 7⁶². 8-й случай принадлежит к третьему (параэтнонимическому) варианту и находится под 6644/1136 г. в составе южного по происхождению известия (подступивших к Киеву и готовых напасть на город Ольговичей летописец обвиняет в желании «прольяти кровь... *хрестьянскую*»; на стороне Ольговичей воюют половцы, но на этом внимание читателя не заостряется)⁶³. Последний, 9-й случай читается под 6693/1185 г. в рассуждении по поводу крупного пожара в г. Владимире. Летописец цитирует поучение из ПВЛ о нашествии полов-

⁵⁷ См.: Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 441.

⁵⁸ БЛДР. Т. 4. С. 228.

⁵⁹ БЛДР. Т. 5. С. 384.

⁶⁰ БЛДР. Т. 1. С. 452.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297, 325–326, 339, 355–356, 361, 362, 364, 370.

⁶² Там же. Стб. 310, 367, 392, 393 («хрестьяномъ бо»), 396, 400, 412.

⁶³ Там же. Стб. 304.

цев на Киев в 1193 г. и в том числе фразу: «...на хрестьяньске роде страх и колебанье, и беда оустранися [упространися]»⁶⁴. Однако если в *ПВЛ* контекст позволял разглядеть в выражении «хрестьяньский род» определенный этнонимический оттенок (см. выше), то здесь он отсутствует (хотя ясно, что речь идет именно о жителях погоревшего города).

В новгородском летописании XII в., как оно сохранилось в старшем изводе Новгородской I летописи (далее — *НПЛст*), отыскивается 8 случаев использования интересующих нас слов. Из них 6 относятся к первому варианту употребления⁶⁵, 2 — к третьему (вне оппозиции «хрестьяне» — иноплеменики-иноверцы). Под 6688/1180 г. летописец описывает междоусобье, в ходе которого с одной стороны выступают черниговцы, новгородцы и половцы во главе с князем Святославом Всеволодовичем, с другой — «суждальци», рязанцы и муромцы во главе с князем Всеволодом Юрьевичем. Рати сходятся на берегах р. Влены, имеют место отдельные стычки, но до генерального сражения дело не доходит — «Богъ своею милостью боле *кръве* не проляя *кръстьяньстей*»⁶⁶. Аналогичное чтение имеется и под 6706/1198 г., где описывается конфликт между Новгородом и Полоцком и сказано, что «Богъ... не вда *кръви* пролитья *крестьяномъ межи собою*»⁶⁷.

Приведенный материал может быть дополнен чтениями из внелетописных памятников XII в., в которых встречается третий вариант употребления исследуемых слов.

Первый тип этого употребления — в рамках оппозиции с иноверцами — встречается в «Чюде святого Николы о половчине»⁶⁸ и «Слове о полку Игореве».

⁶⁴ Там же. Стб. 393. Ср.: Стб. 223.

⁶⁵ НПЛ. С. 29, 36, 40, 42, 44 (везде в рамках клише «церковь»/«монастырь» — «крестьяномъ прибежище»/«радость крестьяномъ»).

⁶⁶ Там же. С. 36. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618–619.

⁶⁷ НПЛ. С. 44.

⁶⁸ Памятник точно не датирован, но упоминание в нем половцев и наименование жителей Руси людьми, «новопознавшими» Бога (см.: *Леонид (Кавелин)*). Посмертные чудеса святителя Николая. Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой

В «Чюде» рассказывается о том, как некий киевлянин согласился отпустить своего пленника-половца, если тот пообещает перед иконой св. Николая принести за себя положенный выкуп. Получив свободу, «половчин» забыл о данном слове, но после вмешательства святого был вынужден исполнить его. Думая или рассуждая о своем бывшем господине, кочевник называет его то «русином», то (чаще) «христианином». Соплеменники половца используют только последнее определение, а христианский Бог для них — это «Богъ руский»⁶⁹. Нарисованная автором «Чюда» картина представлений половцев о русских, в которой этнические и конфессиональные признаки оказываются тесно переплетены, отразила, по всей видимости, прежде всего его собственное понимание существа дела. Следует отметить, что использование слова «русский» в качестве замены понятия «христианский» встречается еще в одном древнерусском памятнике, возникшем примерно в одно время с «Чюдом». Речь идет о Пространной редакции «Устава князя Ярослава», одна из статей которой строго запрещает связь христианки («руской») с иудеем или «бесерменином»⁷⁰.

В «Слове о полку Игореве» последовательно проводится противопоставление «рускихъ сыновъ» «поганым» половцам, и это скрытое конфессиональное противопоставление раскрывается в

Лавры № 9) // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1888. Т. 72. С. 53) свидетельствуют в пользу его древности. Составители перечня «Древнерусские письменные источники X–XIII вв.» (М., 1991) относят «Чюдо» к концу XI–XII в. (с. 22).

⁶⁹ Леонид (Кавелин). Посмертные чудеса святителя Николая. С. 48–51. См. также: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 119–120.

⁷⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 88 (ст. 19). О датировке памятника в целом и процитированной статьи см.: Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 255–257. Не исключено, что с течением времени некоторый конфессиональный оттенок приобрело и выражение «Русская земля» (см.: Успенский А. Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли». (К вопросу о месте написания и времени присоединения его к «Житию Александра Невского») // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 114, 117).

последних строках поэмы: «Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки!»⁷¹. Контекст памятника не оставляет сомнения, что «христьяны» тут — это и есть «русские сыны», жители всех Русских земель.

Второй тип интересующего нас словоупотребления — без соотнесения с иноверцами — отыскивается у игумена Даниила, автора «Хоженья» в Святую землю. Даниил, называющий себя «игуменом... Руския земля» и устанавливающий на Гробе Господнем лампаду «от всея Русьския земля», во время своего паломничества не забывает поминать имена «князь русских и княгинь, и дети ихъ, епископъ, игумень, и боярь, и дети мои духовных, и всех християнъ», усердно молился «за князи русския и за вся християны»⁷². В обоих случаях Даниил прибегает к существительному «християны» для обозначения не христиан вообще, а именно жителей Русской земли (при том что при необходимости он употребляет это слово и в других смыслах, а для своих единоплеменников знает и этнонимическое определение — «русьстии сынове»⁷³). Интересно, что в первом процитированном фрагменте (который отдаленно напоминает перечисление лиц и групп в богослужебных текстах — некоторых ектеньях и др.⁷⁴) «християне» у Даниила выступают как бы синонимом понятия «люди»⁷⁵, они отделены от князей, бояр и высшего духовенства. Из-за этого слово приобретает некоторое социальное звучание, которое постепенно будет закрепляться в языке как один из вариантов смысла⁷⁶.

⁷¹ БЛДР. Т. 4. С. 266.

⁷² Там же. С. 26, 108, 116.

⁷³ См.: там же. С. 34, 36, 50, 56, 78, 98, 114.

⁷⁴ См.: ОР ГИМ. Син. 605. Служебник, нач. XIV в. / [Фототипическое воспроизведение. Б/м, б/г.] Л. 10 об., 29 об. — 30 об., 39–39 об. (ср.: Георгиевский А. И. Чинопоследование Божественной литургии. М., 1951. С. 27, 40, 49, 68–69, 83). Та же схема используется и в молитве «за вся крестьяны» преп. Феодосия Печерского (см.: БЛДР. Т. 1. С. 452).

⁷⁵ Ср. с договором 944 г.: «...послании от Игоря, великого князя Рускаго, и от всякоя княжъя и от всехъ людии Руския земля» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47).

⁷⁶ Сходное звучание, но уже без этногеографического подтекста, встречаем у Кирилла Туровского (XII в.), который вкладывает в уста не-

И первый, и второй типы разбираемого словоупотребления встречаются в сочинениях Владимира Мономаха (конец XI — начало XII в.). В своей «автобиографии», рассказывая о нападении на Чернигов князя Олега Святославича «с Половечьскою землею», он пишет, что решил уступить, «сѣжаливѣси *хрестьяных душъ* и сель горящих», т. е. — о жителях Черниговской земли, разоряемой «погаными»⁷⁷. В письме к Олегу Святославичу Мономах называет «христианами» страдающих от княжеских ссор жителей Русских земель, не противопоставляя их при этом кочевникам: «...не хочу я лиха, но добра хочу братьи и *Русьскеи земли*... Оже ли кто вас (князей. — А. Л.) не хочетъ добра, ни мира *хрестьяном*, а не буди ему от Бога мира оузрети...»⁷⁸.

Таким образом, летописание XII в., как и некоторые литературные источники этого времени, фиксирует расширение диапазона паразитонимического использования слов «хрестеяни» и «хрестеяньский». Причем основные изменения наблюдаются в памятниках Южной Руси — зоны активных контактов со степняками-язычниками. Южнорусские летописцы уже не ограничиваются противопоставлением «хрестьян»-русских одним только половцам (при описании непосредственных конфликтов с ними), но в некоторых случаях распространяют эту языковую практику и на других соседей — как на тех, с которыми обитателям Руси приходится воевать (булгар, некоторые финские племена), так и на тех, с которыми у русских князей складываются в целом партнерские отношения

радивому схимнику, нарушившему пост, такое оправдание: «Крестьяне звали, а паки заговею!» (БЛДР. Т. 4. С. 200). Здесь «крестьяне» — это миряне, невольно искушающие инока. Еще более выражен социальный подтекст этого слова в «Наказании» тверского епископа Семена (вторая половина XIII в.). Порицая князя, который дает власть «лиху человеку губити *люди*», Семен восклицает: «Будет ли князь без Божия страха, *хрестьян* не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицами не печалуеть, — поставляет тивуна или коего волостеля, человека зла...» (БЛДР. Т. 5. С. 394).

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249.

⁷⁸ Там же. Стб. 254–255. К паразитонимическому варианту, видимо, относится и употребление интересующего нас слова в начальной (дефектной) фразе «Поучения», где Мономах говорит о спасении «от всех бедъ» множества «хрестьяных людии» (Там же. Стб. 241).

(«своих поганных»). Границы, вдоль которых в сознании летописцев происходит конфессиональное размежевание с соседними народами, начинают, таким образом, постепенно расти. На усиление конфессионального фактора самоотождествления указывает и новая практика обозначения русских с помощью изучаемых слов как самодостаточных определений. Причем вслед за книжниками Юга тут осторожно следуют и новгородские летописцы, пока еще в общем равнодушные к конфессиональной терминологии размежевания.

3.

Рассмотрение летописания XIII в. начнем с Лаврентьевской летописи, включающей на участке от начала столетия до статьи 6813/1305 г. (где *ЛЛ* заканчивается) главным образом тексты северовосточного происхождения (с доминированием ростовских и владимирских), а также вкрапления из летописных памятников других регионов. В указанных границах (с восполнением лакун *ЛЛ* за 1263–1283 и 1287–1294 гг. по Симеоновской летописи⁷⁹) исследуемые слова встречаются 35 раз. Из них 17 можно отнести к первому (духовному) варианту употребления⁸⁰, оставшиеся 18 — к третьему (параэтнонимическому). В их числе вне оппозиции врагам-иноверцам для обозначения жителей Руси слово «хрестьяне» употреблено 1 раз (под 6713/1205 г. князь Всеволод Большое Гнездо отказывается от междоусобья на Юге «хрестьянь деля»⁸¹); в рамках названной оппозиции слова используются 17 раз. Таким способом русские противопоставлены половцам (под 6710/1202, 6713/1205, 6731/1223 гг.)⁸², пришедшим на смену им монголо-татарам (под

⁷⁹ Возможность такого восполнения была доказана М. Д. Приселковым (см.: *Приселков М. Д. «Летописецъ» 1305 г. // Века. Пг., 1924. Т. 1, С. 30; Он же. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Ученые записки ЛГПИ. 1939. Т. 19. С. 192, 195; Он же. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 151–154).*

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420 («роду хрестьяньскому», «всякыи хрестьяныи»), 425, 439, 449, 452, 461–462, 464 («по правоверней вере хрестьянстей»), 465, 468–469, 476 («хрестьяном велику досаду»), 488.

⁸¹ Там же. Стб. 421.

⁸² Там же. Стб. 418, 420 («радость велика всем хрестьяном Русской земли»), 446. В Летописце Переяславля Суздальского есть еще одно чте-

6745/1237, 6746/1238, 6771/1263, 6783/1275, 6786/1278, 6789/1281, 6791/1283 гг.)⁸³, откупщикам ордынской дани — «бесурменам» (под 6770/1262 г.)⁸⁴, а также литве (под 6733/1225, 6793/1285 гг.)⁸⁵, чего раньше в летописании не было. Почти во всех этих случаях речь идет о конфликтных ситуациях или их прямых последствиях. Обороты, в которых встречается данное словоупотребление, аналогичны процитированным выше (см. § 2).

На рассматриваемом отрезке *ЛЛ* отдельного упоминания заслуживает известие под 6737/1229 г. о «страсти новаго мученика Христова» (Авраамия). Авраамий, говорится в летописи, прибыл по торговым делам в Волжскую Булгарию; болгары захватили его, принуждали «отвергнися Христа и веры хрестьяньскыя», но он «не покорися», за что был убит. Приступая к рассказу о подвиге святого, летописец указывает, что Авраамий «бысть иного языка, не рускаго, хрестьян же сы»⁸⁶. В слове «хрестьян» здесь актуализирован прежде всего духовный смысл, однако фраза в целом заклю-

ние такого рода, отсутствующее в *ЛЛ*, — под 6714/1206 г. в известии об удачном походе рязанских князей на половцев говорится, что рязанцы «христианъ немало отполониша и пустиша ихъ въсвоися» (ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 127).

⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464 («на хрестьяньске роде страх и колебанье, и беда оупространися»), 466, 467; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 72, 74, 76, 78, 79. То же встречаем и в «Повести о житии» Александра Невского (БЛДР. Т. 5. С. 368).

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476 («въ сердца крестьяномъ», «души крестьяньскыя раздно ведоша»).

⁸⁵ Там же. Стб. 448, 483. Показательно, что примерно с этого же времени по отношению к литве летописцы начинают использоваться негативно-конфессиональные эпитеты, что также не встречалось ранее (Kappeler A. *Ethnische Abgrenzung*, S. 133). По-видимому, именно из этого противопоставления русских/христиан литве со временем и вырастет знаменитый оборот московско-новгородского договора с Тверью 1375 г. «князи велиции крестьяньстии», указывающий, по заключению В. А. Кучкина, на русских православных князей — союзников Москвы, «княжества которых граничили с литовскими владениями или находились близко от них» (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 196–197, 340).

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

нает в себе важный нюанс: мученик был христианином, но не был русским. (Позднейший редактор, правивший этот текст, усилил заключенное в нем противопоставление: Авраамий, согласно иной версии этого рассказа, был «инога языка, не русьскаго, но христьянь сыи»⁸⁷.) Этот нюанс еще раз указывает на существование в сознании книжных людей изучаемого времени определенного параллелизма между понятиями «русьскы языкъ» и «хрестьяне». Выход за пределы этого параллелизма потребовал от летописца некоторого усилия и, как следствие, — краткой оговорки.

В новгородском летописании XIII в., отразившемся в *НПЛ*, отыскиваем 19 случаев употребления изучаемых слов, из которых к первому варианту употребления можно отнести 6 случаев⁸⁸, к третьему — оставшиеся 13. Из них вне оппозиции соседям-иноплеменникам слова употреблены 3 раза — под 6762/1254 г. (летописная статья ограничивается одной фразой: «Добро бяше христьяномъ»⁸⁹), 6763/1255 и 6778/1270 гг. (в обеих статьях речь идет о недопущении «кровопролития христьяномъ»: в первой — во время конфликта между новгородцами и князем Александром Невским, пришедшим на Новгород «ратью» с низовцами и новоторжцами, во второй — во время едва не начавшегося крупного междоусобья с участием тверичей, переяславцев, смолян, новгородцев, псковичей, ладожан, а также корелы, ижерян и вожан)⁹⁰. В оставшихся 10 случаях слова «хрестяени» и «хрестьяньскыи» использованы для обозначения жителей Русских земель при их

⁸⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 123; СПб., 1885. Т. 10. С. 97.

⁸⁸ НПЛ С. 60, 70, 73 («кровопролиту хрестьяньску»), 81 («крестяномъ радость»), 84 («веру хрестьяньскую», «веры хрестьяньскыя»).

⁸⁹ Там же. С. 80. Не исключено, что здесь все же присутствует скрытое противопоставление христиан/руских и их соседей, поскольку под предыдущим 6761/1253 г. летописец описывает ряд военных столкновений с литвой, проливающей «кровь хрестьяньскую», и немцами, которых именует «оканьнии преступници правды». Впрочем, эта интерпретация необязательна, так как выше (под 6759/1251 и 6760/1252 гг.) речь идет о голоде в Новгородской земле, а также большом новгородском пожаре, и фразой «добро бяше христьяномъ» летописец мог подвести черту под всей вереницей неприятностей — как внутренних, так и внешних.

⁹⁰ Там же. С. 81, 89.

противопоставлении врагам-язычникам: половцам (под 6732/1224 г.)⁹¹, монголо-татарам (под 6746/1238, 6767/1259 гг.)⁹² и литве (под 6742/1234, 6761/1253, 6773/1265, 6774/1266 гг.)⁹³. Причем литве — в связи с иными, нежели в *ЛЛ*, историческими событиями, что указывает на быстрое распространение такой языковой практики в XIII в., в эпоху становления Литовского государства и участвовавших русско-литовских конфликтов. Как и в *ЛЛ*, практически все чтения этой группы встречаются в сообщениях о межэтнических столкновениях или конфликтных ситуациях (как, например, в сообщении о сопровождавшейся волнениями в городе ордынской переписи новгородцев зимой 1259/60 г., где усадьбы последних названы «домами *христьяньскими*»). Доминирующим в этой группе является упоминавшийся выше оборот «кровь крестияньская» (7 случаев).

Интерес представляет рассказ *НЛЛст* о литовских событиях под 6773/1265 г. Вспоминая факты из биографии принявшего православие и монашеский постриг литовского князя Войшелка, сына Миндовга, летописец пишет, что он «сгради собе манастирь *въ христьянехъ*», т. е. за пределами языческой Литвы. О точном расположении этого монастыря сообщает *ИЛ*: «...на реце на Немане межи Литвою и Новымьгородькомъ»⁹⁴. Речь идет о так называемой Черной Руси, земли которой в это время переходят под власть литовских князей. Таким образом, за определением новгородского летописца «*въ христьянехъ*» скрывается указание на одну из исконных земель Руси. В той же погодной статье сообщается, что после того, как Войшелк (родственник галицко-волинских князей и союзник князей пинских), пойдя «на поганую литву», победил ее,

⁹¹ Там же. С. 62.

⁹² Там же. С. 75, 83. Возможно, в *НЛЛст* первоначально читался еще один пример противопоставления христиан/русских монголо-татарам — под 6801/1293 г. Содержащий эту летописную статью участок текста (между листами *НЛЛст* 150 об. и 151 позднейшей пагинации) был утрачен, но в младшем изводе летописи, где пропуска текста нет, сообщается, что Дюденева рать, затронувшая Владимир, Москву, Дмитров, Волок «и иные грады», принесла «много... пакости *крестияномъ*» (Там же. С. 327).

⁹³ Там же. С. 73, 80, 84 («кровь христьяньскую», «*въ христьянехъ*»), 85.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859.

«по христѣяньской земли веселие бысть всюда»⁹⁵. Под «христѣяньской землей» тут, без сомнения, подразумеваются Русские земли, страдающие от литовских набегов.

Галицко-волинское летописание, сохранившееся в *ИЛ* на участке со статьи 6709/1201 по статью 6800/1292 г. (где летопись заканчивается), включает 8 случаев употребления изучаемых слов. Из них 3 можно отнести к первому варианту употребления⁹⁶. Оставшиеся 5 случаев принадлежат к числу сложных и требуют специального рассмотрения.

Под 6732/1224 г. в рассказе о битве на р. Калке, в котором отразился труд киевских и галицких книжников⁹⁷, говорится, что татары победили «роусьскыя князя за прегрешение *крестѣяньское*», но Бог, ожидая «покаяния *крестѣянского*», «обрати и (татар. — *А. Л.*) воспать на землю восточноую»⁹⁸. В прилагательном «крестѣяньский» тут актуализируются одновременно и первый, и третий оттенки значения: летописец рассуждает о духовной стороне произошедших событий (грехи христиан вызвали гнев Божий, и чтобы он не усилился, необходимо покаяться), но речь идет не о христианах вообще, а русских христианах. Следует отметить, что при желании подобный этногеографический подтекст можно увидеть и в некоторых других случаях, выше отнесенных к первому типу употребления, однако в данном эпизоде этот подтекст ясно подчеркнут самим летописцем: наказание «за прегрешение *крестѣяньское*» (выше уточняется — «грехъ ради *нашихъ*») несут «*русьскыя князи*», а земля, от которой Бог ожидает «покаяния *крестѣянского*», противопоставлена «земле восточной».

Любопытные случаи использования изучаемых слов содержит повествование о русско-польско-литовских отношениях под 6759/1251 и 6760/1252 гг. По свидетельству летописца, во время совместного русско-польского похода на ятвягов князь Даниил Галицкий обратился к войску с такими словами: «О моужи воистии! Не весте ли, яко *крестѣяномъ* пространство есть крепость, пога-

⁹⁵ НПЛ. С. 84–85.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809, 859, 869.

⁹⁷ См.: Романов В. К. Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 99–103.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745.

ным же есть теснота, деряждѣ обычаи есть на брань». Как следует из контекста, под общим наименованием «крестьян» язычникам-ятыгам тут противопоставлены одновременно и православные-русские, и католики-поляки⁹⁹. Еще один, более яркий, пример того же словоупотребления встречаем в речи посла, отправленного галицкими князьями к князьям польским с предложением о новом совместном походе на литву: «Время есть *христьяномъ* на поганее, яко сами имеютъ рать межи собою»¹⁰⁰. Перед нами редчайшие примеры, когда на страницах разбираемых летописных памятников слово «хрестьяне» применяется для обозначения православно-католической общности (хотя наименование католиков «христианами» в духовном смысле в летописании изредка встречается¹⁰¹).

⁹⁹ Там же. Стб. 812. (В конце повествования о походе отмечено, что галицкие князья «много *крестьяны* от пленения избависта» (стб. 813); однако не ясно, идет ли речь только о русских пленниках, или и о «ляшских» тоже.)

¹⁰⁰ Там же. Стб. 815.

¹⁰¹ В *ПВЛ* под 6494/986 г. миссионер-иудей напоминает князю Владимиру Святославичу о том, что «приходиша болгаре и *хрестеяне*, оучаще тя», имея в виду описанные перед тем посольства от волжских булгар и папы Римского (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85); показательно, что позднейший редактор, труд которого отразился в Летописце Переяславля Суздальского, в процитированном фрагменте заменил слово «хрестеяни» на слово «римляне» (ПСРЛ. Т. 41. С. 24). Ниже в уста тому же миссионеру вложена фраза «предана бысть земля наша *хрестеяномъ*», под которыми, по заключению большинства исследователей, имеются в виду крестоносцы, завоевавшие Иерусалим в 1099 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 86; *Лихачев Д. С.* Комментарий. С. 454; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 627–628); несогласие с этой атрибуцией высказал В. Я. Петрухин (*Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 74). Но в любом случае, как следует из контекста, в слове «хрестеяне» здесь актуализируется духовный смысл — христиане противопоставлены иудеям как народу, отверженному Богом (близкое по смыслу чтение встречается в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона: «...отгнани быша иудеи и расточени по странам, и чяда благодетьнаа христианнии наследници быша Богу и Отцу» (БЛДР. СПб.,

Похожий пример отыскивается только в *ИЛ* под 6657/1149 г., где описано совместное посольство русского князя Изяслава Мстиславича, венгерского короля Гезы II и польских князей Болеслава и Генриха к князьям Вячеславу и Юрию Владимировичам, сыновьям Мономаха. Посольская речь, пересказанная летописцем, включала такие слова: «...мы есмы по Бозе *все крестьяне*, одна братия собе»¹⁰² (не исключено, такое словоупотребление бытовало в дипломатической речи).

Необходимо отметить, что древнейшее летописание (за редкими исключениями)¹⁰³ и в отличие от церковной полемической и канонической литературы¹⁰⁴) было вообще равнодушно к проблеме

1997. Т. 1. С. 30). В *ИЛ* под 6660/1152 г. летописец передает слова князя Мстислава Изяславича, который, обращаясь к отцу и венгерскому королю Гезе II, говорит, что они, доверяя крестному целованию и прощая недруга, поступают «*крестьяньски*», т. е. правильно, как подобает настоящим христианам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 453). Аналогичное словоупотребление встречаем в галицком летописании под 6758/1250 г., где описывается, как князь Василько Романович, обращаясь к брату Даниилу, так аргументирует возможность визита и соглашения с венгерским королем Белой IV: «Иди к нему, яко *крестьянь* есть», т. е. является человеком, обещаниям которого можно доверять (Там же. Стб. 809). Помимо летописи прямое обозначение восточных и западных христиан одним общим понятием отыскивается в «Слове на перенесение мощей святителя Николая в Бари» (конец XI в.), где святой назван «*всеми крестьяном... помощникъ*» (Шляпкин И. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881. С. 10).

¹⁰² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387.

¹⁰³ См., напр., антилатинскую ремарку и антилатинское поучение в *ПВЛ* в рассказе о крещении Руси под 6495/987 и 6496/988 гг., описанное в том же памятнике под 6582/1074 г. и имеющее явный антилатинский подтекст ведение старца Матфея, которому явился «бес в образе ляха» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 108, 114–116, 190), а также, возможно, ставшее результатом порчи первоначального текста наименование поляков «безбожными» в *ИЛ* под 6651/1143 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 313). При этом в «Речи Философа», читающейся в *ПВЛ* под 6494/986 г., о католиках сказано: «...их же вера с нами мало же развращена», т. е. отличается несильно (Там же. Стб. 74).

¹⁰⁴ См., напр.: БЛДР. Т. 1. С. 448–452; Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований [Приложения]. София, 1987.

конфессиональных различий между русскими и их соседями-католиками. Это тем более верно для Галицко-Волынской летописи с ее «свойским» отношением к западным соседям Руси¹⁰⁵. Впрочем, появление под пером галицкого летописца середины XIII в. приведенных чтений могло быть вызвано не этим равнодушием, а причинами как раз противоположными. Как известно, именно в это время галицкий князь, окрыленный надеждой на помощь Запада в борьбе с татарами, пошел на сближение с Римом, что в перспективе предусматривало заключение церковной унии. В 1253 г. он принял из рук папского легата королевскую корону. Летопись, как видно, не осталась в стороне от церковно-политических задач момента. Работавший над ней книжник между делом указал на конфессиональное единство католиков-поляков и православных-русских (в процитированных местах), достаточно одобрительно высказался о миссионерской деятельности католиков в Литве¹⁰⁶, а затем нарочито отметил, что венец, которым был коронован галицкий князь, тот *«от Бога прия: от стола святаго Петра; и от от-*

Т. 2. С. 276–280; Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей грёко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 169–186; *Он же*. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI–XV вв.) // РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 3, 7, 60 и др.; Бенешевич В. Н. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1 // РИБ. Пг., 1920. Т. 36. С. 74–101; Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 71–73; и др. Резкий выпад против «латиньской буести» отыскивается и в Киево-Печерском патерике (БЛДР. Т. 4. С. 300).

¹⁰⁵ См.: Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 198–205; Люстров М. Ю. Европа и европейцы в Галицко-Волынской летописи // Древнерусская литература: Тема Запада в XIII–XV вв. и повествовательное творчество. М., 2002. С. 24–25.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 816–817. Сходное одобрительное отношение к религиозным предприятиям католиков в рамках рассматриваемых летописных памятников встречается только в ИЛ под 6698/1190 г., где речь идет о III крестовом походе и борьба «немцев» с «агаряны» рассматривается как мученичество за Христа (Там же. Стб. 667–668). О возможных причинах такой симпатии к ближневосточной политике крестоносцев в XII в. см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 637–640.

ца своего папы Некентия (Иннокентия IV. — А. Л.)»¹⁰⁷. Важно, что такая симпатия папе была высказана в период, когда папский престол уже не первое десятилетие утверждал и поощрял среди западных соседей Руси взгляд на православных как на «неверных» и «врагов Бога и католической веры» (хотя в середине 40-х — начале 50-х гг. XIII в. накал этой антиправославной пропаганды на время несколько снизился)¹⁰⁸.

Обратная ситуация с использованием изучаемых слов отыскивается в другом памятнике середины XIII в.¹⁰⁹ — «Слове о погибели Рускыя земли», которое цитировалось в начале статьи. Там католические народы, «угры», «чахи» и «немцы», косвенно противопоставлены (вместе с народами языческими и мусульманскими) «крестияньскому языку» и «крестияном» — населению Руси¹¹⁰. Изо всех дошедших древнерусских памятников этого сто-

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827.

¹⁰⁸ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 127–128, 146–155; Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола. С. 134–141, 149–151, 168, 181–198.

¹⁰⁹ Из последних работ, посвященных датировке памятника, см.: Горский А. А. К вопросу о датировке «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 313–317.

¹¹⁰ См. примеч. № 9. Схема, характерная для «Слова о погибели Рускыя земли», когда русские определены просто как «христиане», а их соседи — по этническим наименованиям, встречается еще в одном русском памятнике — поучении «О посте к невежамъ в понеделокъ 2 недели» (интересующий нас фрагмент которого предположительно датируется XIII в. или даже еще более ранним временем). Автор вкладывает в уста бесам длинную «речь», в которой они выражают радость, что некоторые «христиане» соблюдают языческие обычаи и так становятся для них, бесов, друзьями, каких они не смогли сыскать, путешествуя по «болгаромъ», «половцемъ», «чюди», «вятичемъ» и «словеномъ» (Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913. Т. 2. С. 9, 15). Под «христианами» тут, без сомнения, следует понимать неукоренившихся в вере обитателей Руси, противопоставленных не только иноплеменникам-иноверцам (аналогичный прием см., напр., у Серапиона Владимирского — БЛДР. Т. 5. С. 382, 384; ср. также: Иез. 5:7), но и некрещеным соплеменникам. Однако в отличие от «Слова о погибели...» христиане-русские противопоставлены здесь только нехристианам.

летия «Слово о погибели», пожалуй, сильнее всего отразило тот окончательный конфессиональный раскол католической и православной частей Европы, который был спровоцирован в XIII в. агрессивными действиями Рима (и связанных с ним правителей латинских государств) против Византии, Руси и других православных стран. Эти действия сопровождалась резкой антиправославной риторикой, которая, впрочем, вызвала адекватную реакцию со стороны русского общества далеко не сразу¹¹¹. За рамками «Слова» мы не находим для XIII в. других примеров, когда бы русские с помощью определения «христиане» были противопоставлены католикам (что впоследствии редкостью быть перестанет¹¹²).

При этом постепенный рост религиозного отчуждения православной Руси от латинской Европы в рассматриваемое время сомнения все же не вызывает. Это отчуждение (хотя и без выраженной враждебности, характерной для полемической литературы) чувствуется, к примеру, в распространяющейся с конца XII в. языковой оппозиции «русский» — «латинский»¹¹³. Так, в договорах

¹¹¹ См.: *Флоря Б. Н.* Формирование славянских народностей. Их этническое самосознание в эпоху раннего Средневековья и перспективы его дальнейшего развития // *Очерки истории культуры славян.* М., 1996. С. 399; *Он же.* У истоков религиозного раскола. С. 179–212, 215–216, 218–221. См. также: *Перхакво В. Б.* Культурные контакты Древней Руси с соседними католическими странами Европы в XI–XIII вв. (по археологическим данным) // *Славяне и их соседи: Католицизм и православие в Средние века.* (Сборник тезисов.) М., 1991. С. 15.

¹¹² См., напр., противопоставление русских-«крестиян» полякам, литве (во главе с принявшим католичество князем Витовтом) и «немцам» в сообщениях *НПЛ* младшего извода за середину XIV — начало XV в. (*НПЛ*. С. 361, 395 («Аще Богъ по крестиянех»), 400, 401 (тут под «крестиянами» летописец имеет, очевидно, в виду русских (православных) подданных Витовта, отделяя их от других участников антиорденской коалиции — «литвы» и «ляховъ»)).

¹¹³ Зарождение данного явления следует отнести к более раннему времени. В древнерусском Каноне на перенесение мощей св. Николая в г. Бари, обычно датируемом концом XI в., имеется такое чтение: «...прослави (Бог. — *А. Л.*) святителя въ странахъ, чудесь струя испущающа въ Мурехъ, и въ латинехъ вся исцеляюща, и въ Руси милостивно посещающа» (*Леонид (Кавелин).* Указ. соч. С. 71). Прямого противопос-

Новгорода с немецкими городами и Готским берегом 1191–1192, 1259–1263 и 1269 гг.¹¹⁴ наряду со смысловой парой «новгородци» — «немецкие сыны» встречается и такая: «новгородци» — «весь латиньский язык»¹¹⁵. В торговом договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. последовательно противопоставлены понятия «роусинь»/«роусь» и «латининь»/«латинеский человек»/«латинеский язык»¹¹⁶. Серапион Владимирский, говоря о повторяющемся третьем лето подряд неурожае (начало 70-х гг. XIII в.), отмечает, что происходит это «не токмо в Русь, но в Латене»¹¹⁷. В «Повести о житии» Александра Невского, возникшей, вероятно, вскоре после смерти князя (1263)¹¹⁸, крестоносцы-«немцы»,

тавления тут еще нет (Миры Ликийские, «латины» и Русь — три центра почитания памяти святого). Однако легкий намек на религиозные отличия католиков (помимо красноречивого наименования их «латинами») в памятнике уже содержится. Автор канона называет «латиньский язык» «инели овчами» «Христова стада» (ср.: Ин. 10:16) и рассматривает перемещение останков святого в Бари как в каком-то смысле апостольское путешествие: «...да вся оудивили чюдеса твоими и къ Христови приведиши» (Там же. С. 63; ср.: *Рогачевская Е. Б.* Цикл памятников о Николае Мирликийском // *Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв.* М., 1996. С. 47–48). В древнерусском Сказании о «грамоте русской», которое возникло, вероятнее всего, в период с конца XI по конец XII в. (см.: *Турилов А. А.* Сказание о «грамоте русской» // *Письменные памятники истории Древней Руси.* СПб., 2003. С. 53–54), противопоставлены «вера правая и русская грамота» «латиньской вере и грамоте» (*Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 37).

¹¹⁴ О датировках см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 81, 82, 84.

¹¹⁵ ГВНП. С. 55–58.

¹¹⁶ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 21–25.

¹¹⁷ БЛДР. Т. 5. С. 380.

¹¹⁸ *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в.* М., 1990. Вып. 1. С. 37–39. Обзор точек зрения на время возникновения памятника см.: *Галко В. И.* «Повесть о житии и храбрости» князя Александра Невского // *Письменные памятники истории Древней Руси.* СПб., 2003. С. 193–194.

похваляющиеся подчинить «словеньский языкъ», определены уже как «безбожные» и как «язык непреподобен», в чем также присутствует ярко выраженный конфессиональный подтекст¹¹⁹ (последнее чтение присутствует и в *ЛЛ*, где сохранилась начальная часть памятника¹²⁰). Что же касается летописания XIII в., то там обнаруживаем первые опыты использования по отношению к соседям-католикам негативно-конфессиональных эпитетов, которые ранее применялись только по отношению к нехристианам¹²¹. Эти опыты имеют место в летописании Великого Новгорода, который непосредственно страдал от немецкой и шведской агрессии. В *НЛст* под 6761/1253 и 6776/1268 гг. ливонские немцы — при описании вооруженных конфликтов с ними — названы «оканьными» (в рамках оборотов: «оканьнии преступници правды» и «оканьнии крестопреступници»)¹²². Начиная с *ПВЛ* данное определение (одно из значений которого — «проклятые, отрешенные от Бога»¹²³) нередко прилагалось летописцами к половцам, татарам и литве (или именам их предводителей)¹²⁴. Под 6764/1256 г. тем же эпитетом охарактеризованы в *НЛст* шведы. «Свеи», вместе с которыми действовали отряды еми и суми, попытались закрепиться в районе р. Нарвы, но затем, услышав о подготовке русских к ответным действиям, вернулись назад: «...оканьнии... побегоша за море»¹²⁵.

¹¹⁹ Там же. С. 364. Еще более резкий тон встречаем в сложившейся несколькими десятилетиями позднее «Повести о Довмонте» (не ранее второй четверти XIV в.), где «латиняне» неоднократно именуются «поганьными», т. е. приравниваются к язычникам (*Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л., 1985. С. 190–192*).

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479.

¹²¹ О «безбожных» поляках как о сомнительном исключении из этого правила см. выше в примеч. № 103.

¹²² НПЛ. С. 80, 87.

¹²³ Данное значение появляется в древнерусском языке под влиянием памятников боисоглебского цикла, где «окаанным» последовательно именуется братоубийца Святополк (*Успенский Б. А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 34–35*).

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 233, 446, 464, 476; Т. 2. Стб. 612, 628, 634, 700, 869, 876, 881, 888, 890, 891, 894; НПЛ. С. 62, 73, 76, 82–83, 85.

¹²⁵ НПЛ. С. 81.

Таким образом, в XIII в. паразитонимическое использование слов «хрестяни» и «хрестянский» при обозначении русских продолжает расширяться. В частности, в рамках оппозиции «мы»/«наши» — «враги» это словоупотребление входит в арсенал летописцев Северо-Восточной Руси и Новгорода, чего не было в предыдущем столетии. Названная оппозиция начинает систематически использоваться при описании взаимоотношений Руси не только с южными и восточными, но и с прибалтийскими соседями — литовцами (инициатива в чем принадлежит летописцам Северной и Северо-Восточной Руси). Кроме того, закладывается основа для ее будущего распространения на народы латинской Европы. Это лишний раз подтверждает правоту тех исследователей, которые указывают на XIII в., озаглавленный в истории Древней Руси католической агрессией с Запада и установлением владычества восточного «царя», как на время активизации религиозного фактора в жизни страны¹²⁶.

Не вызывает сомнения тот факт, что христианство, принятое русской знатю в конце X в. и затем постепенно распространившееся во всех слоях восточнославянского общества, оказало мощное воздействие не только на культуру Древней Руси, но и на становление древнерусской народности¹²⁷, которая продолжила

¹²⁶ Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // ТОДРЛ. М., Л., 1951. Т. 8. С. 169; Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 29; Назаренко А. В. «Натиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // Славяноведение. 1992. № 2. С. 39–41; Флоря Б. Н. Формирование славянских народностей. С. 396–398. О XIII-м столетии как о времени перемен в этническом самосознании жителей Руси см.: Он же. Исторические судьбы и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 47–49.

¹²⁷ См.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 27, 39; Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца. С. 445–446; Даркевич В. П. Единство и многообразие древнерусской культуры. С. 36, 39, 41–42; Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 217; Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 340; и др.

складываться и после политического дробления Древнерусского государства. (Подобную же роль христианская вера сыграла в истории некоторых других славянских этносов эпохи Средневековья — сербов, болгар и др.¹²⁸.) Представленный в настоящей статье материал позволяет проследить один из механизмов влияния регии на развитие такого важного атрибута древнерусской народности XI–XIII вв., как этническое самосознание. Рассмотрение истории усвоения и распространения в памятниках книжности паразетнонимического варианта употребления слова «хрестяни» (и родственных ему слов) приводит к следующим выводам.

Основным катализатором формирования этноконфессионального самосознания явились недружественные контакты с соседями-иноверцами, прежде всего — кочевниками. Напряженная борьба со Степью, в которую были вовлечены по преимуществу южные княжества Руси, закономерно актуализировала вероисповедные различия между русскими и их степными врагами. Устойчивое наименование русских «христианами» при описании коллизий этой борьбы возникает именно в среде книжников Южной Руси, и лишь со временем (не ранее XIII в.) воспринимается летописцами других регионов. Показательно и то, что данное словоупотребление в начале встречается исключительно в контексте сообщений об отношениях русских со степняками (торками, половцами, позже — монголо-татарами), и только в XII–XIII вв. проникает в известия о конфликтах Руси с другими народами (булгарами, затем литвой), с которыми приходится вести напряженную борьбу.

Контакты на западных рубежах, где Русь соседствовала с христианскими (католическими) народами, напротив, долгое время не рассматривались книжниками в религиозных категориях, и в описаниях этих контактов (включая военные столкновения) доминировала этнонимическая или хоронимическая терминология. Несмотря на раннее (XI в.) появление на Руси антилатинской полемической литературы и соответствующих канонических предписаний, лишь в XIII в. возникают первые, но еще редкие и недостаточно выразительные признаки начинающегося религиозного отмежевания древнерусского общества от латинской Европы (что в конечном

¹²⁸ См.: Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 253–256 и др.

счете приведет к тому, что Русь постепенно осознает себя своего рода «островом правой веры», окруженным со всех сторон иноверными народами).

Отмечая важность внешнеполитических событий для развития конфессиональных черт в самосознании жителей Древней Руси, следует также отметить, что действие этого фактора должно было неизбежно усиливаться теми нормами общения между людьми разных исповеданий, которые, подобно другим религиям¹²⁹, приносило с собой христианство. Канонические правила, пропагандировавшиеся Церковью и постепенно входившие в повседневный обиход, указывали на религиозную нечистоту иноверцев и предписывали существенно ограничивать контакты с ними. В частности, запреты и ограничения касались приобретения и приема пищи, связей между полами, поведения в плену, некоторых деловых операций (работоторговли), использования врачебных услуг и др. Эти предписания формировали определенные стандарты общения в межэтнической сфере и также оказывали непосредственное воздействие на восприятие образа «чужого», а значит — и на содание образа «своего»¹³⁰. В образованной среде книжников конфессиональный компонент самоопределения должен был подпитываться еще и знакомством с христианской литературной традицией — начиная с Ветхого Завета с пронизывающим его мотивом верности/измены народов Богу и заканчивая эсхатологическими сочинениями и византийской хронографией, изобилующими яркими сценами с участием нечестивых народов¹³¹.

¹²⁹ См., напр.: *Щедровицкий Д. В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2001. С. 659–660; *Керимов Г. М.* Шарият. Закон жизни мусульман. М., 1999. С. 148–151.

¹³⁰ См.: *Лаушкин А. В.* Регулирование контактов христиан с нехристианами в Древней Руси (XI–XIII вв.) // Сб. РИО. М., 2003. Т. 7 (155). С. 38–46.

¹³¹ См., напр.: *Гарькавый И. В.* «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87–89; *Чекин Л. С.* Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 691–711; *Лаушкин А. В.*

Возникнув в сфере контактов с воинственными иноплеменниками, конфессиональный аспект самоидентификации уже в XII в. начал постепенно отрываться от породившего его контекста. В памятниках летописания XII–XIII вв. понятие «христиане» нередко используется как собирательное для обозначения жителей различных земель Руси вне их противопоставления соседям-иноверцам¹³². Вероисповедание, таким образом, начинает восприниматься как самодовлеющая ценность, что указывает на успехи распространения христианства в это время не только вширь¹³³, но и вглубь.

Как видим, начавшийся в XI в. процесс формирования этноконфессионального самосознания жителей Древней Руси имел сложный характер и протекал с неодинаковой интенсивностью в различных регионах страны, а также, без сомнения, — и в отдельных общественных стратах. В первую очередь им были охвачены господствующие группы древнерусского общества, что и отразили рассмотренные нами источники. Однако частые войны с иноверцами, в которые так или иначе оказывались вовлечены самые разные слои населения, а затем и установление иноземного ига, коснувшееся едва ли не каждого жителя Руси, — все это должно было

Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник, М., 2002. Вып. 10. С. 211–218.

¹³² Нельзя исключить вероятность того, что в XIII в. данное словопотребление уже вышло за пределы только литературного языка и дипломатической речи. Некоторые основания для такого предположения дает Рубрук, сообщающий, что при дворе ордынского хана Сартака было распространено представление, что «название „христианство“» — это «название какого-то народа» (*Дель Плано Карпини Дж.* История монгалов. *Де Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. Книга *Марко Поло*. С. 112–113). Учитывая, что самым крупным христианским народом, с которым приходилось иметь дело Сартаку, были русские, можно допустить, что речь идет именно о них, точнее — о варианте их самоназвания, который узнали ордынцы.

¹³³ См., напр.: *Рябинин Е. А.* От язычества к двоеверию. (По археологическим данным Северной Руси.) // *Православие в Древней Руси*. Л., 1989. С. 24–27; *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Религиозное «двоеверие» на Руси в XI–XIII вв. (по материалам городищ-святилищ) // *Культура славян и Русь*. М., 1998. С. 144–162.

приводить к расширению социальных границ данного явления. Укрепление конфессионального компонента в этническом самосознании русских продолжилось и в последующие столетия¹³⁴, что указывает на устойчивый характер данной тенденции.

¹³⁴ См., напр.: Горский А. А. Представления о защите отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). Сб. статей. М., 1994. С. 9–11.

Б. Н. Флоря

«Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв.

Исследователь социальной структуры новгородского общества Ю. Г. Алексеев справедливо отмечает, что новгородская летопись, описывая как разные внутренние конфликты в Новгороде, так и столкновения Новгорода с князьями, «не знает четкой социальной терминологии» при описании этого общества. Правда, уже с начала XII в. в летописных известиях появляются упоминания о такой особой части этого общества, как «бояре». Однако гораздо чаще, выделяя какую-то часть из состава новгородского населения, летописец определяет этих людей терминами «вячие мужи», «добрые мужи», «лепшие люди» и т. д. Неясно, каково соотношение между этими «мужами» и «людьми» и «боярами», а иные части новгородского общества вообще никак не определяются¹.

Однако можно отметить несколько случаев отступления летописца от этой практики. Всего их три. Во всех трех случаях совокупность населения, о которой говорит летописец, обозначена формулой «огнищане, гридь (или: гридьба), купцы». Не подлежит сомнению, что все три употребленные термина представляют собой термины, обозначающие в памятниках права и других источниках периода раннего феодализма вполне определенные социальные

¹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 245–246.

группы. Какая же совокупность населения обозначается соединением этих терминов?

Первый раз интересующая нас формула употреблена в рассказе о переговорах Ростислава, киевского князя, с Новгородом в 1166 г. Ростислав «позва новгородце на поряд: огнищане, гридь, купце вячшее»². Учитывая важность происходивших переговоров (об этом см. ниже), не будет слишком смелым предположение, что, употребляя такую формулу, летописец хотел подчеркнуть, что в переговорах участвовали представители всех частей новгородского населения. Второй раз эта формула употреблена в рассказе об участии новгородцев в 1195 г. в походе на Чернигов по приглашению Всеволода Большое Гнездо: «...и новгородци не отъпрешася ему, идоша с князем Ярославом огнищане и гридьба и купци»³. И здесь перед нами перечисление представителей всех социальных групп, входящих в состав новгородского войска. Третий раз эта формула встречается в рассказе о нападении литовцев на Русу в 1234 г.: «...и стаща рушане и засада: огнищане, и гридьба, и кто купец, и гости, и выгнаша я ис посада»⁴. «Засада», отличная от собственно населения Русы, это — вооруженный отряд, поставленный в Русе новгородцами: в его составе опять оказываются представители трех разных социальных групп. Упомянутые среди них на последнем месте «купцы» представляют собой часть «засады» и этим отличаются от «гостей» — разных лиц, находящихся в Русе по своим торговым делам.

Разбирая эту формулу по содержанию, следует констатировать существование определенного различия между первыми двумя терминами и термином третьим.

Хотя термин «огнищане» понимается исследователями неоднозначно, не вызывает сомнения, что и «огнищане» и «гридь» — это обозначения социальных групп, связанных по своему происхождению с военно-дружинной организацией периода раннего феодализма⁵. Различие, и весьма существенное, состоит в том, что в

² НПЛ. С. 32.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ «Огнищане» Новгорода XII в. это, по-видимому, как правильно указывал М. Х. Алешковский, другое название бояр (Алешковский М. Х. Со-

Новгороде XII в. эта организация уже существует независимо от княжеской власти, и князю, как видно из известия 1166 г., приходится вступать с ней в переговоры.

Термин «купцы» по методу исключения должен обозначать свободное население Новгорода, стоящее за рамками дружинной организации. Такой вывод можно было бы считать условным (он исходит из предположения, что формула летописца обозначает все свободное население Новгорода, но это предположение не может считаться безусловно доказанным), если бы он не находил определенного подтверждения в формулах докончаний Новгорода с князьями 60-х гг. XIII в. Эти формулы неоднократно анализировались в литературе, но при этом, как представляется, недостаточно учитывается тот контекст, в котором они выступают. Речь идет о том, что уже самые ранние докончания содержат запрет князьям и их боярам принимать в «закладники» подданных Новгорода. В двух докончаниях этот запрет оформлен разным образом. В более раннем встречаем лишь краткую запретительную формулу «ни закладников приимати... ни смерда, ни купчины»⁶. В более позднем докончании этот запрет дополнен постановлением об отпуске тех людей, которые уже ранее попали в заклад: «...кто купец, тот в сто, а кто смерд, тот потягнет в свой погост, тако пошло Новгороде»⁷. Высказывались мнения, что оба употребленные здесь термина — «купец» и «смерд» — обозначали лишь особые группы городского и сельского населения. Нетрудно видеть, однако, что в этом случае запрет приема закладников на практике совершенно не достигал бы своей цели. Напротив, гораздо более правильно полагать, что в докончаниях очерчен весь круг новгородских подданных, которые могли «заложиться» за князя и его бояр, а оба термина употреблены в обобщающем значении: «купец» — для

циальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974, № 3. С. 100). Об этом говорит сопоставление новгородской формулы с формулой, употребленной владимирским летописцем при описании событий 70-х гг. XII в.: князь собрал «боляре, гридьбу и пасынки, всю дружину» (ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 380). «Боляре, гридьба и пасынки» — в одном случае, «огнищане и гридьба» в другом — это и есть дружина.

⁶ ГВНП. М.; Л., 1949. № 2. С. 11.

⁷ Там же. № 3. С. 13.

городского непривилегированного, а «смерд» — для сельского населения.

Таким образом, анализ источников разного происхождения приводит к одному выводу: на каком-то этапе развития в XII в. свободное непривилегированное население Новгорода стало обозначаться термином «купцы». Возможно, в таком акте отразились притязания широких кругов свободного населения Новгорода на особый социальный статус, ограждающий его от перспективы попасть в зависимость от новгородского боярства⁸.

Анализ формул докончаний позволяет сделать еще один вывод: из «купцов» в сформулированном выше понимании состояли новгородские городские «сотни», представлявшие собой одну из форм организации новгородского населения.

Таким образом, желая изучить формы участия городского непривилегированного населения в политической жизни Новгорода XII–XIII вв., следует уделить особое внимание тем известиям, в которых в качестве участников политической борьбы выступают «купцы»⁹ или «сотские» — лица, стоявшие во главе новгородских сотен.

Самое раннее свидетельство, которое может в этой связи представить интерес, относится к 1118 г. Здесь указывается, что Владимир Мономах и его сын Мстислав «разгневаясь... на сочьскаго на Ставра» и заточили его¹⁰. Упоминание о «сотском» говорит о том, что к этому времени организация части новгородского населения

⁸ В качестве своеобразной исторической аналогии можно указать положение на Украине после народно-освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого. По переписям населения гетманства середины 50-х гг. XVII в. все его население состояло из «козаков» и «мещан», а крестьян вообще не было.

⁹ Разумеется, в новгородском летописании XII в. можно встретить термин «купец» и в своем более раннем, общепринятом значении: торговец. Ср., напр., сообщение под 1141 г., что князь Всеволод Ольгович после конфликта с Новгородом «прия слы вся, и епископа, и гость», и продолжение рассказа под 1142 г.: «...епископ, и купьце, и слы новгородскыя не пушаху из Руси» (НПЛ. С. 26). Поэтому в каждом случае употребления этого термина следует внимательно рассматривать контекст.

¹⁰ НПЛ. С. 21.

по «сотням» уже сложилась. Арест сотского Ставра был, по видимому, частью крупного столкновения новгородцев с Владимиром Мономахом¹¹, и, вероятно, уже с этого времени можно говорить об участии «сотских» в политической борьбе в Новгороде.

Следующее свидетельство относится к событиям 1137 г., когда низложенный с княжеского стола Всеволод Мстиславич делал попытки восстановить свою власть в Новгороде. Противники Всеволода среди новгородских бояр принудительно собрали со сторонников князя в городе 1500 гривен и «даша купцем крутитися на войну»¹². На это свидетельство обратил внимание М. Н. Тихомиров, сделавший вывод, что купцы и ремесленники выступали против Всеволода и поддерживавших его бояр¹³. Купцов видит в «купцах» этого известия и В. Л. Янин¹⁴. Однако при традиционном понимании этого термина вызывает недоумение тот факт, что речь идет явно о менее имущей части новгородского населения: эти люди не имеют достаточных средств для покупки вооружения и нуждаются для этого в посторонней помощи. Учитывая это обстоятельство, правильное было бы считать, что «купцы» этого сообщения — объединенная в «сотни» часть свободного непривилегированного населения Новгорода. На этом этапе их участие в политической борьбе было пассивным: в борьбу за новгородский стол их вовлекала одна из борющихся за власть боярских группировок.

Следующее важное известие относилось к 1166 г., когда Ростислав Киевский, державший на новгородском столе своего сына, «позва новгородце на поряд: огнищане, гридь, купце вячшее»¹⁵. Содержание этого «порядка» раскрывается в рассказе об этом событии Ипатьевской летописи. После проведенных переговоров «целоваша Новгородци хрест к Ростиславу на том, якоже им имети сына его

¹¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 91.

¹² НПЛ. С. 25.

¹³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 193–194.

¹⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 71. В новом издании работы термин «купцы» летописного известия никак не комментируется (С. 105).

¹⁵ НПЛ. С. 32.

собе князем, а иного князя не искати, оли ся с ним смертью разлучити»¹⁶. Таким образом, речь шла об очень важном политическом соглашении, предусматривавшем пожизненное правление в Новгороде Святослава Ростиславича. Наряду с новгородской «дружиной» в заключении соглашения участвовали и представители «купцов», т. е., как указывалось выше, новгородских «сотен». К этому времени они, следовательно, уже занимали определенные, достаточно заметные позиции в системе политической власти в Новгороде. К 70-м гг. XII в. относится уже известие, говорящее о самостоятельном политическом выступлении «сотских», правда, не в Новгороде, а в новгородском пригороде — Пскове. В 1178 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич «вниде во Плесков и изыма сотьский про Бориса, сыновця своего, зане не хотяхуть сыновца его Бориса»¹⁷. Таким образом, «сотские» во Пскове оказываются столь серьезной политической силой, что оказываются способными самостоятельно выступить против предложенного им из Новгорода князя¹⁸.

В Новгороде важные перемены происходят в 80-х гг. XII в. в результате соглашения между новгородцами и Всеволодом Большое Гнездо, по которому «сотские» оказались допущены к участию в торговом суде и к эксплуатации ряда городских «мерил» (очевидно и с получением в свою пользу части доходов). Им было предоставлено также право опеки над самой епископской кафедрой — «домом Святой Софии»¹⁹. Позиции «сотен» и «сотских» в политической жизни Новгорода усилились еще больше, когда возглавлявший сотенную организацию новгородцев тысяцкий, который ранее назначался князем, стал выбираться со второй половины

¹⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 529.

¹⁷ Там же. Стб. 608.

¹⁸ Ср. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 32.

¹⁹ Текст соответствующих установлений, читающихся в так называемом «Уставе Всеволода», см.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 135, 157. О датировке новгородского источника «Устава Всеволода», в котором читались эти установления, см.: Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. 88–94.

80-х гг. XII в. самими новгородцами²⁰. Судя по данным источников более позднего времени, тысяцкий возглавил торговый суд как глава свободного непривилегированного населения Новгорода (по более поздней терминологии — «житых» и «черных» людей).

В летописных известиях конца XII — начала XIII в. появляется целый ряд упоминаний об участии «сотских» и «купцов» в политических событиях, что косвенно говорит о повышении их роли в политической жизни Новгорода. Так, в 1195 г. «купцы» указаны наряду с «огнищанами» и «гридьбой» как часть новгородского войска, участвовавшего в походе на Чернигов²¹.

Для определения места «сотских» в политической организации Новгорода особый интерес представляет запись летописца под 1197 г. Когда было достигнуто соглашение о возвращении изгнанного новгородцами князя Ярослава Владимировича, ставленника Всеволода Владимирского, «идоша из Новгорода передние мужи и сътський и пояща Ярослава со всею правдою и честию»²². Представляется, что летописец неслучайно отметил участие сотских в этом акте: ведь речь шла о восстановлении соглашения Новгорода с Всеволодом, который признал за «сотскими» важные политические права²³. Приведенную запись важно сопоставить с другой, отражающей во многом аналогичную ситуацию. В 1215 г., когда Мстислав Удалой ушел с новгородского стола в Киев, «новгородци, много гадавъше, послаша по Ярослава по Всеволодици, по Гюргевънук, Гюргя Иваньковица посадника и Якуна тысяцькаго и купць старейших 10 муж»²⁴. Сопоставляя оба текста, естественно сделать заключение, что 10 старейших мужей из «купцов» известия 1215 г. — не кто иные, как 10 сотских известия 1197 г. Тем самым мы получаем еще один дополнительный довод в пользу того, что «купцами» называлась именно часть свободного непривилегированного населения Новгорода, организованная в «сотни».

²⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 155, 158–159.

²¹ НПЛ. С. 42.

²² Там же. С. 43, 236–237.

²³ В предшествующих переговорах с Всеволодом о приемлемом для новгородцев кандидате на новгородский стол также участвовал сотский Микифор (Там же. С. 42).

²⁴ Там же. С. 53.

Оба известия говорят об участии «сотен», хотя возможно и не постоянном, в решении важнейших вопросов политической жизни Новгорода рубежа XII–XIII в.²⁵

Есть некоторые основания предполагать также активное участие «сотен» и в некоторых важных событиях политической жизни Новгорода первых десятилетий XIII в., при описании которых летописец не упоминает о действиях «купцов» или «сотских». Первым таким событием было выступление новгородцев в 1207 г. против Мирошкиничей. Перечисляя выдвигавшиеся против них обвинения, летописец среди другого отметил, что они взымали «по купьцем виру дикую и повозы возити»²⁶. Характер второго из этих обвинений разъясняется при обращении к текстам докончаний XIII в. Новгорода с князьями, где читаем: «А дворяном твоим (т. е. княжеским. — Б. Ф.) по селом у купцев повозов не имати, развератные вести»²⁷. Таким образом, простой житель Новгорода — «купец» за пределами города был свободен от подводной повинности, а Мирошкиничи эту норму нарушили. Это позволяет предполагать участие «купцов» в этом выступлении, тем более что отобранное у Мирошкиничей имущество «разделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу». Однако в этом случае нет оснований говорить о самостоятельной инициативе «сотен». Руководство выступлением, как прекрасно показал В. Л. Янин, находилось в руках противников Мирошкиничей из среды новгородского боярства²⁸.

Значительно больший интерес в плане изучения политической активности «сотен» дает летописное повествование о событиях 1228–1230 гг. События 1228 г. наиболее подробно были рассмотрены М. Н. Тихомировым. Как правильно отмечает этот исследователь, волнения в Новгороде начались с выступления против епископа Арсения новгородских горожан, которых летописец характеризует, как «простую чадь»²⁹. Летописец цитирует и обвинения горожан по адресу владыки: «...того дела стоять тепло дль-

²⁵ В переговорах с Юрием Всеволодовичем перед Липицкой битвой 1216 г. послом от Новгорода был Ларион сотский (Там же. С. 56).

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ ГВНП. № 2. С. 11.

²⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 163–164.

²⁹ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 255.

го, выпроводил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю»³⁰. Эти обвинения, как правильно отметил Ю. Г. Алексеев, позволяют характеризовать участников выступления как рядовых горожан, подгородное хозяйство которых страдало от продолжавшихся всю осень долгих дождей³¹. Согнав с владычного двора Арсения, участники выступления «выведоша опять Антония архиепископа и посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисеевица, Микифора щитник». Поскольку архиепископ был разбит параличом и утратил речь («онеме»), то, как правильно указал М. Н. Тихомиров, «возведение Антония вновь на архиепископскую кафедру было чистой фикцией»³². Реально управление «домом святой Софии» сосредоточилось в руках приставленных к Антонию «мужей». Для разъяснения ситуации следует добавить, что эти действия людей, которых летописец назвал «простой чадью» (т. е. во всяком случае не принадлежавших к боярству) не встретили противодействия других кругов новгородского общества, и установленное над архиепископом опекунство сохранялось без изменений до весны следующего, 1229 г.

Думается, можно дать всей этой в самом деле редкой и уникальной исторической ситуации правильное объяснение, если учесть предоставленное «сотским» в 80-х гг. XII в. право «строить дом святой Софии». Назначение опекунов к параличному владыке представляло собой осуществление «сотнями» этого права. Что мы имеем в данном случае дело с самостоятельным политическим выступлением «сотен», подтверждается и другими особенностями происходивших событий. В. Л. Янин на большом материале показал, что борьба боярских группировок, занимавшая главное место в политической жизни Новгорода XII–XIII вв., находила свое выражение прежде всего в борьбе за пост посадника, что часто связывалось также с борьбой за изменение внешнеполитической ориентации Новгорода. Особенность событий осени 1228 г., как правильно отметил М. Н. Тихомиров³³, состояла в том, что недовольство участников движения вызвал не посадник, а прежде всего тысяцкий

³⁰ НПЛ. С. 67.

³¹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 247.

³² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 257.

³³ Там же. С. 259.

Вячеслав и его брат Богуслав: «взмятесе весь город и поидоша с веча в оружии» и разграбили их дворы. После этого «отяша тысячское у Вячеслава и даша Борису Негочевичю». Поскольку тысяцкий был лицом, стоявшим во главе сотенной организации, то и в смене лиц на этом посту были заинтересованы прежде всего находившиеся под руководством тысяцкого рядовые члены «сотен».

Разумеется, надо согласиться с В. Л. Яниным в том, что это выступление новгородских «сотен» было в дальнейшем использовано частью новгородского боярства, находившейся в оппозиции к владимирским князьям, и в частности к занимавшему в 1228 г. княжеский стол Ярославу Всеволодовичу, которая добилась передачи княжеского стола черниговскому князю Михаилу³⁴. Когда Михаил весной 1229 г. прибыл в Новгород, начались репрессии против сторонников Ярослава, но эти репрессии осуществлялись в необычной форме, что привлекло особое внимание летописца: «А на Ярославлих любовницех поимаша новгородци кун много и на городищанох, а дворов их на грабаче, а даша то на великий мост». «В то же лето, — пояснил далее летописец, — заложиша великий мост выше старого моста»³⁵. Смысл этой необычной меры станет понятным, если учесть, что согласно «Уставу о мостах» строительство моста через Волхов было обязанностью новгородских сотен³⁶. Избранная мера наказания соответствовала именно их интересам и показывает меру их влияния в то время на политическую жизнь в Новгороде³⁷.

Определенную роль сыграли «сотни» и в следующем, 1230 г., когда после нового переворота в Новгороде «добытъкъ Сменов и Водовиков по стом розделиша»³⁸. Однако в это время говорить об их самостоятельных действиях нет никаких оснований. С самого начала этот новый этап политической борьбы протекал при опре-

³⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 198.

³⁵ НПЛ. С. 68.

³⁶ Янин В. Л. Устав князя Ярослава о мостах // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 109–110.

³⁷ См. и заключение В. Л. Янина, что события 1229 г. означали «очевидный успех простой чади» (Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 198).

³⁸ НПЛ. С. 70.

деляющем воздействии соперничавших боярских группировок, с попеременным успехом натравливавших «весь город» на своих противников³⁹.

Еще в середине XIII в. новгородские «сотни» продолжали занимать важное и самостоятельное место в политической структуре Новгорода. Об этом свидетельствуют и данные «Устава о мостах» 60-х гг. XIII в., отводящие «сотням» особое место в благоустройстве центральных частей города, и формуляр относящегося к тому же времени докончания с тверским князем Ярославом Ярославичем, составленного от имени «посадника Михалка... тысяцкого Кондрата... всех соцьских... всех старейших и... всего Новгорода»⁴⁰. Здесь «сотские», как видим, поставлены сразу после посадника и тысяцкого, впереди «старейших» — бояр.

В последующих договорах, однако, особого упоминания о «сотских» мы уже не встречаем. В летописных известиях второй половины XIII — начала XIV в. «сотские» и «сотни» перестают упоминаться как участники политической борьбы. Одновременно происходят серьезные изменения в социальной терминологии новгородского летописания, выявленные Ю. Г. Алексеевым. С 50-х гг. XIII в. для обозначения низов городского населения (в широком смысле) начинает употребляться термин «черные люди». Параллельно появляется и постоянное деление населения Новгорода (не только в летописях, но и в официальных актах), на «старейших» и «меньших», «вятших» и «меньших»⁴¹. Исследователь связывает (предположительно) эти перемены с расколом новгородской городской общины на две части и с выходом боярства из состава «сотен», охватывавших, по его мнению, ранее все городское население.

Изложенные ранее наблюдения о значении термина «купец», о роли носителей этого термина в новгородской жизни, о месте «сотен» в социальной и политической структуре новгородского общества XII–XIII вв. не позволяют согласиться с такой гипотезой. Скорее, происшедшие изменения были результатом сдвигов в социальной структуре «сотен», где из общей массы постепенно выделялся слой феодальных земельных собственников, близких по

³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 199.

⁴⁰ ГВНП. № 1. С. 9.

⁴¹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди». С. 250–251.

своим социальным интересам к боярству. Именно в этом явлении, вероятно, следует искать причину исчезновения со страниц новгородских летописей термина «купец» в том обобщающем значении, о котором говорилось выше. Для новых феодалов — «житых людей» XIV–XV вв. сохранение условного «купеческого» статуса, по-видимому, не могло быть привлекательным.

Разумеется, сам термин из новгородских летописей не исчез, но обозначал в них уже исключительно сословную группу городского населения, занятую торгово-ремесленной деятельностью. Известий такого рода, где «купцы» — не просто торговцы, а особая сословная группа новгородского общества, в летописи не так много, но даже то, что имеется, не позволяет согласиться с выводом Ю. Г. Алексеева, основанном на рассмотрении сохранившихся договоров Новгорода с князьями, что лишь в последние десятилетия новгородской государственности «купцы выделились в какую-то особую организацию и приобрели значение самостоятельной общественной группы, принимающей участие в управлении городом, стоящей, однако, ниже всех феодалов»⁴².

В этой связи может быть отмечена, например, формула Новгородской I летописи на 1398 г., где дается перечень новгородцев, просивших архиепископа Иоанна благословить поход новгородской рати на Двинскую землю: «...и бояри, и дети боярские, и жити люди, и купечкий дети, и вси их вои»⁴³. Здесь «купечкий дети» определенно выступают как особая сословная группа новгородского общества, стоящая ниже всех феодалов, задолго до указанного Ю. Г. Алексеевым времени. О существовании же у купцов уже в XIV в. и своей особой организации ясно говорят упоминания купеческих старост в договорах Новгорода с немцами⁴⁴.

Однако эта купеческая организация имела иной социальный состав и занимала иное место в социальной политической жизни Новгорода XIV–XV вв., чем «купцы» и их организации в Новгороде второй половины XII — первой половины XIII в.

⁴² Там же. С. 256–257.

⁴³ НПЛ. С. 391.

⁴⁴ См. Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. II. С. 108–109.

Одной из важных особенностей новгородского общества было одновременное сосуществование в нем двух форм организации городского населения: кончанско-уличанской и сотенной. Как убедительно показал В. Л. Янин, кончанско-уличанская организация складывалась стихийно в процессе формирования Новгорода как города-государства, а сотенную создала княжеская власть, руководствуясь своими интересами⁴⁵. Согласно мнению этого исследователя, значительную, если не большую часть территории Новгорода занимали поселки и усадьбы боярских кланов, совокупность ряда которых образовывала часть города — «конец». Между концами, как показано В. Л. Яниным, разворачивалась борьба за влияние и власть в городе, за обладание постом посадника. На территории боярских усадеб жили многочисленные торговцы и ремесленники, находившиеся в зависимости от бояр. Таким образом, кончанско-уличанская организация возглавлялась и полностью контролировалась боярством. Кроме того, часть территории города не была занята боярскими усадьбами, здесь проживали люди, не находившиеся в зависимости от бояр. Из них княжеской властью была сформирована «сотенная» организация⁴⁶.

Такую схему нельзя не признать продуманной и логически законченной. Но в случае ее одобрения возникает все же ряд вопросов. Учитывая огромные размеры комплексов боярских усадеб, как они вырисовываются в исследованиях В. Л. Янина, сотенная организация должна была бы охватывать лишь небольшую часть новгородского населения, но в этих условиях и «тысяцкий» и «сотские» явно не могли бы играть сколько-нибудь значительную роль в жизни новгородского общества. Кроме того, в этом случае получается, что князьям запрещалось брать в «закладники» членов сотен, но этот запрет вовсе не распространялся на большую часть населения города — людей, живших на боярских усадьбах.

Возможно, имеет основание несколько иное объяснение двойственности форм организации населения Новгорода. Как житель

⁴⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 158. См. также: Янин В. Л. Возможности археологии в изучении средневекового Новгорода // Янин В. Л. Средневековый Новгород. М., 2004. С. 28–29.

⁴⁶ Янин В. Л. Возможности археологии в изучении средневекового Новгорода // Янин В. Л. Средневековый Новгород. С. 27–29.

«конца» простой новгородец был членом городской общины и был заинтересован в том, чтобы ему было обеспечено справедливое участие в распределении доходов, собиравшихся городом-государством с подчиненных ему земель. Поэтому он поддерживал стоявший во главе конца боярский клан, который обеспечивал ему такую возможность, захватив пост посадника, который вместе с князем распределял «волоости» между новгородскими «мужами». Но, кроме того, простой новгородец был ремесленником, продававшим свои изделия на новгородском торгу и заинтересованным в благоприятных условиях для своей деятельности. В этой плоскости интересы простого новгородца и боярского клана уже не совпадали. Поэтому для защиты этих своих особых интересов простые новгородцы использовали «сотенную» организацию, созданную княжеской властью для своих военных и административных нужд.

Т. В. Гимон

Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи*

Текст Новгородской I летописи (далее Н1)¹ за первую четверть XIII в. чрезвычайно сложен сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, при сопоставлении с параллельными источниками обнаруживается крайняя запутанность хронологии этого текста. Статьи, имею-

* Работа выполнена в рамках проекта «Contemporary Recording Events in Early Medieval Annalistic-Writing: England, Ireland, Russia», поддержанного INTAS (проект № 03-55-1955). Благодарю Т. Л. Вилкул, С. Б. Вольфсона, А. А. Гиппиуса, А. А. Красову и Л. В. Столярову, а также участников Новгородского семинара под руководством В. Л. Янина за ряд весьма ценных замечаний, высказанных мне на разных этапах работы над этим исследованием.

¹ Старейший Синодальный список (далее — Син.) относится к XIII в., но списки Н1 младшего извода (XV в.) независимо восходят к тому же протографу. Дипломатическое издание Н1 см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; репринтное переиздание: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. Факсимильное издание Син. см.: Новгородская харатейная летопись / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964. Текст Н1 (если это специально не оговаривается) будет цитироваться по Син. Я не буду ссылаться на страницы в изданиях Н1, так как погодная статья является, применительно к этому памятнику, единицей более дробной, чем страница издания.

щие правильную мартовскую датировку, сочетаются в нем с ультрамартовскими, «ультра-ультрамартовскими» (т. е. имеющими датировку на два года выше мартовской), а также смешанными. Во-вторых, в рассматриваемом тексте читаются обширные повести о новгородских событиях (о взятии Царьграда под 6712 г., о преступлении рязанских князей под 6726 г. и о битве на Калке под 6732 г.), что совершенно нетипично для остального текста Н1 за XII–XIII вв. Наконец, чрезвычайно сложной была событийная история Новгорода начала XIII в. В этот период не только новгородские князья сменяли один другого с калейдоскопической быстротой (это было и в XII в.), но и архиепископская кафедра оказалась объектом непрекращавшейся борьбы. В период с 1199 по 1229 г. новгородскую кафедру попеременно занимали три архиепископа: Митрофан, Антоний и Арсений, причем борьба между ними была тесно связана с внутриновгородскими и междукняжескими конфликтами².

Задача настоящей статьи — попытаться найти непротиворечивое объяснение непоследовательной хронологии Н1 за первую четверть XIII в. и тем самым предложить детальную реконструкцию истории сложения этой части летописи, объясняющую происхождение столь странной хронологии.

Историография и полемика

В литературе было предпринято несколько попыток найти ключ к объяснению несообразностей (как мнимых, так и реальных) этого текста — в работах А. А. Куника, И. А. Тихомирова, Н. Г. Бережкова, В. Л. Янина, М. Х. Алешковского, А. А. Гиппиуса, Т. Л. Вилкул.

Первым исследователем, обратившимся к анализу текста Н1 за начало XIII в., был А. А. Куник. Ученый провел сопоставление известий Н1 с сообщениями других русских летописей и «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, результатом которого стал вывод о хронологической непоследовательности Н1³. А. А. Куник сделал

² О судьбе новгородской владычной кафедры в первой трети XIII в. см.: *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 41–48.

³ [Куник А. А.] Исторические материалы и разыскания // Ученые записки Импер. акад. наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1854. Т. 2, вып. 5, С. 748–755.

следующий вывод: сообщения Н1 за первую четверть XIII в. «записаны, наверное, тотчас после событий, вследствие чего ее хронологические показания (по мартовскому летоисчислению) должны отличаться точностью». Однако дошедший до нас текст Н1 уже подвергся искажению: «Какой-то переписчик, по недостатку генеалогических сведений, принимал нескольких князей одного за другого и смешивал в своих понятиях разные, хотя и одинаковые события: вследствие того он позволил себе известия, стоявшие прежде на своем месте, переставить на другое, а это повело следующих переписчиков и компиляторов к дальнейшим искажениям»⁴. Многие наблюдения А. А. Куника вполне справедливы и были учтены более поздними исследователями, однако вывод о том, что летописец смешивал события и путал имена князей, является чересчур радикальным. Как показал Н. Г. Бережков (см. ниже), хронологические указания Н1 за первую четверть XIII в. действительно весьма непоследовательны, однако дело именно в хронологии; в остальном показания Н1 и других источников, как правило, удается согласовать.

Следующая попытка разобраться в истории сложения рассматриваемой части Н1 была предпринята И. А. Тихомировым. Согласно Тихомирову, текст Н1 за первую треть XIII в. — это свод, составленный на основе разных источников — отдельных сказаний (о взятии Царьграда, о преступлении рязанских князей, о битве на Калке) и погодных записей, ведшихся в разных местах Новгорода — при Софийском соборе, в Аркаже, Юрьеве и Спасо-Хутынском монастырях. Сам свод был составлен, по мнению Тихомирова, не ранее середины XIII в., т. е. уже не современником событий, о которых идет речь в тексте. Именно работой сводчика объясняет И. А. Тихомиров хронологические и иные несообразности летописного текста — в том числе и те, о которых ранее писал А. А. Куник⁵.

Хронология текста Н1 за первую четверть XIII в. явилась предметом тщательного анализа в работе Н. Г. Бережкова. На ос-

⁴ Там же. С. 748.

⁵ Тихомиров И. А. О Тимофее — пономаре, упоминаемом в Синадальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. 1887. № 3. Отд. 2. С. 28–37.

нове анализа полных дат⁶, сопоставления с другими источниками («Хроникой Ливонии» Генриха Латвийского⁷, параллельными летописями) и некоторых других наблюдений ученый показал значительную непоследовательность рассматриваемого текста в датировке событий. Результатом работы Н. Г. Бережкова стал постатейный хронологический комментарий к летописи. По мнению ученого, в тексте Н1 за первую четверть XIII в. встречаются статьи: мартовские, ультрамартовские, «ультра-ультрамартовские» (назовем так статьи, датированные на две единицы выше мартовских) и смешанные⁸.

Выводы Н. Г. Бережкова почти не вызывают возражений. Несколько уточнений, которые, на мой взгляд, необходимо сделать, не меняют ни одной из предложенных Бережковым характеристик погодных статей. Во-первых, выражение «въ середь утра» в статье 6726 г. означает, по-видимому, не день недели (среду), как считает Бережков, а время суток («середину утра»). Именно так понял это выражение составитель Академического списка, заменивший его на «въполь утра». Следовательно, в статье 6725 г. нет полной даты. Это, однако, не отменяет остальных соображений Н. Г. Бережкова, согласно которым эта статья рассказывает о событиях конца 6724 и начала 6725 мартовских годов⁹. Во-вторых, предположение

⁶ Под полными датами здесь и далее я, вслед за Н. Г. Бережковым, понимаю случаи, когда какое-либо событие одновременно датировано по числу месяца и дню недели или по числу месяца и подвижному церковному празднику. Полные даты позволяют установить, в каком году в действительности имело место данное событие. Очень часто дата, установленная таким образом, разнится с той, которую летописец предлагает в качестве заголовка погодной статьи.

⁷ Этот источник, с одной стороны, имеет много параллелей с Н1, а с другой, как считается, — отличается очень точной хронологией. Епископский год хроники — мартовский (с 25 марта — Благовещения) и потому хорошо поддается сопоставлению с мартовским годом русских летописей (о хронологии Генриха см.: Аннинский С. А. Введение // *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии*. М.; Л., 1938. С. 38–45; Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестonosцы и Русь: Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 33).

⁸ *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания*. М., 1963. С. 247–269.

⁹ Там же. С. 259.

Н. Г. Бережкова о том, что статьи 6729 и 6730 гг. первоначально составляли единую статью¹⁰, не может быть принято. Начало статьи 6730 г. («послаша» без подлежащего) типично для Н1, и отсутствие подлежащего никак не может быть аргументом в пользу непервоначальности нынешнего членения текста на статьи. В-третьих, Бережков считает статью 6726 г. ультрамартовской на основании того, что в ней читается рассказ о преступлении рязанских князей, который, судя по Лаврентьевской летописи, относится к 6725 г. Однако рассказ этот является вставкой и отсутствовал в первоначальном тексте летописи¹¹. Тем не менее вывод Бережкова все-таки остается в силе. Дело в том, что статья 6727 г. признается ультрамартовской на основании сопоставления с «Хроникой Ливонии», а события, описанные в статье 6726 г., никак не могли происходить одновременно с теми, о которых говорится в статье 6727 г.

Попытка скорректировать выводы Н. Г. Бережкова была предпринята В. Л. Яниным, который опирается на некрологическую запись в Н1 под 6740 г. о смерти новгородского архиепископа Антония. Приведу текст этой записи¹²:

Том же лѣтъ прѣставися архепископъ Антонии, октября въ 8. Сии же блаженни архепископъ Антонии преже изгнания сѣде въ епископии лѣтъ 8 по Митрофане, а въ изгнании лѣтъ 6; по сѣмъ приде ис Перемышля в Новѣгородъ, и седе лѣта 2, и онѣмъ на святого Ольксия; бысть лѣтъ 6 въ болезни тои и 7 месяць и 9 днии, и тако умре, и положиша и у святѣи Софии въ притворе, при князи Ярославѣ Всеволодиц, при архепископѣ Спуридонѣ.

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. 1997. Вып. 6 (16). С. 13–14.

¹² Цитирую по Син. Правда, более пространный текст этой записи, читающийся в Н1 младшего извода, — первоначален; писец Син. производил сокращения, причем их пик пришелся как раз на данное известие (см.: Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 31–41). Однако все сокращенные в Син. и сохранившиеся в младшем изводе чтения не прибивают ничего нового с информационной точки зрения.

Анализируя хронологические указания этого некролога, В. Л. Янин обратил внимание на то, что летописная дата начала болезни Антония (17 марта, память св. Алексия) не согласуется с указанием некролога на то, что болезнь архиепископа продолжалась 6 лет, 7 месяцев и 9 дней. Если от 8 октября (день смерти Антония) отсчитать 7 месяцев и 9 дней, то получится 27 февраля, а вовсе не 17 марта. Но концу 6733 мартовского года (именно такая дата получится, если отнять 6 лет 7 месяцев и 9 дней от 8 октября 6740 г.) летопись относит не болезнь Антония, а повторное занятие им новгородской кафедры. Следовательно, считает Янин, 27 февраля 6733 г. Антоний вернулся на кафедру, а что касается даты «17 марта», то она относится к началу болезни, имевшему место, судя по летописи, в начале 6736 мартовского года¹³. (Справедливым, таким образом, оказывается указание некролога на повторное занятие Антонием кафедры в течение двух лет — с 27 февраля 6733 по 17 марта (?) 6736 г.)¹⁴.

Некролог сообщает о пребывании Антония в изгнании в течение 6-ти лет. Если он вернулся на кафедру 27 февраля 6733 г., то изгнание его, считает В. Л. Янин, следует относить к концу 6727 или началу 6728 мартовского года. Под 6728 г. (17 марта) летопись сообщает о возвращении Митрофана на кафедру. Н. Г. Бережков считает статью 6728 г. ультрамартовской, однако, как убедительно показывает Янин, аргументы, приводимые в этом случае Бережковым, не имеют силы¹⁵. Если, вслед за Бережковым, считать статью 6728 г. ультрамартовской, то получится, что Антоний находился в изгнании не 6, а 7 лет, что не соответствует данным некролога. Следовательно, статья 6728 г. — мартовская, а Митрофан вернулся в Новгород 17 марта 6728 мартовского года¹⁶.

Тот же некролог сообщает о том, что первое архиепископство Антония продолжалось 8 лет. Об отстранении Антония от кафедры Н1 сообщает под 6727 г., причем из текста летописи следует, что это

¹³ Это произошло до Спасова дня (8 августа) 6736 г., которым датировано следующее известие статьи 6736 г.

¹⁴ Янин В. Л. К хронологии новгородского летописания первой трети XIII в. // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 90.

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ Там же. С. 91–92.

событие произошло во время похода новгородцев на Пертуев, который, по данным «Хроники Ливонии», имел место ранней осенью 1218, т. е. 6726 мартовского года. А избрание Антония на кафедру произошло, по летописи, зимой 6719 г. Как показал Н. Г. Бережков, статья 6719 г. излагает события 6717 мартовского года и, следовательно, изгнание Митрофана и избрание Антония следует датировать концом 6717 мартовского года, т. е. началом 1218 январского года. От начала 1210 до осени 1218 г. — как раз 8 с небольшим лет¹⁷.

Рассуждения В. Л. Янина вызывают одно весьма существенное возражение. Речь идет об исходной посылке, которая прямо ученым не формулируется, однако из которой он исходит во всех своих рассуждениях. Эта посылка такова: хронологические выкладки некролога Антонию, помещенного в летописи под 6740 г., во-первых, имеют независимое от текста летописи происхождение и, во-вторых, верны. Исходя из приводимых в некрологе хронологических данных, Янин уточняет даты тех или иных событий из жизни Антония, проверяет, а в одном случае (статья 6728 г.) даже уточняет выводы Н. Г. Бережкова о хронологии Н1.

Между тем источником хронологических выкладок некролога, конечно, могла быть летопись. Она находилась в момент написания некролога в руках у летописца, и совершенно очевидно, что именно ею составитель некролога мог воспользоваться для своих хронологических расчетов. И действительно, первые две из называемых некрологом цифр взяты из летописи. По летописи, Антоний был избран архиепископом в 6719 г., а в 6727 г. был изгнан и заменен на Митрофана. Разница между этими двумя датами — 8 лет — и приводится составителем некролога в качестве срока первого архиепископства Антония¹⁸. Под 6727 г. летопись сообщает об изгна-

¹⁷ Там же. С. 92–94.

¹⁸ То, что составитель некролога считал так, как это делаем мы (между 6719 и 6727 гг. у него должно было получиться именно 8, а не 9 лет), доказывается указанием на время посадничества Степана Твердиславича в статье 6751 г., написанной тем же летописцем (Гиппиус А. А. Лингвотекстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996 (далее — Гиппиус А. А. Автореф.). С. 22). В этой статье говорится, что Степан был посадником 13 лет без трех месяцев. Согласно летописи, Степан Твердиславич стал посадником где-то между 9 и 30 декабря 6738 г., а умер — 16 августа 6751 г.

нии Антония¹⁹, а под 6733 г. — о его возвращении на кафедру. Разница в этом случае — 6 лет, что совпадает с указанием некролога на шестилетнее изгнание Антония. Таким образом, первые две цифры некролога вполне могли быть взяты его составителем из той самой летописи, продолжая которую он написал рассматриваемый некролог. Следовательно, эти указания некролога для уточнения летописной хронологии служить никак не могут.

Следующая цифра — 2 года повторного архиепископства Антония — в принципе тоже могла быть взята из летописи, однако это гораздо менее вероятно. Во-первых, о возвращении Антония на кафедру в летописи говорится под 6733 г., а о его добровольном уходе в Спасо-Хутынский монастырь — под 6736 г., т. е., если бы составитель некролога и здесь пользовался летописью, в некрологе говорилось бы не о двух, а о трех годах повторного архиепископства Антония. Во-вторых, летописец Спиридона и Далмата, составлявший в 6740 г. некролог Антонию, должен был хорошо помнить последние события жизни Антония и в своих хронологических расчетах мог себе позволить оторваться от данных владычной летописи²⁰.

Что касается указания некролога на время болезни Антония (6 лет, 7 месяцев и 9 дней), то оно является, очевидно, следствием

¹⁹ В. Л. Янин отсчитывает шесть лет не от изгнания Антония (о котором в летописи говорится под 6727 г.), а от прихода в Новгород Митрофана (Н1 под 6728 г.) (Янин В. Л. К хронологии... С. 91–92). Между тем в некрологе ясно говорится: «...а въ изгнании лѣтъ 6», т. е. отсчет надо вести не от возвращения в Новгород Митрофана (к тому же вторичного, уже после поездки к митрополиту; о повторном избрании Митрофана владыкой летопись говорит уже под 6727 г.), а от изгнания Антония из Новгорода, т. е. от событий, описанных в Н1 под 6727 г. (после этих событий Антоний не возвращался в Новгород вплоть до своего повторного избрания (статья 6733 г.), т. е. находился в изгнании).

²⁰ Этот летописец в 6738 г. пополнял летопись по памяти за 6734–6738 гг. (Гиттис А. А. Автореф. С. 2–22) и, следовательно, хорошо помнил события этих лет и их относительную (если не абсолютную) хронологию. Вместе с тем он, вероятно, в эти годы был достаточно молод (если учесть, что, по лингвистическим данным, он исполнял функции владычного летописца вплоть до 6782 г.) и, следовательно, вряд ли так же хорошо помнил события более раннего времени, почему и основывал свои хронологические выкладки под 6740 г. на летописи.

арифметической ошибки. По мнению В. Л. Янина, результат 7 месяцев и 9 дней может получиться, если от 8 октября отнять 27 февраля, но никак не 17 марта. Вместе с тем если предположить, что составитель некролога допустил арифметическую ошибку, все встает на свои места. Составитель некролога вначале правильно подсчитал число месяцев от марта до октября и получил число 7. После этого он, вместо того чтобы из 8-ми вычесть 17, из 17-ти отнял 8 — и получил 9. Гораздо более вероятно, что несовпадение хронологического расчета и даты болезни Антония, приводимой в некрологе, является следствием арифметической ошибки, нежели то, что какое-то из важных событий в жизни Антония произошло 27 февраля. Что же касается указаний на число лет второго епископства Антония и его болезни (2 и 6), то это подсчеты, произведенные составителем некролога по памяти; отсюда их несовпадение с летописными данными.

Итак, неверна, на мой взгляд, исходная посылка В. Л. Янина о независимости от летописи и изначальной правдивости хронологических выкладок некролога архиепископу Антонию, помещенного в Н1 под 6740 г. Данные этого некролога, следовательно, не могут служить для уточнения хронологии погодных статей Н1²¹.

Что касается характера статьи 6728 г., которую Н. Г. Бережков считал ультрамартовской, а В. Л. Янин — мартовской, то мне представляется, что можно согласиться с точкой зрения Бережкова. Янин убедительно опроверг аргументы Бережкова в пользу ультрамартовского характера этой статьи, однако, как было показано выше, аргументы самого Янина в пользу ее мартовского характера также не являются убедительными. Поэтому считаю возможным рассматривать статью 6728 г. как ультрамартовскую на основании

²¹ В качестве дополнительной аргументации (которой ученый не придает решающего значения) В. Л. Янин привлекает хронологические указания списка новгородских владык, читающегося в целом ряде новгородских летописей, начиная с XV в: (Янин В. Л. К хронологии... С. 91–94). Об этом списке см.: Хорошев А. С. Летописные списки новгородских владык // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 127–142. Использование списка владык (даже в качестве дополнительного подтверждения выводов, полученных иным путем) рискованно, ибо до конца не выяснена степень зависимости хронологических данных этого списка от новгородской владычной летописи.

ее логической связи со статьей 6727 г. В статье 6727 г. говорится о решении новгородцев послать Митрофана и Антония к митрополиту, а в статье 6728 г. — о приезде в Новгород победившего в этом споре Митрофана.

Еще одна важная поправка к выводам Н. Г. Бережкова была сделана А. А. Гиппиусом. Исследователь показал, что *непрерывная* группа ультрамартовских статей начиналась в первоначальном тексте новгородской владычной летописи со статьи 6711, а не 6713 г., как это считал Бережков²². С этой поправкой можно согласиться.

Таким образом, хронология текста Н1 за первую четверть XIII в. чрезвычайно непоследовательна: некоторые статьи обозначены по мартовскому стилю, другие — ультрамартовские, третьи — «ультра-ультрамартовские» (на две единицы выше мартовских), четвертые — смешанные. В целом (за очень небольшими поправками) могут быть приняты выводы Н. Г. Бережкова об абсолютной хронологии каждой из погодных статей рассматриваемого текста. Без учета смешанных статей абсолютная хронология новгородской Н1 за первую четверть XIII в. выглядит следующим образом:

**Таблица 1. Абсолютная хронология погодных статей
Н1 за первую четверть XIII в.
(по Н. Г. Бережкову, с учетом поправок)**

Погодные статьи Н1	Хронологический стиль
6708–6710 (1200–1202)	? (нет данных для определения стиля)
6711–6716 (1203–1208)	ультрамартовские
6717–6722 (1209–1214)	ультрамартовские +1 («ультра-ультрамартовские»)
6723–6725 (1215–1217)	мартовские
6726–6728 (1218–1220)	ультрамартовские
6729–6744 (1221–1236)	мартовские

²² Гиппиус А. А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996 (далее — Гиппиус А. А. Дис.). С. 89.

Новая попытка найти ключ к пониманию интересующей нас части Н1 была предпринята М. Х. Алешковским. Он увидел за несообразностями и «швами» текста фигуру сводчика-редактора, работавшего во второй половине 20-х гг. XIII в. Именно его деятельностью объясняются, согласно Алешковскому, нарушения абсолютной и относительной хронологии в тексте Н1 за первую четверть XIII в.²³ Я не буду здесь подробно останавливаться на аргументации М. Х. Алешковского, так как она была убедительно опровергнута в диссертации А. А. Гиппиуса²⁴.

Текст Н1 за начало XIII в. явился предметом рассмотрения А. А. Гиппиуса. Согласно выводам Гиппиуса, с которыми есть все основания согласиться, Н1 отражает текст новгородской владычной летописи, ведшейся из года в год разными летописцами. На основании анализа языка, стиля, орфографии и некоторых других особенностей текста, А. А. Гиппиус выявил следующие границы деятельности летописцев, пополнявших владычную летопись:

**Таблица 2. Границы текста, созданного
разными владычными летописцами
(по А. А. Гиппиусу)**

Летописец	Статьи
летописец архиепископов Гавриила и Мартирия	6695–6707 (1187–1199)
летописец архиепископа Митрофана	6708–6719 ²⁵ (1200–1211)
летописец архиепископа Антония (наименование условно ²⁶)	6719 ²⁷ –6734 ²⁸ (1211–1226)

²³ Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981. С. 104–111.

²⁴ Гиппиус А. А. Автореф. С. 8–9; Он же. Дис. С. 79–95.

²⁵ До слов: «...тую же и съ прия печаль, слава Бога».

²⁶ Согласно лингвистическим данным, текст Н1 за 6719–6734 гг. написан одним летописцем (по крайней мере, нет данных для его более дробного деления). За этот период новгородская кафедра несколько раз переходила из рук в руки. Вначале ее занимал Антоний, затем (вторич-

летописец архиепископов Спиридона и Далмата	6734 ²⁹ –6782 (1226–1274)
--	--------------------------------------

Во-вторых, Гиппиусом детально реконструирован процесс появления в составе летописи обширных вставных повестей — «Повести о взятии Царьграда фрягами», «Повести о преступлении Глеба Рязанского» и «Повести о битве на Калке». По мнению исследователя, «Повесть о взятии Царьграда фрягами» (в Н1 под 6732 г.) была вставлена в первоначальный текст при архиепископе Антонии, причем последующие статьи подверглись при этом вторичной переписке. Состав статей 6711–6714 гг. до включения в летопись «Повести о взятии Царьграда» выглядел, по мнению Гиппиуса, следующим образом:

6711	разорение Киева Рюриком в союзе с Ольговичами половцами
6712	—
6713	поход русских князей на половцев
пострижение Рюрика Романом
победа Ольговичей над Литвою
смерть посадника Мирошки Нездинича
мор на коней в Новгороде
краткая запись о разорении Царьграда
6714	«мѣсяць освѣте въ 8 нощи»
отправление Всеволодом в Новгород Константина
передача посадничества от Михалка Дмитру
приезд Константина в Новгород 20 марта
смерть жены Всеволода
смерть посадника Михалка 18 мая
закладка церкви Твердиславом Михалковичем

но) — Митрофан, затем — Арсений и, наконец, — опять Антоний. Поскольку начало и конец летописи, атрибутируемой этому летописцу, приходятся на время правления Антония, летописец условно назван А. А. Гиппиусом «летописцем архиепископа Антония» (Гиппиус А. А. Дис. С. 198).

²⁷ Со слов: «Тѣгда же бяше пришълъ, прѣже изгнания Митрофаня».

²⁸ До слов: «...априля въ 16 день, въ великыи четвърток».

²⁹ Со слов: «Прѣже своего прѣставления».

После включения «Повести» в текст появились видимые противоречия, которые были по-разному устранены переписчиками — создателями Син. и Н1 младшего извода³⁰. Из этой реконструкции я и буду исходить в дальнейшем.

«Повесть о преступлении Глеба Рязанского» (в Н1 под 6726 г.) была, по мнению А. А. Гиппиуса, вставкой в кодикологическом смысле, т. е. лист, на котором «Повесть» была написана, был попросту вставлен в рукопись владычной летописи. Именно поэтому данная «Повесть» воспроизведена только в Син., а в Н1 младшего извода пропущена — вставной лист легко мог к XV в. потеряться³¹. Что касается «Повести о битве на Калке» (в Н1 под 6732 г.), то она, согласно А. А. Гиппиусу, была включена в летописный текст не как отдельный лист, а в ходе очередного пополнения летописи³². Группа известий новгородского происхождения в статьях 6711–6713 гг. также появилась в ходе текущего пополнения владычной летописи и не была, следовательно, вставкой ни в текстологическом, ни в кодикологическом смысле³³.

Т. Л. Вилкул в недавнем исследовании предприняла попытку объяснить странную «ультра-ультрамартовскую» полосу в Н1 — смещение на два года по сравнению с правильными мартовскими годами в статьях 6717–6722 гг. По мнению Вилкул, события 6715 мартовского года специально были разнесены летописцем в две разные погодные статьи (6716 и 6717 гг.). Цель этого приема — затушевать остроту конфликта, скрыть связь между убийством Олексы Сбыславича (описано под 6716 г.) и выступлением против Мирошкиничей (описано под 6717 г.). Данная операция и явилась причиной сдвига на два года в последующих нескольких статьях. Исследовательница также предполагает, что дальнейшие хронологические неувязки могут объясняться тем, что летописец пытался «растянуть» княжение в Новгороде Мстислава Мстиславича Удатного и, наоборот, «сократить» время княжения Всеволода Юрьевича³⁴. Т. Л. Вилкул связывает данные манипуляции «с редакторской

³⁰ Гиппиус А. А. Автореф. С. 8–9; Гиппиус А. А. Дис. С. 88–89.

³¹ Гиппиус А. А. К истории... С. 13–14.

³² Там же. С. 14.

³³ Гиппиус А. А. Автореф. С. 8–9.

³⁴ Вилкул Т. Л. Хронологические сбои в Новгородской первой летописи (Текст за первую треть XIII в.) // ВЕДС: Время источника и время в

работой одного из новгородских летописцев»³⁵, т. е. считает, что нынешняя хронология Н1 — непервоначальная.

На мой взгляд, гипотеза Т. Л. Вилкул, вне всякого сомнения, заслуживает внимания. Однако, во-первых, имеет смысл продолжить поиск альтернативных объяснений сложной хронологии Н1 (в частности, сдвига на два года в статьях 6717–6722 гг.). Во-вторых, на мой взгляд, объяснение, предложенное Т. Л. Вилкул, не обязательно предполагает *редактирование*. Отмеченные исследовательницей манипуляции вполне могли быть произведены и при первоначальном пополнении летописи. При дальнейших рассуждениях я буду иметь в виду эту возможность.

Проблема и пути ее решения

Итак, хронология текста Н1 за первую четверть XIII в. — весьма запутанная и требует объяснения. Выявленные А. А. Гиппиусом смены летописцев не столь часты, как смены хронологических «стилей», а значит — хронологическая пестрота интересующего нас текста не может быть объяснена частой сменой летописцев. Как же в таком случае ее можно объяснить? Грубо говоря, у нас есть две возможности: 1) искать причину хронологической непоследовательности Н1 в деятельности какого-то редактора, вмешавшегося в первоначальный текст и искажившего его хронологию; 2) попытаться объяснить все те же факты, не прибегая к предположению о редактуре.

Настоящее исследование ставит своей целью проверить вторую возможность. Конечно, полностью исключить то, что текст новгородской владычной летописи подвергся редактированию уже в первой трети XIII в. (до создания его сохранившейся копии — Син.³⁶), нельзя³⁷. Однако в этой статье мне бы хотелось абстраги-

источнике: XVI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 14–16 апреля 2004 г.: Мат-лы конф. М., 2004. С. 19–24.

³⁵ Там же. С. 19.

³⁶ Я исхожу из нашей с А. А. Гиппиусом датировки первой части Син. — 1234 г. или одним из ближайших последующих годов (см.: Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные... С. 31–41).

³⁷ Так, А. А. Гиппиус предполагает, что при включении в летопись «Повести о взятии Царьграда fryгами» последующие погодные статьи ле-

роваться от такой возможности и попытаться объяснить хронологическую пестроту Н1 через *процесс работы летописцев, пополнивших летопись впервые*, а не редактировавших чужой текст. Посмотрим, насколько интересующий нас текст *поддается* такому объяснению. Там, где подобного объяснения найти не удастся, целесообразно будет, на мой взгляд, предполагать вмешательство редактора.

Новгородская владычная летопись велась *из года в год*, т. е. ее текст формировался посредством постепенного наращивания погодных записей³⁸. В то же время не вполне ясно, как часто делались эти записи, насколько регулярно обращались летописцы к своему труду.

В известной степени помочь в ответе на этот вопрос могли бы зарубежные аналогии. Анналистика Британских островов оставила нам ряд рукописей, являющихся подлинниками *из года в год* ведущихся летописей. Среди них — некоторые из рукописей так называемой Англо-Саксонской хроники (английских анналов конца IX–XII вв.), ирландские Инишфалленские анналы (конец XI — начало

тописи Митрофана подверглись вторичной переписке (Гиппиус А. А. Дис. С. 197–198). Недавно в устной беседе А. А. Гиппиус сообщил мне о некоторых новых своих наблюдениях, касающиеся следов возможных исправлений в новгородской владычной летописи. Некоторые из предположений А. А. Куника, И. А. Тихомирова, М. Х. Алешковского и Т. Л. Вилкул, касающиеся первоначальности текста Н1, хотя и не имеют, на мой взгляд, обязательной силы, все же могут свидетельствовать о редактуре. Кстати, редактирование не обязательно предполагает *переписку* всей летописи: вполне возможна замена последней тетради, равно как исправления и вставки в уже существующей рукописи (Гиппиус А. А. К истории... С. 24–27, 64–68; *Он же*. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 358–360).

³⁸ Данная работа исходит из того, что новгородская владычная летописи велась на протяжении XII–XIII вв. *из года в год*, причем рукопись («официальный экземпляр») этой летописи была одной и той же на протяжении всего указанного периода (см.: Гиппиус А. А. К характеристике... С. 345–364). Текст «официального экземпляра» весьма уверенно реконструируется при сопоставлении независимо друг от друга восходящих к нему старшего и младшего изводов Н1 (см.: Там же. С. 355; Гиппиус А. А. К истории... С. 12–19).

XIV в.), шотландская Хроника Мельроза (XII–XIII вв.). Изучение смен почерков, чернил, перьев, оформления этих рукописей показывает, что средневековые анналы могли пополняться по-разному: иногда — ежегодно, иногда — реже или чаще, чем раз в год, иногда — сразу за несколько лет и даже десятилетий³⁹.

Автором этих строк была предпринята попытка выяснить, с какой периодичностью велась летопись в Новгороде в XII в. Насколько удалось установить, манера работы новгородских летописцев этого времени тоже различалась. Так, летописец архиепископа Нифонта стремился вести летопись совершенно синхронно событиям, летописец владыки Аркадия пополнял летопись не чаще, чем раз год, при архиепископе Гаврииле летопись пополнялась бессистемно, а при его преемнике Мартирии — скорее всего, ежегодно. Наконец, летописец владыки Ильи чередовал периоды относительно синхронного ведения летописи (не реже, чем раз в год) с большими перерывами в работе (от двух до четырех лет). Впрочем, подобные перерывы были характерны и для других летописцев XII в. Например, целый ряд данных свидетельствует о том, что летописец архиепископа Нифонта, обычно практиковавший совершенно синхронное ведение летописи, статьи 6651–6655 гг. написал одновременно⁴⁰.

Названные выводы имеют различную степень гипотетичности. Для нас сейчас важно другое. В ходе изучения новгородского ле-

³⁹ См.: The Annals of Inisfallen reproduced in facsimile from the original manuscript (Rawlinson B 503) in the Bodleian Library / With a descriptive introduction by R. I. Best and E. MacNeill. Dublin, 1933; The Annals of Inisfallen (MS Rawlinson B 503) / Ed. with transl. and indices by S. MacAirt. Dublin, 1951; The Chronicle of Melrose from the Cottonian Manuscript, Faustina B. ix in the British Museum: A complete and full-size facsimile in collotype / With an intr. by A. O. Anderson and M. O. Anderson and an index by W. C. Dickinson. L., 1936; Гимон Т. В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 7–16; Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 182–183.

⁴⁰ Гимон Т. В. Как велась новгородская погодная летопись в XII в.? // ДГ, 2003 год. М., 2005. С. 316–352.

тописания XII в. были выработаны методические приемы, позволяющие судить о периодичности ведения летописи, не сохранившейся в оригинале. Они могут быть применены и к другим текстам или периодам. Вот важнейшие из этих приемов.

— Анализ порядка освещения событий в рамках погодной статьи. Если события освещаются в порядке, отличном от хронологического (например, обнаруживается закономерность такого типа: в начале каждой статьи данный летописец пишет о князьях, затем — о посадниках, затем — о церковном строительстве и т. п.), то летопись в этот период пополнялась не чаще, чем раз в год.

— Анализ случаев нарушения относительной хронологии. Наличие таких случаев также свидетельствует о том, что летопись не велась в соответствующий период совершенно синхронно событиям. Наоборот, особая приверженность летописца относительной хронологии (в ущерб логической связи между двумя событиями одного года) — свидетельство синхронности записи событиям.

— Анализ распределения точных (дневных) датировок по тексту летописи. Разумеется, наличие дневной даты само по себе не может гарантировать совершенную синхронность записи. Точные даты могли сохраняться в памяти, равно как и заимствоваться из каких-либо не дошедших до нас источников. Но дело в том, что дневные датировки почти всегда распределены по тексту летописи неравномерно. В одних погодных статьях наблюдаются их «скопления», в других — полное отсутствие. Рабочая гипотеза (которую необходимо проверять применительно к каждому отдельному летописцу) состоит в том, что отсутствие дневных датировок — это свидетельство несвоевременной, несинхронной записи данной статьи, тогда как их наличие, напротив, говорит о синхронности пополнения летописи в данный период.

Названные методики хороши тогда, когда их результаты подтверждают друг друга. В настоящей статье к ним добавятся еще две.

Во-первых, это, конечно, анализ *абсолютной хронологии* летописных статей. Если новгородские владычные летописцы XII в. последовательно придерживались мартовского стиля⁴¹, то в первой четверти XIII в. картина, как уже говорилось, совершенно иная. Поэтому при анализе рассматриваемого в настоящей статье текста

⁴¹ *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 241–247.

необходимо в первую очередь учитывать данные абсолютной хронологии летописных статей.

Во-вторых, еще одна методика будет использоваться в настоящей статье как вспомогательная. Несмотря на то что оригинал новгородской владычной летописи не сохранился, в нашем распоряжении имеется его довольно точная копия — Син. Эта рукопись (точнее — ее первая часть, доходящая до 1234 г.), как показал А. А. Гиппиус, с большой степенью точности воспроизводит не только стилистические, но и языковые, орфографические и даже кодикологические характеристики своего протографа. Так, например, писец Син. точно следовал за своим протографом в способе оформления «пустых годов» — «в столбик» (каждый год — с новым строки) или «в строчку»⁴².

Наблюдения над факсимильным изданием Син. показывают, что в одних случаях известия, входящие в состав той или иной погодной статьи, начинаются в этом списке с новой строки (как мы бы сейчас сказали, составляют отдельный абзац), а в других — начинаются на той же строке, где заканчивается предыдущее известие. Нельзя ли предположить, что подобное разнообразие является следствием разнообразия манер ведения летописи, и начало известия с новой строки может служить маркером начала очередного обращения летописца к своему труду⁴³? Это — рабочая гипотеза, которая может подтвердиться или не подтвердиться данными, полученными с помощью других методик. Если она подтверждается, мы получаем возможность более детально судить о том, с какой периодичностью велась летопись. Сразу отмечу, что применительно к летописи архиепископа Митрофана такая возможность исклю-

⁴² Гиппиус А. А. Автореф. С. 16; Гиппиус А. А. К истории... С. 64–65. Подобные примеры воспроизведения при копировании летописи не только текста, но и кодикологических особенностей протографа имеются и в западноевропейском, и в русском летописании: *Bately J. M. Manuscript Layout and the Anglo-Saxon Chronicle // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1988. Vol. 70. № 1. P. 21–43; Романова О. В. Ипатьевская летопись и Новгородско-Софийский свод // Опыты по источниковедению; Древнерусская книжность: Сб. ст. в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997. С. 59–66.*

⁴³ Т. е. того, что англоязычные исследователи называют «a fresh start».

чена, так как в ней почти каждое известие начинается с новой строки. Но вот применительно к «летописи Антония» эта гипотеза, как я попытаюсь показать ниже, не лишена оснований.

Перейдем теперь к практической части нашего исследования. Рассмотрим отдельно тексты, написанные летописцами архиепископов Митрофана и Антония.

Летописец архиепископа Митрофана (статьи 6708–6719 (1200–1211) гг.⁴⁴)

Для начала уточним границы этой летописи. Начинается она статьей 6708 г., а заканчивается, судя по лингвистическим данным, статьей 6718 г. Вместе с тем А. А. Гиппиус отмечает, что такому членению противоречит чрезвычайно доброжелательный по отношению к Митрофану характер записи о его изгнании (под 6719 г.). Поэтому, по мнению Гиппиуса, лингвистические особенности данной записи, связывающие ее с деятельностью летописца Антония, можно отнести на счет переписки этой записи при Антонии. Исходя из этого, Гиппиус считает возможным проведение границы между летописями Митрофана и Антония посреди статьи 6719 г., перед словами «Тъгда же бѣше пришьль, прѣже изгнания Митрофана архиепископа, Добрына Ядрѣковиць...»⁴⁵. Из такой локализации границы между летописями архиепископов Антония и Митрофана я и буду исходить в настоящей работе. Как уже говорилось выше, в первоначальном тексте летописи Митрофана отсутствовала «Повесть о взятии Царьграда фрягами». Я буду исходить из реконструкции первоначального текста летописи, предложенной А. А. Гиппиусом и приведенной выше.

⁴⁴ За конец летописи Митрофана в настоящей статье признаются слова: «...яко Иоанн Златоустъ и Григорий Акраганьскый, тую же и съ прия печаль, слава Бога».

⁴⁵ Гиппиус А. А. Дис. С. 199. Это предположение подтверждается другим наблюдением А. А. Гиппиуса (сообщено автору этих строк в устной беседе): один из рубежей палеографического характера (форма титла) проходит в летописи как раз перед только что процитированными словами. Из такой локализации границы между летописями архиепископов Антония и Митрофана я и буду исходить в настоящей работе.

Н. Г. Бережков, проанализировавший хронологию Н1 за эти годы, пришел к выводу, что статьи 6711 и 6714–6716 гг. — ультрамартовские, а статьи 6717–6719 гг. — на две единицы выше мартовских («ультра-ультрамартовские»)⁴⁶. А. А. Гиппиус скорректировал этот вывод Н. Г. Бережкова, показав, что *непрерывная* группа ультрамартовских статей начиналась в первоначальном тексте новгородской владычной летописи с 6711 г.⁴⁷. К этому следует добавить, что статьи 6708–6709 гг. не содержат никаких указаний на то, мартовские они или ультрамартовские, так что не исключено, что вся летопись Митрофана (кроме последних трех статей) была ультрамартовской⁴⁸. Таким образом, неясно, было ли введение ультрамартовского стиля в новгородском летописании связано с контактом между владимирским и новгородским летописанием (заимствования в статьях 6711–6713 гг.), как это предполагает Гиппиус⁴⁹, или с приходом на новгородскую кафедру владимирского ставленника Митрофана (6709 г.). Так или иначе, при Митрофане новгородским летописанием из Северо-Восточной Руси был воспринят ультрамартовский стиль, применявшийся в владычной летописью по крайней мере со статьи 6711 г. и вплоть до статьи 6716 г.

Каким образом вел летописец архиепископа Митрофана свою летопись?

В порядке размещения известий в пределах погодных статей в это время господствовал, судя по всему, хронологический принцип. Во всяком случае, следов тематического (иерархического) принципа в расположении известий не обнаруживается.

Случаи очевидного нарушения хронологической последовательности в изложении событий в тексте летописи Митрофана не-

⁴⁶ Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 247–248, 254–256.

⁴⁷ Гиппиус А. А. Дис. С. 89.

⁴⁸ Если это так, то статьи 6707 и 6708 гг. придется признать повествующими о событиях одного и того же года. В этом нет противоречия: в статье 6707 г. речь идет о политических событиях, архиепископах, строительстве, а в статье 6708 г. — о войнах новгородцев с литовцами и латгалами. Более того, эти военные столкновения могли произойти зимой, т. е., возможно, после того, как летописцем Гавриила и Мартирия была написана статья 6707 г.

⁴⁹ Гиппиус А. А. Автореф. С. 8.

многочисленны. В статье 6709 г. первое известие имеет даты 3 июля и 14 сентября, а второе известие — 15 апреля и лето⁵⁰. Это нарушение, очевидно, — следствие единовременной записи обоих известий, когда летописец первоначально зафиксировал поставление и прибытие в Новгород Митрофана, а затем — пожар церкви и дождливое лето. В статье 6714 г. вначале речь шла о событии 20 марта (приезде в Новгород Константина Всеволодича), а затем — о событии 19 марта (судя по суздальским летописям, именно тогда скончалась супруга Всеволода Юрьевича)⁵¹. Это нарушение хронологической последовательности, естественно, объясняется несвоевременным получением в Новгороде информации о последнем событии: летописец (когда бы он ни пополнял летопись) помнил, что о смерти жены Всеволода в Новгороде узнали позже, чем туда прибыл Константин (а о том, что княгиня умерла днем раньше, чем Константин приехал в Новгород, летописец мог просто не знать). О других нарушениях летописцем Митрофана относительной хронологии данных нет⁵².

Наоборот, в статье 6709 г. наблюдается особая приверженность летописи относительной хронологии. Два сообщения об отношениях с «варягами» разделены известием о строительстве крепости в Русе, т. е. хронологическая последовательность в изложении событий проводится летописцем в ущерб их логической связи. Это намного более вероятно при полностью синхронной записи.

В статьях летописи Митрофана нередко встречаются известия, имеющие точную дату. Точные датировки по числу месяца имеются в статье 6709 (3 даты), 6711, 6714 (2 даты), 6715, 6716 и 6719 гг.

⁵⁰ И. А. Тихомиров объяснил нарушение хронологической последовательности в статье 6709 г. сведением воедино двух источников (*Тихомиров И. А. О Тимофее — пономаре... С. 31*), однако для такого предположения нет решительно никаких оснований.

⁵¹ *Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 254.*

⁵² По мнению М. Х. Алешковского, нарушение относительной хронологии имеется в статьях 6716–6717 гг., содержание первой из которых относится к 1208 г., а второй — к 1207 г. (*Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод... С. 110*). Это утверждение Алешковского — следствие недоразумения. Полная дата, содержащаяся в статье 6716 говорит о ее ультрамартовском характере, т. е. и в этой статье речь идет о событиях 1207 (6715 мартовского) года (*Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 255*).

Две из этих точных дат *a priori* не могут служить свидетельством полной синхронности записи. В статье 6711 г. точную дату имеет известие, явно заимствованное из владимирского источника (о разорении Киева). В статье 6716 г. точная дата («въ субботу марта въ 17, на святого Аляксия») могла сохраняться в памяти очень долго, ибо «на святого Аляксия» был убит Олекса Сбыславич. Датировки по церковным праздникам, содержащиеся в статьях 6710 («на праздникъ»); 6713 («на вербьницу») и 6717 г. («въ недѣлю мясопустную»), также, разумеется, могли долго сохраняться в памяти и не могут служить критерием полной синхронности записи.

Таким образом, точные датировки, могущие служить для разрешения интересующего нас вопроса, имеются только в статьях 6709, 6714, 6715 и 6719 гг. Лишенными подобных датировок оказываются статьи 6708, 6710–6713 и 6716–6718 гг. Если точная дата может являться в этот период критерием полной синхронности записи, получается, что указанные три группы статей были созданы ретроспективно, т. е. в эти годы летопись не пополнялась и была пополнена затем единовременно. Проверим это предположение в каждом из трех случаев с помощью других данных.

1) **Статья 6708 г.** О поставлении и приезде в Новгород архиепископа Митрофана говорится только в статье 6709 г. Вполне естественно, что лишь после вступления в должность нового владыки приступил к работе новый летописец. Следовательно, статья 6708 г. была написана не раньше 14 сентября 6709 г. — времени приезда в Новгород Митрофана.

2) **Статьи 6710–6713 гг.** Как раз на эти годы приходится уникальная для новгородского летописания XII–XIII вв. группа заимствований из владимирского летописания, о которой говорилось выше. Эти заимствования находились в статьях 6711 и 6713 гг. (Статья 6712 г. была первоначально «пустой».) Представляется более чем вероятным, что эти заимствования были произведены в ходе единовременного пополнения летописи, а не в два или более приемов. Следовательно, статьи 6711–6713 гг. были написаны единовременно — скорее всего, вместе со статьей 6714 г., в которой имелись две точные даты. Обе точные даты статьи 6714 г. — весенние (20 марта и 18 мая), и, следовательно, тогда же, весной 6714 (ультрамартовского) года было, скорее всего, произведено попол-

нение летописи за 6711–6714 гг. с использованием владимирского летописания⁵³.

Что касается статьи 6710 г. (состоящей из одного известия), а также второй части статьи 6709 г. (не имеющей точных дат), то неясно, были ли они написаны в те же годы или, вместе с последующими статьями, в 6714 г. Первое представляется более вероятным, так как в противном случае заимствования из владимирского источника, вероятно, начинались бы не со статьи 6711, а со статьи 6710 или даже 6709 г.

3) Статьи 6716–6718 гг. Как уже говорилось, правильные ультрамартовские датировки заканчиваются в Н1 статьей 6716 г. В этой же статье имеется точная дата, которая, впрочем, как уже говорилось, могла быть записана позднее. Статьи 6717–6719 гг. обозначены на две единицы выше мартовских. По всей видимости, это явление следует трактовать как непреднамеренную ошибку летописца, в принципе придерживавшегося ультрамартовского счета, однако ошибавшегося в обозначении каждого года на одну единицу. Такая ошибка могла иметь место только при единовременном пополнении летописи за несколько лет, когда летописец, хорошо помнивший последовательность событий во времени, не мог правильно вспомнить номер каждого года. Продолжая пополнять летопись после 6716 г., летописец описал события того же 6716 (ультрамартковского) года под следующим, 6717 г. Тем самым произошел сдвиг на одну единицу, который был воспроизведен и в статье 6718 г. (рассказывающей о событиях 6717 ультрамартовского года), и в статье 6719 г. (о событиях 6718 ультрамартовского года⁵⁴). При таком объяснении более вероятным выглядит предположение, что статья 6716 г. была написана в том же ультрамартовском году, т. е. до перерыва в ведении летописи, который был

⁵³ Заманчиво было бы предположить, что использованный летописный памятник попал в Новгород вместе с приехавшим туда 20 марта 6714 (ультрамартковского) года князем Константином Всеволодичем.

⁵⁴ В самой этой статье не содержится данных, свидетельствующих в пользу ее интерпретации как «ультра-ультрамартовской», однако об этом говорит ее нахождение между двумя такими статьями — статьей 6718 и статьей 6720 г. (см. след. раздел).

заполнен единовременно и с хронологическим сдвигом (статьи 6717–6719 гг.).

Итак, статьи 6717–6719 гг. были написаны единовременно — после 22 января 6717 мартовского года (т. е. 10 января 1212 г.) — даты изгнания Митрофана, которому посвящено последнее известие митрофановой летописи, имеющее к тому же точную дату. Когда именно произошло это пополнение, не вполне ясно. Неправильная датировка статьи 6719 г. говорит о более позднем, чем 6717 мартовский год, времени записи. Вместе с тем пополнение это произошло, очевидно, до 6723 (мартовского) года, когда приступил к работе, как это будет показано ниже, летописец архиепископа Антония.

В качестве догадки предположу, что новгородская владычная летопись была увезена Митрофаном во Владимир (где, как явствует из известия Н1 под 6726 г., Митрофан находился в период своего изгнания) и там пополнена за последние годы правления Митрофана. В 6723 мартовском (1215) году из Новгорода ушел князь Мстислав Мстиславич и здесь вокняжился представитель Северо-Восточной Руси Ярослав Всеволодич, в свите которого и могла вернуться в Новгород владычная летопись, пополнение которой летописцем Антония началось как раз в 6723 г. (см. ниже).

Здесь уместно вспомнить об уже упоминавшемся предположении Т. Л. Вилкул. Согласно исследовательнице, тот факт, что события весны и осени 6715 мартовского года описаны в Н1 под разными годами (6716 и 6717 соответственно), объясняется стремлением летописца скрыть от внимания читателя связь между этими событиями⁵⁵. Напомню, что речь идет об убийстве Олексы Сбыславича (судя по всему, связанном с приездом в Новгород «Всесволожа мужа» Лазаря — то и другое описано под 6716 г.) и о восстании в Новгороде против Мирошкиничей (описано под 6717 г.). Подобная «провсволодовская» манипуляция (если это действительно она, а не просто ошибка памяти, в общем-то естественная при пополнении летописи спустя несколько лет после событий) вполне могла быть произведена во Владимире между 1212 г. (изгнание Митрофана из Новгорода) и 1215 г. (предположительное возвращение владычной летописи в Новгород).

⁵⁵ Вилкул Т. Л. Хронологические сбои... С. 22–23.

Приведенные рассуждения удобно представить в виде таблицы:

**Таблица 3. Данные о процессе работы
летописца архиепископа Митрофана**

Наличие датировок по числам месяца	Прочие соображения
6708 — нет	6708 — владыка Митрофан еще не был рукоположен
6709 — есть	6709 — особая приверженность относительной хронологии;
6710–6713 — нет	6711–6713 — группа заимствований из владимирского источника
6714–6716 — есть	
6717–6719 — нет (кроме последнего известия)	6717–6719 — сбой в абсолютной хронологии — «ультра-ультармартовские» датировки

Таким образом, деятельность летописца архиепископа Митрофана предстает в виде чередования периодов синхронного ведения летописи и периодов, описывавшихся единовременно. Полностью синхронно были созданы статьи 6709–6710 (?) и в 6714–6716 гг. Ретроспективно были написаны статьи 6709, 6711 (или 6710) — 6713 и 6717–6719 гг. (последняя группа статей была написана уже после изгнания Митрофана, возможно — во Владимире). Летописец архиепископа Митрофана на всем или почти на всем протяжении своей летописи применял ультрамартовский стиль летосчисления, заимствованный им из Северо-Восточной Руси.

**Летописец архиепископа Антония
(статьи 6719–6734 (1211–1226) гг.⁵⁶)**

Этот текст отличает чрезвычайная хронологическая запутанность. Статьи 6719–6722 гг. обозначены на две единицы выше мар-

⁵⁶ За начало летописи Антония принимаю слова «Тѣгда же бѣше пришълъ, прѣже изгнанія Митрофаня архієпископа» в статье 6719 г. Заканчивается текст, созданный антониевым летописцем, согласно А. А. Гиппиусу, словами «априля въ 16 день, въ великыи четверток» (середина статьи 6734 г.) (Гиппиус А. А. Автореф. С. 21).

товского стиля («ультра-ультрамартовские»), статьи 6723–6725 гг. — мартовские, статьи 6726–6728 (?) гг. — ультрамартовские, а группу статей 6729–6734 гг. можно в целом охарактеризовать как мартовскую. Наконец, в статьях 6725 и 6730 гг. под одним годом объединены события того мартовского года, которым обозначена статья, и предыдущего мартовского года.

Такая непоследовательность в хронологии может быть как результатом частых перемен стиля, которого придерживался владычный летописец, так и следствием особенностей ведения погодной летописи в этот период. Проверим вторую возможность, рассмотрев другие (кроме хронологии) данные, могущие пролить свет на то, каким образом в этот период пополнялась новгородская летопись.

Последовательность изложения событий во всех статьях является, по-видимому, хронологической. Во всяком случае, следов применения другого принципа мною обнаружено не было. Наоборот, в одном случае наблюдается особая приверженность летописи хронологическому принципу освещения событий. Под 6732 г. известие об окончании строительства церкви архангела Михаила отделено от сообщения об освящении храма двумя другими известиями. Такое разнесение двух сообщений об одной и той же церкви в одном и том же году может свидетельствовать только о разновременности этих двух записей, т. е. о полной (или почти полной) синхронности пополнения летописи в 6732 г.

Что касается нарушений относительной хронологии, то их выявлено несколько. Текст летописи Антония начинается с такого нарушения: Антоний вернулся в Новгород «прѣже изгнания Митрофана архиепископа». Но это — начало работы летописца, и нарушение относительной хронологии здесь вполне естественно.

Далее, летописец под 6720 г. пишет о двух военных столкновениях, второе из которых, судя по данным «Хроники Ливонии», датируется концом 6717 — началом 6718 мартовского года⁵⁷. При этом статья 6719 г., о которой речь шла выше, обозначена на две единицы выше мартовского года, т. е. рассказывает о событиях 6717 г. Как справедливо пишет М. Х. Алешковский, события, о которых идет речь в заключительном известии статьи 6719 г. (и, соответственно, первом известии летописи Антония), — поездка Ан-

⁵⁷ Березюков Н. Г. Указ. соч. С. 256.

тония в Киев и его строительная деятельность по возвращении — не могли уложиться в промежуток между 22 января 6717 г. и окончанием этого мартовского года; речь в этом известии идет о событиях зимы 6717 — весны (и, возможно, лета) 6718 мартовского года⁵⁸. Следовательно, последнее известие статьи 6719 г. и статья 6720 г. сообщают о событиях, происходивших одновременно⁵⁹.

Согласно Н. Г. Бережкову, единственное известие статьи 6721 г. и первые два известия статьи 6722 г. сообщают о событиях, происходивших одновременно — в самом конце 6719 мартовского года (Бережков основывается на данных «Хроники Ливонии»⁶⁰).

Наиболее существенное нарушение относительной хронологии как будто имеется в статье 6727 г. Рассказ о распре в Южной Руси завершается здесь словами: «...а самъ сѣдѣ въ Галиции, а Володимиръ Рюриковиць Киевѣ». Н. Г. Бережков обратил внимание на то, что Владимир Рюрикович сел в Киеве лишь пятью годами позже⁶¹. Мы знаем о вокняжении Владимира в Киеве в июне 1223 (6731) г.⁶², из чего как будто следует, что данное известие статьи 6727 г. написано не ранее лета 6731 мартовского года. С другой стороны, у нас нет сколько-нибудь уверенных оснований считать, что в 6727

⁵⁸ Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод... С. 106.

⁵⁹ В известии об избрании Антония летописец говорит: «...и волею Божиею възлюби и князь Мьстислав и вси новгородци». Следовательно, во время избрания Антония на кафедру Мстислав находился в Новгороде. Второе известие статьи 6720 г. (о походе, который, согласно «Хронике Ливонии», датируется концом 6717 — началом 6718 мартовского года) открывается словами «потом же на зиму». Следовательно, первый поход был не зимой, а раньше, где-то в течение 6717 г. Если около 22 января Мстислав был в Новгороде, то последовательность событий была такой: 1) первый поход Мстислава (первое известие статьи 6720 г.); 2) изгнание Митрофана и избрание Антония (около 22 января 6717 г. — последнее известие статьи 6719 г.); 3) второй поход Мстислава (второе известие статьи 6720 г.); 4) возвращение Антония из Киева и его строительная деятельность.

⁶⁰ Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 256–257.

⁶¹ Там же. С. 260.

⁶² Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 474.

ультрамартовском (1218) году Владимир Рюрикович не стал киевским князем: другие летописи о судьбе киевского стола в это время ничего не сообщают. Поэтому не будем пока считать известие Н1 об этом князе анахронизмом⁶³, вынесем его, так сказать, за скобки наших рассуждений.

В той же статье 6727 г. после известия о походе новгородцев на Пертуев⁶⁴ читается сообщение о вторичном избрании Митрофана и изгнании Антония, а затем — известие об избрании посадника и тысяцкого. Это известие начинается словами: «Пришьдъше же от Пъртуева». Как отметил Н. Г. Бережков, частица «же» может быть истолкована в данном случае двумя противоположными способами. Во-первых, она может означать, что события вокруг владычной кафедры происходили во время похода на Пертуев, тогда как по возвращении новгородцев оттуда произошло переизбрание посадника и тысяцкого. Во-вторых, та же самая частица «же» может означать, что смена архиепископов произошла спустя некоторое время после возвращения новгородцев, а избрание новых посадника и тысяцкого — сразу по возвращении⁶⁵. В. Л. Янин однозначно предпочел первую возможность⁶⁶. Мне представляется, что эти две трактовки равновероятны⁶⁷. В любом случае, очевидно, что все три

⁶³ О. М. Рапов считает, что Владимир Рюрикович действительно вокняжился в Киеве в 6727 г. или около этого времени: С другой стороны, согласно приводимым самим исследователем летописным данным, интересующий нас князь и под 6724, и под 6731 гг. проходит как князь смоленский, тогда как на киевском престоле и до, и после 6727 г. упоминается Мстислав Романович (*Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 179, 181*). Считаю наиболее правильным оставить пока вопрос о Владимире Рюриковиче открытым.

⁶⁴ Пертуев — это, скорее всего, то же, что и Кесь, т. е. ливонский город Венден (Цесис) (*Аннинский С. А. Комментарии // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 545*), хотя эта идентификация и небесспорна (*Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы... С. 178–179, 295*).

⁶⁵ *Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 260.*

⁶⁶ *Янин В. Л. К хронологии... С. 93.*

⁶⁷ Аргументом в пользу второй трактовки может являться то, что и в известии о походе на Пертуев, и в известии о борьбе вокруг владычной кафедры фигурируют «новгородцы». Впрочем, вопрос о значении этого термина далеко выходит за рамки настоящей работы. М. Х. Алешковский

известия были написаны одновременно: летописец не мог описать поход на Пертуев до возвращения новгородцев, избрание посадника и тысяцкого синхронно этому возвращению, а известие о борьбе между Антонием и Митрофаном предшествует в тексте летописи сообщению о переизбрании посадника и тысяцкого и, следовательно, было написано тогда же.

Таким образом, нарушения относительной хронологии имеются в летописи Антония в статьях 6719–6722 и 6727 гг.

Рассмотрим теперь распределение по тексту, написанному летописцем архиепископа Антония, дневных дат. Точные даты с указанием числа месяца имеются в статьях 6722, 6723 (2 даты), 6724 (3 даты), 6725, 6726 (3 даты)⁶⁸, 6728 (2 даты), 6731, 6732 (2 даты)⁶⁹, 6734 гг. Что касается точной даты в статье 6722 г., то она, как показал Н. Г. Бережков, — ошибочна⁷⁰. Ошибочность даты — скорее всего, следствие несвоевременной записи. Важно другое. Летописец архиепископа Антония мог заносить в летопись точные даты событий, отдаленных по времени от момента записи, и мог при этом ошибаться. Следовательно, точная дата сама по себе не может в этот период служить критерием полной синхронности записи.

Тем не менее дневные даты, указывающие на число месяца (без учета неверной даты 6722 г.) распределены по тексту летописи неравномерно: они есть в статьях 6723–6726, 6728, 6731–6732 и 6734 гг. Статьи 6719–6722, 6727, 6729 и 6733 гг. дневных дат лишены.

предполагает третью возможность. По его мнению, запись о борьбе Митрофана и Антония — более поздняя вставка, разорвавшая доселе единый рассказ о походе на Пертуев и последующем переизбрании высших должностных лиц Новгорода (*Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод... С. 107). Однако, на мой взгляд, любое предположение о первоначальном происхождении какого-либо чтения, общего для обоих изводов Н1, требует серьезной дополнительной аргументации. В данном случае она отсутствует.

⁶⁸ Включая две даты, читающиеся одна — только в Син., а другая — только в Н1 младшего извода, но не включая точную дату из вставного рассказа о преступлении Глеба Рязанского.

⁶⁹ Я не учитываю, естественно, точную дату, имеющуюся в тексте вставной повести о битве на Калке.

⁷⁰ Воскресенье сыропустной недели не приходилось на 1 февраля ни разу ни в XII, ни в XIII в. (*Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 256–257).

Деление погодных статей на «абзацы» в Син. Имеется в статьях 6723, 6725 (?)⁷¹, 6726 (?), 6727, 6730, 6732 (?)⁷² и 6734 гг. В остальных погодных статьях оно отсутствует.

Рассмотренные выше данные удобно обобщить в виде таблицы:

Таблица 4. Данные о процессе работы летописца архиепископа Антония

Абсолютная хронология	Нарушения относительной хронологии	Дневные даты	Деление погодных статей на «абзацы» (по Син.)
6719–6722 — у/м+1	6719–6722 — есть нарушения	6719–6721 — нет	6719–6722 — нет
6723–6725 — март.		6722 — ошибочная дата + дата по церковному празднику	
		6723–6726 — есть	6723 — есть 6724 — нет 6725–6726 — есть (?)
6726–6728 — у/м		6727 — нет	6727 — есть
6729–6734 — март.	6727 — есть нарушения	6728 — есть	6728–6729 — нет
		6729–6730 — нет	6730 — есть
		6731–6732 — есть	6731 — нет 6732 — есть (?)
		6733 — нет	6733 — нет
		6734 — есть	6734 — есть

Как видим, данные по разным параметрам в принципе коррелируют, хотя и не вполне точно. Рассмотрим их более пристально.

⁷¹ Здесь и далее вопросительный знак означает, что имеются случаи, когда следующее известие начинается с новой строки, однако предыдущее заканчивается *очень близко* от конца предыдущей строки.

⁷² В этой статье *безусловно* с новой строки начинается только вставная повесть о битве на Калке.

Однозначно выделяется группа статей 6719 (последнее известие) — 6722 гг. Они имеют обозначение на две единицы выше мартовского («ультра-ультрамартовское»). На эти же статьи приходится ряд нарушений относительной хронологии определенного типа: в соседних статьях говорится о событиях, происходивших одновременно (содержание статьи 6720 г. синхронно содержанию последнего известия статьи 6719 г., а содержание статьи 6721 г. синхронно содержанию части статьи 6722 г.). В этих статьях отсутствуют точные датировки (кроме статьи 6722 г., в которой имеется одна ошибочная полная дата и одна датировка по церковному празднику). Наконец, внутри статей 6719–6722 гг. ни одно известие в Син. не начинается с новой строки.

Все вместе эти данные с неопровержимостью свидетельствуют, что статьи 6719–6722 гг. были написаны не синхронно событиям, а единовременно, не раньше 6723 (1215) г. Что касается обозначения этих статей на два года выше мартовского, то оно объясняется просто: летописец Антония продолжал летопись Митрофана, в последних статьях которой такой сдвиг уже имел место.

Со статьи 6723 г. начинается правильное мартовское обозначение годов, которое продолжается до статьи 6725 г. (ее начальная часть относится к предыдущему, 6724 мартовскому году⁷³, что не мешает ее общей характеристике статьи как мартовской)⁷⁴. Во всех этих статьях имеются дневные даты, а нарушения относительной хронологии, напротив, отсутствуют. Наконец, в Син. со статьи 6723 г. появляется деление на «абзацы». В статье 6723 г. с новой строки начинаются три (или четыре) известия⁷⁵. Возможно, с новой строки начинается и сообщение о возвращении Мстислава в Новгород в статье 6725 г.

⁷³ *Березков Н. Г.* Указ. соч. С. 259.

⁷⁴ Статья 6724 г. обширна и рассказывает фактически об одном событии — Липицкой битве, имевшей место в апреле 6724 г. Поэтому летописец, приступая год спустя (после 31 мая, судя по точной дате), к очередному пополнению летописи, описал зимние события 6724 г. (отстоявшие по времени от Липицкой битвы гораздо дальше, чем от момента записи) уже под новым, 6725 г.

⁷⁵ В одном случае невозможно определить, начинается ли известие с новой строки, поскольку предыдущее известие заканчивается почти в самом конце строки.

По совокупности этих данных можно заключить, что статьи 6723–6725 гг. написаны не единовременно, а в несколько приемов в течение соответствующих лет. Наблюдения над точными датами позволяют, как кажется, уточнить способ ведения летописи в эти годы. Датировки по числам месяцев в эти годы таковы: 21 мая и Соборное воскресенье — начало 6723 мартовского года, 11 февраля (в конце 6723 г.); 1 марта, 9 и 21 апреля 6724 г.; 31 мая 6725 г. Легко заметить, что все эти даты относятся к весне или концу зимы. Это позволяет предположить ежегодное пополнение летописи — весной или в начале лета, т. е. в первые месяцы каждого нового мартовского года. Вероятно, впрочем, что статья 6723 г. была написана в три или в четыре приема: по крайней мере, столько раз в ней известия начинаются с новой строки. Впервые летописец Антония обратился к летописи весной 6723 мартовского года, после вокняжения в Новгороде Ярослава Всеволодича. Тогда же, по видимому, были написаны и ретроспективные статьи 6719 (последнее известие) — 6722 г.

В предыдущем разделе была высказана догадка о том, что владычная летопись вернулась в Новгород из Владимира вместе с князем Ярославом Всеволодичем, приехавшим сюда как раз в начале 6723 г. Знаменательно, что *следующее* известие после сообщения о приезде в Новгород Ярослава начинается в Син. с новой строки. Иначе говоря, этот «абзац» знаменует собой *второе* обращение летописца Антония к своему труду (при первом обращении были написаны статьи 6719 (последнее известие) — 6723 — вплоть до сообщения о прибытии в Новгород Ярослава).

До сих пор данные, полученные с помощью разных методик, идеально коррелировали. Со статьями 6726–6734 гг. дело обстоит сложнее. С одной стороны, статьи 6726–6728 гг. достаточно однозначно определяются как ультрамартовские, затем летопись опять возвращается к мартовскому стилю. С другой стороны, дневные даты имеются в статьях 6726 (3 даты), 6728 (2 даты), 6731–6732 (соответственно 1 и 2 даты) и 6734 (1 дата⁷⁶) гг. С третьей стороны, деление на «абзацы» наблюдается в статьях 6726 (?), 6727, 6730, 6732 (?) и 6734 гг., а нарушения относительной хронологии имеют только в статье 6727 г.

⁷⁶ В части, написанной летописцем Антония, а не его продолжателем.

Более или менее определенная ситуация вырисовывается лишь со статьями 6732 и 6734 гг. В них сходятся: правильные мартовские даты, дневные датировки, отсутствие нарушений относительной хронологии и наличие деления на «абзацы». Следовательно, есть все основания признать, что эти статьи написаны синхронно событиям, в эти же годы.

Особенно яркой в этом отношении представляется статья 6732 г. В ней имеется случай, совершенно уникальный во всем новгородском летописании XII–XIII вв.: известие об окончании строительства церкви архангела Михаила и сообщение о ее освящении отделены друг от друга двумя известиями на другие темы! Такая особенная приверженность летописца относительной хронологии, даже в ущерб совершенно очевидной логической связи между событиями, говорит, конечно, о том, что в 6732 мартовском году летопись велась синхронно событиям.

Статья 6733 г. не имеет ни точных дат, ни деления на «абзацы» и потому, вероятно, была написана единовременно, возможно, в следующем году.

Статья 6731 г. имеет полную дневную дату, соответствующую 6731 мартовскому году. В ней отсутствуют нарушения относительной хронологии, но нет и деления на «абзацы». Вероятно, поэтому, что вся статья была написана единовременно — в этом или следующем (6732) мартовском году.

В статье 6730 г., наоборот, отсутствуют точные даты⁷⁷, но имеется деление на «абзацы». Нарушений относительной хронологии тоже нет. В то же время первая часть статьи 6730 г. рассказывает о событиях предыдущего, 6729 мартовского года⁷⁸. Происхождение этой статьи, таким образом, не вполне ясно. Баланс аргументов скорее склоняется в сторону ретроспективного характера этой статьи.

Статья 6729 г. состоит из одного известия, тесно связанного с началом статьи 6730 г., так что, наверное, была написана одновременно со статьей 6730 г. или ее первой частью (если статья 6730 г. создавалась в несколько приемов).

⁷⁷ Если не считать вставного известия о взятии Полоцка, имеющегося только в Н1 младшего извода (*Гиппиус* А. А. К истории... С. 21, примеч. 56).

⁷⁸ *Березисков* Н. Г. Указ. соч. С. 261.

Остаются статьи 6726–6727 гг. — самые сложные для анализа. Это довольно объемистые погодные статьи, повествующие о бурных событиях новгородской истории, и в том числе — об изгнании архиепископа Антония и вторичном призвании Митрофана на новгородскую кафедру.

Эти три статьи составляют ультрамартовскую группу, контрастируя тем самым с предыдущим и последующим текстом. Под 6727 г. рассказывается о походе новгородцев на Пертуев (Венден), а этот поход, судя по «Хронике Ливонии», датируется осенью 6726 мартовского года. Статьи 6726 и 6727 гг. должны быть также признаны ультрамартовскими, поскольку из содержания статей 6726–6728 гг. очевидно, что речь в них идет о событиях трех последовательных годов⁷⁹. Дневные даты имеются в статьях 6726 и 6728 гг. В статье 6727 г. они отсутствуют. Нарушение относительной хронологии имеется в статье 6727 г., но оно свидетельствует лишь о том, что три последних известия этой статьи были написаны одновременно. Деление на «абзацы» имеется в статье 6727 г. (причем последние четыре известия составляют одни «абзац»), а также, возможно, в статье 6726 г.

Наличие точных дат и деления на «абзацы», а также почти полное отсутствие видимых нарушений относительной хронологии свидетельствуют как будто о синхронной природе статей 6726–6728 гг. В то же время их ультрамартовская датировка, контрастирующая с предыдущим и последующим текстом, заставляет в этом усомниться!

Возможно несколько вариантов выхода из этого противоречия.

⁷⁹ Статьи 6726–6728 гг. могут быть признаны мартовскими только в двух случаях: 1) если окажется, что новгородцы ходили на Пертуев не со Всеволодом, а со Святославом, а имя Всеволода в этом известии — плод согласований летописца. Именно такую подмену имен подозревали в этом месте летописи А. А. Куник и С. А. Аннинский (*К[уник А. А.] Указ. соч. С. 751–752; Аннинский С. А. Указ. соч. С. 545–546*). Оба исследователя, однако, основывались как раз на данных хронологии, принимая буквально летописную датировку смены на новгородском княжеском столе, так что, встав на точку зрения Куника и Аннинского, мы попадем в замкнутый круг; 2) если выяснится ошибка в датировке похода новгородцев на Венден в «Хронике Ливонии». Поскольку для второго тоже данных пока нет, приходится признать всю группу статей 6726–6728 гг. ультрамартовской.

1) Летопись в 6726–6728 гг. действительно велась более или менее синхронно событиям, а временный переход новгородского летописания к ультрамартовскому стилю связан с возвращением архиепископа Митрофана (как мы помним, во время его первого пребывания на кафедре летопись придерживалась как раз ультрамартовского стиля). Этому, однако, противоречит то обстоятельство, что об официальном возвращении Митрофана на кафедру говорится только в статье 6728 г., тогда как дневные датировки и деление на «абзацы» имеются в предыдущих статьях.

2) Статьи 6726–6728 гг. написаны одновременно, «задним числом». В таком случае «ультрамартовский» характер этих статей объясняется не осознанным переходом к другому стилю, а нечаянным хронологическим сдвигом. (В летописи уже была статья 6725 г., и летописец продолжил изложение уже с нового года, хотя речь шла о событиях того же, 6725 мартовского года.) При таком объяснении остаются непонятными скопления дневных дат в статьях 6726 и 6728 гг., а также деление статьи 6727 г. на «абзацы». То и другое, конечно, не может рассматриваться как стопроцентное доказательство синхронности записи⁸⁰, но ведь на примере других статей «летописи Антония» мы убедились, что обычно дневные даты и «абзацы» появляются именно при синхронном записывании событий!

3) Согласовать все эти данные можно в том случае, если допустить, что ультрамартовские обозначения статей 6726–6728 гг. — все-таки не первоначальные и в древности имела место какая-то редаKTура. Как мы помним, летописец архиепископа Митрофана (статьи

⁸⁰ Как уже говорилось, точные даты могли в этот период записывать: ся и по памяти. Кроме того, точные даты статьи 6728 г. — 17 марта и 8 февраля. В первый из этих дней церковь отмечает память св. Алексия, человека Божия. Это праздник часто фигурирует в новгородской летописи за первую треть XIII в. (статья 6716 г., некролог 6740 г.), так что летописец мог запомнить, что приезд Митрофана в Новгород произошел в день св. Алексия. 8 февраля (дата пострижения Твердислава Михалковича в монахи) — день памяти св. Феодора Стратилата. Имя Феодор носил брат Твердислава — ср.: Н1 под 6727, 6732 г.; список посадников (ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 472); Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 12. Поэтому вероятность воспроизведения этих двух точных дат летописцем по памяти достаточно велика. Но в любом случае остаются дневные даты статьи 6726 г.

6708–6719 гг.) придерживался ультрамартовского стиля. Может быть, вторичное возвращение на кафедру Митрофана и привело к правке номеров годов в заключительных на тот момент статьях владычной летописи? Для подтверждения этого предположения следовало бы найти в тексте статей 6726–6728 гг. еще какие-нибудь признаки непервоначальности.

Один такой признак давно известен — это вставная повесть о преступлении Глеба Рязанского (включена в новгородскую летопись под 6726 г., в Лаврентьевской летописи читается под 6725 г.). По мнению А. А. Гиппиуса, эта повесть была вставкой в кодикологическом смысле, т. е. представляла собой отдельный лист, вложенный в рукопись новгородской владычной летописи. Именно поэтому данная вставка никак не отразилась в Н1 младшего извода: вставной лист или был к XV в. утерян, или его попросту забыли переписать⁸¹.

Другой признак непервоначальности можно усмотреть в двух «зеркальных» разночтениях в статье 6726 г. В Син. непосредственно перед повестью о преступлении Глеба Рязанского имеется уточнение («по Ростиславици, и приде в Новѣгородъ мѣсяца августа въ 1») (речь идет о приглашенном на новгородское княжение смоленском князе Святославе). В Н1 младшего извода данное уточнение отсутствует. Наоборот, только в Н1 младшего извода в той же статье 6726 г. имеются слова «месяца априля въ 1 день, а самъ выихавъ въ 5 день» (речь идет о похоронах Василия Мстиславича и об отъезде Мстислава Мстиславича из Новгорода). В Син. этих слов нет. Конечно, можно признать оба разночтения результатом случайных пропусков — в одном случае создателя Н1 младшего извода, а в другом — писца Син. Однако то, что эти разночтения находятся рядом и очень похожи (в обоих случаях имеются точные даты и речь идет о сменах новгородских князей), наводит на другую мысль. Такое впечатление, что в обоих случаях в оригинале — новгородской владычной летописи — имели место приписки на полях (или между строк), одна из которых оказалось воспроизведенной в Син., а другая — в Н1 младшего извода⁸². Некоторые дру-

⁸¹ Гиппиус А. А. К истории... С. 13–14.

⁸² Еще одной припиской на полях или между строк могли быть упоминавшиеся слова «а Володимиръ Рюриковицъ Киевѣ» (в статье 6727 г.).

гие возможные следы редактуры в статьях 6726 и 6727 гг. недавно обнаружил А. А. Гиппиус⁸³.

Все сказанное позволяет предположить, что текст за 6726–6727 гг. в Н1 подвергался правке, однако при этом не переписывался заново. В него была вставлена (на отдельном листе) повесть о преступлении Глеба Рязанского и сделаны (в виде приписок на полях или между строк) два уточнения о новгородских князьях. Подобный способ редактирования (без переписки всего текста) известен как на русских, так и на зарубежных примерах. Можно вспомнить промосковские исправления в Син. в статьях 6746 и 6840 гг.⁸⁴, а также многочисленные исправления и дополнения в тексте и на полях, делавшиеся в «Паркеровой хронике» — англосаксонской летописи, ведшейся с начала X по начало XII в.⁸⁵. Помимо прочего, правке в этой летописи подверглась хронология: чтобы устранить дублировки номеров годов три читателя этой рукописи последовательно «исправляли» номера годов, из-за чего в некоторых частях текста образовался «хронологический сдвиг» на 1–4 года. Эти исправления видны как в самой рукописи, так и при сличении с родственными текстами, восходящими к тому же протографу⁸⁶. Не была ли замена мартовской нумерации годов на

Однако, как уже говорилось, непонятно, действительно ли это анахронизм, или Владимир Рюрикович и впрямь сел в Киеве в 6727 ультрамартовском (1218) году.

⁸³ Благодарю А. А. Гиппиуса, поделившегося со мной этими наблюдениями в устной беседе.

⁸⁴ См. примечания А. Н. Насонова: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 75, 99.

⁸⁵ The Parker Chronicle and Laws (Corpus Christi College, Cambridge, MS. 173): A Facsimile / Ed. by R. Flower and H. Smith. L., 1941; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Cambridge, 1986. Vol. 3: MS A: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by J. M. Bately.

⁸⁶ Правда, английские летописцы пользовались римской цифирью, исправлять которую проще, чем кириллическую: в большинстве случаев достаточно просто приписать справа лишнюю палочку. Однако там, где было необходимо, правщики прибегали и к выскабливанию римских цифр, так что в исправлении таким способом кириллической цифири не вижу ничего невозможного. О правке номеров годов в «Паркеровой летописи» см., напр.: *Dumville D. N. Wessex and England from Alfred to Edgar*:

ультрамартовскую результатом такой же правки в уже написанной рукописи? Конечно, это только догадка, но, как кажется, наилучшая из возможных.

Как бы то ни было, эта догадка (и затруднения, которые вызывали к жизни ее появление) относится *только* к статьям 6726–6728 гг. Для остальных статей летописи Антония (6719–6734 гг.) данные, полученные при помощи разных методик, хорошо согласуются друг с другом. В результате история пополнения летописи в период деятельности летописца Антония рисуется следующим образом.

После изгнания Митрофана (22 января 6717 [1212] г.) летопись в течение нескольких лет не пополнялась. Затем (после вокняжения в Новгороде Ярослава Всеволодича в начале 6723 [1215] г.) летописец Антония приступил, наконец, к своему труду, написав статьи 6719 (заключительное известие) — 6723 г. (начало статьи). Затем, в течение нескольких лет летописец Антония обращался к летописи ежегодно — весной или в начале лета (так было в 6723 [1215] — 6725 [1217] гг.). История написания статей 6726–6728 гг. пока не вполне ясна: нельзя исключить того, что их текст непервоначален и подвергся редактуре (возможно, исправлениям в той же рукописи, без переписки). Также не вполне ясно (из-за недостатка данных), каким образом были написаны статьи 6729–6731 гг. С 6732 г., безусловно, возобновилось синхронное записывание событий, причем в течение 6732 г. летопись пополнялась по меньшей мере дважды. Статья 6733 г. была написана единовременно, а статья 6734 г. — совершенно синхронно событиям. Летописец архиепископа Антония в основном придерживался, в отличие от своего предшественника, мартовского стиля. Отступление от мартовского стиля в статьях 6719–6722 гг. — следствие ошибки при несвоевременной записи. Ультрамартовский характер статей 6726–6727 гг., возможно, является следствием правки номеров годов (может быть, связанной с временным возвращением на новгородскую кафедру приверженца ультрамартовского стиля Митрофана).

Итак, как кажется, цель этой статьи можно признать в основном выполненной. Для большей части хронологических сдвигов и

сбоев статей Н1 за первую четверть XIII в. удалось найти объяснение, не прибегая к предположению о редакции. Они объясняются в основном совокупностью двух факторов: 1) пристрастие летописца архиепископа Митрофана к ультрамартовскому стилю, а летописца архиепископа Антония — к мартовскому; 2) длительные перерывы в ведении летописи, после которых летопись пополнялась единовременно за несколько лет, что приводило к хронологическим сдвигам и ошибкам. Только для статей 6726–6727 гг. такое объяснение не действует, и, следовательно, применительно к этим статьям необходимо проверить предположение о возможной редакции.

Н. Ф. Котляр

Галицко-Волынский свод: летопись или собрание повестей?

Десять лет назад мною была опубликована книга о структуре и характере Галицко-Волынской летописи¹. В ней предложено пересмотреть традиционный взгляд на этот чрезвычайно важный источник древнерусской истории XIII в. и считать его не традиционной летописью, а собранием больших и малых повестей, посвященных жизнеописанию сыновей и внуков галицко-волынского князя Романа Мстиславича.

Соображения в пользу предложенного взгляда на структуру Галицко-Волынского свода содержатся во многих местах, указанных в примечании монографий и ряде статей². Здесь же я попытаюсь собрать их воедино, разлив и углубив некоторые положения

¹ Котляр М. Ф. Галицко-Волыньський літопис XIII ст. Київ, 1993; через несколько лет эта работа была опубликована в несколько сокращенном виде на русском языке: Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // ДГ. 1995 г. М., 1997.

² Котляр Н. Ф. Жанр и композиция Галицко-Волынской летописи // ВЕДС: Спорные проблемы истории. М., 1993; Котляр М. Ф. Структура Галицко-Волыньського літопису // Другий міжнародний конгрес українців: Доповіді і повідомлення. Історія. Львів, 1994; и др.

концепции. Написанию этой статьи в немалой степени способствовала многолетняя работа над составлением комментария к изданию Галицко-Волынского свода по Хлебниковскому списку, вышедшему из печати в конце 2002 г.³ Надеюсь, что наше с В. Ю. Франчук (ею подготовлен текст свода) издание будет способствовать оживлению научного интереса к Галицко-Волынскому своду и появлению новых работ, в том числе — о его характере и структуре.

Необходимо отметить, что со времени открытия Галицко-Волынского свода Н. М. Карамзиным ученые не раз отмечали его своеобычность, значительное отличие от других памятников летописного жанра. Карамзину принадлежит немало ценных наблюдений над текстом свода, он первым отметил, что хронологическая сетка (как и разбивка на погодные статьи) была грубо, с большими ошибками позднее приделана к Ипатьевскому списку (ученый знал и Хлебниковский список, в котором разбивка на статьи и даты событий, как известно, отсутствуют)⁴. Необычность Галицко-Волынской летописи подчеркнул и К. М. Бестужев-Рюмин; он указал на ее большое своеобразие, отличавшее памятник от традиционных летописных сводов, в частности отметил ее более стройную композицию, слитность изложения, а среди ее источников назвал отдельные повести (о Калдской битве, нашествии Батыя, смерти Владимира Васильковича)⁵.

Летописец М. Д. Приселков по поводу Галицко-Волынского свода написал, что «памятник этот представлял собою историческое повествование без обычной для других политических центров Руси летописной сетки годов»⁶. В следующей работе ученый предположил, что редактор конца XIII в. перекомпоновал текст Галицко-Волынского свода, чтобы придать ему хронологическую последовательность и выделить погодные статьи. Но замысел этого возможно-

³ Галицко-Волынский літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 1. С. XVI; Кн. 1. Т. 3. Примечания к 3 тому. Стб. 52. Прим. 113.

⁵ Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151–157.

⁶ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 291 (впервые работа издана в 1940 г.).

го редактора остался неосуществленным, и хронологическая сетка была приложена к тексту только в XIV в. в Ипатьевском списке⁷.

Первые отдельные повести в составе Галицко-Волынского свода выявил Л. В. Черепнин. Он посвятил свое исследование первой из двух основных частей памятника, названной им Летописцем Даниила Галицкого. Впервые в науке ученый определил структуру и состав Летописца, истолковал его не как обычный и традиционный свод погодных записей, а как композиционно целостное сочинение, отразившее историю Галицко-Волынской Руси эпохи князя Даниила. Черепнин отметил присутствие нескольких повестей в составе Летописца⁸, что открыло новое направление в дальнейших штудиях Галицко-Волынского свода вообще. В основательном и тщательном исследовании этого свода В. Т. Пашуто принял мысль Черепнина о том, что среди источников памятника были летописные повести, но не думал, что какие-либо из них были непосредственно введены в свод⁹.

Предположение Черепнина о введении составителями и редакторами в текст Галицко-Волынского свода отдельных повестей натолкнуло меня на мысль о том, что, возможно, этих повестей гораздо больше и что именно они определили жанр, состав и структуру памятника. В процессе изучения свода я пришел к выводу, что этот памятник в целом состоит из отдельных повестей, соединенных между собой позднейшими составителями и редакторами.

В составе основных повестей Галицко-Волынского свода (Начальной, О собирании Даниилом волынской отчины, Антиордынской, Об отношениях с Литвой и др.) содержатся меньшие по объему, обычно разрывающие ткань этих основных повестей, а сами эти малые произведения оказываются также разделенными и помещенными в разных местах больших. На мой взгляд, это было сознательно сделано давними книжниками по двум причинам.

⁷ *Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // УЗ ЛГУ. № 67. Сер. ист. наук. Вып. 7. Л., 1941. С. 5–24.

⁸ *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. 1941. № 12. С. 241.

⁹ *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 17–133. Более подробный историографический обзор темы см.: *Котляр М. Ф.* Галицко-Волинський літопис. С. 6–25.

Первая — дабы сделать картину повествования адекватной исторической действительности, когда одновременно развивалось несколько различных по характеру, содержанию и значению процессов и явлений, а события причудливо переплетались между собой. Вторая — чтобы все же придать произведению вид традиционной, «настоящей» летописи. Вероятно, галицкие и волынские книжники понимали непривычность для читателей написанного ими. С этой же целью кем-то из позднейших редакторов была довольно неуклюже приделана хронологическая сетка к Ипатьевскому списку нашей летописи с элементарным и произвольным разделением текста на погодные статьи.

Как известно, Галицко-Волынский свод разделяется на две неравных по объему и различных по характеру части: Летописец Даниила Галицкого (1205–1258) и Волынская летопись (1259–1290). Полагаю, что существуют основания отказаться от взгляда на этот свод как на череду погодных статей, объединенных затем в свод и обработанных составителями и редакторами. Перед нами структурно совершенное историко-литературное произведение, раскрывающее историю края и всей Юго-Западной Руси.

В результате исследований текста Галицко-Волынского свода предложена следующая структура памятника¹⁰. Первая из двух основных его частей — Летописец Даниила Галицкого — состоит из нескольких больших и малых повестей. Она открывается Начальной Галицкой повестью, начинающейся словами: «Велику мятежю въставшю въ земли Руской, оставившима же ся двѣма сынома его...»¹¹ — речь идет о событиях после гибели Романа Мстиславича в Польше летом 1205 г. Эта Повесть заканчивается на рассказе о вокняжении 10-летнего Даниила в Галиче и изгнании затем боярами из города его матери, княгини Анны¹². Повесть была написана не ранее 1212 г.¹³

Следующая Повесть в составе Летописца — о собирании Даниилом волынской отчины — была, на мой взгляд, составлена по горячим следам описанных в ней событий и личностей, в 1228–

¹⁰ Детально см. в монографиях, названных в прим. 1.

¹¹ Галицко-Волинський літопис. С. 77.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Котляр М. Ф. Галицко-Волинський літопис XIII ст. С. 30.

1229 г. Она начинается рассказом об утверждении Мстислава Удатного в Галиче в 1219 г.: «Мъстиславъ же поиде на Галичъ совѣтомъ Лестковымъ¹⁴ ...Данило же не утяже уехати...»¹⁵. В ее составе содержится особая небольшая Повесть о битве с монголами на Калке в 1223 г. Повесть о собирании Даниилом волинской отчины завершается известием о смерти тестя Даниила галицкого князя Мстислава Мстиславича (1228), открывшая путь молодому князю к галицкому престолу, чему ранее препятствовали его обязательства перед тестем: «По томъ же Мъстиславъ великий Удатный князь умре, жадающе бо ему видети сына своего Даниила... оному же хотящу поручити домъ свой и дѣти в руцѣ его»¹⁶.

Очередной повестью в составе Летописца Даниила представляется сочинение о возвращении князем галицкого стола. Она начинается сразу же после описания встречи доверенного боярина Даниила с доживавшим последние дни Мстиславом Мстиславичем. Рассказ о кончине Мстислава подчинен автором этой Повести идее законной преемственности власти Даниилом от тестя. Завершается эта подробная и длинная Повесть (занимающая более двух третей летописца) рассказом о битве у Ярослава 1245 г., в которой Даниил сокрушил объединенные силы бояр; их марионетки Ростислава черниговского, венгров и поляков. Последними словами этой Галицкой повести были: «А Ростиславъ бежа въ Ляхы и поемъ жену свою иде въ Угры...»¹⁷. Написана она, полагаю, вскоре после Ярославского сражения, не позднее 1246 или 1247 г. Вместе с тем автору понадобилось некоторое время, дабы осмыслить события и скомпоновать текст Повести.

В состав Повести о возвращении Даниилом галицкого стола вставлена меньшая, исключительно важная из-за описанных в ней событий и для развития сюжета самого Летописца Даниила: Повесть о «Побоище Батыево» (это название содержится в Ипатьевском списке нашего источника, в Хлебниковском вместо него на полях приписано: «Батыева рать начася в Руси в лѣто 6745»¹⁸, т. е.

¹⁴ Краковский князь Лешек Белый.

¹⁵ Галицко-Волинський літопис. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 108.

¹⁸ Там же. С. 99.

в 1237 г.). Представляется несомненным, что в Летописец она попала уже в скомпонованном и отредактированном южнорусским редактором виде. Именно в процессе его работы и были сделаны вставки в Повесть о «Побойице Батыево», в которых речь шла о событиях в Галицко-Волынской Руси.

Завершающая Летописец Повесть о борьбе Даниила против ордынского ига начинается энергично и стремительно: «Приславлю же Могучѣвъ посоль свой къ Данилови и Василку, будущю има в Дороговъску: „Дай Галич!“»¹⁹. Это случилось, вероятно всего, осенью того же 1245 г., когда Даниил выиграл решающую для судеб его княжества битву возле Ярославля. Так же, как и все предыдущие, эта Повесть неоднократно перебивается вставками меньших повестей об отношениях Романовичей с западными соседями: Венгрией и Польшей, Литвой и ятвягами. Особенной «повестью в повести» видится подробно поведенная авторами история об участии Даниила в соперничестве за австрийское наследство (1252–1253).

Эта Повесть о борьбе Даниила против ордынского ига и вместе с ней его Летописец во всех известных списках Галицко-Волынского свода обрывается на предложении: «Бысть же вѣсть Данилу, послаше Лва и Шварна²⁰ вонъ изъ Вьлодимера, рече имъ: „Аще вы будете у мене, [вам] ездити у станы к нимъ; аще ли азъ буду...“»²¹. Исходя из последовательности событий, последние слова относятся к середине 1258 г.

Подобно Летописцу Даниила Галицкого, Волынская летопись сохранилась не полностью: также отсутствуют начало и конец. После только что приведенных слова Летописца идет текст: «По семь же минувшима двѣма лѣтома»²², а далее рассказ сосредоточивается вокруг фигуры младшего брата Даниила князя Василько. Эту первую часть Волынской летописи можно назвать Летописцем Василько Романовича.

Сохранившаяся часть Летописца Василько начинается со слов: «И бысть тишина по всей земли. В тыя же дни веселе бысть у Ва-

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ Его сыновья.

²¹ Галицко-Волыньский літопис. С. 123.

²² Там же.

силка князя у Володимери городъ: нача отдавати дщерь свою Олгу за Андрѣа князя за Всеволодича к Чернѣгову»²³. Запись относится к осени 1259 г. Согласно моим наблюдениям, Летописец Василько состоит из двух больших повестей: о Бурундаевой рати и об отношениях с Литвой. Повесть о Бурундаевой рати отличается стройностью и целостностью, ни разу не перебиваясь вставками иного содержания, что представляется обыкновенной вещью в повестях, из которых сформирован Галицко-Волынский свод. Однако текст Повести об отношениях с Литвой, начинающейся с событий лета 1262 г., неоднократно прерывается рассказами о событиях внешнеполитической жизни: съезд русских и польских князей в Тернаве 1262 г., связи с Польшей, а также волынские дела и смерть Даниила, последовавшая в 1264 г.

Завершается Летописец Василько Романовича известием о его смерти в 1269 г. Волынский книжник почему-то не создал панегирика своему герою. По моему мнению, этот панегирик существовал, но был утрачен при последующих редактированиях и неоднократных перегруппировках текста. Дальше начинается следующая составная часть Волынской летописи: Летописец Владимира Васильковича, открывающийся словами: «И по немъ (Василько. — Н. К.) нача княжити в него мѣсто сынъ его Вѣлодимеръ...»²⁴.

Создатель Летописца Владимира Васильковича ставил перед собой ту же цель, что и составители Летописцев Даниила и Василько: возвеличение князя и его деяний. Однако написанное им произведение по форме и содержанию намного больше, чем предыдущие части Галицко-Волынского свода напоминает традиционную летопись. Оно больше не представляет собой серию соединенных между собой повестей. Эти повести, а их в составе Летописца Владимира несколько, использованы в жизнеописании этого волынского князя как материал для написания авторского сочинения. И лишь описанию последних лет жизни героя посвящена особая Повесть о болезни и смерти Владимира Васильковича, которая без существенных изменений включена в состав его Летописца²⁵.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 131.

²⁵ Там же. С. 147–150.

Завершает Галицко-Волинский свод небольшой фрагмент Летописца Мстислава Даниловича, которому не имевший сыновей Владимир Василькович завещал свое Владимиро-Волинское княжество. Из-за неудачных перестановок позднейшими редакторами и составителями начало этого летописца оказалось в середине сохранившегося его фрагмента, уже после рассказа о начале правления Мстислава во Владимире: «Князь же Мьстиславъ съде на столе брата своего Влодимеря...»²⁶. Летописец Мстислава обрывается на событиях 1289–1290 гг.²⁷.

Подобные структура, композиция и конкретный состав нашего свода, отсутствие в нем хронологической последовательности изложения, на мой взгляд, вынуждали авторов, составителей и редакторов пользоваться неопределенными формулировками для обозначения хотя бы приблизительного времени происходившего. Хронологическая последовательность событий определялась при помощи переходных формул: «в та же лета», «в то же время», «в ино время», «зиме же бывши» и др.²⁸, чего обычно не встречаем в настоящих летописях.

Высокий сановник Венгерского королевства, ближайший сподвижник короля бан Фильний возглавил поход на Галич, происшедший, вероятно, зимой 1220/21 г.²⁹. Рассказав об этом событии, галицкий книжник замечает: «Во ино время убиень бысть Даниилом Романовичемъ древле прегордый Филя»³⁰. Речь идет о гибели Фильния в знаменитой битве у Ярослава 17 августа 1245 г., которой галицкий летописец в дальнейшем посвятил подробный и яркий рассказ. Это забегание вперед весьма характерно для свободного рассказа Летописца Даниила Галицкого и Волинской летописи — и вовсе не характерно для древнерусских традиционных летописей.

То же самое видим в предшествующем этому рассказу повествовании об ожесточенной борьбе за Галич между местными боярами, подбивавшими своего ставленника Мстислава Пересопницкого

²⁶ Там же. С. 151.

²⁷ Там же. С. 156.

²⁸ Котляр М. Ф. Структура Галицко-Волинського літопису. С. 16 и сл.

²⁹ Грушевський М. Хронологія подій Галицко-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 17.

³⁰ Галицко-Волинський літопис. С. 84.

на войну против венгров и пытавшимися опереться на северских князей-Игоревичей. Поведавъ о неудаче Мстислава в попытке овладеть Галичем и насмешке бояр над ним, книжник вдруг обещает: «И по семь скажемъ о Галичинѣ могилѣ и о начале Галича, откуда ся почал»³¹. Перед нами — одно из красноречивых свидетельств нетрадиционности Летописца Даниила и всего Галицко-Волынского свода в целом. Его творцы свободно перемещаются во времени, забегая вперед и отступая назад. В данном случае повествователь не выполнил своего обещания, о чем приходится сожалеть: историки бы имели древнее предание об основании Галича, города, возникновение и начальная история которого (до 1140 г., когда он впервые появляется в источниках) остаются неизвестными.

Составители и редакторы Галицко-Волынского свода в тексте, относящемся к середине XIII в., обосновали и оправдали подобную манеру изложения с отступлениями назад и забегами вперед. Между рассказами об отношениях с литовским князем Миндовгом и о событиях в Австрии, в которые Даниил Романович намеревался вмешаться, книжник пишет: «В та же лѣта, времени минувшую, — гронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ предняя, овогда же вступати въ задняя...» Это отступление, на мой взгляд, чрезвычайно важно для понимания характера и структуры Галицко-Волынского свода. Летописец подчеркивает, что ему приходится описывать происходившее и происходящее, иногда забегая вперед, иногда отступая назад, т. е. не в хронологической, а смысловой связи. Здесь же галицкий книжник признает, что «число же лѣтомъ zde не писахомъ, ...в задняя впишемъ»³². Но, как известно, ни он, ни его продолжатель, составитель Волынской части свода, не выполнили этого обещания. Как было сказано, даты на полях Ипатьевского списка появились «задним числом», где-то в XIV или в XV в. Помещение такого отступления именно в этом месте текста можно объяснить, вероятно, тем, что повествователь не довел до конца рассказ о литовских делах и вновь вернулся к делам австрийским, сообщения о которых оборвал незадолго перед тем.

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же. С. 114. Красноречивое свидетельство из первых рук, что текст памятника писался сразу без обозначения дат, следовательно — и без деления на погодные статьи.

В тексте Галицко-Волынского свода неоднократно встречаются упомянутые выше отступления в глубь времени и обещания рассказать о событии позднее. Особенно показателен встречающийся в нескольких местах памятника рассказ об основании любимого города Даниила Холма. Согласно моим наблюдениям над Летописцем Даниила Галицкого, Холм основали в период между второй половиной 1236 — первой половиной 1238 г. При этом я исходил из двух сообщений источника. Первое, относящееся к лету 1236 г., сообщает: «Кондратови³³ же ставшю, где нынѣ градъ Холмъ стоитъ»³⁴ — следовательно, тогда город еще не существовал. Но летом 1238 г. Даниил Романович уже находился в Холме: «Прийде вѣсть Данилу, будущю ему в Холмѣ, яко Ростиславъ³⁵ съшелъ есть на Литву»³⁶. Итак, упоминание о Холме могло появиться в Волынской повести не ранее конца 1237 — 1238 г.

Между тем в повествовании о событиях 1222 г., т. е. почти на два десятилетия отстоящих от происходившего в 1236–1238 гг., неожиданно и на первый взгляд без видимой связи с ними, упоминается Холм. В контексте рассказа о владимирских епископах книжник вдруг пишет: «Богу же изволившю Даниль създа град, именовъ Холмъ, — създание же его иногда (в другое время. — Н. К.) скажемъ»³⁷. Но продолжение летописного повествования открывает смысл упоминания Холма в изложении событий начала 1220-х гг.: «Бѣ бо бискупъ Асаф³⁸ въ Угровску, иже ступи на столъ митрополий и за то свержень бысть съ стола своего — и приведен бысть на бископью в Холмъ»³⁹. Выходит, логика повествования вынудила автора пожертвовать и хронологией и последовательно-

³³ Мазовецкий князь.

³⁴ Галицко-Волинський літопис. С. 98.

³⁵ Черниговский княжич, боярская марионетка, соперничавший с Даниилом за галицкий стол.

³⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 98. Даты указаны в соответствии с исследованием М. С. Грушевского «Хронологія подій Галицко-Волинської літописи». С. 25–26.

³⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 85.

³⁸ Названный первым в только что упомянутом рассказе о владимирских епископах.

³⁹ Галицко-Волинський літопис. С. 85.

стью своего рассказа — при том, что свержение Асафа с митрополичьего стола (о котором речь могла идти лишь в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в.) и посажение его епископом в Холме произошло примерно тремя десятилетиями позднее.

Даже когда события отстояли лишь на несколько лет от времени создания повести, и тогда ее составитель и редактор не считали нужным придерживаться последовательности в изложении событий, вне сомнения им хорошо известной. Так, в Повести о борьбе Даниила против ордынского ига встречаем предложение: «В та же лѣта или преже, или по томъ приехавше татаре къ Бакотѣ»⁴⁰. Кампания татарской орды Куремсы против Галицко-Волынского княжества началась, вероятнее всего, в конце 1252 г. И здесь книжник отступает назад, сознательно нарушая хронологическую последовательность событий. Перед этим в Летописце Даниила Галицкого рассказывается о коронации князя в Дорогичине в конце 1253 г. Можно думать, что он принял корону от папских послов, уже зная о нападении Куремсы.

Несоблюдения хронологической последовательности событий, следовательно, не исключения, пусть и многочисленные, а норма для создателей Галицко-Волынского свода. Рассказывая о боярском сопротивлении усилиям Даниила Романовича по объединению Галицко-Волынской Руси и подавлении оппозиции, книжник сообщает об этом вне времени и пространства летописного контекста: «Нѣкогда ему в пиру веселящюся, один отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею, и то ему стерпѣвшю...»⁴¹. Лишь из предыдущего рассказа можно понять, что речь шла о могущественном боярском клане Молибоговичей, незадолго перед этим умышлявших на жизнь Даниила Романовича. Впрочем, думаю, что вряд ли летописец отразил реальное событие: князь, да еще столь гордый и храбрый рыцарь, каким был старший Романович, не стерпел бы публичного оскорбления от своего вассала. Вероятно, мы имеем дело с распространенным в средневековом (главным образом, западноевропейском) рыцарском фольклоре символом наиболее тяжкого оскорбления, которое только может нанести слуга

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ Там же. С. 94.

своему господину. Наверное, этот рассказ родился в кругу преданных Даниилу соратников, его дружинников⁴².

И в повествовании о нарастании соперничества за Галич и Галицкую землю между Даниилом и боярским ставленником Ростиславом Михайловичем Черниговским, проходившем (по сведению других источников) в 1235–1236 гг., автор Летописца Даниила Галицкого избегает изложения фактов в хронологической последовательности, а ограничивается неопределенной сентенцией: «Бывшю же межи ими овогда миру, овогда рати»⁴³. Позволяют представить общую политическую ситуацию в регионе предыдущие слова галицкого книжника о том, что Владимира Рюриковича сменил в Киеве Ярослав Всеволодич Суздальский, но не смог удержаться на киевском столе, после чего Михаил Всеволодич Черниговский захватил стольный град, а сына оставил в Галиче⁴⁴.

Многочисленные перестановки в тексте Галицко-Волинского свода, перебивки текста больших повестей меньшими также не позволяют считать его летописью в подлинном смысле этого слова. В книге о Галицко-Волинской летописи, изданной в Киеве в 1993 г., мною приведены многочисленные доказательства этого. Здесь же я ограничусь наиболее выразительными примерами. Относящийся к 1228–1229 гг. рассказ памятника о судьбе наследства луцкого и пересопницкого князя Мстислава Ярославича Немого («Мьстиславу же Ньмому давшю отчину свою князю Данилу и сына своего поручиль Ивана; Ивану же умрьшю, и прия Луцеськ и Ярославль...»⁴⁵) вдруг прерывается эмоциональным, высокого стиля предложением: «Начнемь же сказати бесчисленьныя рати, и великиа труды, и частыа войны, и многыа крамолы, и чястая вьстания, и многыа мятежи, измлада бо не бы има покоа»⁴⁶.

До настоящего времени историкам и филологам не удалось удовлетворительно объяснить помещение процитированных слов в рассказе о завещании Мстислава. «В теперешнем тексте эта исто-

⁴² Котляр М. Ф. Галицко-Волинський літопис XIII ст. С. 50.

⁴³ Галицко-Волинський літопис. С. 98.

⁴⁴ Там же. С. 98.

⁴⁵ Там же. С. 89. Здесь упомянут пинский князь Ярослав Ингваревич, на короткое время захвативший Луцк и Пинск.

⁴⁶ Там же. С. 89.

рия наследства Мстислава Мстислава Немого, кроме экскурсов самого летописца, перебита еще и абсурдной вставкой какого-то книжника: «Начнем же сказати бесчисленьныя рати» и т. п. — имеем ее во всех кодексах (т. е. списках. — *Н. К.*) летописи»⁴⁷. Думаю, что Грушевский ошибался.

Трудно переставить этот пассаж куда-нибудь вперед, в последующие годы: в 1228—1229 гг., к которым относится рассказ о наследстве Мстислава, Даниилу и Василько уже исполнилось соответственно 27–28 и 25–26 лет. В тогданней Руси то был возраст зрелых мужей, а не юношей. В свое время я высказал предположение, что именно с процитированных слов начиналась Повесть о собирании Даниилом волынской отчины, — а в тексте Галицко-Волинского свода, дошедшего до наших дней, эта Повесть открывается приглашением в 1219 г. боярами и польским князем Лешком Мстислава Удатного на галицкий стол. Волынская повесть особенно насыщена известиями о «бесчисленных ратях, частых войнах и многих мятежах». В том году Романовичи действительно были очень молоды: Даниилу исполнилось 18, а Василько — 16 лет⁴⁸. Приведенное здесь предложение попало, как мне кажется, в середину рассказа о луцком наследстве Мстислава Ярославича благодаря неудачным редактированию и перестановкам.

Важно отметить, что подобное приведенному выше эмоциональное восклицание галицкого книжника встречается еще раз, в описании событий 1230 г.: «По семь скажемь многыя мятежи, и великы лъсти, и бесчисленьныя рати»⁴⁹. Как будто в данном случае этот заголовок стоит на месте — ведь в дальнейшем книжник гневно повествует о боярских заговорах, имевших целью убить Даниила, об измене бояр, происках двоюродного брата Даниила князя Александра Белзского. Но полной уверенности в этом нет: процитированные слова совершенно не связаны с предыдущим рассказом о поражении венгерского короля от галицкого войска. Да и последующему рассказу они соответствуют не вполне, поскольку «великы лъсти» действительно имели место, но особенных мятежей и крупных и частых военных кампаний в источнике не отмечено.

⁴⁷ Грушевський М. Хронологія. С. 22.

⁴⁸ Котляр М. Ф. Галицько-Волинський літопис XIII ст. С. 38–39.

⁴⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 93.

Особенно много перестановок и перебивок основного текста в Повести о возвращении Даниилом галицкого стола. Уже ее экспозиция: раскаяние Мстислава и его намерения передать стол зятю — сильно разбавлена отрывочными и второстепенными известиями (о посажении Даниилом князя Ярослава Ингваревича в Перемышле, после в Межибожье, происках Ростислава пинского против Романовичей и пр.). Так, упомянутый выше рассказ о захвате Ярославом Ингваревичем Луцка, Черторыйска и Пинска прерывается эмоциональным отступлением («начнем же сказати бесчисленьныя рати...»), после чего сказано, что Ярослав сидит в Луцке, и бояре Даниила советуют ему схватить его и вернуть Луцк. Даниил захватывает Луцк и отдает его брату Васильку, Ярослав при этом не называется. Затем в тексте Галицкой повести речь идет о победе Романовичей над ятвягами, переговорах Даниила с Мстиславом Удатным, смерти последнего, после чего повествователь вдруг возвращается к Ярославу Ингваревичу: «И по томъ же пустиста Ярослава и даста ему Перемышль и по томъ Межибожие»⁵⁰, откуда следует, что Ярослав угодил в плен к Романовичам во время взятия ими Луцка, — но об этом узнаем лишь после сообщения книжником ряда других сведений.

Целеустремленное, идейно нацеленное течение Галицкой повести и на последующих ее страницах постоянно прерывается большими и малыми вставками, не относящимися к ее главной теме. На мой взгляд, это произошло при позднейшем редактировании, возможно, неоднократном. Seriously перебивают текст этой Повести рассказы об отношениях Даниила Романовича с другими русскими князьями, Венгрией, Польшей и ятвягами. Подобные включения сюжетов, прямо не относящихся к основному сюжету Галицкой повести, постоянно разрывают ее текст.

Так, подробное и в целом логичное повествование этой Повести на страницах об очередном и временном захвате Даниилом галицкого стола, войне и подписании мира с венграми, поддерживавшими враждебных князю бояр, прерывается вставкой о вмешательстве старшего Романовича в соперничество за киевский стол между сидевшим на нем Владимиром Рюриковичем и черниговским государем Михаилом Всеволодичем. После слов «король

⁵⁰ Там же. С. 89–90.

же вѣротися въ Угры» следует эта короткая вставка: «Вълодимер же посла к Данилови, рече: „Идеть на мя Михайль, а помози ми, брате!“ Данилови же пришедшю сътворити миръ межи ими...», а далее сразу же вновь продолжается рассказ о венгерских делах: «По тѣхъ же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичъ на Данила»⁵¹.

Как резонно предполагал В. Т. Пашуто, эта вставка заимствована из Киевской летописи конца 30-х гг. XIII в., следы которой историк обнаружил в Галицко-Волынском своде⁵².

И в отличающейся большей, по сравнению с Галицкой, целостностью Повести о борьбе Даниила против ордынского ига мною отмечено большое количество вставок. В нее включены также меньшие по объему и распыленные в ее тексте повести о войнах с ятвягами и вмешательстве Даниила Романовича в соперничество за австрийское наследство. Особенно показательна для понимания творческого метода составителей и редакторов Галицко-Волынского свода названная последней — Австрийская повесть. Временами она совершенно затеняет основную и магистральную линию Антиордынской: организация сопротивления власти Орды, подготовка к войне с татарами и кампания против Куремсы. При этом сама она разорвана на несколько фрагментов, помещенных в повествованиях о совершенно иных делах.

Австрийская повесть в составе Галицкой начинается без какого бы то ни было перехода, непосредственно после завершения рассказа о победоносной войне Романовичей с ятвягами: «Присла король угорьскый къ Данилу, прося его на помощь: бѣ бо имѣ рать на бой с нѣмци; иде ему на помощь...»⁵³. Но после эффектного и подробного описания прихода войска Даниила к венгерскому королю книжник вдруг, как ни в чем не бывало, возвращается к прибалтийским делам и подробно описывает войну с литовским князем Миндовгом, участие в ней на стороне Даниила ятвягов и мирные переговоры с литовским князем. После всего этого повествователь вновь переходит к продолжению Австрийской повести: «По убиении герьциковъ»⁵⁴, рекомаго Фридриха, бився одолѣвъ ко-

⁵¹ Там же. С. 94–95.

⁵² Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 43.

⁵³ Галицко-Волыньскій літопис. С. 112.

⁵⁴ Речь идет об австрийском эрцгерцоге Фридрихе Бабенсберге.

ролеви угорьскому, и убиень бысть (герцог. — Н. К.) от своихъ боярь въ брани»⁵⁵. Вероятно, почувствовав непоследовательность и отрывочность своего рассказа, галицкий автор поместил здесь цитированные выше слова: «Гронографу же нужа есть писати все и вся бывшаа, овогда же писати въ предняя, овогда же вступати въ задняя»⁵⁶.

И в дальнейшем Антиордынская и ее составная часть — Австрийская — повести неоднократно разрываются другими вставками. Сразу после описания победоносного похода Романовича в Чехию (дабы помочь сыну, осажденному чешским королевичем Оттокаром в одном из замков вблизи Вены) составитель свода сообщает о приезде послов папы к Даниилу и неудачную попытку их провести переговоры с князем в Кракове. Далее начинается особая Повесть о коронации Даниила Романовича: «Присла папа послы честныа, носяще вѣнецъ и скипетръ и коруну...»⁵⁷. Но и этой Повести не суждено было остаться цельной: она тут же перебивается вставками о войне Романовичей с ятвягами, начале войны с татарской ордой Куремсы, нападении новгород-северского князя Изяслава Владимировича на Галич и др.⁵⁸.

Вплоть до самого конца Галицко-Волинский свод изобилует вставками, перебивками, нарушающими, на наш взгляд, его смысл и целостность. Однако средневековые книжники, вероятно, думали иначе. Их манипуляции с текстом, надо полагать, преследовали целью произвести максимально сильное впечатление на читателя, представить ему во всем многообразии политическую жизнь Галицко-Волинской Руси, прочих русских земель, ближних и далеких соседей. Однако все это не дает нам права считать свод традиционной летописью.

Наконец, следует сказать еще об одной особенности нашего свода, отличающей его от летописи: присутствию в тексте необычно большого количества свидетельств очевидцев. Споры нет, в описаниях походов, осад, самих батальных сцен во многих летописях ощущаются живые интонации участников событий. Стоит лишь

⁵⁵ Галицко-Волинський літопис. С. 114.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 116.

⁵⁸ Там же. С. 116–117.

вспомнить эмоциональные рассказы о штурмах и взятиях Батыем древнерусских городов в 1237–1241 гг. в Суздальской, Новгородской, Воскресенской, Никоновской и других летописях. Подобное в изобилии встречается на страницах Галицко-Волынского свода, в котором рассказы о походах и сражениях занимают центральное место. Но далее речь пойдет не о них.

Братья-Романовичи, прежде всего старший, Даниил, апологию которых представляет наш свод, были, вне сомнения, героями рассказов их окружения: преданных им бояр и дружинников. Воспринявшие эти рассказы летописцы всемерно сочувствовали государственно-созидательным усилиям Даниила и Василько, превозносили их. Они клеймили позором галицких бояр, препятствовавших действиям князей, направленным на возрождение сильного Галицко-Волынского княжества, пользуясь при этом своими — устными источниками.

Одним из наиболее ярких примеров осуждения книжниками боярства, стремившегося к анархии и посажению в крае пришлых князей-марионеток, превращению Галицкой земли в венгерскую провинцию, представляется повествование Галицкой повести, относящееся к весне 1230 г. Тогда Даниил Романович завладел Галичем, в котором с гарнизоном сидел венгерский королевич Андрей, и которого поддерживали мятежные бояре. С одобрением действия своего героя повествователь пишет: «Пусти (Даниил. — *Н. К.*) сына его (венгерского короля. — *Н. К.*) и проводи и до рѣкы Днѣстра; изыде же с нимъ единъ Судислав⁵⁹, на нь же метаху камение, рекуще: „Изыди из града, мятежниче земли!“»⁶⁰. Столь яркую картину осуждения боярина, служившего оккупантам и боровшегося против законного князя, мог создать лишь очевидец, а то и участник события.

Точно так же описываются книжниками боярские действия, имевшие целью свергнуть, а то и убить Романовичей. После слов «Крамоле же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкихъ» в Галицкой повести рассказывается о нескольких заговорах против Даниила и Василько. Автор со всей силой своего таланта разоблачает и

⁵⁹ Тогдашний лидер враждебной Романовичам боярской партии в Галиче.

⁶⁰ Галицко-Волынский летопис. С. 92.

осуждает боярских олигархов. Для темы нашего повествования важно прежде всего то, что все эти рассказы имеют в основе непосредственные впечатления людей, видевших происходившее своими глазами.

Однажды бояре, по словам книжника, «сѣвътъ⁶¹ сѣтворше... на убиение и предание земле его (Даниила. — Н. К.). Сѣдящимъ же имъ в домъ и хотящимъ огнемъ зажещи и, милостивому Богу вложившу в сердце Василку изыти вонъ, и обнажившу мечъ свой играа на слугу королева». Эта невинная шутка младшего Романовича произвела ошеломляющее впечатление на позвавших к себе в дом князей бояр: «Невъѣрнымъ Молибоговичемъ узрѣвши се, страхъ имъ бысть отъ Бога, рекшимъ, яко: „Свѣтъ нашъ раздрушися“ и побѣгшимъ имъ, яко и оканный Святополкъ»⁶². Дабы максимально усилить свою филиппику, направленную против заговорщиков-Молибоговичей, автор приведенных строк прибегает к сильнейшему сравнению из арсенала древнерусских писателей: сравнивает их со зловеще знаменитым на Руси в Средневековье Святополком Окаянным, который, согласно церковной легенде, убил своих братьев.

Исключительно яркую картину, в которой нельзя не заметить непосредственного ощущения свидетеля событий, создает галицкий книжник, описывая торжественный въезд Даниила Романовича в Галич 1238 г. Когда князь, одолевший, наконец, своих врагов, подъехал к валам города и обратился к «градским мужам» (городскому патрициату) с пламенной речью, «они же въскликнувшє рѣша, яко: „Се есть дръжатель нашъ, Богомъ данный“ — и пустишася яко дѣти къ отцу и яко пчелы к матцѣ, яко жажущи воды къ источнику».

С издевкой и сарказмом обличает автор церковного и светского феодала, стремившихся во что бы то ни стало воспрепятствовать вокняжению в Галиче старшего сына Романа Мстиславича: «Епискупу же Артемию и дворьскому Григорию възбранающю ему, узрѣвшима же, яко не можета удръжати града, яко малодушна блюдышася о предании града, изыдоста слезныма очима и ослабленнымъ лицемъ и лижюща уста своя, яко не имѣюща власти кня-

⁶¹ Заговор.

⁶² Галицько-Волинський літопис. С. 93.

жения своего; рѣста же с нужно: „Прийди, княже Данило! Прийми градъ!“»⁶³.

Этим красочным и эмоциональным описанием вокняжения Даниила Романовича в Галича летом 1238 г. я и закончу рассказ о жанре, составе и композиции Галицко-Волынского свода.

Полагаю, что Галицко-Волынский свод XIII в. столь сильно и принципиально отличается от летописей потому, что в Галицкой и Волынской землях в предшествующем, XII в. не велось летописание. Ведь известия галицкого и волынского содержания, содержащиеся в Киевской летописи XII в., не обязательно были заимствованы из соответствующих земельных летописей (как обычно думают летописеведы). Они могли создаваться со слов галицких и волынских информаторов. Вместо этого в Галицко-Волынской Руси уже с середины XII в., вероятно, развивался иной, не летописный, литературный жанр: светских исторических повестей, посвященных местным князьям.

Следовательно, есть основания предполагать, что Галицко-Волынский свод стал своеобразным продолжением и развитием особой, присущей Галицко-Волынской Руси литературной традиции: написания исторических повестей, заменявших там обычную летопись. Если это так, то перед нами явление, исключительное в древнерусской письменности XII–XIII вв.

⁶³ Там же. С. 98–99.

А. А. Горский

Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой

Убиение в Орде по приказу Батыя черниговского князя Михаила Всеволодича и его боярина Федора, совершившееся 20 сентября 1246 г.¹, стало событием, произведшим неизгладимое впечатление как на современников, так и на потомков. Все рассказывающие о нем источники — «История монголов» Иоанна де Плано Карпини (посла папы римского Иннокентия IV к монгольскому великому хану, побывавшего в ставке Батыя вскоре после гибели Михаила, весной 1247 г.), Галицкая летопись, летописание Северо-Восточной Руси, а также житийное Сказание о убиении Михаила — согласны, что расправа последовала за отказом выполнить языческие обряды, требуемые для допуска на аудиенцию к хану². Часть исследователей,

¹ В некоторых источниках это событие датируется не 6754, а 6753 годом, но такую датировку следует признать ошибочной (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 111–112).

² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 29; ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 795 (Ипатьевская летопись, содержащая текст галицкого летописца середины XIII в.); М., 1962. Т. 1. Стб. 471 (Лаврентьевская летопись — текст северо-восточного летописания середины XIII в.); *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты. С. 49–86. О мнениях по поводу датировки Жития и соотношения его ранних редакций см.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское

обращавшихся к сюжету о гибели Михаила Всеволодича, склонялась к объяснению ее чисто религиозными причинами³. Но многие, исходя из сведений о веротерпимости монголов и известия Плано Карпини, полагали, что отказ от исполнения обрядов послужил лишь поводом, а причины убийства Михаила носили политический характер⁴. В качестве одной из возможных причин выдвигалось убийство Михаилом (в 1239 г.) монгольских послов⁵. Высказывались и предположения, что к убийству могли быть причастны русские князья — соперники Михаила. По одной версии, против черниговского князя интриговал великий князь владимирский Ярослав Всеволодич (с которым Михаил прежде сталкивался в борьбе за Новгород и Киев)⁶. Существует также гипотеза, что к случившемуся приложил руку Даниил Романович, князь галицко-волынский (долго боровшийся с Михаилом и его сыном Ростиславом за Галич)⁷.

иго в освещении древнерусских книжников // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. Ч. 1. С. 27–30; Лаушкин А. В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестн. Моск. ун-та. Сер. история. 1999. № 6.

³ Веселовский Н. И. О религии татар по русским источникам // ЖМНП. 1916, июль. С. 89–90; Толочко П. П. Князівська і життєва драма Михайла Чернігівського // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996. С. 13–14; Белозеров И. В. Убийство князя Михаила Черниговского монголами в 1246 г. и монгольский языческий обряд при дворе хана Бату // Русское средневековье. 2000–2001. М., 2002.

⁴ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940. С. 26–27; Пак Н. И. Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 59–61; Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 1997. С. 123–125.

⁵ Голубинский Е. Е. История русской церкви. СПб., 1900. Т. 2. 1-я половина. С. 45; Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан. С. 123–125.

⁶ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 26–27; Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 253.

⁷ Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev. 1224–1246. Toronto, 1981. P. 134–135.

Плано Карпини и галицкий летописец свидетельствуют, что целью поездки Михаила было, как и у других князей, выказать покорность Батыю и получить от него санкцию на свои владения⁸. О поводе для расправы эти и другие источники говорят с расхождениями в некоторых деталях. Плано Карпини (его главным информатором был, по-видимому, посол князя, сменившего Михаила на черниговском столе, вместе с которым глава францисканской миссии ехал от Батыя на Русь в мае 1247 г.⁹) пишет, что Михаила сначала заставили совершить обряд прохождения между двух огней (на что князь согласился), а затем велели поклониться находившемуся в ставке Батыя идолу Чингисхана; отказ князя исполнить этот обряд повлек гибель¹⁰. Галицкий летописец в рассказе о гибели Михаила и Федора называет поводом для расправы отказ поклониться «закону отцов» Батыя¹¹, а ниже, вспоминая об этом событии, указывает, что Михаил «не поклонился кусту»¹². В летописании Северо-Восточной Руси (Лаврентьевская летопись) речь идет об отказе поклониться «огню и болванам»¹³. В Житии Михаила говорится о прохождении через огонь, а объекты поклонения определяются как «тварь», «куст», «идолы», «солнце», «боги»¹⁴. Не вполне ясна роль «куста»: культ священных деревьев играл роль в монгольских верованиях¹⁵, но наиболее осведомленный о перипетиях событий автор — Плано Карпини — свидетельствует, что обрядом, за неисполнением кото-

⁸ Sinica franciscana. T. I. Firenze, 1929. P. 38; Путешествия... С. 29; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795 («Оттоуда (из Чернигова. — А. Г.) еха Батыеви, прося волости свое от него»).

⁹ Sinica franciscana. T. I. P. 129; Путешествия... С. 82. Преемником Михаила был, возможно, его троюродный брат Всеволод Ярополчич (См.: Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 80., 195–196).

¹⁰ Sinica franciscana. T. I. P. 38; Путешествия... С. 29.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

¹² Там же. Стб. 808.

¹³ Там же. Т. 1. Стб. 471.

¹⁴ Серебрянский Н. И. Указ. соч. Тексты. С. 50–51, 55–57.

¹⁵ См.: Рыкин П. О. Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Омск, 1997.

рого последовала гибель Михаила, было поклонение идолу Чингисхана. В рассказе галицкого летописца о поездке к Батыю Даниила Романовича (конец 1245 — начало 1246 г.) говорится, что русских князей заставляют поклоняться солнцу, луне, дьяволу и умершим предкам монгольских правителей, *водя около куста*¹⁶. В любом случае очевидно, что от Михаила требовалось исполнение нескольких обрядов на монгольском святилище, в том числе прохождения между огнями и поклонения идолу Чингисхана или нескольким идолам (болванам), среди которых главным было изображение основателя Монгольской империи. Это поклонение и могло обобщенно именоваться русскими авторами «поклонением кусту» (из-за наличия на святилище священного дерева)¹⁷. Михаил, судя по рассказу Плано Карпини, совершил прохождение между огнями, но отказался кланяться идолу Чингисхана¹⁸.

В связи с ключевой ролью этого идола в случившемся нужно обратить особое внимание на два имеющих в «Истории монголов» замечания: 1) монголы заставляли поклоняться изображению Чингисхана «некоторых знатных лиц (*aliquos nobiles*), которые им подчинены» (в «Истории тартар» Ц. де Бридиа (являющей собой запись рассказа одного из членов франкисканской миссии): *multos* — «многих»)¹⁹; «некоторых» — значит не всех; 2) монголы «никого еще, насколько мы знаем, не заставляли отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила»²⁰.

Что означает по отношению к Михаилу «заставляли отказаться от своей веры»? Это не может быть само требование поклониться идолу Чингисхана, поскольку оно предъявлялось «некоторым знатым лицам», т. е. не одному Михаилу. Речь может идти лишь о

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806 (о дате поездки Даниила см.: Грушевский М. Хронологія подій Галицько-волинського літопису // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 33).

¹⁷ Как «закон (т. е. вера) отцов» монголов характеризовались, очевидно, оба обряда в совокупности.

¹⁸ Ср.: Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан. С. 118–120.

¹⁹ *Sinica franciscana*. Т. I. Р. 38; Путешествия... С. 29; Христианский мир и «Великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 91, 116.

²⁰ *Sinica franciscana*. Т. I. Р. 39; Путешествия... С. 29.

том, что отказ от поклонения этому идолу по религиозным основаниям был в принципе допустим, и только отказ конкретно Михаила повлек трагические последствия: сначала ультиматум (поклонение идолу или смерть), затем кровавую расправу.

Таким образом, можно полагать, что поклонение идолу Чингисхана требовалось не от всех приезжающих к Батыю зависимых правителей, а отказ от него не влек за собой смерти²¹. Такое предположение находит подтверждение при обращении к сведениям о визитах к Батыю двух других сильнейших русских князей того времени — Ярослава Всеволодича и Даниила Романовича.

Ярослав побывал у Батыя в 1243 г. и получил от него «старейшинство» среди всех русских князей, выразившееся в обладании Владимиром и Киевом²². Галицкий летописец, повествуя о поездке в Орду в 1245 г. Даниила, пишет, что по прибытии в ханскую ставку «пришедшоу же Ярославлю человеку Съньгоуруви, рекшоу емоу: „Брат твои Ярославъ кланялся коустоу и тобѣ кланятися“»²³. Таким образом, от Ярослава потребовали поклониться идолу Чингисхана, и это было исполнено. Что касается Даниила, то, согласно галицкому летописцу, слова Соногура вызвали у него гневную отповедь: «Дьяволъ глаголетъ из оустъ ваших! Богъ загради оуста твоя и не слышано боудеть слово твое»²⁴. Далее говорится: «Во ть час позванъ Батыемъ, избавленъ бысть Богомъ и злого их бѣшения и кудѣшства»²⁵. По смыслу речь может идти только об избавлении от поклонения идолу — обряда, которого столь опасался галицкий князь. Но далее идут слова: «И поклонися по обѣчаю ихъ, и вниде во вежю его»²⁶ (Батыя). Исходя из них, ряд исследователей считает, что Даниилу все-таки пришлось исполнить данный обряд²⁷. В этом случае предшествующую ремарку де-

²¹ Ср.: Юрченко А. Г. Золотая статуя... С. 253.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 29.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 270; Белозеров И. В. Указ. соч. С. 16.

тописца — об «избавлении» — надо признать бессмысленной. Однако о том ли «поклонении» идет речь? По рассказу Плано Карпини, первым обрядом, требуемым для допуска к Батыю, было прохождение между огнями, следующим (требуемым не от всех) — поклонение идолу. Перед самым же входом в ханский шатер нужно было трижды преклонить левое колено²⁸. Очевидно, именно это последнее преклонение, необходимое непосредственно перед тем, как Даниил «вниде во вежю его», и имеется в виду галицким летописцем. Таким образом, от Даниила поклонения идолу Чингисхана *не потребовали*. Проходил ли он между огнями, на основе текста Галицкой летописи судить трудно — возможно, о прохождении этого, не столь опасного с точки зрения веры обряда, летописец просто не упомянул.

Итак, от Ярослава потребовали прохождения всех обрядов; он был первым из сильнейших русских князей, кто приехал к Батыю, и хан, естественно, был настроен максимально продемонстрировать свою волю. Даниила же принимали по «облегченному» обряду.

Михаил Всеволодич ехал в Орду позже этих князей. Без сомнения, ему было известно о перипетиях приема Даниила (если он даже и не знал об этом загодя, то по приезде в ставку Батыя наверняка должен был найти человека, который бы, подобно Соногуру, сообщил, что «брат твои Данило *не* кланялся кусту»). Черниговский князь, скорее всего, рассчитывал, что и ему не придется проходить неподобающий христианину обряд поклонения идолу. Поэтому, когда такое требование прозвучало, он постарался аргументированно отвести его²⁹. При этом Михаил согласился

²⁸ Sinica franciscana. T. I. P. 106 (описание этого обряда при вхождении в шатер Коренцы (Куремсы), племянника Батыя), 109 (указание на тот же обряд при вхождении в шатер Батыя), 119–120 (описание преклонения колена при вхождении в шатер великого хана Гуюка); Путешествия... С. 69, 71, 76.

²⁹ Ср.: «Тот (Михаил. — А. Г.) ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает» (Путешествия... С. 29); «Михаиль же отвѣща: „Аще Богъ ны есть предаль и власть нашоу грѣхъ ради наших во роуцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносим ти, а законуу отецъ твоихъ и твоему богонечестивому повелению не кланяемся“» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795); «Тобѣ, цесарю, кланяюся, понеже Богъ порочил

пройти между огнями (чего, возможно, не делал Даниил). Когда требование поклониться изображению Чингисхана было повторено в виде ультиматума с угрозой смерти, князь не пошел на попятный.

Таким образом, отношение Батыя к Михаилу Всеволодичу было изначально иным, чем к Даниилу Романовичу. Здесь уместно вспомнить слова Плано Карпини, что монголы для «некоторых» подчиненных им правителей «находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими», «выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их»³⁰. Отказ от исполнения обряда поклонения идолу Чингисхана стал лишь поводом, за который зацепился хан, чтобы устранить черниговского князя.

Наиболее просто было бы объяснить такое отношение к Михаилу убийством им монгольских послов. Монголы не прощали таких действий: в частности, казнь пленных русских князей после битвы на Калке 1223 г. являлась мстью за предшествующее избиение монгольского посольства³¹. Но дело в том, что ранние источники о таком факте не свидетельствуют. Галицкий летописец упоминает посольство к Михаилу в конце 1239 г. (в Киев, где Михаил тогда княжил), но молчит о его избиении: «Меньгуканови (Менгу, двоюродный брат Батыя. — А. Г.) же пришедшоу сглядати града Кыева... присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша»³². Аналогичный текст содержат использующие близкий к Ипатьевской летописи южнорусский источник Софийская I и Новгородская IV летописи — памятники второй четверти — середины XV в.³³. Упоминание о избиении послов появляется только в летописях конца 70-х — начала 80-х гг. XV в. — Московском своде 1479 г. и Ермолинской летописи. Оно носит характер добавления к цитированному выше тексту: «...и не

ти еси царство свѣта сего, а емоу же велиши поклонитися, не поклонюся» (Серебрянский Н. И. Указ. соч. Тексты. С. 57).

³⁰ Sinica franciscana. T. I. P. 86; Путешествия... С. 55–56.

³¹ См.: НПЛ. М., Л., 1950. С. 62–63.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

³³ ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1. М., 2000. Стб. 301 (Софийская первая летопись); Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 226 (Новгородская IV летопись); Т. 42. СПб., 2002. С. 116 (Новгородская Карамзинская летопись, первоначальный вариант Новгородской IV).

послушаша его, а посланных к ним избиша»³⁴. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись имели не дошедший до нас общий протограф — великокняжеский свод (составленный, очевидно, в 1477 г.³⁵), чьим главным источником была Софийская I летопись. Ясно, что добавление к ее тексту было сделано именно при составлении данного протографа. Однако это — не древнейшее сообщение об убийстве Михаилом монгольских послов. Ранее оно встречается в тексте Жития черниговского князя. Но не во всех ранних редакциях. Редакции Ростовская и отца Андрея известия о посольстве не содержат. Оно читается (и сразу с указанием на избиение послов) в так называемой распространенной редакции отца Андрея³⁶. Текст именно этой редакции был включен в Софийскую I летопись³⁷. При составлении свода 1477 г. (протографа свода 1479 г. и Ермолинской летописи) Пахомием Сербом была написана на основе текста, читающегося в Софийской I летописи, новая редакция Жития³⁸, куда эпизод об избиении посольства вошел³⁹. Пахомий, по-видимому, принимал участие в работе над сводом 1477 г. в целом, причем вносил в него элементы, имевшие антиордынскую направленность⁴⁰. Очевидно, в рассказ о событиях 1239 г.

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 131 (Московский свод); Т. 23. СПб., 1910. С. 77 (Ермолинская летопись).

³⁵ См.: Горский А. А. «Повесть о убении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV в. // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 200–204.

³⁶ Серебрянский Н. И. Указ. соч. Тексты. С. 64.

³⁷ ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 318–325.

³⁸ См.: Горский А. А. Указ. соч. С. 205–212. В некоторых работах можно встретить указания на некую «Летописную повесть» о убении Михаила, со ссылкой на Симеоновскую летопись (Пак Н. И. Указ. соч. С. 58; Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан. С. 134, прим. 49). В Симеоновскую летопись помещен текст Жития, взятый из Московского свода. В последнем же представлена первая Пахომиева редакция произведения, предшествующая его широко известной пространной редакции.

³⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 136.

⁴⁰ См.: Горский А. А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4.

он вставил дополнение об избииении посольства, основываясь на тексте Жития, с целью подчеркнуть непримиримость Михаила к завоевателям. Таким образом, летописное сообщение об убийстве послов самостоятельного характера не носит; вопрос стоит только о происхождении известия Жития.

Существует точка зрения, что Распространенная редакция отца Андрея (далее РА) предшествовала более краткому варианту этой редакции (далее А)⁴¹. Если оно верно, то нельзя исключать, что известие об убийстве послов было в первоначальном тексте Жития, так как редакции А и РА обнаруживают следы большей древности, чем другая редакция — Ростовская⁴². Однако, судя по рассказу о монгольском нашествии, текст РА вторичен по отношению к А.

А	РА
<p>В лѣто 6746 бысть нахождение поганых татаръ на землю христьянскоую гнѣвомъ Божиимъ, за оумножение грѣхъ ради. Овии оубо затворяхоуся въ градѣхъ, Михаилу же бѣжавшу во Оугры. Инии же бѣжаша в земли дальнии, инии же кряхуся в пещерахъ и в пропастьхъ земныхъ. А иже въ градѣхъ затворишася, ти исповѣданиемъ и со слезами Богу молящеся, тако от поганыхъ немилостивно избѣени биша. А инии же кряхуся в горахъ и в пещерахъ и в пропастьехъ и в лѣсѣхъ, мало от тѣхъ остался. Тѣхъ же нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ</p>	<p>В лѣто 6746 бысть нахождение поганыхъ татаръ на землю роусьскоую гнѣвомъ Божиимъ, за оумножение грѣхъ нашихъ, якоже при Нои, яко же и при Лотѣ казнь Божия нахожаше, тако же и въ послѣднихъ сихъ временѣхъ наведе Господь роукоу свою на землю крестьянскоую по пророчеству дрѣвнихъ пророкъ, яко же рече: «Аще хотите послушаете мене, оружие вы поясть». Симъ всѣмъ миноувшемъ, взиде гнѣвъ Божии на вся живущая на земли, яко же рече: «Аще хотите, да поживете въ правдѣ, аще ли не хотите, то одинъ васъ поженеть тысящу, а два подвигнета тмоу васъ». Се же грядущоу гнѣвоу Божию, бысть посланъ языкъ незнаемъ от Бога, скроушая грады и побѣжая брани. Се же слышавъ великий князь Мьстиславъ роусьскыи собравъ силоу велику и изиди противоу имъ и ничтоже оуспѣ. Миновшоу же времени</p>

⁴¹ Пак Н. И. Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 23–24.

⁴² См.: Кучкин В. А. Указ. соч. С. 28–30; Лаушкин А. В. Указ. соч. С. 15–18.

<p>градѣх; изочтоша я в число и начаша на них дань имати татарове⁴³.</p>	<p>нѣколикоу, бысть нахождение поганых тотарь на землю роусьскоую. Ови оубо затворяхоуся въ градѣхъ. Михаилу же тогда держащую Киевъ, придоша послы от Батыя. Он же видѣвъ словеса лести ихъ, повелѣ я избити, а сам побѣже въ Оугры с домашними своими. Инии же бѣжаша в далняя страны, а ини же крыяхоуся в пещерахъ земныхъ. А иже въ градахъ затворишася, ти съ слезами и с покаяниемъ Богу молящеся, ти тако от поганыхъ немилостиво избьиени быша. А иже въ горахъ и в пещерахъ и в лѣсѣхъ крыяхоуся, а от тѣхъ мало остана. И осадилъ я въ градѣхъ, и сочтоша я в число, и начаша дань имати на нихъ⁴⁴.</p>
---	---

В начале обеих редакций оказано о «нахождении татар» в 6746 (1238) г., т. е. о нашествии Батыя. В последующем избыточном тексте РА следует возвращение на 15 лет назад, к битве Мстислава Киевского с монголами на Калке 1223 г. После этого, для возвращения к темѣ Батыева похода, пришлось повторить начальную фразу: «...бысть нахождение поганых тотарь на землю роусьскоую». Вставной характер этого текста достаточно очевиден.

Таким образом, указание на убийство Михаилом монгольских послов появилось в редакции Жития, не являющейся первоначальной, к архетипному тексту оно не относится. Достоверность этого известия вызывает сомнения. Во-первых, неточно указание, что послы приходили от Батыя — в действительности их направил Менгу. Главное же, что неясно, почему об этом факте не сообщил галицкий летописец: к Михаилу он относился в целом враждебно (как к противнику своего князя — Даниила) и причин скрывать его неблагоприятное действие (каким являлось во все века убийство послов) не имел. Можно предположить, что вставку сообщения об убийстве Михаилом татарских послов составитель РА сделал под влиянием источника, из которого взял сообщение о битве на Калке: именно перед ней были перебиты послы монголов. Сообщается об

⁴³ Серебрянский Н. И. Указ. соч. Тексты. С. 55.

⁴⁴ Там же. С. 63–64.

этом в Повести о Калкском сражении Новгородской I летописи старшего извода⁴⁵, с текстом которой РА сближает определение татар как «языка незнаемого»⁴⁶ (в других летописных рассказах о событиях 1223 г. такого определения нет). Приписывание Михаилу избиения посольства должно было способствовать созданию образа непримиримого борца с врагами Руси. Итак, считать убийство Михаилом послов реальным фактом оснований нет.

Причиной общего порядка, способной вызвать у Батыя враждебность к Михаилу, могли быть его «западные» связи. В 1243 г. сын Михаила Ростислав женился на дочери венгерского короля Беды IV. Михаил после этого ездил в Венгрию, но вскоре вернулся, поскольку встретил холодный прием. Летом 1245 г. Ростислав с помощью венгерских войск пытался захватить Галич, но был разбит Даниилом Романовичем⁴⁷. В том же 1245 г., в июне, на церковном соборе в Лионе (резиденции папы Иннокентия IV) перед католическими иерархами выступил с информацией о монголах «архиепископ Руси» Петр⁴⁸: скорее всего, это был игумен Петр Акеревич, направленный Михаилом Всеволодичем⁴⁹. Таким образом, Михаил имел тесные, в том числе родственные, связи с венгерским королем, разгромленным Батыем в 1241–1242 гг., но сохранившим независимость; он, вероятно, вступил и в контакты с папским престолом, носившие антимонгольскую окраску⁵⁰. Сведения обо всем этом у Батыя, скорее всего, должны были быть.

Что можно сказать о вероятности причастности к случившемуся о Михаилом других русских князей?

⁴⁵ НЛ. С. 63.

⁴⁶ Там же. С. 62.

⁴⁷ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794–795, 800–808. О датировке см.: Грушевский М. Указ. соч. С. 30–33.

⁴⁸ См.: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 124–126, 151–153, 178–184.

⁴⁹ См.: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 57–67.

⁵⁰ Для сравнения следует напомнить, что Даниил Романович Галицкий, дальше всех русских князей середины XIII в. пошедший по пути поисков союза с католическим Западом против монголов, вступил в контакты с папской курией только весной 1246 г., по возвращении из своей поездки к Батю, а с Белой IV породнился в 1249 г.

Недавно был предложен новый вариант перевода сообщения Плано Карпини об убийстве Михаила, значительно изменяющий трактовку событий.

Латинский текст	Перевод А. И. Малеина	Перевод А. Г. Юрченко
Et cum sepe diceretur ei quod inclinaret, et nollet, mandavit ei dux predictus per filiam Ierozlai quod oocideretur si non inclinaret. Qui respondit, quod potius vellet mori, quam facere quod non licet. Ac ipse satellitem unum misit, tam diu contra cor eum in ventre percussit, quousque defficeret ⁵¹ .	И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь (Батый. — А. Г.) передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, что не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался ⁵² .	И, так как ему много раз повторяли, чтобы он поклонился, а он не хотел, вышеупомянутый князь передал ему через сына [великого князя] Ярослава, что он будет убит, если не станет кланяться, [а] тот отвечал, что предпочитает умереть, чем делать то, что не дозволено. И тогда он [Батый] послал одного приближенного [Ярослава], который, вопреки [своему] желанию, долго бил его пяткой в живот, пока он не умер ⁵³ .

Если новая версия верна, непосредственным исполнителем был человек Ярослава Всеволодича, действовавший, впрочем, против своей воли⁵⁴. Однако трактовка *satellitem* как приближенного именно Ярослава ничем не подкреплена. Ярослав упоминается (и то не сам, а сын его) много выше, далее речь идет о Михаиле, а затем — о действиях Батыя; по смыслу текста речь должна идти о приближенном именно хана. Перевод «*contra cor*» как «вопреки [своему] желанию» (в таком замечании можно усмотреть намек на то, что «сателлит»

⁵¹ Sinica franciscana. T. I. P. 38.

⁵² Путешествия... С. 29.

⁵³ Юрченко А. Г. Золотая статуя... С. 251–252.

⁵⁴ Ср.: Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан. С. 121.

был русским) был бы возможен, если бы в других текстах не существовало указаний на удары именно в область сердца. Согласно Житию Михаила, его «почаша бити руками по сердцю»⁵⁵. В «Истории тартар» де Бридиа говорится, что Михаила били *ad precordia* (перевод С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко — «в грудь», дословно же — «около сердца»⁵⁶). Учитывая, что последний памятник текстуально близок к сочинению Плано Карпини, представляется невероятным, чтобы в описании способа убийства в одном из этих двух источников термин *сог* употреблялся в прямом значении, а в другом — в переносном. Поэтому верным следует считать традиционный перевод.

В русских источниках называется имя убийцы Михаила — Доман; галицкий летописец называет его «путивлец»⁵⁷. Доман совершил заключительный акт расправы, отрезав князю голову; в Галицкой летописи он назван «беззаконным» и «нечестивым», а Житие прямо говорит о его отступлении от христианства в язычество. Не исключено, что Доман и есть «сателлит» Батия, определенный так потому, что после своего отступничества стал служить непосредственно хану. Возможно также, что Доман — только один из исполнителей расправы, возглавляемой «сателлитом» Батия. Определение «путивлец» может навести на размышления о близости к кому-то из князей Черниговщины, но, во-первых, выходец из Путивля мог оказаться на службе и у князя из другой земли, во-вторых, вряд ли человек, отступивший от христианства, смог бы продолжать служить русскому князю. Таким образом, сведения о непосредственных исполнителях убийства не вносят ясность в вопрос о причастности к нему русских князей.

Кому из них могло быть необходимо устранение Михаила и кто имел реальные возможности повлиять на решение Батия?

Ярослав Всеволодич до Батиева нашествия соперничал с Михаилом за Киев: в 1236–1238 гг. он княжил там, но когда после гибели брата Юрия в бою с монголами ушел на владимирский стол, Михаил захватил Киев⁵⁸. Зимой 1239–1240 гг. Ярослав ходил походом на Юг Руси, вынудив Михаила бежать из Киева, и возвел на киев-

⁵⁵ Серебрянский Н. И. Указ. соч. Тексты. С. 58.

⁵⁶ Христианский мир и «Великая Монгольская империя»... С. 91, 117.

⁵⁷ Серебрянский Н. И. Указ. соч. Тексты. С. 58, 62; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

⁵⁸ НПЛ. С. 74; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.

ский стол князя из смоленской ветви Ростислава Мстиславича⁵⁹. В 1241 г. Михаил, вернувшийся из Польши, куда он бежал от монголов, жил некоторое время под Киевом⁶⁰. В 1243 г. Ярослав получил киевское княжение от Батые⁶¹. В 1246 г. последний направил Ярослава в Каракорум, ко двору великого хана Гуюка, для утверждения⁶². В этой ситуации вряд ли можно было ожидать от Батые пересмотра своего решения и передачи Киева Михаилу. Кроме того, согласно галицкому летописцу, Михаил ехал к Батю «прося волости свое у него»⁶³. Летописец Даниила Галицкого, враждовавшего с Михаилом и также претендовавшего накануне Батыева нашествия на киевское княжение, не мог назвать «волостью» Михаила Киев — речь явно шла только о его отчинном столе, Чернигове, о ханской санкции на черниговское княжение. Таким образом, реальной угрозы интересам Ярослава визит Михаила в Орду не нес. Не было у владимирского князя и физической возможности влиять на события, поскольку во время пребывания Михаила у Батые он находился в Монголии (где умер 30 сентября 1246 г., через десять дней после расправы над его старым врагом)⁶⁴. Можно допустить только передачу Ярославом Батю негативной информации о Михаиле до отъезда в Каракорум, т. е. за несколько месяцев до визита черниговского князя к хану⁶⁵.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782; Горский А. А. Русские земли... С. 25.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

⁶¹ См.: Горский А. А. Русские земли... С. 25.

⁶² ПСРЛ. Т. I. Стб. 471; Sinica franciscana. T. I. P. 46. 118, 128; Путешествия... С. 34, 75, 82.

⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

⁶⁴ Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Sinica franciscana. T. I. P. 121; Путешествия... С. 77. В силу чрезвычайной отдаленности Каракорума до Ярослава не могла успеть даже дойти весть от его людей, находившихся при ставке Батые в Поволжье, о визите в Орду Михаила.

⁶⁵ В Орде находился сын Ярослава (по-видимому, Константин, еще в 1243–1245 гг. ездивший в Каракорум — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470) и его люди (о них, в том числе о названном галицком летописце в рассказе о поездке Даниила к Батю Соногуре, упоминает Плано Карпини; см.: Путешествия... С. 82), но вряд ли они серьезно могли повлиять на ханское решение. Посредническая роль Ярослава в сношениях Батые с Михаилом (она выдвигается

Даниил Романович с середины 1230-х гг. боролся с Михаилом и его сыном Ростиславом за галицкий стол; летом 1245 г. он отбил наступление на Галич Ростислава Михайловича, а зимой 1245–1246 гг., приехав к Батыю, получил от него санкцию на галицкое княжение⁶⁶. Трудно было ожидать, что Батый спустя несколько месяцев передаст Галич Михаилу. Налаживание Даниилом связей с Западом на антимонгольской почве, имевшее место в 1246 г.⁶⁷, скорее должно было толкать его к соглашению с Михаилом, ранее вступившим в такие контакты, чем к интригам против него в Орде. Вести последние в момент визита Михаила к Батыю Даниил, как и Ярослав, не мог физически, так как находился в своей земле. Остается, как и в случае с Ярославом, только допускать, что он мог настроить Батыя против Михаила во время своего визита в Орду в конце 1245 г., задолго до приезда туда черниговского князя.

Большие основания и возможности интриговать против Михаила в сентябре 1246 г. имели другие князья черниговского дома. На Черниговщине Михаил не должен был пользоваться большой популярностью. С конца 1220-х гг. он непрерывно вел изнурительную борьбу за столы вне Черниговской земли: сначала Новгород, затем Киев и Галич. В 1239 г. Михаил, княжа в Киеве, не оказал помощи подвергшемуся нападению монголов Чернигову⁶⁸. В 1241 г. он вернулся из венгерского бегства не в Чернигов, а в Киев, затем перешел в Чернигов, вновь уехал из него — в Венгрию к сыну, потом опять вернулся⁶⁹. Положение Михаила в Чернигове вряд ли было прочным; другие князья черниговской ветви могли с большим основанием считать его виновником ослабления их земли

галась в качестве единственного аргумента в пользу версии о прямой причастности Ярослава к случившемуся, см.: *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 27; *Юрченко А. Г.* Золотая статуя... С. 253) вряд ли говорит о чем-то большем, чем использование ханом в переговорах наиболее высокого по статусу из находившихся при его дворе русских; Плато Карпини свидетельствует, что сын Ярослава жил у Батыя в положении заложника (*Sinica franciscana*. Т. I. Р. 86; *Путешествия...* С. 56).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800–808.

⁶⁷ См. о них: *Пащито В. Т.* Указ. соч. С. 251–254.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

⁶⁹ Там же. Стб. 795.

и стремиться лишить черниговского стола. Известно, что в период, близкий ко времени пребывания Михаила в Орде, там побывали и другие князья черниговского дома. Плано Карпини пишет, что за время нахождения в Орде францисканцев (неясно, которого — по дороге в Каракорум весной 1246 г. или на обратном пути весной 1247 г.) «князь Чернигова» (надо полагать, «Чернигов» здесь — обозначение принадлежности к черниговскому княжескому дому) Андрей «был обвинен перед Бату в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит», после чего в Орду приехал младший брат этого князя⁷⁰. Недоказанное обвинение в угоне коней очень похоже на донос князя-соседа. Вполне вероятно, что еще кто-то из князей Черниговской земли мог пребывать в Орде одновременно с Михаилом или незадолго до него и иметь возможность интриговать против старшего из князей черниговской ветви.

Итак, есть основания полагать, что убийство Михаила Всеволодича было вызвано политическими причинами. Батый, очевидно, изначально настороженно относился к черниговскому князю из-за его западных, в первую очередь венгерских, связей (которые могли быть загодя подчеркнуты побывавшими в Орде ранее Даниилом Романовичем или/и Ярославом Всеволодичем). Во время поездки Михаила имели причины и, вероятно, реальные возможности действовать против его интересов другие князья черниговского дома. Скорее всего, твердого намерения убить Михаила у Батыя первоначально не было, иначе можно было бы решить дело ханским судом (как с Андреем Мстиславичем или позже, в 1318 г., с Михаилом Ярославичем Тверским), а не прибегать к столь сложному и ненадежному (ведь князь мог и подчиниться требованию поклониться идолу Чингисхана) способу. Хан решил произвести «тест на лояльность» — потребовал от Михаила исполнить обряд поклонения «по жесткому варианту». Но князь, рассчитывавший избежать, как это случилось с Даниилом Галицким, неприемлемого для христианина деяния, попытался аргументированно уклониться от поклонения идолу. На фоне уже существовавшего у Батыя негативно-

⁷⁰ Sinica franciscana. Т. I. Р. 39; Путешествия... С. 29–30. Речь идет о князе Андрее Мстиславиче, чье убийство в один год с Михаилом упоминается в Рогожском летописце (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пр., 1922. Стб. 31).

го отношения к Михаилу этот отказ был воспринят как подтверждение его «политической неблагонадежности». Требование поклониться идолу Чингисхана было предъявлено повторно, теперь под угрозой смерти. В этих обстоятельствах Михаил (видимо, понявший, что оценка им ситуации была неверна и приемлемого выхода нет) предпочел стоять на своем до конца.

В. А. Кучкин

Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем

Смерть 19 мая 1389 г. Дмитрия Донского проложила темную полосу во взаимоотношениях двух его старших сыновей: Василия и Юрия. По последнему завещанию Дмитрия Ивановича его первенец Василий, родившийся 30 декабря 1371 г.¹, получил две трети Москвы (вместе с братьями), из московских земель Коломну с относившимися к ней волостями и селами, ряд подмосковных сел, села в Юрьеве и Ростове, но самое главное — великое княжение², т. е. обширную территорию бывшего великого княжества Владимирского, присоединенную Дмитрием к своим владениям в начале 60-х гг. XIV в. При жизни Дмитрия Донского ни один из его сыновей не успел жениться. Поэтому в своей духовной грамоте, составленной между 25 марта и 16 мая 1389 г., скорее всего в первой половине мая указанного года³, великий князь Дмитрий, озабоченный будущим созданного им обширного государства, предписывал: «А по грѣхом отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Васильна, а хто будет подъ тѣм с(ы)нѣ мой, ино тому с(ы)ну моему княжѣ Васильевѣ

¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 99.

² ДДГ. № 12. С. 33, 34.

³ Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 123.

оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моа кнагини»⁴. «Под» Василием, т. е. следующим за ним, оказывался второй сын Дмитрия Донского Юрий, родившийся 26 ноября 1374 г.⁵ Вот почему братья по предсмертной воле собственного родителя должны были до конца своих дней испытывать по меньшей мере недоверие друг к другу. Василий мог ожидать непослушания и происков со стороны Юрия, Юрий — козней и преследования со стороны старшего брата. Примечательна в этой связи характеристика, данная отношениям двух старших Дмитриевичей одним из крупнейших исследователей русского средневековья А. Е. Пресняковым. Обратив внимание на то, что во всех трех духовных грамотах великого князя Василия Дмитриевича совершенно не упоминается его брат Юрий, тогда как другие братья называются, А. Е. Пресняков заключал: «Юрий нигде не назван, и, видимо, находился в гневной оппозиции к старшему брату во все время его великого княжения, хотя и ходил в походы по его посылкам на Новгород и в Двинскую землю, на волжских Болгар. Ни летописные своды, ни иные какие источники не дают указаний на причины раздора между братьями; нет и договоров между ними»⁶. Главное подмечено А. Е. Пресняковым метко и верно, да и выражено достаточно образно. Но едва ли справедливо указание маститого исследователя на гневную оппозицию звенигородско-галичского князя на протяжении всего времени великого княжения его старшего брата. Как показывает анализ договора великого князя Василия Дмитриевича со своим двоюродным дядей серпуховским князем Владимиром Андреевичем, заключенного между 6 и 26 января 1390 г., Юрий Дмитриевич находился в тесном союзе со своим старшим братом. Благодаря Василию, Юрий сохранил в своих руках Галич, до марта 1389 г. принадлежавший Владимиру Серпуховскому. Видимо, по поручению старшего брата Юрий осенью

⁴ Там же. С. 35.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 108.

⁶ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 383. Исследователь также отмечал, что последовавшая после смерти в 1425 г. великого князя Василия I борьба Юрия Дмитриевича с племянником Василием Васильевичем за великое княжение не была неожиданной, она стала «завершением тех притязаний и отношений, какие сложились ранее» (Там же. С. 384).

1389 г. ездил в Орду, чтобы просить там военной помощи против начавшего борьбу за возврат своих владений, отнятых у него Дмитрием Донским, серпуховского князя⁷. Угроза потери земель и прерогатив, завещанных им отцом, спланивала московских Дмитриевичей в единое целое, вспышки их внутренних трений меркли перед внешней опасностью, и наследники Донского выступали в тесном единстве против общего противника. Так, во всяком случае, было в первые месяцы великого княжения Василия Дмитриевича. Позднее такое единение могло и не проявляться.

Также вопреки сказанному А. Е. Пресняковым об отсутствии договоров между Василием и Юрием Дмитриевичами можно утверждать, что один договор между названными князьями все-таки сохранился. До наших дней он дошел в составе известного сборника копий княжеских договорных грамот, преимущественно князей московского дома⁸: Сборник был переписан в 70-х гг. XV в. с другого сборника, составленного в конце 30-х гг. XV в.⁹. Таким образом, единственный договор между Василием и Юрием Дмитриевичами представлен копией 70-х гг. XV в.

Копия начинается с заголовка: «Грамот(а) великоз(о) княз(а) Васил(ь)я Дмитреевич(а) з братом съ Юрием». Это, несомненно, позднейшее определение договора. Подобные соглашения, заключенные между собой московскими князьями и сохранившиеся в подлинниках, заголовков не имеют. В рассматриваемом случае заголовок мог быть дан последним копиистом, переписывавшим текст dokonчания между братьями в 70-х гг. XV в. Но заголовок мог принадлежать и составителю оригинала сборника, работавшему в конце 30-х гг. XV в., а возможно, даже архивисту еще более раннего времени, оставившему архивную помету на оригинале договора, которая определила главное его содержание и превратилась в заголовок под пером позднейших переписчиков. Впрочем, как бы

⁷ Подробнее см. *Кучкин В. А. Договор 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // Исторические записки. Вып. 8 (126). М., 2005. С. 28–84.*

⁸ РНБ. Q. XVII. 58. Л. 25 об. – 26 об.

⁹ Подробное описание и характеристику сборника см. в книге: *Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 271–274.*

там ни было, заголовок грамоты не относится к основному тексту документа.

Основной текст соглашения начинается с указания на благословление заключивших соглашение контрагентов, данное им главой русской церкви: «По бл(а)г(о)с(ло)в(е)нию w(т)ца нашег(о) Киприяна, митрополита Киевскаго и всеа Роус(и)». Так в договоре представлена аге́нга, содержащая определенное обоснование права Василия и Юрия Дмитриевичей заключить между собой соглашение. В аге́нга назван митрополит Киприан, который после почти 8-летнего отсутствия 6 марта 1390 г. вернулся в Москву¹⁰. Поскольку Киприан скончался 16 сентября 1406 г.¹¹, очевидно, что рассматриваемое dokonчание между двумя старшими сыновьями Дмитрия Донского могло быть составлено между 6 марта 1390 г. и 16 сентября 1406 г.

Титул митрополита Киприана в рассматриваемом договоре такой же, как в других источниках и летописных известиях; самое раннее из которых датируется 1391 годом¹².

В *intitulatio* договорной грамоты назван великий князь Василий Дмитриевич: «се-яз, княз(ь) велик(ии) Василеи Дмитреевич всеа Руси». Очевидно, что этот раздел документа составлен от лица великого князя, который к тому же титулует себя не просто великим князем, а великим князем всеа Руси, что необычно для договоров московских князей друг с другом. Относительно возможной причины или причин столь редкого и явно претенциозного титулования можно будет говорить далее, когда прояснятся общее содержание, направленность и время соглашения между Василием и Юрием Дмитриевичами.

Последний в *inscriptio* договора назван «братом ... младшим» великого князя, но одновременно по имени и отчеству, как и другой

¹⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 158.

¹¹ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 151, под 6915 годом ультрамартовским; Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 526 (указание на 16 сентября отнесено к войне Василия Дмитриевича с Витовтом); Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Л., 1925. С. 399, в двух последних летописях под 6914 годом мартовским.

¹² Кучкин В. А. Сергей Радонежский и «философский крест» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 20–22, примеч. 28.

московский удельный князь Владимир Андреевич в его договорных грамотах с великими князьями Дмитрием Ивановичем и Василием Дмитриевичем. Очевидно, определение в *inscriptio* младшего контрагента не только по имени, но и по отчеству было нормой при составлении договоров московских князей между собой.

Далее в изучаемой грамоте следует *dispositio*, содержащее условия соглашения, в соблюдении которых оба брата целовали крест друг к другу.

Статья 1 этой части договорной грамоты фиксирует обязательство договаривавшихся сторон «быти... заодин» до конца своих дней. Эта норма обычно прописывалась в договорных грамотах московских великих князей с другими князьями московской же династии¹³, и с этой точки зрения статья 1 рассматриваемого соглашения ничего нового собой не представляла. Однако оборот «до своег(о) живот(а)», впервые сформулированный в данном договоре сыновей Дмитрия Донского¹⁴, подчеркивал решимость сторон блюсти единство и не вступать в борьбу друг с другом на протяжении всей их жизни.

Статья 2 содержала довольно трафаретное обязательство договаривавшихся князей-родственников иметь общих друзей («А кто боудет, г(о)с(поди)не, тобѣ друзг, кн(а)зю великом(у), то и мнѣ друзг») и общих врагов («А кто боудет, г(о)с(поди)не, тобѣ недрузг, то и мнѣ недрузг»).

Трафаретной была и статья 3 договора, запрещавшая братьям заключать сепаратные соглашения с кем бы то ни было: «А не канчивати ти, г(о)с(поди)не, княз(ь) велик(ии), без мена ни с кѣм. Ни мнѣ, г(о)с(поди)не, не канчивати без теб(е) ни с ким».

Зато вполне оригинальной была статья 4: «А м(а)т(е)рь свою нам, г(о)с(поди)не, держати въ м(а)т(е)рствѣ и во чти». Речь идет о матери Василия и Юрия, вдове Дмитрия Донского великой княгине Евдокии, дочери нижегородского князя Дмитрия-Фомы Константиновича. По завещанию 1389 г. Дмитрия Ивановича его жене Евдокии отводилась крупная политическая роль. Ей, как было отмечено выше, поручалось наделение сыновей землями в случае, если

¹³ ДДГ. № 2. С. 11; № 5 С. 19; № 11. С. 31.

¹⁴ В договоре 1348 г. сыновей Ивана Калиты был близкий, но не идентичный оборот «до живота» — ДДГ. № 2. С. 11.

умрет великий князь Василий, великим князем станет его брат, а прежние владения этого брата сделаются достоянием всех остальных наследников Дмитрия Ивановича. Великая княгиня Евдокия наделяла своих сыновей и в том случае, если выморочным становилось удельное владение, т. е. умирал один из младших ее сыновей. При этом в завещании Дмитрия Донского указывалось, что оставшиеся в живых сыновья не могут спорить о составе получаемых ими от матери наделов. Мать «которому что дать, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъс(а)»¹⁵. Евдокия следила также за тем, чтобы были выделены земли возможному сыну (когда Дмитрий Донской составлял свое второе завещание, Евдокия ждала ребенка, и 16 мая 1389 г. у нее родился сын Константин), и наделяла из владений сыновей того из них, у кого «оубудет о(т)ч(и)ны». Общая роль Евдокии в политической жизни Московского великого княжества подчеркивалась специально в одной из заключительных статей завещания 1389 г. Дмитрия Донского: «А приказал есмь свои дѣти своеи княгинѣ. А вы, дѣти мои, слушайте свое м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступайте ни в чем. А который с(ы)нъ мой не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья». По сути дела, Дмитрий Донской в последнем завещании наделял жену функциями гаранта своих предсмертных распоряжений и великокняжескими функциями в отношении их детей, которые были или юны, или совсем малы. Поэтому старшие сыновья Дмитрия Ивановича и должны были в своем соглашении специально подчеркнуть положение своей матери, тем более что само соглашение составлялось без ее участия, а она считалась главой семьи, оставшейся без отца — великого князя Дмитрия.

Статья 5 определяла взаимные обязательства заключивших соглашение князей по сохранению статусов друг друга. Юрий должен был «кн(а)за великаг(о) держати в старишинствѣ по д(у)ш(е)вной грамотѣ w(т)ца своег(о)». В договоре братьев подчеркнуто только старейшинство великого князя всея Руси Василия. Между тем в духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского содержалось следующее требование к его младшим сыновьям: «А дѣти мои молодшаа, братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего

¹⁵ ДДГ. № 12. С. 35.

брата старшего, князя Василья, в мое мѣсто, своего о(т)ца»¹⁶. Этого сравнения старшего брата с отцом нет в рассматриваемом договоре. Возможно, Юрий старался исключить из договора всякие намеки на те права своего старшего брата, какими обладал их отец. Однако ссылка в договоре на духовную грамоту Дмитрия Ивановича заставляла звенигородско-галичского князя принимать все положения этой грамоты относительно Василия, в том числе слушаться его так же, как отца.

Со своей стороны, великий князь Василий Дмитриевич обязывался Юрия «держат(и) в братвствѣ и во чти, безо ѡбиды». Данный оборот, включающий слово «честь», впервые появляется в договорной грамоте от января 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и его двоюродным дядей серпуховским князем Владимиром Андреевичем¹⁷. Названный договор повышал статус удельного серпуховского князя. Очевидно, данный оборот повышал статус и звенигородско-галичского князя.

Весьма интересна статья 6 соглашения между двумя Дмитриевичами. Она содержала требование к великому князю заботиться о младшем брате и его владениях: «А мена ти жаловати и печаловатис(а) мною и моею вочиною». Статья находит определенную аналогию в более раннем договоре 1348 г. великого князя Симеона с братьями, где сказано, что великий князь «[ко]го из нас б(ог)ъ отъведет, печаловати[са кнагиною его и] дѣтми как при ж[ивотѣ, так и по жив]отѣ, а не [обидѣти тобѣ, ни] имати ничего ото кнагини и отъ дѣтии, чимъ ны [кого благословиль отецъ нашъ по ро]здѣлу»¹⁸. Оба договора содержат статьи о «печаловании» великого князя, распространявшемся на его удельных родственников и на их владения. Однако статья 6 изучаемого соглашения содержит принципиальные отличия от близкой к ней по теме процитированной статьи договора 1348 г. В статье 6 речь идет не об осиротевших семьях удельных князей, а о самом удельном князе; не о сохранении удельных владений, а о заботе об этих владениях; наконец, об обязанности великого князя Василия «жаловати» Юрия.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. № 13. С. 37.

¹⁸ Там же. № 2. С. 12.

Конечно, «жаловати» можно было и за красивые глаза, но обычно жаловали за службу. Однако удельный князь не являлся служебным князем великого князя. Великокняжеские поручения в мирной жизни он не выполнял, за исключением, быть может, некоторых очень ответственных дипломатических и административных, подменяя собой великого князя. Но удельный князь должен был участвовать во всех военных походах и операциях, осуществлявшихся великим князем. За это он получал от последнего или новые владения, или компенсации в виде выплат. Очевидно, что «жаловати» статьи 6 договора Василия и Юрия Дмитриевичей означало обязательное материальное поощрение великим князем удельного князя за участие последнего в войнах великого князя.

Статья 7 договора открывала небольшой раздел договорной грамоты, посвященный Москве, московским и другим владениям договаривавшихся князей. Текст статьи в самом общем виде определял принципы сосуществования в столице великого и удельного князей: «А в М(о)сквѣ нам жити по д(у)ш(е)внои грамотѣ ѡ(т)ца нашег(о), а не ѡбид(ѣ)ти». Нормы завещания 1389 г. Дмитрия Донского становились основными правилами, которыми руководствовались братья в своей московской деятельности. Заключительный оборот статьи 7 («а не ѡбид(ѣ)ти») подчеркивал обязательства великого князя Василия и удельного князя Юрия в точности следовать предсмертным распоряжениям отца и не заниматься какими-либо происками в отношении друг друга.

Статья 8 договора очерчивала те владения Юрия Дмитриевича, которые должны были оставаться за ним и на которые не мог претендовать его брат великий князь Василий Дмитриевич: «А чѣмъ ма, г(о)с(поди)не, бл(а)г(о)с(ло)в(и)лъ ѡ(те)ць мои, княз(ь) великий, в Москвѣ Звениг(о)родом с волостями, и Соурожиком с Лучиньским, и Галичем с волостми, и с селы в Московском оуѣздѣ и въ великом княжении, того ти, г(о)с(поди)не, подо мною блюсти, а не ѡбидити». Статья в сжатом виде повторяла положения духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Ивановича, согласно которой Юрию передавались «Звенигород со всѣми волостми» (их число равнялось 18, среди них был и Сурожики), два московских села, Галич «со всѣми волостми и съ селы»¹⁹. Однако в завещании Дмитрия Донского Сурожики не вы-

¹⁹ Там же. № 12. С. 33, 34.

делялся из числа звенигородских волостей, отсутствовало упоминание села Лучинского и не было прямого указания на то, что Юрию принадлежали села в великом княжении, как об этом сказано в статье 8 рассматриваемого договора. Но при проверке выясняется, что все указанные различия и противоречия между свидетельствами последнего завещания отца и первого договора между его старшими сыновьями носят чисто внешний характер.

Сурожиж в статье 8 договора выделен из состава звенигородских волостей потому, что исторически не входил в их число. Он существовал отдельно от них, принадлежа вдове Ивана Калиты Ульяне с дочерьми, тогда как Звенигород был владением второго сына Калиты Ивана²⁰. Только после смерти Ульяны в начале 70-х гг. XIV в. Сурожиж перешел к великому князю Дмитрию Ивановичу, который и завещал его своему второму сыну Юрию.

Упоминание в договоре вместе с Сурожижом села Лучинского было связано с тем, что это село, до сих пор стоящее близ устья р. Могощи, правого притока Малой Истры, и при впадении Малой Истры в Истру²¹, было административным центром волости Сурожиж. В одной из жалованных грамот, выданных князем Юрием Дмитриевичем властям московского Чудова монастыря на села «в Сурожище», указывалось, что жители этих сел «корму к Луценскому на дают». Грамота сохранилась в копии 1672 г.²². Очевидно, что корм в Луценское (это описка позднейшего переписчика вместо Лученское, Лучинское) поступал потому, что там пребывал местный волостель. Иными словами, Лучинское являлось волостным центром, а потому и называлось в изучаемом договоре вместе со всей волостью Сурожиж.

В состав владений князя Юрия входили и села, относившиеся к великому княжению. По завещанию 1389 г. Дмитрия Донского Юрию к его галичским землям придавались «селы, которые тагли къ Костромѣ, Микульское и Борисовское»²³. А Кострома входила в

²⁰ Там же. № 1. С. 9.

²¹ Атлас Московской области. М., 2003. С. 52.

²² Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI века из архива московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. № 3. С. 12.

²³ ДДГ. № 12. С. 34.

состав великого княжества Владимирского²⁴. Таким образом, объекты очерченных в договоре братьев владений Юрия Дмитриевича достаточно строго соответствовали тому, что предназначалось ему по завещанию отца. Ссылка в статье 8 на благословение отца была вполне уместной и правильной.

Почти то же можно сказать о владениях великого князя Василия Дмитриевича, которые названы в статье 9 договора: «А чим, г(о)с(поди)не, тоба благословилъ ѿ(те)ць н(а)шъ, княз(ь) велик(ии), въ Москвѣ Коломноу и с волостми и всѣм великим княжением, или что еси себѣ примыслил, а мнѣ под тобою тог(о) всег(о) блюсти так(о) же, а не ѿбидѣт(и)». Выше уже приводились сведения из духовной грамоты 1389 г. Дмитрия Донского о конкретных владениях его старшего сына Василия. Они точно соответствуют свидетельствам статьи 9 рассматриваемого договора. Однако оборот данной статьи «или что еси себѣ примыслил» указывает на то, что к моменту составления соглашения между братьями в руках у великого князя Василия оказались земли, в завещании Дмитрия Ивановича не фигурировавшие, поскольку были приобретены самим Василием. Первым крупным территориальным приобретением Василия Дмитриевича было Нижегородское княжество, присоединенное к владениям московского князя в 1392 г.²⁵ Из данного факта можно было бы сделать вывод, что заключение договора между Василием и Юрием Дмитриевичами состоялось в том же 1392 г. или позже. Но поскольку в статье 9 о великокняжеском примысле или о примыслах говорится в обезличенном виде, а теоретически допустимая самая ранняя дата договора — 6 марта 1390 г., приходится ставить вопрос о возможных земельных приобретениях московского великого князя до 1392 г. И здесь нельзя не указать на статью 23 январского соглашения 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем, где говорилось: «А что слобода противъ Боровска, та ны слобода свести, туто намъ слободы не держати, ...а земля наша». Выясняется, что московские князья, в их числе и великий князь, а может быть, только он один, во время ссоры с Владимиром Серпуховским в мае 1389 г. — январе 1390 г. приобрели земли в боровских

²⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 125, 143–144.

²⁵ Там же. С. 231; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 119–123.

владениях этого князя. Таким образом, примыслы великого князя Василия существовали уже к январю 1390 г. и были закреплены за ним соответствующим соглашением с Владимиром Андреевичем. То же соглашение отразило и дальнейшие планы московского великого князя по расширению своих владений. В статье 22 январского договора 1390 г. было прямо заявлено, что великий князь собирается «найти» себе Муром и Тарусу, а также «инаа мѣста». На какие именно «инаа мѣста» зарился новый московский великий князь, в этом договоре с Владимиром Серпуховским не говорилось, но к возможному самому раннему моменту составления договора с братом Юрием (6 марта 1390 г.) какие-то «мѣста»-примыслы уже могли быть в руках Василия Дмитриевича. Их Юрий Звенигородский обязывался «блюсти, ...а не вбидѣт(и)» так же, как и отчинные владения старшего брата.

Статья 10 договора была посвящена военной теме. Она содержала норму, обычную в отношениях великих и удельных князей: «А гдѣ ти, г(о)с(поди)не, боудеть всѣсти на кон(ь) или ти мен(а) послати, и мнѣ так(о) же и всѣсти безъ вслоушаниаа»²⁶. Звенигородско-галичский князь обязывался беспрекословно подчиняться великому князю при возникновении войны, участвовать в ней вместе с ним и без него, действуя по его приказу.

Статья 11 от внешнеполитических обязательств сторон переходила к обязательствам внутривосполитическим: «А брат(ь)ю свою нам молодшую блюсти с одного, а не вбидѣти». После смерти отца у Василия и Юрия оставались четыре брата: Андрей, Петр, Иван и Константин. Иван был человеком больным, он скончался раньше других детей Дмитрия Донского, уже летом 1393 г.²⁷ Андрей родился 14 августа 1382 г.²⁸, Петр — 29 июня 1385 г.²⁹, Константин, как уже говорилось, появился на свет 16 мая 1389 г. Они, действительно, были намного моложе Василия и Юрия. Поэтому старшие Дмитриевичи брали на себя опеку младших и договаривались не усиливать за их счет (не обижать их).

²⁶ Ср. ДДГ. № 2. С. 13; № 5. С. 21; № 11. С. 32; № 13. С. 38.

²⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 164. Здесь указана точная дата смерти князя Ивана Дмитриевича — 29 июля 1393 г.

²⁸ Там же. Стб. 143.

²⁹ Там же. Стб. 150.

Статья 12 договора фиксировала положение, которое отразилось во всех договорных грамотах московских великих князей с князьями удельными: «А бояром и слугамъ межи нас волным вола». Формулировка статьи (наличие оборота «межи нас») в точности повторяла формулировки идентичных статей мартовского договора 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем и январского договора 1390 г. Василия Дмитриевича с тем же Владимиром Андреевичем³⁰.

Статья 13 касалась положения тех же бояр и вольных слуг. Братья договаривались одинаково относиться к тем боярам и слугам, которые служат одному князю, но проживают на земле другого: «А кто, г(о)с(поди)не, иметь жити моихъ бояръ и слугъ в твоеи вочинѣ, тех, г(о)с(поди)не, блюсти, как и своих. А кто имеет жити твоихъ бояръ и слоугъ в моеи вотчинѣ, а тѣхъ мнѣ блюсти, как и своих». Эта норма фиксировалась в договоре 1389 г. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем и в договоре 1390 г. Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем³¹. Однако она касалась только бояр. Договор между Василием и Юрием Дмитриевичами впервые распространял данную норму не только на бояр, но и на слуг. Следует заметить, что категории слуг в анализируемой статье 13 прямо не указывались. Абстрактно говоря, это могли быть вольные слуги, которые несли военную службу, и слуги под дворским, входившие в хозяйственную организацию, обслуживавшую князей. Но поскольку предшествовавшая статья 12 рассматриваемого договора касалась вольных, т. е. военных, слуг, следует думать, что в статье 13 речь шла о тех же военных слугах.

Военным вопросам посвящены и две заключительные статьи договорной грамоты. Статья 14 устанавливала экстерриториальный принцип организации войска московских князей, или принцип служебной зависимости. Люди, служившие определенному князю и жившие в разных местах, в том числе за пределами владений этого князя, должны были отправляться на войну под командованием своего князя: «А кто которому княз(ю) слоужит, гдѣ бы ни жил, тому с тѣмъ князем а и ѣхати, кому служит». Зафиксированная в статье 14 норма явно противоречила норме, прописанной в мартовском дого-

³⁰ ДДГ. № 11. С. 32; № 13. С. 39. Ср. № 2. С. 13; № 5. С. 20.

³¹ Там же. № 11. С. 32; № 13. С. 39.

воре 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем и утверждавшей территориальный принцип сбора и командования войском: «А коли ми послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ кто имет жити въ моемъ оудѣлѣ(ѣ) и в [великомъ] княжен(ѣ)и, и тѣмъ поѣхати с моимъ воеводою, а моимъ по тому же съ твоимъ воеводою»³². Договор 1389 г. исходил из принципа единства военного командования на территориях, которыми управлял тот или иной князь. В договоре между Василием и Юрием Дмитриевичами торжествовал принцип личной обязанности бояр и вольных слуг служить определенному князю. Этот принцип нашел отражение и в более раннем договоре великого князя Василия Дмитриевича с удельным серпуховским князем Владимиром Андреевичем³³, но там была сделана специальная оговорка относительно собственно московской рати: «А московск[а]ѣ рать ходитъ с моимъ воеводою, к[акъ] было и пе[р]еже сего»³⁴. Договор великого князя Василия с Юрием не учитывал даже эту оговорку, возможно, потому, что в удельных владениях Юрия жило больше бояр и вольных слуг великого князя, чем во владениях великого князя бояр и слуг князя звенигородско-галичского. Очевидно, что давний экстерриториальный принцип в организации и командовании войском становился все более приемлемым для великокняжеской власти, увеличивавшей число служивших ей людей не только на собственных владениях, но и в землях удельных князей. Дополнительные соображения о заинтересованности великокняжеской власти в соблюдении именно этого принципа формирования войска будут приведены далее, в заключительной части работы.

Статья 15 договора касалась частного случая военных операций — осады города, принадлежавшего Василию или Юрию Дмитриевичам: «А городная осада, гдѣ кто живет, томоу туту и състи, впроче поутных бояръ». В защите города обязаны были принимать участие все, кто жил близко от этого города. Здесь уже не соблюдалось различия между боярами и слугами великого князя и удельного князя. Тут торжествовал территориальный принцип организации войска, может быть, точнее — обороны. Однако путные

³² Там же. № 11. С. 32.

³³ Там же. № 13. С. 38.

³⁴ Там же. С. 39.

бояре были избавлены от обязанности вести военную защиту города. Им предоставлялось право уехать с места боевых действий, возможно, даже бежать из осажденного города. Такое решение вызывалось тем, что путные бояре ведали различными отраслями княжеского хозяйства, и для князей было важнее сохранить организационную структуру этого хозяйства, чем защитить город, в котором мог погибнуть опытный боярин-хозяйственник.

На этом содержательная часть договорной грамоты между великим князем Василием Дмитриевичем и его братом звенигородско-галичским удельным князем Юрием Дмитриевичем заканчивалась. Заключительная, 16-я, статья соглашения фиксировала целование братьями креста «на сем на всем... по любви».

Характеристика состава и заключающегося в нем материала договорной грамоты между старшими сыновьями Дмитрия Донского показывает, что этот договор был весьма краток и содержал много достаточно трафаретных статей (статьи 1, 2, 3, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16)³⁵. На первый взгляд, это обстоятельство дает основание для заключения, что договор был малосодержательным или даже совсем бессодержательным и что это вообще не договор, а некий проект соглашения, предложенный звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем своему старшему брату великому князю Василию Дмитриевичу, но отвергнутый последним. Именной такой точки зрения придерживался Л. В. Черепнин³⁶. Исследователь привел и два дополнительных соображения, подкрепляющих, как ему казалось, его мнение. Во-первых, текст договора был написан от имени Юрия Дмитриевича; во-вторых, договор сохранился только в копии, оригинал отсутствует, и существующие описания русских государственных архивов XVI–XVII вв. этого договора не упоминают³⁷.

Действительно, такие статьи и обороты договорной грамоты между Василием Дмитриевичем и Юрием Дмитриевичем, как «а кто

³⁵ Содержание статей 8 и 9, в которых были перечислены владения князей Юрия Дмитриевича и Василия Дмитриевича, было, несомненно, оригинальным, но сама тематика статей — традиционной.

³⁶ Черепнин В. Л. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 80.

³⁷ Там же. С. 78, 80.

боудет, г(о)с(поди)не, тобѣ друзг, князю великом(у), то и мнѣ друзг» (статья 2), «а не канчивати ти, г(о)с(поди)не, княз(ѣ) велик(ии), без мена ни с кѣм» (статья 3), «а гдѣ ти, г(о)с(поди)не, боудет всѣсти на кон(ѣ) или ти мен(а) послати, и мнѣ так(о) же всѣсти безъ вслушания» (статья 10), свидетельствуют о том, что они написаны от лица удельного князя. Однако встречающийся в *intitulatio* соглашения оборот «се яз, кн(а)зь велик(ии) Василии Дмитриевич всеа Руси» указывает на то, что текст грамоты составлялся и при участии людей великого князя. Такое смешение текстов, написанных от лица разных контрагентов соглашения, типично для ранних, официально утвержденных договорных грамот московских князей³⁸.

Отсутствие упоминания договора между Василием и Юрием Дмитриевичами в позднейших описаниях архивов московских правителей также не может служить доказательством того, что договор остался лишь проектом. Архивные описи XVI–XVII вв. не могут рассматриваться как исчерпывающие перечни более ранних документов XIV–XV столетий. Такие описи, например, совершенно не упоминают договора между Москвой и Тверью, заключенного в 1399 г., хотя этот договор лег в основу всех последующих московско-тверских соглашений XV в.³⁹

В то же время почти буквальное использование текста докончания между великим князем Василием Дмитриевичем и Юрием Звенигородским при оформлении договора между Василием Дмитриевичем и его младшими братьями Андреем и Петром⁴⁰, реальность которого не подвергается сомнению, свидетельствует о том, что названное докончание было официальным документом, скрепившим союз между двумя старшими сыновьями Дмитрия Донского.

Каков был характер этого союза? Рассмотрение 15 содержательных статей договора между Василием и Юрием показало, что только 6 статей (4, 5, 7, 8, 9 и 11) посвящены вопросам внутреннего распо-

³⁸ Кацтанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 78.

³⁹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 322–323.

⁴⁰ Черепнин В. Л. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. С. 79.

рядка в Московском великом княжестве. Статьи эти касались общих и широких проблем: положения матери-вдовы, младших братьев двух старших Дмитриевичей, сохранения статуса договаривавшихся князей, объема и характера владений Василия и Юрия, соблюдения в Москве норм завещания 1389 г. Дмитрия Донского. Более конкретных постановлений (о положении низших социальных групп московского населения; порядке взимания, хранения и уплаты ордынской дани; размерах этой дани; организации московских судов; порядке гражданской службы бояр, вольных слуг и слуг под дворским; запрещении приобретать земли и давать жалованные грамоты во владениях договаривавшихся московских князей), что характерно для большинства московских внутридинастийных dokonчаний, данный договор не содержит.

Оказывается, что большинство его статей (9 из 15) так или иначе связано с внешнеполитической и военной тематикой. Относительно таких статей соглашения, как 10, 14 и 15, никаких сомнений не возникает, их тексты прямо говорят о возможных военных действиях. Статьи 1, 2, 3 предусматривали политическое единение договаривавшихся сторон, а также общие согласованные действия по отношению к любой третьей стороне. Статьи 12 и 13 определяли статус основной военной силы московских князей — бояр и слуг вольных. Статья 6 предусматривала пожалование великим князем брата Юрия и заботу великого князя об отчине Юрия при том очевидном условии, что князь Юрий выполнял военные поручения великого князя. Примечательно, что именно в статьи данной группы вносились новации по сравнению с более ранними договорными грамотами московских князей между собой. Это требование «жаловати» удельного князя в статье 6 и включение «слуг» (вольных) в статью 13 соглашения Василия с Юрием. Таким образом, договор двух старших сыновей Дмитрия Донского имел военный характер. В нем предусматривались прежде всего такие условия и нормы, которые позволяли бы вести успешные внешние войны. Поэтому отмеченные А. Е. Пресняковым факты посылки великим князем Василием Дмитриевичем своего брата Юрия против Новгорода, Орды (по А. Е. Преснякову — волжских Болгар), на Двинскую землю надо расценивать как итоги военного соглашения между братьями, а не как некий не обусловленный договором обычай, согласно которому младшие братья при правлении старшего брата должны были отправляться со своими людьми в походы по первому требованию правителя. «Всѣсти без ослоушания» на боевого коня удельные князья могли

лишь при существовании оговоренных с великим князем своих военных обязанностей и оговоренного поощрения со стороны великокняжеской власти за выполнение этих обязанностей.

Сказанное позволяет уточнить время составления изучаемого договора. Под 6900 годом Рогожский летописец и Симеоновская летопись сообщают, что «сложи князь великий Василии Дмитриевич цѣлование к новгородцем и посла дядю своего князя Владимира Андреевича, князя Юрию Дмитриевича, брата своего, в Торжекъ, и воеваша волости новгородстии, и много зла христианом сътвориша. Тое же зиму на весну взяша новгородци Устюгъ Великий, люди посѣкоша, а иные в полонъ поведоша, яко же христианом много зла сотвориша»⁴¹. Это наиболее раннее свидетельство о «посылке» великим князем Василием I на войну Юрия Звенигородского. Но как точно оно датируется?

Н. Г. Бережков полагал, что 6900 год Симеоновской летописи (такой же, что и в Рогожском летописце) — мартовский⁴². Следовательно, отправление в поход князя Юрия Дмитриевича и его военные действия должны относиться ко времени с 1 марта 1392 г. по 28 февраля 1393 г. Однако в Новгородской I летописи младшего извода большой рассказ о московско-новгородском военном столкновении внесен в статью 6901 года: «Взяша розмирье князь великий Василии Дмитриевич с Великимъ Новымградом про грамоту, что записалъ Великий Новѣград грамоту к митрополиту не зватися на Москву, а повѣстуй тако: „чтобы есте к митрополиту грамоту отослалѣ; а что есте цѣловалѣ, а тѣ грѣх с васъ митрополит сънимаетъ“. И Великий Новѣгород того не похотѣлъ; и князь великий взя у Новагорода пригород Торжокъ с волостями, и Волокъ Ламьскыи, и Вологду, и волостии много повоева; а новгородци взяша у князя великаго Устюгъ город, Устижно, и много волостии поймаша; и в то время с обѣ сторонѣ кровопролитья много учинилося»⁴³.

⁴¹ Текст Рогожского летописца. Цитируется по рукописи РГБ. Ф. 247. № 253. Л. 347 об. Написание «Юрию», «зиму» подлинника сохранено. В Симеоновской летописи — «Юрья», «зимы». См.: ПСРЛ. Т. XVIII. С. 142 (весь рассказ — на С. 141–142).

⁴² *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 352.

⁴³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под

На первый взгляд кажется, что речь в московском и новгородском летописных источниках идет о разных событиях. В московском не сказано о причинах московско-новгородского «розмирья», не сообщается о захвате москвичами Волока Ламского и Вологды, а новгородцами — Устюжны. В новгородском отсутствуют сведения о том, кто командовал московскими войсками. Однако основные факты совпадают: нападение москвичей прежде всего на Торжок, захват новгородцами Устюга Великого, большое число убитых и пленных. Если полагать, что в разных по месту своего происхождения летописных памятниках говорится о разных событиях, разделенных годичным сроком, то делается непонятным, почему в 6900 и 6901 годах объектами нападений послужили одни и те же города Торжок и Устюг. Очевидно, речь идет об одном и том же конфликте, описанном москвичами и новгородцами с разной степенью подробности.

6901 год Новгородской I летописи младшего извода Н. Г. Бережков считал мартовским⁴⁴. Однако начальное сообщение этой статьи о войне Москвы с Новгородом он относил «к концу 6900 (1392/3) г.»⁴⁵.

В более поздних летописных памятниках содержатся дополнительные подробности о причинах и вехах московско-новгородской войны начала 90-х гг. XIV в. Новгородская IV летопись рассказывает, что 11 февраля 1392 г. в Новгород Великий приехал митрополит Киприан. Пробыв в городе две недели, где его очень хорошо принимали, Киприан потребовал от новгородцев аннулировать грамоту, согласно которой они постановили «къ митрофолиту не зватися». Однако новгородцы не согласились. На третий день «по Сборѣ» Киприан оставил Новгород, как говорит новгородская летопись, на местного «владыку и на весь Новѣгородъ великое нелюбие дръжа»⁴⁶. Сбор, или соборное воскресение приходилось в 1392 г. на 3 марта⁴⁷.

редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 385–386.

⁴⁴ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 293.

⁴⁵ Там же. С. 292.

⁴⁶ Наиболее подробный рассказ об этом сохранился в Новгородской IV летописи. См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Л., 1925. С. 373–374.

⁴⁷ *Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. Табл. XVI.

Следовательно, Киприан покинул Новгород 6 марта. Церковные иерархи из Новгорода до Москвы доезжали примерно за месяц⁴⁸. Поэтому можно утверждать, что в начале апреля 1392 г. Киприан был уже в Москве, где, по всей вероятности, рассказал великому князю Василию о неудаче своей миссии в Новгороде. Если после этого московский великий князь решил вступить за митрополита и наказать строптивых новгородцев, то это могло случиться не ранее начала апреля 1392 г.

Однако в ближайшие к апрелю месяцы дело до московско-новгородской войны не дошло. По свидетельству общего летописного источника Московского свода конца XV в. и Ермолинской летописи 16 июля 1392 г. великий князь Василий Дмитриевич отправился в Орду к хану Тохтамышу⁴⁹ по делам, более важным и неотложным. В Москву он вернулся 24 октября⁵⁰, получив от Тохтамыша ярлык на все Нижегородское княжество. Ярлык Василий получил «златомъ и сребромъ, а не правдою»⁵¹. Чтобы возместить расходы, московский князь отправил в Новгород Великий двух своих бояр «Ивана Всеволожича и Данила Тимофеевича о черном бору и о грамотѣ, иже цѣловали Новгородци, что к митрополиту не зватися им на Москву о судѣхъ...»⁵². Новгородцы на требования Василия Дмитриевича не согласились, и осенью 1392 г. началась война⁵³. Таким образом, столкновение с Новгородом Великим про-

⁴⁸ Например, новгородский архиепископ Иоанн выехал из Новгорода на поставление к митрополиту в Москву 8 декабря 1388 г., а приехал в Москву 10 января 1389 г. См.: НПЛ. С. 382.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 219; Т. XXIII, СПб., 1910. С. 132, везде под 6900 г.

⁵⁰ Там же. Там же. В Рогожском летописце и Симеоновской летописи указана другая дата возвращения Василия Дмитриевича — 20 октября. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 164; Т. XVIII. С. 142. Разница в датах возвращения великого князя Василия из Орды объясняется палеографически. За датой следует слово «день», где буква «д» легко могла быть переделана в цифру «д» — 4. Но могла быть и цифра «д», позднее принятая за букву «д» и слитая с такой буквой в слове «день».

⁵¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 162.

⁵² ПСРЛ. Т. XXV. С. 220; Т. XXIII. С. 133.

⁵³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 220.

изошло не только из-за юридических разногласий новгородцев с митрополитом Киприаном. Главной причиной стал отказ новгородцев от выполнения великокняжеских требований собрать и выплатить дань Орде (черный бор). Первоначально, с осени 1392 г., со стороны Москвы боевых действий не велось, поскольку 6 ноября 1392 г. великий князь Василий отъехал в Нижний Новгород, чтобы закрепить за собой полученное в Орде княжество. В Нижнем он пробыл до 25 декабря⁵⁴. Но по возвращении великого князя в Москву эти действия открылись: «Тое же зимы на Федоровѣ недѣле князь великы Василей Дмитриевич посла дядю своего князя Володимера Андрѣевича и брата своего князя Юрья на Торжекъ ратью. Они же шедшее много повоеваша Новгородскихъ волостей и възратишася»⁵⁵. Федорова неделя — первая неделя великого поста. В летописи речь идет о 1393 г., когда пасха приходилась на 6 апреля. В таком случае Федорова неделя должна была начинаться 17 февраля и заканчиваться 23 февраля⁵⁶. Если под Федоровой неделей летописец разумел седмицу, то тогда время посылки великим князем своего брата Юрия на войну против новгородцев надо определять этой семидневкой: 17–23 февраля 1393 г. Если же неделя летописи — это воскресный день, то дата может быть несколько уточнена — 23 февраля 1393 г.

Очевидно, что военный договор между Василием и Юрием Дмитриевичами был заключен перед отправкой на Торжок Юрия Дмитриевича. При этом соглашение не могло быть достигнуто ранее начала апреля 1392 г., когда в Москве могли узнать о возникших крупных спорах между митрополитом Киприаном и новгородцами. Но скорее всего, договор был заключен не ранее осени 1392 г., когда великий князь Василий Дмитриевич потребовал у Новгорода уплаты черного бора, а тот ему в этой уплате отказал. Занятость нижегородскими делами не позволяла Василию I приступить к активному решению разногласий с Новгородом Великим. Это стало возможным после возвращения великого князя из Нижнего Новгорода в Москву. Если на рождество 1392 г. Василий Дмитриевич находился в Нижнем, то в Москву он мог приехать

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 220; Т. XXIII. С. 133.

⁵⁵ Там же. Там же.

⁵⁶ Черепнин Л. В. Русская хронология. Табл. XVI.

примерно 30–31 декабря 1392 г. Скорее всего, между 30 декабря 1392 г. и 23 февраля 1393 г. и был заключен договор между Василием и Юрием Дмитриевичами, обеспечивший великому князю военную поддержку его 18-летнего брата.

Установленное время заключения договора позволяет точнее оценить ту обстановку, в которой он был оформлен. Это произошло после крупнейшего события в истории Московского княжества — первого присоединения к его владениям самостоятельного великого княжества — Нижегородского, резкого увеличения возможностей великокняжеской власти и в период обострения ею отношений с Новгородом Великим.

Данные обстоятельства нашли определенное отражение в тексте соглашения двух старших сыновей Дмитрия Донского. Возросшая роль великого князя подчеркнута в договоре его титулом: «кн(а)зь велик(ии) Василей Дмитреевич всеа Руси». Титул «всеа Руси» был использован отцом Василия Дмитрием Ивановичем в его соглашении «О одиначествѣ» 1371 г. с Новгородом Великим. Титул указывал на принадлежность высшей власти над князьями Северо-Восточной Руси, Новгородом и Псковом московскому князю⁵⁷. Очевидно, что те же цели преследовало и аналогичное титулование Василия Дмитриевича в его договоре с братом Юрием, подчеркивавшее, что великий князь Василий, только что распространивший свою власть на Нижегородское княжество, входившее в состав «всеа Руси», является и верховным правителем Новгорода Великого, а потому вправе требовать от последнего послушания.

Поскольку договор между старшими сыновьями Дмитрия Донского был заключен ввиду войны с новгородцами, отказавшимися выполнить требования великого князя дать черный бор и признать права митрополита, то становится более понятным участие в этом договоре самого митрополита Киприана, благословившего стороны на заключение соглашения.

Уточнение датировки договорной грамоты позволяет глубже охарактеризовать и содержание некоторых статей диспозитивной части dokonчания. Делается понятным, что указание статьи 9 на принадлежность великому князю того, что он «себѣ примыслил», имеет в виду не только прежние мелкие земельные приобретения,

⁵⁷ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 115.

но и полученное от Тохтамыша в 1392 г. великое княжество Нижегородское, а также возможные приращения великокняжеских владений в будущем. Признание со стороны удельного князя Юрия Дмитриевича нераздельного права великого князя Василия I на его громадные примыслы сглаживало остроту противоречий между братьями, вызванную процитированным выше распоряжением 1389 г. Дмитрия Донского относительно возможных судеб великого княжения. Это распоряжение не могло касаться примыслов Василия Дмитриевича, которые, даже в случае перехода великого княжения в руки одного из братьев, что предусматривалось завещанием 1389 г. его отца, должны были остаться за наследниками Василия. Отсюда и проистекало стремление Василия I к расширению подвластных земель, причем подвластных исключительно ему. Такие «примысленные» владения могли стать его твердой опорой при различных поворотах судьбы, даже в случае потери великого княжения.

Приобретение новых земель было сопряжено с материальными тратами и вооруженной борьбой. Участие в этом удельных князей приводило великокняжескую власть к необходимости «жаловати» их новыми владениями или выплачивать им денежные средства. Василий Дмитриевич, несмотря на то, что такую норму признавал (статья 6), старался избежать и того, и другого. Но тогда он должен был расширять свои земли собственными силами, что, кстати говоря, давало ему бесспорные юридические права на присоединенные территории. И в этой связи яснее становятся мотивы соблюдения в договоре Василия и Юрия Дмитриевичей старого принципа организации войска по личной службе, «где бы ни жил» ратник великого или удельного князя, как указано в статье 14. Такая система позволяла легче отмобилизовывать великокняжеские полки и только с их помощью, без привлечения сил удельных князей, завоевывать нужные великому князю земли. Забота о правах военных людей великого князя на удельной территории прослеживается в статье 13 соглашения, где впервые в число «блюдомых» князьями таких людей были включены слуги. Для великокняжеской власти это означало возможность пополнения своих не только бояр, но и слуг за счет местного князя, поскольку военная служба великому князю открывала большие перспективы для феодала, чем служба князю удельному, а статья 12 рассмотренного договора подчеркивала, что «бояром и слугамъ межи нас волным вола».

Таким образом, договор между великим князем Василием Дмитриевичем и его родным братом удельным звенигородско-галичским князем Юрием должен рассматриваться как действовавший документ, а не как мертвый проект неосуществленного докончания. Вместо принятой в научной литературе неопределенной даты соглашения — не ранее марта 1390 г. — может быть предложена иная: 30 декабря 1392 — 23 февраля 1393 г. Договор был составлен после присоединения к владениям великого князя Василия Нижегородского княжества и в период резкого обострения его отношений с Новгородом Великим. Поэтому содержание договора в основном касалось внешнеполитических и военных вопросов. Внутренние проблемы решались лишь в общем плане и согласно положениям завещания 1389 г. Дмитрия Донского. Сложный вопрос о наследовании великого княжения, о чем говорилось в этом завещании, в договоре не поднимался; возможно, для молодых князей он еще не стал столь актуален, как был для их отца. Вопрос о военно-политическом единстве двух старших Дмитриевичей был более значим, и он был разрешен. Великий князь получил военного союзника, обязанного ходить в походы по его посылкам, удельный князь выговорил себе права на компенсации за оказание военной помощи старшему брату. Но великий князь добился от удельного признания своих великокняжеских притязаний, что снимало требования их раздела и существенно увеличивало экономический и военный потенциал великокняжеской власти. Приемлемые для обеих сторон условия заключенного договора обеспечивали долговременность его действия, и за время правления Василия I резких столкновений между ним и братом Юрием удалось избежать. Соглашение должно было действовать «до... живот(а)» двух Дмитриевичей. Но когда в 1425 г. скончался великий князь Василий, сразу же обнаружились претензии на великокняжескую власть Юрия Звенигородского. Во взаимоотношениях князей московского дома открылась новая страница.

А. А. Турилов

К биографии и генеалогии Михаила Клопского

Исследования середины — второй половины XX в. внесли много нового в изучение жития одного из самых загадочных русских святых — преподобного Михаила Клопского. В 1958 г. вышло в свет критическое издание всех редакций жития, подготовленное Л. А. Дмитриевым, сопровождавшееся развернутым археографическим и текстологическим исследованием¹; наблюдения и выводы автора нашли отражение и в его позднейшей монографии, посвященной северорусским житиям² и в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»³. Документальному источнику начальной части памятника (порядной грамоте на строительство монастырского Троицкого собора) посвящена обстоятельная статья А. В. Поппэ⁴, обойденная, к сожалению, вниманием более поздних

¹ *Дмитриев Л. А.* Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. К этому изданию восходят все позднейшие публикации первой редакции памятника: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969; ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982; БЛДР. СПб., 2000. Т. 7.

² *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 185–198.

³ СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1 (А–К). С. 302–305.

⁴ *Поппэ А. В.* Порядная запись 1420 г. на постройку церкви св. Троицы на Клопске (к вопросу об одном из источников жития Михаила Клопского) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 386–407.

исследователей. Наконец, по настоящему этапным в этом вопросе явилось исследование В. Л. Янина, прямо посвященное происхождению преподобного Михаила⁵. Автор подверг справедливой критике бытовавшую в церковной литературе XIX в. версию о том, что клопский инок был сыном великого князя Симеона Гордого⁶ и подробно обосновал свою, согласно которой отец Михаила — князь Д. М. Боброк Волынский, женатый вторым браком на сестре Дмитрия Донского Анне. В статье подробно проанализирован помянник рода блаженного в синодике Клопского монастыря и рассмотрена хронология пребывания в Новгороде князя Константина Дмитриевича, имеющая большое значение для определения времени появления Михаила в Новгороде. Практически сразу благодаря авторитету В. Л. Янина версия была безоговорочно принята в науке⁷ и, по сути, стала официальной. Откорректированный ее вариант представлен в вышедших в последнее время работах А. В. Кузьмина, который считает клопского инокa не сыном, а внуком героя Куликовской битвы⁸.

Янинская версия происхождения клопского прозорливца на данный момент является единственной научно обоснованной и, кроме

⁵ Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52–61.

⁶ Там же. С. 53–54.

⁷ См., к примеру, комментарий Л. А. Дмитриева к последним изданиям жития (ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 620) и СККДР. С. 302 (характерно, что до появления версии Янина тот же автор склонен был считать известие жития Михаила о связи его героя с московским великокняжеским домом легендарным: *Дмитриев Л. А. Повести*. С. 36–37), а из новейших работ: *Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики* // *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри*. СПб., 2001. С. 61. Кажется, только автор этих строк выразил по поводу версии определенные сомнения в комментарии к «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (М., 1995. Кн. 3. С. 532, примеч. 85), однако не развил их, не обладая в тот момент серьезными аргументами.

⁸ Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Боброка Волынского // *Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси*. Тула, 2001. С. 130–131; *Он же*. Князь Дмитрий Михайлович Боброк и род Волынских в XIV — середине XV в. // *Вестник общества исследователей Древней Руси* за 2000 г. М., 2002. С. 95–97.

того, чрезвычайно эффективной (в каком-то смысле, быть может, не случайно, что она появилась в канун 400-летия присоединения Новгорода к Москве и 600-летия Куликовской битвы⁹), однако она не объясняет, на мой взгляд, трех существенных обстоятельств. Первое состоит в том, что, согласно В. Л. Янину, князь Константин в сцене узнавания называет отца Михаила его монашеским именем¹⁰ (версия А. В. Кузьмина в данном смысле безусловно более удачна) — не «Димитриев» (или «княж Димитриев»), как ожидалось бы в таком случае, а «Максимов» сын. Само по себе употребление формулы «имярек X, сын инока Y» (в отличие от обратной — «инок X, отец имярека Y») на древнерусском материале представляется крайне мало вероятным (если вообще возможным): дети принявших постриг, разумеется, продолжают определяться по мирскому (неважно — языческому или христианскому) имени отцов¹¹. Кроме того, исследователь (и принявшие его точку зрения) упустил из виду следующее обстоятельство. Упомянутый в монастырском синодике XVII в. Максим (предполагаемый отец Михаила) назван в нем не просто монахом или иноком, а схимником («схи(м)») ¹². Принятие схимы («великого образа»), если оно не совершается непосредственно перед смертью постригаемого из бельцов, предполагает вторичную смену имени (при этом зачастую с возвращением к бельческому крестильному). Если же допустить, что отец клопского провидца был сразу пострижен в схиму в преддверии близкой кончины и наречен в ней Максимом, то тем более невероятно выглядит определение сына по имени, которое его родитель носил совсем уж непродолжительное время (возможно, несколько дней или даже часов). Из всего это сле-

⁹ Янин В. Л. К вопросу. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 53, 58.

¹¹ См. многочисленные примеры тому хотя бы во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря (М., 1988): «[70]68-го году дал вкладу Андрей Семенович Воронцов по отце своем иноке Серапионе...» (С. 53); «[70]49 году... дал вкладу Григорей Яковлевич Морозов по отце своем иноке Ионе...» (Там же); «[70]48 году... дали вкладу Иван да Субота Злобины дети Осорыина по отце своем иноке Ионе...» (С. 57), и т. п.

¹² Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 475. Примеч. 173; Янин В. Л. К вопросу. С. 57, 58.

дует, что имя Максим не могло быть монашеским для отца Михаила Клопского, и вопрос о его отождествлении, таким образом, остается в повестке дня. Второе заключается в странном немногословии и уклончивости фразы князя Константина Дмитриевича, сказанной игумену и монастырским старцам («Поберегите его — нам человек той своитин»¹³). Какая причина была ему, признав сам факт свойства или родства с Михаилом, скрывать степень этого родства? И, наконец, данная гипотеза плохо согласуется со сведениями родословия Волынских, составленного в первой половине XVI в. Если этот памятник упоминает среди детей Д. М. Боброка даже пятнадцатилетнего Василия, погибшего при падении с лошади и не оставившего потомства¹⁴, то, по меньшей мере, странно отсутствие в нем прославленного к тому времени святого (едва ли Константин, вернувшись в Москву, скрыл от Волынских свою встречу)¹⁵. Показательно в этом смысле и молчание последнего из агиографов преподобного Михаила — В. М. Тучкова, который уже в силу своего происхождения и положения, вряд ли преминул бы упомянуть родословные подробности о своем герое. Мало сомнений, что в 1530-х гг. о происхождении клопского блаженного знали не больше, чем при его жизни, или чем исследователи XIX — начала XXI в.

Вообще, представляется, что поведению Константина Дмитриевича в сцене опознания Михаила исследователи (даже жившие в XIX в., а не в атеистическом XX) уделили явно недостаточно внимания, вероятно, потому, что агиограф лишь бесстрастно констатирует действия князя, никак их не оценивая. Между тем оно выходит далеко за рамки приличия, даже безотносительно к монастырскому уставу. Князь, сидящий за монастырским столом (как почетнейший

¹³ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 338.

¹⁴ Янин Л. В. К вопросу. С. 56.

¹⁵ А. В. Кузьмин при обсуждении доклада, положенного в основу данной статьи, сделал замечание, что известие о погибшем юноше читается не во всех редакциях и списках родословия Волынских. Справедливо объяснив это сокращением эпизода, не имевшего значения для позднейшей служилой карьеры представителей рода, он попытался объяснить по аналогии и умолчание источника о Михаиле Клопском. Гипотезу, однако, невозможно принять, поскольку о Михаиле, в отличие от его предполагаемого брата, молчит вся традиция родословия.

гость, вероятно, в переднем его конце, справа от игумена), узнает голос инок, читающего книгу Иова. И, не сдерживая себя, не дожидаясь конца молчаливой и размеренной трапезы, вскакивает из-за стола, подходит к читающему и прерывает его возгласом¹⁶. Сцена выдает сильное душевное смятение князя — похоже, что называя имена Михаила и его отца, Константин проговаривается, на миг приоткрывая завесу над тайной, знать о которой присутствующим было вовсе не нужно (думается, что средневековый читатель мог по достоинству оценить подтекст коллизии — хотя бы в смысле нарушения князем правил поведения за трапезой¹⁷). Услышав ответ Михаила («Бог знает»), князь понимает, что его беспокойство было напрасным (никто здесь ни о чем не догадается), а вот сам он едва не испортил все дело. И, пресекая дальнейшие нежелательные расспросы, произносит расплывчатую фразу (по неконкретности достойную ответов, данных князю и игумену Михаилом, но в то же время обеспечивающую в дальнейшем последнему высокое покровительство) о свойстве обретшего имя клопского инок с московским княжеским домом (вместе с просьбой к настоятелю позаботиться о нем).

В сцене опознания содержится, как кажется, помимо этого и косвенный ответ на вопрос о возрасте Михаила в тот момент. В. Л. Янин пишет по этому поводу: «Князю было тогда 24 года. Опознать знакомого ему человека, да еще по голосу и по глазам,

¹⁶ См.: ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 336.

¹⁷ Согласно Студийскому (Алексиевскому) уставу, преобладавшему в Новгороде вплоть до второй четверти XV в., «сидящи братии на трапезе, мълчанию велим быти велику и вѣнимати чѣтомых, чѣтению бо бывающю, сему убо пренемагати, беседами же к ближнѣму себе не вѣдати» (*Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 372*), в Иерусалимском уставе также имеется глава «О молчании на трапезе» (ср.: *Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 227–228*). О том, что монастырские правила в принципе не предполагали послаблений (и тем более нарушения норм) для присутствующих в обители мирян даже самого высокого положения, красноречиво свидетельствует рассказ Ивана Грозного (включенный в его послание кирилло-белозерскому игумену Козме) о посещении им в юности Троице-Сергиева монастыря (ПЛДР. Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 156).

он мог только в том случае, если часто слышал этот голос и видел эти глаза в сознательном возрасте, т. е. не ранее последних лет XIV в. или первых лет XV в., когда он жил в Москве, при дворе своего брата Василия»¹⁸. К этому справедливому замечанию нужно добавить следующее. То, что Константин окончательно опознал Михаила, лишь посмотрев ему в глаза, указывает, очевидно, что в облике инока с момента последней встречи произошли сильные изменения. Естественнее всего объяснить их появлением бороды — она более всего меняет внешность человека (особенно в сочетании с постничеством и иноческими бдениями); изменения голоса (на который сначала отреагировал князь) проявляются раньше. Но из этого следует, что Михаил был, по крайней мере, ровесником Константина, а еще вероятнее был моложе его (к моменту их предыдущей встречи голос уже сменился, а борода еще не выросла — т. е. тогда ему было примерно лет 15–17, не больше).

Однако прежде, чем вновь ставить вопрос о происхождении Михаила, необходимо надежно определить время его жизни, исходя из даты кончины. В исследовательской литературе, по крайней мере, со времен В. О. Ключевского¹⁹ в качестве такой предельно поздней даты фигурирует 1458 г. Ее выбор основан на сведениях «Повести об архиепископе Ионе» (называемой также житием), сообщающей, в частности, о встрече будущего владыки в детстве с клопским блаженным, предсказавшим ему незаурядную карьеру на церковном поприще. Михаил несколько раз назван здесь по имени, далее сообщается, что он умер не только до избрания Ионы на кафедру, но и ранее кончины архиепископа Евфимия II²⁰.

¹⁸ Янин В. Л. К вопросу. С. 55.

¹⁹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт — 1988). С. 212; Толстой М. В. Книга, глаголемая «Описание о российских святых». М., 1887 (репринт — 1995). С. 42, № 128; Дмитриев Л. А. Повести. С. 32; Он же. Житийные повести. С. 187–188; Янин В. Л. К вопросу. С. 52; Бобров А. Г. Монастырские книжные центры. С. 59.

²⁰ «И летом мнозем текущим и самому пророку почившу, и Иону старость преимаше, обаче слово божия человека не мимохожаше и время прореченное надстояше. По успении бо честнаго Еуфимия жребием и нарочком всех людей и изволением всего собора Божие наречение архиепи-

Хотя повесть содержит, казалось бы, достаточно ясные указания на то, что она создана вскоре после смерти Ионы, ряд обстоятельств мешает признать ее ранним источником, дошедшим в том виде, в каком она была создана в последней трети XV в., во всяком случае, применительно к интересующему нас эпизоду. В первую очередь это относится к рукописной традиции памятника, которая не прослеживается ранее Великих Миней Четых (1539): другие списки, привлекавшиеся к изданию, еще моложе²¹. Между тем среди текстов, входящих в этот огромный двенадцатитомный свод, отчетливо можно проследить две тенденции. Это либо весьма исправные списки более ранних (порою весьма древних) памятников, либо редакции, специально созданные (на основе предшествующих) для включения в ВМЧ. И среди пространных (не проложных) житий русских святых XIV–XV вв. явно преобладает эта вторая тенденция (здесь достаточно вспомнить хотя бы житие самого Михаила Клопского, написанное в 1537 г. В. М. Тучковым)²².

О том, что текст повести в ВМЧ явно не первоначален, свидетельствует отдельный рассказ о предсказании Ионе архиепископства, встречающийся как самостоятельная статья в сборниках²³ и включенный в Новгородскую IV летопись по списку П. П. Дубовского²⁴, представленный несколькими редакциями, отражающими этапы развития и трансформации этого памятника на протяжении 1470–1520-х г. Текст загадочным образом остался неизвестен всем исследователям жития Михаила Клопского, хотя он по меньшей мере

скопства прииде на Иону, и в епископию възведоша его...» (ПлДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 356).

²¹ См. там же. С. 624.

²² Дмитриев Л. А. Повести. С. 141–167; Он же, Житийные повести. С. 197–198; СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2 (Л–Я). С. 446–447; Макарий, (Веретенников) архим. Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и Всея Руси. М., 2002. С. 77–80.

²³ БАН. Архан. Д. 193 (перв. треть XVI в.), л. 460 об. — 461; РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659 (1536 г.), л. 357 об. — 358 об. (список издан: Бобрров А. Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 164); ГИМ, Син. 630 (втор. четв. XVI в.), л. 240–240 об. (список издан — см. примеч. 25).

²⁴ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 492–493.

дважды публиковался начиная с 1917 г.²⁵ Н. В. Синицыну, единственно знакомую с рассказом (за исключением синодального списка) и даже занимавшуюся его рукописной традицией и текстологией²⁶, он интересовал исключительно как источник сведений о Михаиле Медоварцеве и его семье. Нимало не сомневаясь в идентичности безымянного «блаженного мужа» рассказа с Михаилом Клопским, она даже сделала попытку определить на основании текста приблизительную дату рождения книгописца²⁷. Ввиду небольшого объема рассказа привожу его здесь полностью в упрощенной орфографии по изданию материалов А. В. Горского и К. И. Невоструева параллельно с соответствующей частью Повести об Ионе.

Рассказ: «Поведа нам сам господин архиепископ Иона. „Егда бех, — рече — еще младенец, оставшу ми сиротою от отца седми лет, а от матери треи леты. И положил Бог на сердце жене вдовици, именем Натальи, матери Якова Дмитриевича, Медоварове, а Михайлове бабе. И взяша мя в дом свой к себе, и нача кормити и одевати, яко истинная мати родная, та же мя дасть на учение грамоте диаку. Бысть же во училищи том множество детей учащихся, мне же убожества и нищеты [ради] сущу тиху и смирену. Бех бо и болезнив, не приступах к прочим детям. О нем убо играющим, якоже обычай детям, аз же на них толико смотрях, како играют. Во един убо от дний детям играющим по вечерни, и абие идяше по улице блажен муж, дети ж устремившися на него все, начаша метати каменье и сметие на очи его, а мне стоящу на едином месте недвижимо. Он же, оставсе детей и притече ко мне, и взял мя за власы да поднял выше себя. И нача звати именем, никакож зная мя, ни отца моего, ни матери моея, глаголя: „Иванец, учися, господине, грамоте²⁸ с прилежа-

²⁵ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3 (Книги богослужебные). М., 1917 (ЧОИДР. Кн. 4). С. 223. См. также примеч. 24. В последнее время к тексту обратился А. Г. Бобров (Бобров А. Г. «Повести...» С. 143–144), однако он не придает значения отмечаемым различиям рассказа и повести.

²⁶ Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. [Сб. 1]. С. 313–314. Примеч. 67.

²⁷ Там же.

²⁸ Вероятно, следует читать: «Господне грамоте» (ср.: Бобров А. Г. «Повести...» С. 164.

ние[м]. Быти тебе в Великом Новегороде архиепископом". И по изволению Божию, по преставлении архиепископа Еуфимия, по проречению одного уродиваго Христа ради, возведен бысть Иона на архиепископство Великому Новугороду и Пскову. И бысть на архиепископстве 12 лет и 6 месяц. Бысть же при его святительстве мир со всеми землями, и тишина, и гбзование плодом. И ныне его молитвами помилуй нас. Аминь"»²⁹.

Повесть: «Сей блаженный Иона, еще детску сушу ему, произбран от Бога во благое, пронаречен быв в святительство Великому Новуграду. Отрочищу еще ему сушу, осиротевшу ему от родителю своею, вдовица некая, матерьски поболевши о нем, въспита и, прием того аки истовая родителница. Ею же вдану ему бывшу некоему диакону наказатися священным книгам. Еще же и ниште к сиротству присовокупившися ему, нездрава телом творящеть его, и чястое болезнем приложение худость ему придаеше. Кротостное обычая и тихое нрава помногу снабдевати обыче добрый сей, радованию же и игранию детеи николи же приближаться изволи. И аще когда от учителя отхожаше съ множеством съученическим ему и улица граду к дому приходит бываше, всем яко детем игранию радующимся, той подале стояти от них обычай имяше, егда и случашеся когда яко детьску позоровати.

Единою же честному Михаилу, уродивому мирови, Богови же премудрому, в граде первое шествие творящу, детищу же сему стоящу на месте укромене, и мнозем съученикомъ его играющим. И блаженного Михаила узревше, уродствено грядуща по улицы, вси детеи игры свои оставльше, аки на чудо к Михаилу притекоша, смеющеся о нем и ругающеся ему, изметаемая из домов смеitia на главу безумне възметаху и камение по ногам метаху ему. Незнаему ему сущу тогда, ибо преже вселения его на Клопско и первое в граде явившуся и ходящу в первый день пришествия его в Великий Новъград, в епископство блаженного Иоанна, иже позлати верх святей Софии.

И блаженный Михаилу, ни едино же радение о безумии детей творяше грядый, но устремися в угол улицы, идеже честное детище се стояще в тихости своей. Дневному свету уже оскудевающу и вечеру бывающу, но обаче внутрения пресветлы очеса Михайловы

²⁹ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание. С. 223.

бываху. Притек бо, взят отрочища сего за власы, и подъем вышши себя, въпиаше ему: „Иване, — тако бо от святаго крещения имя дитищу — учи книги прилежно, имаши бо великому граду сему архиепископ быти“. И, обием его, отиде...

И летом мнозем текущим и самому пророку почившу, и Иону старость преимаше, обаче слово Божия человека не мимохожаше и время прореченое надстояше. По успении бо честнаго Еуфимиа жребием и нароком всех людий и изволением всего собора Божие наречение архиепископства прииде на Иону, и в епископию възведоша его...

И вси округ сидящии страны во вся лета епископства его твердо имеяху любовь к нему, и мир велик к Великому Новуграду имеяху такоже и ко всем пределам его. И глубоко тишину вся страна та прият и не беяше слышанна рати во вся дни его... Благоплодны же земля зело, паче первых лет и гобизнень по всей земли Ноугородцкой и Псковской и плодовито всеми овощми бысть зело...»³⁰.

Уже беглое сопоставление рассказа, помещенного в синодальной Минее служебной, сборниках и Новгородской IV летописи по списку Дубровского, с Повестью об Ионе, убеждает, что он обладает явными признаками первичности по отношению к ней. Даже если оставить в стороне риторику Повести, избыточную по отношению к предельно краткому рассказу, невозможно себе представить, чтобы имя юродивого прорицателя было исключено из него сознательно, при этом повествование было дополнено подробностями о семье, в которой воспитывался Иван-Иона. Напротив, обратная ситуация не только возможна, но и вполне закономерна. Книжника второй четверти XVI в. уже не интересовали утратившие актуальность имена воспитательницы будущего архиепископа, ее сына и внука. Более того, в окружении архиепископа Макария могли почесть за лучшее не упоминать имя Михаила Медоварцева, причастного к недавним политическим процессам над Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым, а заодно и его родственников. Иное дело — имя пророка, прославленного в Новгороде своими московскими симпатиями. Его появление в повести о новгородском архиепископе в условиях централизованного Московского

³⁰ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 354, 356.

государства в XVI в. более чем уместно, поскольку оно служило дополнительной гарантией лояльности ее героя великокняжеской власти еще в годы независимости вечевой республики³¹. Судя по тому, что слова «блаженный старец Михаил Клопский, уродом ся творя» применительно к безымянному до тех пор прорицателю появляются только в летописце Михаила Медоварцева (в составе сборника БАН, Арханг. Д. 193), надежно датируемом 1528–1531 гг.³², это отождествление (отсутствующее в других ранних версиях рассказа) принадлежит самому прославленному книгописцу. Выбор имени, очевидно, обусловлен тем, что Михаил Клопский действительно являлся современником Ионы и был (при всей относительной приложимости к нему этого определения³³) к 1520-м гг. наиболее известным из новгородских «юродивых Христа ради» XV в. благодаря как развитой агиографической традиции, так, возможно, и живым еще устным преданиям.

Следует подробнее остановиться на вопросе, насколько обоснована догадка или предположение Михаила Медоварцева? Может ли безымянный «блаженный муж» рассказа быть отождествлен с Михаилом Клопским? Ответ на него может быть только отрицательным, если обратить внимание на поведение как соучеников Иванца-Ионы при появлении пророка, так и самого прорицателя (см. выше). Поведение детей представляет собой стандартную (почти этикетную) реакцию на появление сумасшедшего, каким представлялся «юродивый Христа ради» людям, не обладающим даром духовного зрения³⁴. То есть это был именно юродивый, а не монах, по облику и

³¹ Синицына Н. В. Книжный мастер. С. 313.

³² В связи с этим нет достаточных оснований доверять и известию Повести о том, что Иона безуспешно просил Пахомия Логофета написать житие Михаила (ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 370). Это также, по всей видимости, элемент персонификации безымянного юродивого пророка (ср.: Бобров А. Г. «Повести...» С. 143–144).

³³ Принадлежность Михаила к юродивым, впрочем, весьма сомнительна: он был монахом, ничего особенно скандального не сотворил, да и слова «творя ся похабъ» появились лишь в поздней редакции его жития... (Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. С. 213. Примеч. 44).

³⁴ Ср., например, соответствующие эпизоды житий византийских юродивых Симеона, Андрея, Саввы Нового (Там же. С. 65, 88, 129).

поведению³⁵. Между тем Михаил Клопский был несомненно монахом, к тому же чрезвычайно не любившим покидать обитель и появляться в городе. Здесь достаточно вспомнить чудо о посаднике Григории Кирилловиче Посахно, увидевшем однажды Михаила на Святой неделе в притворе Софийского собора и удивившегося уже самому его присутствию там³⁶. Правда, автор Повести о архиепископе Ионе обходит это противоречие, относя встречу и пророчество к первому дню появления Михаила в Новгороде («ходящу в первый день пришествия его в Великий Новъград» — см. выше), однако из ранних редакций жития клопского чудотворца известно, что он пришел в монастырь уже в иноческом облачении, поскольку в первых же строках назван старцем³⁷.

Отказ от отождествления блаженного из рассказа об архиепископе Ионе с Михаилом Клопским³⁸ имеет важное последствие для

³⁵ Думается, что за подобное обращение с иноком (несмотря на то, что по народным поверьям встреча с монахом, как известно, плохая примета) детям грозило вполне реальное (и достаточно суровое) наказание как от учителя, так и от родителей.

³⁶ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 342.

³⁷ «И поп Макарей... войде в келью, ажь старец сидеть на стуле...» (Там же, С. 334). При этом, разумеется, следует согласиться с В. Л. Яниным, что слово «старец» не содержит в данном случае указания на возраст Михаила (Янин В. Л. К вопросу. С. 54).

³⁸ Хотя этот вопрос и не имеет прямого отношения к теме данной статьи, можно привести две известных по именам кандидатуры на роль прорицателя духовной карьеры Иванца-Ионы. Это соперники и современники, обитавшие на разных сторонах Волхова — Никола Кочанов и Федор Блаженный. В литературе их кончину принято относить к 1392 (6900) г. (Толстой М. В. Книга глаголемая. С. 46–47. № 141; Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е. Владимир, 1901 (репринт — М., 1997). С. 19, 226; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е, М., 1903 (репринт — 1998). С. 85 (№ 60), 108, 146; СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 511), однако эта дата содержится только в месяцесловах и не контролируется историческими реалиями. Между тем обращение к «Книге, глаголемой Описание о российских святых» обнаруживает обилие неполных дат (без фиксации года, десятилетия, а то и столетия) кончины того или иного святого, в результате чего создается впечатление, что последние годы многих столетий от

определения даты смерти последнего, лишая ее привязки ко времени осуществления данного пророчества, но по существу не имеет значения для истории складывания его жития, которая остается прежней, только время создания памятника сокращается до 1471–1478 гг.³⁹ В то же время «деперсонификация» прорицателя избавляет исследователей от необходимости достаточно искусственного

«сотворения мира», оканчивающиеся (при записи арабскими цифрами) на два нуля, сопровождались своеобразным морем среди христианских подвижников. Так, одновременно с новгородскими юродивыми почил еще 25 святых (Толстой М. В. Книга глаголемая. С. 43 (№ 129), 44 (136), 51 (150), 55 (158 — двое), 71 (184), 76 (192), 82 (205), 84 (209), 90 (219), 112 (242), 117–119 (248–250), 145, 146 (290, 291), 163 (319, 320), 168 (327), 171 (328), 177 (340), 182 (348), 183 (353), 203 (376), 230 (419), в 1492 (7000) г. их скончалось 45 (Там же. С. 30 (101), 46 (140–142), 148 (144), 86 (212), 88 (216), 104 (233 — двое), 112 (241), 128–132 (262, 263, 266, 267, 270), 136 (280), 143–144 (288, 289), 146 (292), 150–151 (297, 298), 155 (309), 158 (312), 160–161 (314–316), 165–166 (322, 323), 177 (341), 179 (343), 181–182 (345–347), 187–188 (358–360), 194 (367), 202–203 (377, 378), 210 (388), 212 (389), 214 (393), 231 (423), 236 (427). Для 6700 и 6800 гг. эти цифры относительно невелики — соответственно 6 (Там же. С. 109 (237 — двое), 111 (238), 213 (391, 392), 243–439) и 8 чел. (Там же. С. 31 (102, 104), 39 (121), 40 (124), 222 (403), 238 (429), 241 (436), 247–433), однако к показателям 7000 г. весьма близок 6000 г. (491/92 от РХ — за 500 лет до крещения Руси), на который якобы приходится кончина 40 русских святых (Там же. С. 9 (11), 11 (16), 18–19 (42–48), 23 (64), 24 (70), 44 (134), 45 (139 — пятеро), 47 (142), 89 (217), 94–95 (224–226), 120 (251), 127 (259, 260), 139 (282), 142 (285), 148 (294 — двое), 183 (351, 352), 186 (356), 206 (383, 384), 216 (398), 224 (406), 225 (408), 236 (426, 428), 241–437). Исходя из этого вполне допустимо предположить, что 1392 г. представляет в реальности дату, не ранее которой скончались эти новгородские юродивые (ср. также: Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 57–58); т. е. они вполне могли быть старшими современниками Ионы. Выбор в пользу одного из них затрудняется тем обстоятельством, что нам неизвестно, на каком берегу Волхова жили Медоварцевы и, соответственно, воспитывался будущий архиепископ.

³⁹ Разумеется, приходится полностью отказаться от гипотезы В. Л. Янина, предлагавшего датировать первоначальную редакцию жития Михаила в первые годы после Яжелбицкого договора 1456 г. (Янин В. Л. К вопросу. С. 61).

построения, согласно которому пророчество Михаила о Шелонской битве 1471 г. и ее последствиях («Станет князь великий в Бурегах и распустить силу свою на Шолоне, и поплнить новгородцев многих: иных на Москву сведеть, а иных присечь, а иных на окуп даст»⁴⁰) относилось первоначально к походу на Новгород великого князя Василия Темного в 1456 г. и к Яжелбицкому миру и позднее было лишь «актуализировано»⁴¹. Практика актуализации пророчеств хорошо известна по памятникам апокрифическим (в том числе и на славянской почве)⁴², однако на других произведениях собственно древнерусской литературы она не прослеживается. Если же рассматривать это пророчество (не вдаваясь в детализацию предсказания) как факт агиобиографии Михаила Клопского (к чему теперь нет препятствий), то оно дает единственно возможную дату его кончины между приездом в Новгород из Великого княжества Литовского князя Михаила Олельковича (осень 1470 г.)⁴³ и походом Ивана III (1471) — 11 января 1471 г., день памяти прп. Феодосия Великого⁴⁴. Предлагаемая дата позволяет, возможно (хотя и не обязательно), несколько уточнить время избрания посадником упоминаемого в связи с последним пророчеством Ивана Васильевича Немира (определяемое ок. 1471 г.⁴⁵), но не дает, разумеется,

⁴⁰ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 346, 348.

⁴¹ См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития. С. 213–214; *Дмитриев Л. А.* Повести. С. 45–46; *Он же.* Житийные повести. С. 195; *Янин В. Л.* К вопросу. С. 61.

⁴² См. об этом, например: *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 31–35.

⁴³ «В лето [69]79. Ноября 8 преставися архиепископ Иона новгородцкыи. Тое же осени был князь Михаило Олелкович литовский в Новгороде Великом» (ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 148).

⁴⁴ «Разболиси Михаило месяца декабрия на Савин день (5 декабря, память прп. Саввы Освященного. — *А. Т.*)... А дары взял на Федосиев день на своих ногах... И послал к нему игумен пити и есть от трапезы. И они пришли, ажно заперто. И они отперли... а его в животе неть...» (ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 344, 346).

⁴⁵ См.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 369, 374, 382, 384, 386, 391, 402, 403, 505. Полутно следует отметить серьез-

добавочных оснований отождествлять его «пратецу» Евфросинью с Марфой Посадницей, как это делал Л. А. Дмитриев⁴⁶ (напротив, в свете того, что рассказ практически современен описываемым событиям, вероятность смешения разноименных боярынь выглядит практически невозможной). Нетрудно заметить, что с новой датой смерти Михаила безусловно лучше согласуются и наблюдения В. Л. Янина по поводу сюжета «брани за землю» (с. Курецко) между соседями монастыря — боярами Олферьем Ивановичем и Иваном Семеновичем Лошинским⁴⁷, закончившейся для первого из них (очевидно, неправого) по прорицанию клопского инок («будеши без рук и без ног и нем») тяжелым инсультом («ино у нево и рука и нога и язык отнялся — не говорит»)⁴⁸.

Попутно следует отметить одну деталь, обычно почему-то упускаемую из виду. Исследователи не задумываясь именуют незадачливого новгородского служилого князя, о котором столь нелестно отозвался Михаил («не князь, а грязь») просто «литовским»⁴⁹ (и даже «литовским князьком» — В. Л. Янин⁵⁰). Между тем

ную неточность у В. О. Ключевского, отождествившего с И. В. Немиром «посадника Ивана Васильевича», упоминаемого в летописи под 1435 г. (*Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 214*). Речь здесь идет о посаднике 1430–1440-х гг. И. В. Сокире (*Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 29, 30, 34, 51, 53, 343, 350, 358, 360–364, 366, 369–371, 409*).

⁴⁶ *Дмитриев Л. А. Житийные повести. С. 195; ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 622. В данном вопросе я полностью согласен с В. Л. Яниным (Янин В. Л. К вопросу. С. 61).*

⁴⁷ «Нас не должно смущать то, что летописные сведения об Олферии Ивановиче и Иване Лошинском относятся только к 70-м годам, т. е. ко времени на 20 лет позднее кончины Михаила Клопского. В 70-х годах они были маститыми политическими деятелями, но их владельческие права на эти земли могли возникнуть еще при жизни Михаила» (*Янин В. Л. К вопросу. С. 60–61*).

⁴⁸ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 342.

⁴⁹ *Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 214; Дмитриев Л. А. Повести. С. 46; ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 622.*

⁵⁰ *Янин В. Л. К вопросу. С. 61. Здесь уместно, я думаю, сопоставить «москвоцентристский» взгляд на князя Михаила Олельковича исследователей XIX–XX вв. (полностью следующих в этом вопросе за Михаилом Клопским) с определением, вышедшим из-под пера современника собы-*

он был двоюродным братом Ивана III по материнской линии (сын киевского князя Александра («Олелько») Владимировича и московской княжны Анастасии Васильевны⁵¹), а самому Михаилу Клопскому приходился двоюродным (по версии В. Л. Янина — троюродным) племянником⁵². Поэтому резкая неприязнь Михаила к своему тезке и достаточно близкому родственнику (с которой не

тий новгородца (возможно, его сторонника). В записи писца (дьяка Кириллы) на Учительном Евангелии, законченном 13 декабря 1470 г. в Юрьевом монастыре (РНБ, F.I.194), читаем: «Того лета приехал Великий Новгород князь Михаило Олександрович Киевський при архимандрите Кузмы (!)» (цитируется по кн.: *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 114). Приведенный в записи титул князя Михаила отражает, разумеется, его надежды или претензии (не ставшие еще, впрочем, до конца бесплодными), а не реальную ситуацию.

⁵¹ См., например: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 297. Схема II (3).

⁵² Принадлежа к одной из старших ветвей православных Ольгердовичей, родоначальник князей Слуцких, хотя и не унаследовал в 1470 г. после старшего брата Семена Киевского княжения, был очень заметной фигурой в Великом княжестве Литовском (подробнее см. о нем: *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907 (репринт — Київ, 1993). Т. 4. С. 268–272; *Русина О. В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 130–131). В 1476 г. он явился одним из инициаторов послания приверженцев церковной унии к папе Сиксту IV (*Флоря Б. Н.* Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI в. // *Славяне и их соседи.* М., 1999. Вып. 7. С. 45, 49–51); это отнюдь не свидетельствует о прокатолических симпатиях князя, так как целью проекта была защита прав православной церковной организации в Польско-Литовском государстве. Через 11 лет после пророчества Михаила Клопского слуцкий князь оказался в числе заговорщиков против другого своего двоюродного дяди (и сюзерена) — польского короля и великого князя Литовского Казимира. Целью заговора (в котором помимо Михаила Олельковича участвовали его родственники князя Федор Бельский и Иван Гольшанский) было свержение и убийство Казимира и возведение на литовский престол Михаила как представителя старшей ветви Ольгердовичей. Заговор был раскрыт, бежать в Москву удалось только князю Федору, князя Слуцкий и Гольшанский были казнены.

может даже сравниться его отношение к другому родичу — Дмитрию Шемяке) лишний раз подчеркивает московские симпатии клопского инокa.

Предлагаемая новая дата смерти Михаила заставляет решительным образом пересмотреть вопрос и о продолжительности его жизни в Новгороде. Известно, что разные редакции жития сообщают о разном количестве лет, проведенных клопским иноком в пригородной обители: 50 лет и 6 месяцев (вариант А первой редакции)⁵³ и 44 года (вариант Б, вторая и тучковская редакции)⁵⁴. В литературе считается общепринятым второй срок⁵⁵. Для В. О. Ключевского в данном случае проблемы просто не существовало, поскольку вариант А («краткая редакция», «редакция чудес» по его терминологии) он однозначно считал вторичным по отношению ко второй редакции («пространная редакция», «редакция пророчеств»)⁵⁶; списки варианта Б были ему неизвестны. Исследователи XX в. отдавали предпочтение второму варианту, поскольку при первом появлении Михаила в Новгороде (в сочетании со смертью не позднее 1458 г.) пришлось бы датировать примерно 1405–1408 гг.⁵⁷ — т. е. пусть и не слишком задолго, но безусловно до возникновения Клопского монастыря (ок. 1412 г.)⁵⁸. Напротив, с пересмотром даты кончины Михаила срок в 44 года вступает в противоречие со свидетельствами жития о том, что блаженный

⁵³ Дмитриев Л. А. Повести. С. 97.

⁵⁴ Там же. С. 109, 137, 158.

⁵⁵ Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 212; Дмитриев Л. А. Повести. С. 32; Янин В. Л. К вопросу. С. 52.

⁵⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 210–213.

⁵⁷ 1408 годом датирован приход Михаила в Клопский монастырь в Новгородской III летописи XVII в. (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 252). Критику этой даты см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 212; Дмитриев Л. А. Повести. С. 31–32; Янин В. Л. К вопросу. С. 52.

⁵⁸ Этим годом датируется в летописях постройка деревянной монастырской соборной церкви («В лето 6920... Поставиша... на Клопське церковь древяну святую Троицу» — ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. (Новгородская Пятая летопись). С. 412), что по сути равнозначно основанию монастыря. См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 21; Дмитриев Л. А. Повести. С. 32; Янин В. Л. К вопросу. С. 52.

пришел в игуменство первого настоятеля монастыря — Феодосия⁵⁹. Сочетание же срока в 50 лет и 6 месяцев с новопредложенной датой смерти (11 января 1471 г.) указывает примерно на середину 1420 г. Следует отметить связь между цифрами (без сопровождающих слов, обозначающих разные единицы времени) «50 и 6» и «44»: «пятьдесят и шесть» и «пятьдесят без шести». Из них второе сочетание цифр явно вторично. Если срок 44 года может быть объяснен из ошибочного прочтения и осмысления слов «50 лет и 6 (месяц)» как «50 лет без 6», то обратная комбинация невозможна.

Но и середина 1420 г. в качестве даты прихода Михаила на Клопско явно не согласуется полностью с другими свидетельствами жития. Так, например, она не оставляет времени для двух посещений обители князем Константином. При этом первое (когда было раскрыто инкогнито прозорливца) не могло произойти позднее 1419 г., в октябре которого скончалась упоминаемая в чуде жена князя⁶⁰, второе же случилось «по времени немале» в Лазареву субботу, когда Константин Дмитриевич находился в Новгороде в 1420 г.⁶¹. Поэтому, вероятнее всего, следует полагать, что первоначально в тексте стояло «50 лет и 6» (т. е. 56 лет), а слово «месяц» было прибавлено позднейшим переписчиком, заподозрившим в этом месте пропуск (такое предположение согласуется и с объяснением появления в позднейших версиях срока в 44 года). С учетом указанной в начале жития календарной памяти, появление Михаила в Троицком монастыре («канун Рождества Ивана Предтечи») следовало бы, строго говоря, датировать 23 июня 1415 г. Однако эту дату отнюдь не следует рассматривать как абсолютную, уместнее видеть в ней предельно ранний срок прихода блаженного на Клопско, появившийся в результате хронологических выкладок новгородского книжника. Об анахронизмах жития Михаила и причинах их появления в литерату-

⁵⁹ К 1427 г. (1471 – 44) игумен Клопского монастыря Феодосий, которому Михаил, согласно житию (ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 340), предсказал избрание в архиепископы, не только уже оставил кафедру, но и скончался (29 сентября 1425 г.).

⁶⁰ ПСРЛ. Л. 1928. Т. 1. Вып. 3 (Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку). Стб. 540; Янин В. Л. К вопросу. С. 57.

⁶¹ Поптэ А. Порядная запись. С. 395–397; Янин В. Л. К вопросу. С. 54.

ре сказано немало⁶². И в данном случае агиограф (или, скорее, редактор) явно не располагал письменно зафиксированной датой прихода Михаила в монастырь, производя выкладки исходя из известной ему даты смерти в сочетании с упоминанием лиц и событий новгородской истории более чем полувекковой давности. Главным ориентиром здесь являлось, очевидно, указание, что «в то время немогл владыка Иоанн 3 года и взяша мужа честна... на владычество Семиона»⁶³. Поскольку это случилось уже во время пребывания Михаила в монастыре, за точку отсчета был почти несомненно взят уход архиепископа Иоанна с кафедры — 20 января 1415 г.⁶⁴ (от 11 января 1471 г. 56 лет без 9 дней). Поэтому наиболее вероятно определить приход Михаила в Новгород между 23 июня 1415 г. (канун Рождества Иоанна Предтечи) и той же датой 1417 г. (владыка Иоанн скончался в этом году 25 июня).

В. Л. Янин датирует первую встречу Михаила с князем Константином 6 августа 1413 г.⁶⁵ (а приход блаженного на Клопско соответственно 23 июня того же года). Но это событие могло произойти и позднее. Несомненный верхний предел составляет здесь 1419 г., в октябре которого, как уже говорилось выше, умерла жена углицкого князя (о втором его браке, если таковой был, ничего не известно), поскольку житие упоминает его первый приезд в монастырь на Преображение вместе с супругой⁶⁶. Определяя дату, В. Л. Янин исходил из отъезда Константина из Пскова в 1414 г.⁶⁷, однако нельзя исключать, что князь мог быть в Новгороде и позднее. Между мартом 1416 г. (когда Константин присутствовал в Москве на хиротонии новгородского архиепископа Симеона)⁶⁸ и ок-

⁶² Поппэ А. Порядная запись. С. 390–391, 395–397; Янин В. Л. К вопросу. С. 54–55.

⁶³ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 340.

⁶⁴ НПЛ. М.; Л., 1950 (репринт — М., 2000). С. 405.

⁶⁵ Янин В. Л. К вопросу. С. 55; ср.: Бобров А. Г. Монастырские книжные центры. С. 59, 61.

⁶⁶ ПЛДР. Вторая половина XV в. С. 336: «По том времени приехал князь Костянтин Дмитреевич с княгинею своею...»

⁶⁷ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 21–22; СПб., 1853. Т. 6. С. 134; Янин В. Л. К вопросу. С. 54.

⁶⁸ НПЛ. С. 406.

тябрем 1419 г. (смерть жены в Угличе или в Москве) о нем молчат как московские, так и новгородские источники. Последние между тем далеко не всегда отмечали приезды великокняжеских наместников⁶⁹, тем более повторные: приезд Константина в 1420 г. привлек особое внимание летописца потому, что в этот раз он прибыл в град на Волхове в новом качестве и в придачу после ссоры с братьями. Исходя из фактов предшествующей биографии Константина Дмитриевича, в 1407–1414 гг. жившего в Пскове и Новгороде⁷⁰, можно предположить, что до опознания Михаила в монастыре князь встречался с юным тогда «своитином» после возвращения в Москву между 1414 и 1416 гг.

Установление даты смерти Михаила несомненно сдвигает ближе к рубежу XIV–XV вв. и время его рождения, а это, в свою очередь позволяет по-новому посмотреть и на вопрос его происхождения и его родителей, в частности на проблему остающегося загадочным его отца Максима. Дело в том, что человек с таким именем неожиданно обнаружился недавно среди детей великого князя Димитрия Ивановича. Крестное (так называемое «прямое», приходящееся на день рождения) имя Максим носил его третий сын — можайский и белозерский князь Андрей, появившийся на свет 14 августа 1382 г.⁷¹ Сведение об этом содержится в довольно неожиданном на первый взгляд источнике — Синодике Троицкого Слуцкого монастыря середины 1630-х гг. (Вильнюс, БАН Литвы, ф. 21, № 799, л. 4 об.)⁷², где в завершении записи рода князя Константина

⁶⁹ См.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 40–41.

⁷⁰ См.: Янин В. Л. К вопросу. С. 54.

⁷¹ «В лето 6890-е... Того же лета месяца августа 14 день великому князю Дмитрею родися сын князь Андрей и крести его игумен Феодор Симановский» (ПСРЛ. М.; Л., 1947. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 206).

⁷² Описание рукописи см.: Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А. Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в фондах 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne*. Kraków, 1997. Т. 2. С. 62–64, № 12. Пользуюсь здесь случаем, чтобы исправить досадные погрешности описания, вкравшиеся в текст из-за того, что московские авторы были лишены возможности просмотреть корректуру каталога перед его выходом в свет в Кракове. Так, в печатном описании оказалась пропущена рубрика «Род Яцковича»,

Крошинского содержится поминание «князя Андрея Можайского, нареченного во святом крещении Максима». Память св. Максима Исповедника помещается обычно под 13 августа (а в исключительных случаях и под 14)⁷³, так что с этой стороны показания синодика выглядят вполне достоверно. Недалеко отстоит от дня рождения этого сына Дмитрия Донского и память святого, в честь которого он получил свое официальное — княжеское — имя. Мученик Андрей Стратилат празднуется православной церковью менее недели спустя, 19 августа. Вероятно, это обстоятельство повлияло на выбор князем Дмитрием второго имени (вполне традиционно княжеского) третьему сыну.

Включению имени Андрея Дмитриевича в помянник князя Константина Ивановича Крошинского в настоящий момент нельзя дать однозначного объяснения. Хотя дошедшая рукопись Синодика представляет список середины 1630-х гг.⁷⁴, она в основной своей части (куда входит и рассматриваемое поминание) восходит к ори-

расположенная на л. 5–5 об., а в предшествующей («Род Царский») последним из поминаемых назван назван Матфей (имя в действительности относится к следующей рубрике) вместо Феодора (см. приложение). В начале XX в. рукопись хранилась в частном музее Г. Татура в Минске, где с нею знакомилась в 1907 г. В. И. Срезневский (см.: Записки Аддзелу гуманітарных навук, Менск, 1929. Кн. 8. Працы клясы гісторыі. Т. 3. Varia. С. 555. № 2) и сестра А. А. Шахматова Е. А. Масальская-Сурин (Там же. С. 557. № 4.17), но с тех пор кодекс неоднократно исчезал из виду и сохранился благодаря счастливой случайности (в БАН Литвы поступил в 1944 г. после ликвидации Белорусского музея им. И. Луцкевича в Вильнюсе). Пользуюсь случаем поблагодарить Е. В. Русину, указавшую мне эту публикацию.

⁷³ См.: *Сергий (Спасский)*, архиеп. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901 (репринт — М., 1997). Т. 2. С. 244, 246. Под 14 августа память помещена в месяцеслове болгарского Карпинского евангелия конца XIII или раннего XIV в. (ГИМ, Хлуд. 28), в месяцесловах русских евангелий и апостолов XI–XIV вв. встречается только 13 (см.: *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 406–407).

⁷⁴ По водяным знакам рукопись датируется 1630–1636 гг. (см.: *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги. С. 62), на л. 33 об. имеется помета-рубрика: «В року 1637 вписася род пана Левкевича».

гиналу довольно раннему — вероятно, 1510-х гг.⁷⁵. Достаточно скудные биографические данные, которыми располагают исследователи о К. И. Крошинском и его роде⁷⁶, не позволяют проследить связи между ним и третьим сыном Дмитрия Донского. Самое простое объяснение о возможном свойстве по женской линии — через Наримунтовичей⁷⁷, из рода которых происходила супруга Андрея Дмитриевича княжна Агриппина (Агрофена) Александровна Стародубская⁷⁸, — натывается на непреодолимое в данном случае пре-

⁷⁵ На это указывают княжеские имена, вынесенные в заглавия рубрик. Константин Крошинский, бывший казначеем Смоленским уже в 1482 г., умер вскоре после 1513 г. (*Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternaestego wieku. Warszawa, 1895 (репринт — 1994). S. 187*), Юрий Иванович (Гольшанский)-Дубровицкий (сын казненного в 1481 г. Ивана) ок. 1529 г. (*Wolff J. Kniazowie. S. 107–109 (май 1537 г.!)*; *Яковенко Н. М. Українська шляхта. С. 323, схема V. 1*), Юрий Семенович Слуцкий (отец которого скончался в 1505 г.) — в 1542 г. (Там же. С. 297, схема II.3). В пользу такой датировки свидетельствует, как кажется, и помещение при Синодике (л. 23–23 об.) заключенного в 1517 г. договора между Троицким Слуцким и киевским Николо-Пустынским монастырями (ктиторами обоих были Омельковичи) о взаимном поминании братии (см.: *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А. Кириллические рукописные книги. С. 63–64*). Правда, в первом (лишенном начала) поминании (о нем см. ниже) на л. 4, содержится имя княгини Елены, жены пинского князя Федора Ивановича Ярославича (и дочери Семёна Омельковича), умершей после 1518 г. (*Яковенко Н. М. Українська шляхта. С. 297, схема II.3*), но оно вполне может принадлежать к числу ранних добавлений к первоначальному ядру. Так что оригинал вильнюсской рукописи можно достаточно уверенно датировать 1513–1517 гг. или ок. 1517 г.

⁷⁶ См. о них: *Wolff J. Kniazowie. S. 186–193*.

⁷⁷ На связи К. И. Крошинского с Брянским княжеством, одним из уделов которого был Стародуб, может указывать наличие его помянника в Любецком синодике. См.: *Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 145*. Нельзя исключить целиком и версии поминания «по соседству» — владения Крошинских располагались в Великом княжестве Литовском на можайско-вяземском порубежье (*Темушев В. Н. К вопросу о Московско-Литовской границе XV в. (владения князей Крошинских) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3. С. 102–103*).

⁷⁸ См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

пятствие: такое женское имя в помяннике Крошинского отсутствует. Исходя из хронологических рамок проще бы было даже предположить, что речь здесь идет не об Андрее Дмитриевиче Можайском, а о его внуке Андрее Ивановиче, умершем (убитом или отравленном) в Великом княжестве Литовском в 1487 г., но сохранившем, как известно, родовое прозвище⁷⁹, однако этому препятствует упомянутое в синодике крестильное имя (см. выше). Отнюдь не вносит ясности в ситуацию обращение к другим помянникам К. И. Крошинского и его рода. Их в синодиках разных южно- и западнорусских монастырей сохранилось несколько, при этом и в более ранних списках, чем слущкий. Помимо упомянутого выше Любецкого⁸⁰ это синодики Киево-Печерского монастыря 1483–1526 гг. (где помещены два (!) помянника самого К. И. Крошинского и один рода Крошинских)⁸¹ и пергаменный Супрасльский рубежа XV–XVI в.⁸² Из них только в последнем имеется имя Андрей, но без титула и очень далеко отстоящее от начала поминания⁸³, отождествить его с князем Слуцкого синодика не представляется возможным.

В то же время дошедшая рукопись Слуцкого синодика явно восходит к дефектному оригиналу и к тому же не очень внимательно с него списана. Вероятно, в копируемом подлиннике был нарушен порядок листов и это закрепилось при переписке. Только этим можно объяснить нарушение иерархии помещенных в нем поминаний княжеских родов. Первый (лишенный начала) помян-

⁷⁹ О нем см.: *Wolff J. Kniazowie*. S. 262.

⁸⁰ См. примеч. 77.

⁸¹ *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Приложение. С. 39, 70, 75.

⁸² Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Вильна, 1870. Т. 9. С. 457; *Гильтебрандт П. А.* Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Вильно, 1871. Вып. 1. С. 146.

⁸³ Археографический сборник. С. 457. В Слуцком синодике (см. приложение) имени князя Андрея Можайского предшествуют имена князя Феодосия и Ульяны. В Супрасльском между именем Ульяны и неизвестным Андреем помещено еще 17 имен, из которых первые три княжеские.

ник (л. 4), сохранившийся с имени княгини Елены, дочери Семена Александровича (определяемой здесь как «жена князя Федора Ярославича»), принадлежит старшей (киевской) ветви Олельковичей⁸⁴ — самому князю Семену или его сыну Василию, на котором эта линия потомков Владимира Ольгердовича пресеклась⁸⁵. За ним по порядку старшинства должен следовать род князя Юрия Семеновича, «отчича Киевского, господаря Слуцк(ого)» (л. 4 об. — 4а), далее «род князя Глебов» (л. 4 об.), восходящий к третьему сыну Владимира Ольгердовича — Глебу-Андрею⁸⁶. Могут быть сомнения в порядке размещения помянников князей Ю. И. Дубровицкого (л. 4), вероятного родственника Олельковичей по женской линии⁸⁷, и К. И. Крошинского, о котором в этом смысле ничего не известно, но они, бесспорно, должны следовать за помянниками потомков Владимира Ольгердовича. В настоящее время помянники князей Ю. С. Слуцкого и К. Крошинского находятся на разных сторонах одного листа синодика. В оригинале (особенно если он был пергаменным большего формата, что нормально для западнорусского синодика раннего XVI в. — вспомним хотя бы Супрасльский⁸⁸), они могли находиться на одной странице, но в обратной последовательности. Между тем помянник Ю. С. Слуцкого весьма любо-

⁸⁴ Здесь необходимо исправить ошибку печатного описания (*Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги. С. 63); в котором этот помянник поспешно отнесен (на основании все того же указания при имени княгини Елены) к роду князя Федора Ивановича Ярославича.

⁸⁵ Менее вероятно предполагать, что это был помянник Олелька Владимировича, дополненный именами его потомков. В любом случае, учитывая дату смерти даже князя Василия Семеновича (1495), не говоря уже о его отце (1470), можно думать, что данный помянник восходит к синодику киевского Николо-Пустынского монастыря.

⁸⁶ См.: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта. С. 287, схема II.

⁸⁷ Считается, что он был внуком князя Олелька по матери (*Русина Е. В.* Україна. С. 131); ср., впрочем: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта. С. 297, схема; С. 322, схема V.1.

⁸⁸ Следует исключить лишь версию, что древний пергаменный оригинал Слуцкого синодика имел форму свитка, — в таком случае перечисленные выше нарушения последовательности отдельных родовых помянников невозможны.

пытен по составу. Он начинается не с Владимира Ольгердовича, как можно было бы ожидать (он помещен лишь на седьмом месте), а с предков и родни жены Олелька Владимировича Анастасии, дочери великого князя московского Василия Дмитриевича. Здесь перечислены с княжеским титулом имени ее деда (Димитрий), отца (Василий) и двух дядьев (Юрия и Андрея). Два следующих имени (Василий и Димитрий) нуждаются в уточнении. Маловероятно, чтобы речь шла о Василии Косом и Дмитрие Шемяке, тем более невозможна пара Василий Темный — Шемяка. Очевидно, это Василий Темный и незлобивый Дмитрий Юрьевич Красный. Можно предположить, что в оригинале Слуцкого синодика 1510-х гг. к имени князя Андрея имелась помета на нижнем поле, вызванная тем, что его крестильное имя отличалось от княжеского. При копировании же списка в 1630-х гг. она ошибочно (в результате невнимания переписчика или из-за того, что стерся знак вставки) была присоединена к помяннику К. И. Крошинского, занимавшему низ страницы.

Другие источники (как письменные, так и вещественные) — доволно, впрочем, скудные — не подтверждают и не опровергают свидетельства Слуцкого синодика в отношении Андрея Дмитриевича. Духовная грамота князя, в которой могло быть упомянуто его «прямое» имя, не сохранилась. Единственная уцелевшая его печать не несет на себе изображения патронального святого, а представляет, вероятно, западноевропейскую гемму с изображением мужской головы в шлеме с перьями⁸⁹. Монеты князя (как это вообще свойственно монетам московских удельных правителей) также не имеют патрональных изображений⁹⁰. Посвящения престолов преп. Максиму Исповеднику (как, впрочем, и Андрею Стратилату) в княжеских постройках и в монастырях, находившихся под его покровительством в его уделе (Никольский собор, церковь Иоакима и Анны, лужецкий монастырь в Можайске и Колоцкий к западу от города, Кириллов Белозерский и Ферапонтов монастыри в Белозерской части удела) неизвестны. По существу, нет и живописных произведений и памятников мелкой пластики с изображением Максима Исповедника (к слову сказать, это

⁸⁹ См.: *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 139, 162; № 53.

⁹⁰ См., напр.: *Мец Н. Е.* Монеты Великого княжества Московского (1425–1462). М., 1974 (Нумизматический сборник. Вып. 3).

вообще очень редкий сюжет в русском искусстве до XVI в.), которые предположительно можно было бы связать с князем Андреем или его потомками (та же ситуация наблюдается и в отношении Андрея Стратилата)⁹¹. В связи с этим большого интереса заслуживает плащаница (именуемая по месту хранения «Астраханской»), вышитая в 1465/1466

⁹¹ Единственное исключение составляет двусторонняя каменная иконка с поясным изображением Никола Чудотворца на одной стороне и ростовыми Максима Исповедника и мученицы Евдокии — на другой (Сергиев-Посадский историко-художественный музей, № 10), датируемая в литературе концом XIV в. (Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск, 1960. С. 143, 144, № 33; Она же. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI вв. М., 1968. № 31; Она же. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983 (Археология СССР. САИ. Вып. Е1–60). С. 99–100. № 204; табл. 36. № 1). Т. В. Николаева относит памятник, происходящий из ризницы Троице-Сергиева монастыря, к числу новгородских произведений и связывает его с убитым в 1392 (или 1393) г. в Торжке «великокняжеским доброхотом» боярином Максимом в значительной мере на основании того, что это имя неизвестно в московской великокняжеской семье и не пользовалось популярностью среди московского боярства (Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики. С. 143, 144; Она же. Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 100), ничего специфически новгородского в иконографии либо в стиле иконки нет. По палеографии она может быть датирована как концом XIV, так и началом XV в. (скорее всего, не позднее 1410-х гг. для Москвы и Северо-Восточной Руси в целом, и не позднее первой трети XV в. для Новгорода и Пскова). В изображениях на оборотной стороне можно видеть небесных покровителей князя Андрея и его матери — вдовствующей великой княгини Евдокии Дмитриевны, а на лицевой (даже если отвлечься от широчайшего почитания св. Николая на Руси) — своеобразный символ Можайского удела (правда, без особенностей иконографии Можайской святыни). В этом случае иконку следовало бы датировать до 1403 г. (женитьба Андрея Дмитриевича), либо считать ее заказом Евдокии Дмитриевны (не позднее 1407 г. — обе даты ничуть не противоречат палеографии); в последнем случае велик соблазн увидеть в резном образке единственный дошедший образец из серии, где ангел-хранитель матери соседствовал с покровителем каждого из ее детей (или сыновей). Последнее, однако, не более чем гипотеза (ничуть, впрочем, не менее достоверная, чем версия Т. В. Николаевой), поскольку происхождение и ранняя история иконки никак не документированы.

(6974) г. женой сына Андрея Дмитриевича, верейско-белозерского князя Михаила, княгиней Еленой (дочерью Боровского князя Ярослава Владимировича) для московского Архангельского собора (Астраханский краеведческий музей, инв. 882). Здесь на нижней по отношению к центральному изображению полосе помещены 17 фронтальных фигур преподобных в рост⁹²; подписи при них, к сожалению, утрачены. Центральное из них по иконографии (облачение, форма бороды, свиток в руке) может быть достаточно надежно отождествлено с Максимом Исповедником⁹³, при этом Андрей Стратилат на плащанице не помещен (ни в Деисусе с противоположной стороны, ни единолично). Учитывая редкость изображения преподобного в русской иконографии, шитьи и мелкой пластике до XVI в.⁹⁴, его присутствие на пелене едва ли может быть случайным и косвенно может служить подтверждением известия Слуцкого синодика. Однако силу аргумента безусловно ослабляет то обстоятельство, что святой изображен здесь не единолично (как, к примеру, Константин и Елена, явно связанные с Еленой Ярославной на противоположной полосе), а в ряду других безымянных преподобных⁹⁵.

С учетом свидетельства Синодика Троицкого Слуцкого монастыря сцена узнавания Михаила Клопского князем Константином приобретает несколько иное звучание. Константин называет отца блаженного не иноческим, а крестильным (а возможно, и домашним) именем. Понятно и почему он упоминает брата без титула:

⁹² О памятнике см.: *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971 (Археология СССР: САИ. Вып. Е1-49). С. 57–58, № 37; табл. 25.1 (снимок сделан до реставрации — плащаница в этом месте разорвана и согнута, видна только нижняя часть фигуры со свитком); *Маясова Н. А.* Произведения лицевого шитья из Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 389–391 (снимок в цвете на С. 390).

⁹³ Ср. изображение Максима Исповедника в среднике житийной иконы конца XVI — начала XVII в., предположительно атрибутируемой Истоме Гордееву, из Благовещенского собора в Сольвычегодске (Искусство Строгановских мастеров: Реставрация. Исследования. Проблемы / Каталог выставки. М., 1991. С. 64, 66, 69).

⁹⁴ См. примеч. 91.

⁹⁵ Состав этого преподобническо-отшельнического фриза нуждается в специальном исследовании.

хотя князь Андрей и был назван в крещении Максимом, но «князя Максима», строго говоря, не существовало. Возможно, что получает новое объяснение и присутствие схимника Максима в синодике Клопского монастыря: князь Андрей мог вернуться к крестильному имени на смертном одре в 1432 г.⁹⁶

С признанием Михаила сыном князя Андрея («Максима») Дмитриевича, его рождение следует датировать (с учетом возраста отца) не ранее 1397–1398 гг., но и не позднее 1400 г. (принимая во внимание, что по крайней мере к 1417 г. (см. выше) он уже был искушенным монахом — «старцем»). Естественно, в этом случае он не мог быть ребенком от брака Андрея с дочерью князя Александра Патрикеевича Стародубского Агрофеной, заключенного 8 октября 1403 г.⁹⁷ Между тем о более раннем браке можайского князя летописи не сообщают, а в известии 1403 г. не сказано, что этот брак был вторым. Остается думать, что Михаил был внебрачным сыном либо родился от брака, не признанного по какой-то причине родней отца и/или церковью. Институт бастардов в средневековой Руси, в отличие от Западной Европы, неизвестен (единственное исключение представляет, пожалуй, живший в XII в. сын галицкого князя Ярослава Осмомысла Олег «Настасьич»⁹⁸) — мы не можем представить здесь (по аналогии хотя бы с Бургундией

⁹⁶ Летописи молчат о пострижении князя (ПСРЛ. Т. 25. С. 250), но запись о его кончине выглядит выполненной по не слишком горячим следам (что вполне объясняется напряженной внутривластной ситуацией) — дата содержит указание лишь на год и месяц, с пропуском числа. Уместно напомнить, что о пострижении и иноческом имени Константина Дмитриевича (о времени смерти которого летописи молчат) известно лишь из синодика Клопского монастыря (Янин В. Л. К вопросу. С. 56–57). Однако в равной мере нельзя исключить возможности, что «схимник Максим» — это дед Михаила по матери либо один из иноков Клопского монастыря. К слову, «расшифровка» имен монастырского помянника, предложенная В. Л. Яниным (Там же. С. 56–58), в основном остается в силе и при новой версии происхождения Михаила. Исключения составляют имена схимницы Анны (вероятно, мать, но не княжна Анна Ивановна), схимника Максима (см. выше) и инока Михея (дедом по матери может быть и он).

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

⁹⁸ См. о нем: Грушевський М. Історія. Львів, 1905 (репринт — Київ, 1992). Т. 2. С. 442–446.

XV в.) «великого бастарда Тверского» или «Суздальского». Это не означает, разумеется, что на Руси не было незаконных княжеских детей — просто в такой ситуации невозможно не только проследить их судьбу, но и установить самый факт их существования. Между тем среди них могли быть и любимые, о воспитании и определенной житейской карьере которых (при том что путь в верхи светского общества был для них исключен) по-своему заботились их отцы и другие родственники. Михаил явно получил неплохое по тем временам образование, поскольку не только читал, но и переписывал книги.

Суммируем сказанное выше. С пересмотром даты смерти Михаила Клопского и находкой свидетельства, что имя Максим было крестильным для князя Андрея Дмитриевича, биография новгородского прозорливца рисуется следующим образом. Он был непризнанным сыном можайско-белозерского князя и неизвестной матери, возможно, по имени Анна (это имя она носила в схиме), на свет появился ок. 1397–1399 гг. Примерно до 1414–1415 гг. он проживал в Москве с отцом или при великокняжеском дворе, а последние годы, возможно, в одном из монастырей. Между 1414 и 1417 гг. Михаил тайно покинул Москву и не позднее 23 июня 1417 г. пришел в Клопский монастырь, где оставался до своей смерти 11 января 1471 г. Автор в полной мере отдает себе отчет, что предлагаемое в статье сочетание даты рождения клопского провидца и его прихода в Новгород в хронологическом отношении находится на грани возможного, но все-таки остается на ней, а не за ней.

Думается, что предложенный вариант происхождения Михаила довольно удачно объясняет и реакцию на встречу с ним Константина Дмитриевича (изумление при виде считавшегося пропавшим племянника вкупе с напрасным беспокойством за не самый благовидный семейный секрет) и расплывчатое по сути признание «свойства». Хорошо вписывается в версию и моральное кредо клопского прозорливца. Человек, сам лишенный прав от рождения, всю жизнь был непримирим к любым «неправдам», творимым как разбойниками и святотатцами, так и сильными мира сего, — от покушения на чужую деревню до необоснованных претензий на великокняжеский стол. Получает в этом случае объяснение и молчание о Михаиле московских источников XV в. Какие-то сведения о нем (например, упоминание вклада в Клопский монастырь) могла бы содержать духовная князя Андрея Дмитриевича, но она не со-

хранилась. Со сводными братьями Михаил едва ли поддерживал отношения, а ко времени написания жития указание на родство с можайско-верейско-белозерской ветвью московского княжеского дома могло представляться агиографу (если он, разумеется, знал об этом) неуместным и даже в чем-то порочащим его героя.

Приложение. «Княжеская» часть Синодика Троицкого Слуцкого монастыря

Вильнюс, БАН Литвы. Ф. 21. № 799. Л. 4, 4а, 5 об., 5–6*.

Л. 4 [Род князя Семена Олельковича?...] княгиню Елену, жену (князя) Федора Ярославича, Пана Феодора писаря его. Инока Иону, (отца его) и матеру его Фетинию.

Род князя Георгия Ивановича Дубровицкого. Князя Ивана Олгимонтовича. Князя Симеоновича Ивана. Князя Георгия Семеновича. Княгини скимницы Улияны. Князя Ивана Юрьевича и сына его князя Константина. Княгиню Улияну. Князя Феодосия. Князя Артемия. Княжну Марию. Княжну Парасковгию. Княжну Улияну. Княжну Евдокию.

Род князя Константина Крошиньского. Князя Романа. Князя Иоанна. Княгиню инокиню Еупраксию. Князя Феодора. Княгиню инокиню Ефросинию. Улияну. Князя Константина. Княгиню Анну. Князя Василия. Князя Феодосия. Улияну. Князя Андрея Можайского, нареченного в святомъ крещении Максима.

/л. 4 об./ **Род князя Глебов.** Князя Андрея. Княгиню Марию. Князя Глеба. Евдокию. Князя Димитрия. Княгиню Феодосию. Князя Иоанна. Анну. Князя Глеба. Княгиню Фетинию. Василия. Настасию. Симеона. Евдокию. Александра. Андрея. Анны. Иоанна. Настасии. Матроны. Марии. Иова. Михаила. Марка. Саву. Инока Филимона. Марка. Князя Димитрия. Геронтия. Князя Александра. Феодосию. Ильи. Андрея. Симеона. Матроны. Родиона. Якова. Ме-

* Текст публикуется в упрощенной орфографии, Ъ в конце слов опускается, титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку. В скобках даются слова, приписанные в рукописи писцом над строкой. Полуужирным шрифтом выделены киноварные заголовки. Искренне признателен С. Ю. Темчину, скопировавшему для меня эти листы.

лентия. Евдокию. Григория. Александра. Феодора. Еустафия. Феодосии. Георгия. Якова. Александра. Гаврила. Иоанна. Михаила. Дорофея. Феодосию. Прокопия.

Род князя Юрья Семеновича, отчича Киевского, господаря Слуцк. Князя Дмитриа. Князя Василиа. Князя Георгия. Князя Андрея. Князя Василия. Князя Дмитрия. Князя Владимира. /л. 4а/ Князя Александра. Князя Андрея. Князя Иоанна. Князя Василия. Князя Симеона. Князя Михаила. Князя Глеба. Князя Василиа. Князя Георгия. Княгини Агрипины. Княгиню Софию. Уара. Княгини Настасии. Княгини Настасии. Княгини Евдокии. Княжну Марию. Царицы Анны. Григория. Веры. Аврама. Ульяны. Михаила. Игнатия. Дамияна. Михаила. Княжну Анну. Княжну Феодору. Дорофея. Аполинарию. Инока Афанасия. Священноинока Филофея. Князя Михаила. Княгиню Анну. Князя Андрея. Священноинока Киприяна. Княжну Марию. Священноинока Феогноста.

Род Царский. Евпраксии. Петра. Василия. Григория. Иоанна. Матфея. Василисы. Агрипины. Иоанна. Евгении. Елевферия. Андрея. Марии. Иоанна. Зеновии. Иоанна. Лва. Оксении. Агафий. /л. 4а об./ Марии. Василия. Ксении. Матроны. Парасковгей. Иоанна. Симеона. Акилины. Елеазара. Андрея. Феодосии. Протасия. Иоанна. Улияны. Ерея Алексея. Татьяны. Венедикта. Василия. Василия. Оксинии. Григория. Феодоры. Инока Иоакима. Священноинока Арсения. Ерея Алексея. Аполинарии. Иоанна. Петра. Акилины. Иоанна. Агафий. Антониды. Иоанна. Порфирия. Феодора. Василия. Священноинока Гурия. Инока Ионы. Инока Илариона. Инока Игнатия. Инока Селивана. Инока Деонисия. Инока Герасима. Константина. Василия. Иоанна. Феодоры. Агафий. Марии. Евдокеи. Иоанна. Евтихия. Михаила. Марии. Симеона. Харытона. Бориса. Анны. Инокини Феодоры. Иоанна. Якова. Константина. Захарии. Алексея. Григория. Ирины. Григорья. Евдокии. Власия. Ирины. Священноинока /л. 5 об./ Александра. Иоанна. Зиновии. Феодоры. Матфея. Михаила. Агафий. Анны. Исаака. Инокини Настасии. Инока Евхимия. Иоанна. Матфея.

Род Ясьманов: Григория. Петра. Иоанна. Инока Феодора. Инока Силвестра. Якова. Григория. Андрея. Иоанна. Инока Спиридона. Иосифа. Фому. Мартина. Григория. Петра. Кир Иоанна. Василия. Иоанна. Леонтия. Феодора. Даниила. Трифона. Данила. Никиты. Инока Филипа. Инока Савы. Иоанна. Леонтия. Леонтия. Анны. Марии. Инокиню Елену. Феодосии. Феодосии. Елены. Софии. Ма-

рии. Инокиню Домникею. Агафии. Евхимии. Евхимии. Евдокии. Зиновии. Евдокию. Анны. Христины. Евдокии. Марии. Та(т)яны. Харитина. Марии. Тимофея. Иоанна. Патрикия. Феодора. Акилины. Мартина.

/л. 5/ священноинока Иосифа. Михаила. Симеона. Андрея. Улияны. Григория. Феодора.

Род Яцковича: Ерея Потапия. Мелании. Феклы. Тимофея. Скимницы Екатерины. Анны. Иоанна (Кошка). Петра. Иоанна (Есман). Феодосию. Леонтия. Стефана (Борсукович). Василия. Евдокии. Григория. Скимницы Евгении. Никиты. Григория (Щопот). Деомиды. Агапии. Григория. Евгении. Романа (Романовой). Елеазара. Феодора. Агафии. Феодосии. Марии. Андрея. Матфея. Пантелеимона. Ерея Григория. Ерея Василия. Ерея Симеона. Инока Иосифа. Стефана. Александра. Матфея. Иоанна. Никиты. Андрея. Агафии. Матфея. Евдокеи. Михаила. Димитрия. Ульяны. Татьяны. Инокиню Феклу. Пелагии. Феодоры. Марии. Феодора. Макария. Матфея. Авдия. Иосифа. Матфея. Стефаниды. Савы. Мавры. Фетинии. Инока Ионы. Инока Варлама. Инокиню Улияну. Феодосии. Священноинока Захария.

/л. 6/ Род Семена княжого дяди. Василия. Улияны. Марии. Дмитрия. Якова. Евдокии. Александра. Аполинарии. Бориса. Стефана Евхимии.

А. С. Усачев

Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси

Памятники русской средневековой историографии традиционно привлекают внимание исследователей истории Древней Руси. Особый интерес вызывают содержащиеся в них уникальные известия. Их рассмотрение представляет сложную научную проблему — они могли оказаться как отголосками недошедших источников, так и плодом воображения позднейших книжников. К числу исторических сочинений XVI в., содержащих целый ряд подобных сообщений, относится Степенная книга царского родословия (СК).

Согласно принятому в историографии мнению П. Г. Васенко, СК была составлена по поручению митрополита Макария его ближайшим помощником Андреем (впоследствии митрополит Афанасий) в 1560–1563 гг.¹. Это произведение содержит изложение событий русской истории с древнейших времен до начала 1560-х гг. СК состоит из служащего своего рода введением к ней Жития Ольги и 17 степеней, каждая из которых повествует об одном из русских князей — предков Ивана Грозного, начиная с Владимира Святославича (17 ст. посвящена описанию начала правления первого

¹ *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 168–217. Нами было высказано предположение о том, что основной текст памятника, по всей видимости, был закончен к 1560 г. и выходящие за этот хронологический рубеж известия в текст были внесены в начале 1563 г. (*Усачев А. С.* О датировке Степенной книги // ВЕДС. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. IV Чтения памяти д. и. н. А. А. Зимина. М., 2005. Ч. 2. С. 271–274).

русского царя). Степени подразделяются на главы, самые крупные из которых, в свою очередь, делятся на титулы. Домонгольскому периоду русской истории посвящены первые 6 степеней СК. Памятник дошел более чем в 130 списках², из которых три — Волковский (Волк.)³, Томский (Томск.)⁴ и Чудовский⁵ (Чуд.; издан лишь Чуд. в виде разночтений) датируются временем близким написанию СК (1560-е гг.). При этом, как установил А. В. Сиренов, Томск. и Чуд. восходят к Волк., который таким образом является древнейшим дошедшим списком памятника⁶.

² Подробнее о рукописной традиции СК см.: *Серов Д. О.* Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1716–1718 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1991; *Покровский Н. Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 3–43; *Сиренов А. В.* О месте так называемого третьего типа списков истории текста Степенной книги // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Сб. в честь В. К. Зиборова.* СПб., 1997. С. 59–66; *Он же.* Степенная книга редакции Ионы Думина // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность.* СПб., 2000. Вып. 3: Редактор и текст. С. 256–304; *Он же.* Степенная книга как исторический источник (редакции XVI — начала XVII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; *Он же.* Краткая редакция Степенной книги // *Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии.* СПб., 2004. С. 112–144.

³ Ф. 181. № 185 (далее при цитировании шифр рукописи указываться не будет). Волк. введен в научный оборот А. В. Сиреновым (*Сиренов А. В.* О Волковском списке Степенной книги // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность.* СПб., 2001. Вып. 4. С. 246–303).

⁴ Томский областной краеведческий музей. № 7903/2 (далее при цитировании шифр рукописи указываться не будет). Томск. был введен в научный оборот и описан Н. Н. Покровским, который установил его кодикологическое родство с Чуд. (*Покровский Н. Н.* Томский список. С. 3–43).

⁵ Собрание Чудова монастыря. № 56/358 (далее при цитировании шифр рукописи указываться не будет). Чуд. был введен в научный оборот И. М. Снегиревым (*Снегирев И. М.* Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы с древнейших видов и планов древней столицы. М., 1842–1845).

⁶ Подробнее см.: *Сиренов А. В.* О Волковском списке. С. 246–303.

Относительно уникальных известий СК высказывались взаимоисключающие друг друга суждения. Согласно мнению одних исследователей, появление уникальных известий в памятнике обуславливалось тем, что ее создателю были доступны источники, которые были утрачены впоследствии. Так, внимание Б. А. Рыбакова привлекли рассказы о войнах Руси с персидским царем Хосроем и ее походах на Балканы (8 гл. 1 ст.). Историк выдвинул предположение о том, что в этом известии были отражены события борьбы Германариха с «вероломными росомонами» в период близкий к правлению Феодосия Великого. Касаясь вопроса о достоверности рассказа СК о походах Руси против Хосроя, Б. А. Рыбаков считал возможным поставить их в связь с описанными арабскими авторами X в. ат-Табари и ал-Балазури походами Руси 630–640-х гг. Признавая гипотетический характер своих предположений, историк отмечал, что данные известия СК «нельзя назвать совершенно фантастическими — зерно истины есть в каждом из них; нам только не ясны источники этих сведений о русах IV–VII вв.». Единственной причиной попадания этих данных в СК исследователь считал то, что «историки школы Макария подняли разные ценные источники, исчезнувшие, к сожалению, впоследствии»⁷. Склонен был доверять уникальным известиям СК и И. У. Будовниц. Так, согласно его мнению, СК наряду с Никоновской летописью (Ник.) сохранила известия ранних источников (в качестве примера историк приводил известие о согрешившем и раскаявшемся иноке Адриане)⁸.

Однако в целом в историографии достоверность сообщаемых СК известий оценивалась крайне низко. Как отмечали исследователи, в угоду политической конъюнктуры автор⁹ памятника нередко искажал факты, домысливая те или иные известия¹⁰. Согласно ши-

⁷ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 162. Также см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 350.

⁸ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 259.

⁹ В настоящей работе мы будем использовать термин «автор», понимая всю условность этого понятия применительно к такому компилятивному памятнику, как СК.

¹⁰ Например, см.: Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический

роко распространенному мнению, другой причиной появления в СК известий, которые не находят соответствия в других источниках, являлось проникновение сознательного вымысла в русскую литературу XVI в.¹¹ Так, Я. С. Лурье указывал на то, что автор СК, не довольствуясь материалом своих источников, «создавал новые рассказы, отсутствующие в летописных источниках памятника»¹². Своего рода обобщением высказываемых в историографии мнений относительно методов работы автора СК является их оценка Ю. Корпела. Кратко характеризуя приемы работы книжника, исследователь отметил, что произведение создавалось путем «пропуска, измышления и украшения фактов». Это в свою очередь привело к «полной ревизии истории восточнославянских племен» в памятнике¹³.

Решить вопрос о том, являлись ли уникальные известия СК плодом воображения ее автора или результатом заимствований из предшествующих ей памятников, можно лишь на основании сравнительного анализа текста произведения с сообщениями его источников. Вместе с тем приходится признать, что исследование источников СК является одним из наименее изученных мест в историографии памятника.

Необходимость рассмотрения СК в контексте рассмотрения известий ее источников отмечалась уже в XIX в. Так, М. А. Дьяконов указал на сходство ряда мест СК с Ник., Воскресенской летописью (Воскр.), Софийской первой летописи младшего извода (СП), Житием

отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 64–70; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 20; Он же. Россия Древняя и Россия Новая (Избранное). СПб., 1997. С. 41.

¹¹ Например, см.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 98–100; Он же. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1998. С. 122–123 (цит. по последнему изданию); Истоки русской беллетристики (возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе) / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 426–427 (раздел написан Я. С. Лурье).

¹² Истоки русской беллетристики. С. 426–427.

¹³ Korpela J. Prince, Saint and Apostol: Prince Vladimir Svjatoslavic of Kiev, his Posthumous Life and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001. P. 195.

Александра Невского, посланием Вассиана Рыло на Угру, помещенным в ВМЧ Похвальным словом Михаилу Черниговскому Льва Филолога¹⁴. На близость СК с Ник. и Воскр. обращал внимание и В. Сокольский¹⁵. Использование в СК ряда житий (Ольги, Владимира, Бориса, Глеба, Александра Невского и др.) отмечали П. Г. Васенко, В. Мансикка, Н. И. Серебрянский¹⁶. В ряде работ XIX — начала XX в. рассмотрение состава СК ограничивалось перечнем названий степеней и глав и их кратким пересказом¹⁷. При этом отмечались параллели СК

¹⁴ Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 50. Прим. 2. С. 57. Прим. 5. С. 66. Прим. 1. С. 74. Прим. 1.

¹⁵ Сокольский В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. (исследование по памятникам древнерусской письменности конца XV и первой половины XVI в.). Киев, 1902. С. 112. Прим. 4.

¹⁶ Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия». С. 161–163, 234–235 и др.; Мансикка В. Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). М., 1913. С. 143–165; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 40–41, 98, 131–132 и др.

¹⁷ Поленов Д. В. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850. С. 42–49; Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный памятник: Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902. С. 26–144; Васенко П. Г. Составные части книги Степенной царского родословия. СПб., 1908. С. 10–51. Приведем один из наиболее показательных примеров характеристики состава СК. П. Г. Васенко 1–7 гл. 2 ст. характеризует следующим образом: «Главная часть второй степени, посвященная биографии князя Ярослава Мудрого, обнимает первые 7 глав ее (300–306 лл. списка М). Начинается биография словами: „Иже Божиимъ благоволениемъ просвещеннаго благочестиемъ святаго корени многорасленная вѣтвь и доброплодная и Богу благопотребная, сий благовѣрный и богохранимый великий князь Ярославъ, нареченный во святомъ крещении Георгій, иже толкуется сие имя — Божие дѣло... вторый степень благочестію...“ Конец биографии таков: „и принесше, вложиша его въ раку мраморяну. Священный же ликъ отпѣвше надъ нимъ, яко же обычай обдержити и погребоша его честно в церкви святыхъ Софій“» (Васенко П. Г. Составные части книги Степенной. С. 18–19). В приведенном фрагменте отсутствует указание на источники 2 ст., особенности их редактирования и т. д. Осознавая ограниченность подоб-

с теми или иными памятниками, однако зачастую отсутствовали выводы об ее источниках¹⁸. В 1950-е гг. комплексное исследование источников СК начал В. В. Кусков, показав систематическое использование в ней Ник., Воскр., СІ, а также ряда агиографических произведений¹⁹. Однако начатое им изучение источников СК за редким исключением²⁰ осталось неизвестно широкому кругу специалистов в области русской средневековой книжности. Это приводило, с одной стороны, к невольному повторению некоторых выводов В. В. Кускова²¹, с другой — исследователи, не зная о результатах его работы, приписывали перу автора СК целый ряд содержащихся в его источниках известий²².

ного подхода к изучению состава СК, исследователи оценивали свои труды лишь как первые шаги («вступления») на пути изучения ее источников (Державин Н. С. «Степенная книга». С. IV; Васенко П. Г. Составные части книги Степенной. С. 9. Прим. 3).

¹⁸ Подробнее см.: Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1951. С. 54–59.

¹⁹ Там же. С. 79–316.

²⁰ Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 225. Прим. 2–3; Он же. Повести в сборнике XVI в. Рогожского собрания // Зап. ОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 186. Прим. 2; Он же. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 87. Прим. 87; Безунов Ю. К. Следы «Слова о погибели Рускыя земли» в Степенной книге // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 116. Прим. 1; Miller D. The Velikie Minei Chetii and the Stepennaia kniga of Metropolitan Macarii and the Origins of Russian National Consciousness // FOG. 1979. Bd. 26. S. 315. Fus. 7; S. 316. Fus. 22, S. 345. Fus. 199; Неберекутина Е. В. Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 131–134, 148–152; Lenhoff G. Novgorod's Znamenie. Legend in Moscow's Stenennaia kniga // Московская Русь: Специфика развития. Budapest, 2003. P. 176. Note. 7; P. 180. Note. 27.

²¹ Например, указания Б. М. Клосса и Я. С. Лурье на Ник. как основной источник СК: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 193; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 20; Он же. Россия Древняя и Россия Новая. С. 33. Стемма.

²² Так, Д. С. Лихачев (Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 100) плодом творчества автора СК считал фрагменты из 9 гл. 5 ст., источником которой, как указал В. В. Кусков (Кусков В. В. Степен-

Сходную с В. В. Кусковым работу, не зная о его диссертации, спустя почти три десятилетия провел американский историк В. Барнетт²³. Свое изучение СК В. Барнетт, также как и В. В. Кусков, построил в форме комментирования ее текста. В целом, плохо знакомый с историографией памятника (кроме диссертации В. В. Кускова ему были неизвестны работы Н. С. Державина, Н. И. Серебрянского, А. И. Соболевского, А. А. Зимина и др.), он фактически ограничился приведением параллельных текстов СК и ее уже известных источников. В то же время В. Барнетт сделал ряд ценных наблюдений. К их числу относятся: указание на случаи заимствования в СК из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона²⁴, интересное предположение об использовании в 15 гл. 1 ст. СК Стоглава²⁵, а также установление связи между рассказом Киево-Печерского патерика о Николае Святоше с повествующей об этом князе 11 гл. 3 ст.²⁶. Не будучи опубликованной, диссертация В. Барнетта осталась неизвестной исследователям СК²⁷.

В последние десятилетия И. В. Курукин и Б. М. Клосс²⁸ обнаружили ряд списков пространной редакции Жития Ольги, которая

ная книга. С. 126–128), послужило Житие Всеволода Псковского.

²³ *Barnette W. Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development. Ph. D. diss. Nashville, 1979. P. 4.* Автор настоящей работы выражает признательность Г. Ленхофф за предоставление копии этой диссертации.

²⁴ *Barnette W. Stepennaja kniga. P. 72–73, 155–156.* В этом вопросе В. Барнетт развил высказанные ранее (*Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 439*) соображения относительно использования данного сочинения митрополита Илариона в помещенном в СК Житии Ольги.

²⁵ *Barnette W. Stepennaja kniga. P. 66.*

²⁶ *Ibid. P. 163.*

²⁷ Единственное известное автору настоящей работы упоминание диссертации В. Барнетта содержится в монографии А. Л. Хорошкевич (*Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 31. Прим. 8*).

²⁸ *Курукин И. В. Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории: Сб. ст. М., 1978. С. 51–60; Он же. Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 116; Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 262.*

целиком вошла в СК²⁹. После этого появились веские основания пересмотреть некоторые устоявшиеся в историографии оценки, так как отмеченные в литературе идейные, стилистические и другие черты Жития содержались не в СК, а в ее источнике. Это побуждает к пересмотру основанных на этом материале выводов. За истекшее после написания работы В. В. Кускова время был определен и ряд других источников известий СК, которые этот исследователь считал неизвестными, — славяно-русский перевод «Окружного послания» патриарха Фотия³⁰, Чудеса Дмитрия Солунского (8 гл. 1 ст.)³¹, Поучение митрополита Фотия Василию Дмитриевичу (8 гл. 1 ст.)³², «Слово о князьях» (10 гл. 3 ст.)³³, Иерусалимский патерик (75 гл. 1 ст.)³⁴ и др. Ряд замечаний относительно источников СК по истории XV–XVI вв. сделал Я. С. Лурье, указав на использование в памятнике «Словес избранных» и «Просветителя» Иосифа Волоцкого³⁵, а также А. А. Зимин, который обнаружил и опубликовал источники помещенных в СК Повестей о нашествии Магмет-Гирея

²⁹ На связь пространной редакции Жития Ольги с СК указывали и ранее Д. И. Абрамович и А. И. Соболевский. Однако это замечание осталось неизвестным исследователям СК (*Абрамович Д. И.* Описание рукописей С.-Петербургской Духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. С. 138; *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой // ИОРЯС. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 197).

³⁰ Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека (неизданные тексты). Л., 1984. С. 85. Прим. 18.

³¹ Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их отбор и использование) // Славяне и их соседи: Миф и история: Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени (Тез. 15 конф. памяти В. Д. Королюка). М., 1996. С. 48.

³² Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 186–187.

³³ Линдеберг О. А. «Слово о князьях» (проблема соотношения списков) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 3–13.

³⁴ На связь фрагмента 75 гл. с Иерусалимским патериком указал В. Федер. Цит. по: *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja kniga» // *Die Welt der Slaven*. XLVI. 2001. S. 323. Fus. 21.

³⁵ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 133–134, 208–209.

в 1521 г. (16 гл. 16 ст.) и о московском пожаре 1547 г. (9 гл. 17 ст.)³⁶. Несмотря на то что до сих пор происхождение целого ряда известий СК по древнейшему периоду остается неясным³⁷, эти исследования, с одной стороны, расширили представления о круге источников создателя СК, а также частично о методах его работы с ними, с другой — сделали возможным комплексное изучение текста памятника на основе сравнительного анализа помещенных в нем известий с данными его источников. В настоящей работе будет предпринята попытка прояснить вопрос о появлении целого ряда известий, источники которых по сей день остаются неизвестными.

Рассматривая помещенное в СК Житие Ольги, З. А. Гриценко скептически отнеслась к самой возможности восстановления состава источников произведения. Исследовательница, отметив «широкую осведомленность автора в летописном и агиографическом наследии его предшественников», указала на то, что «трудно найти какой-то конкретный источник для Степенной книги»³⁸. Возможно ли вообще определить источники такого компилятивного памятника, как СК?

Отмеченная Д. С. Лихачевым определенная близость СК к летописям дает основания воспользоваться разработанной А. А. Шахматовым методикой текстологического анализа летописей, которая в концентрированном виде изложена Д. С. Лихачевым³⁹. Основу текстологической работы с летописями и близкими к ним произведениями составляет сличение текстов. При этом на первый план выступает анализ не разночтений в узком смысле этого слова, а

³⁶ Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги. С. 225–230; Он же. Повести в сборнике XVI в. Рогожского собрания. С. 186–204.

³⁷ Вводная статья «Царские советники», чудо о спустившейся с неба к Владимиру руке при его крещении (29 гл. 1 ст.), поучение этого князя сыновьям (42 гл. 1 ст.), описание покровительства церкви князьями и княгинями (58 гл. 1 ст.), подробности преставления и погребения Владимира, а также посмертные похвалы ему (69, 79, 72 гл. 1 ст.), рассказ о казни Кучковичей Михаилом и Всеволодом Юрьевичами (4–5 гл., 14 тит. 12 гл. 6 ст.) и др.

³⁸ Гриценко З. А. Литературные памятники о княгине Ольге XII–XVII вв. (история текста, становление жанров, стиль): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 116.

³⁹ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001. С. 347–393.

рассмотрение состава памятника. Анализ орфографических разночтений при этом вторичен — после проведения сравнения состава текста он может служить дополнительным материалом для проверки и уточнения выводов, полученных при сопоставлении. Кроме того, значение анализа разночтений в процессе определения источников СК снижается отмеченной Е. Е. Голубинским особенностью работы ее автора с летописным материалом. Историк справедливо указал на то, что создатель СК в целом ряде случаев стремился не к «дословному воспроизведению» летописных записей, а к их «более или менее свободному изложению»⁴⁰. Поэтому в основу изучения источников СК будет положен сравнительный анализ содержания ее текста с известиями наиболее близких к ней памятников.

При подобном исследовании важно очертить круг привлекаемых к сопоставлению произведений. А. А. Шахматов, отметив, что «замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение», указал на то, что «единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический»⁴¹, сличение изучаемого текста с целым рядом наиболее близких к нему сочинений. Это побуждает предельно расширить круг сравниваемых с СК произведений за счет включения в него крупнейших летописных, агиографических и других предшествующих и современных ей памятников. О каких именно произведениях может идти речь?

Как уже отмечалось выше, большое значение для изучения источников СК имеет работа В. В. Кускова, который, обобщив опыт предшествующей историографии, указал на использование в СК Ник. и Воскр., которые он определил как основные источники памятника⁴². Кроме того, исследователь сделал вывод об использова-

⁴⁰ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1997. Т. 2. Вторая половина. С. 194.

⁴¹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 118.

⁴² Случаи близости этих памятников отметил еще Н. С. Державин (Державин Н. С. «Степенная книга», С. 26–144). Исследователь отмечал (С. 22), что СК, то повторяя Ник и Воскр. «почти дословно, то давая их в

нии в СК СИ и ряда агиографических произведений (Киево-Печерского патерика, Житий Владимира, Ефросинии Полоцкой, Никиты Переяславского, Леонтия Ростовского, Всеволода Псковского, Сказания и Чтения о Борисе и Глебе, «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, «Слова о знамении святыи Богородици», «Сказания об иконе Владимирской Богоматери»⁴³), на близость которых к тексту памятника указывали его предшественники⁴⁴. В последующих работах была отмечена связь СК со «Словом о князьях» (О. А. Линдеберг⁴⁵) и «Словом о законе и благодати» (В. Барнетт⁴⁶). Кроме того, представляется необходимым сличить текст СК с другими современными и предшествующими ей памятниками (сочинениями Максима Грека, Иосифа Волоцкого, И. С. Пересветова, Казанской историей, циклом памятников, образующих Сказание о князьях Владимирских, Чином венчания, Домостроем, памятниками церковного права и др.). В ряде случаев будут привлекаться произведения переводной литературы. Изучение источников СК в значительной мере стало возможным благодаря появлению специально посвященных этим сочинениям («Сказание о знамении» новгородской богородичной иконы⁴⁷, «Ска-

более или менее распространенных редакциях», восходит к общему с ними источнику. Это мнение Н. С. Державина основывалось на предположении А. А. Шахматова (*Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 75–79*) о восхождении СК, Ник. и Воскр. к полихрону митрополита Фотия 1423 г.

⁴³ Кусков В. В. Степенная книга. С. 297–304.

⁴⁴ Дьяконов М. А. Власть московских государей. С. 50. Прим. 2. С. 57. Прим. 5. С. 66. Прим. 1. С. 74. Прим. 1; Сокольский В. Участие. С. 112. Прим. 4; Державин Н. С. «Степенная книга». С. 22, 30, 33, 42–43; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия». С. 161–163, 234–235; Мансикка В. Житие Александра Невского. С. 143–165; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 40–41, 98, 131–132.

⁴⁵ Линдеберг О. А. «Слово о князьях». С. 3–13.

⁴⁶ Barnette W. *Stepennaja kniga*. P. 72–73, 155–156. А. В. Сиренов (см.: Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 262–263) уточнил, что в СК была использована третья редакция «Слова».

⁴⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. (Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний). Л., 1973. С. 138–140; Lenthoff G. *Novgorod's Znamenie Legend in Moscow's Stenennaja kniga*. P. 175–182.

вание об иконе Владимирской Богоматери»⁴⁸, Житие Ефросинии Полоцкой⁴⁹ и т. д.) исследований, написанных после работы В. В. Кускова. Сличение вышеприведенных произведений с СК будет проводиться: 1) путем поиска текстуальных параллелей; 2) посредством выявления тематической близости. Кроме того, в настоящей работе будет развита предложенная В. В. Кусковым⁵⁰

⁴⁸ *Ebbinghaus A.* Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Wiesbaden, 1990; *Гребенюк В. П.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997; Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери (вступ. ст. и публ. В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой) // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 476–509; *Lenhoff G.* The Tail of Tamerlane in the Royal Book of Degrees // The place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 122–129; *Idem.* Temir Aksak's Dream of the Virgin as Protectress of Muscovy // Die Welt der Slaven. 2004. XLIX. S. 39–64.

⁴⁹ *Мельников А. А.* Литературная история агиографической повести о Ефросинии Полоцкой (на материале рукописей XVI–XVIII вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1989.

⁵⁰ Предшественники В. В. Кускова лишь отмечали близость тех или иных памятников к СК. Так, Н. С. Державин, который выявил основные источники СК по древнерусскому периоду — Житие Ольги, «Память и похвалу» Иакова Мниха, Ник., Воскр. и т. д. — при изучении особенностей представления событий русской истории в произведении ограничивался указаниями на то, что то или иное известие «более распространено», «распространено добавлением некоторых отдельных слов и выражений», представляет «более пространную редакцию» в сравнении с Ник. и другими произведениями. Лишь относительно рассказа об учреждении десятины Н. С. Державин позволил себе полувопрос-полупредположение: «Не стоит ли это в связи с обсуждением тех же вопросов на соборах при Иоанне IV?» (этот вопрос в работе так и остался без ответа). Данный подход был характерен не только для историков начала XX в. Так, В. Барнетт, справедливо указывая на использование в 11 гл. 3 ст. фрагмента Киево-Печерского патерика, отмечает, что он был «немного сокращен». Аналогичным образом исследователь характеризует и известие о последовавшей за ослеплением Василька Теребовльского усадьбе, описание которой «сокращено до максимума». Ответ на вопрос о том, какие именно известия и с какой целью были пропущены, работа В. Барнетта не дает. См.: *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 65, 67–68; *Barnette W.* Stepenная kniga. P. 163–164.

методика сравнительного анализа текста СК и ее источников, суть которой заключается в попытке выявления особенностей редактирования вошедших в СК фрагментов ее источников, а также в установлении их связи со взглядами книжника макарьевского круга на прошлое и настоящее. В работе данная методика будет применена к тем памятникам, которые В. В. Кусков и другие исследователи с СК не связывали.

В настоящей работе будут рассматриваться известия по истории Древней Руси, которые содержатся в Житии Ольги и 1–6 ст. СК. Хронографические известия (сообщения о крещении болгар и венгров в 10 и 68 гл. 1 ст. и т. д.) специально рассматриваться не будут. В ряде случаев для того, чтобы составить более полное представление о возможных источниках СК, будет привлекаться материал, который выходит за рамки ее исследуемой части. Работа будет основана на тексте СК, изданном в 1908–1913 гг. в серии ПСРЛ (Т. 21. Ч. 1–2⁵¹; ссылки по возможности будут производиться на чтения Чуд. древнейшего из привлеченных к изданию списков). В случае необходимости наряду с публикацией будут привлекаться чтения Волк. и Томск. (подобные случаи будут всегда оговариваться).

Как отмечалось в историографии, источники СК отличаются разнородностью. Среди источников памятника выделяют памятники летописания, агиографии и ораторского красноречия, а также иные произведения. Для удобства изложения материала источники СК будут рассматриваться по группам.

Летописи

В качестве основных источников СК В. В. Кусков выделил Ник. и Воскр. Сравнение текста памятника с этими и другими летописными сводами дает основания согласиться с выводом В. В. Кускова. Однако относительно источников целого ряда известий СК мнение исследователя требует уточнений, а в ряде случаев и пересмотра. Рассмотрим связи СК с Ник. и Воскр.

⁵¹ Для удобства при ссылках на издание 1908–1913 гг. будет приводиться сокращенное название памятника и номер страницы (нумерация обеих частей Т. 21 ПСРЛ сплошная).

Сопоставление произведений дает возможность отметить ряд ускользнувших от внимания В. В. Кускова вставок из этих летописных сводов. Так, в основанный на фрагменте из пространной редакции Жития Ольги рассказ о позорных ловитвах в 1 ст. сделан ряд летописных вставок. В. В. Кусков справедливо связал с летописными источниками памятника известие о спадении змия с неба во время охоты Всеволода Ярославича в 17 гл.⁵² К числу летописных дополнений также может быть отнесено сообщение о Мстиславе Владимировиче — в этой же главе книжник, кратко упомянув о славной победе князя над Редедей, а также дав описание тмутороканского князя, указывает на то, что он скончался от начавшейся на охоте болезни⁵³.

Н. С. Державин и В. В. Кусков отметили связь с Житием Леонтия Ростовского 53 гл. 1 ст., которая повествует о возникновении церковной организации в Ростовской земле⁵⁴. Однако есть основания полагать, что в этом рассказе также был использован и летописный материал. В начале главы сообщается о строительстве дубовой Успенской церкви в Ростове. Это известие наибольшую близость обнаруживает к записи Воскр. под 6499 г.⁵⁵ Источником следующего затем краткого рассказа об обретении мощей Леонтия Ростовского после пожара в Ростове при Андрее Боголюбском, как отметил В. Барнетт, послужила запись Ник. под 6670 г.⁵⁶

Рассмотрение текста 60 гл. 1 ст. дает основания полагать, что ее источники не ограничивались «Памятью и похвалой», на использование которой справедливо указали Н. С. Державин и В. В. Кусков⁵⁷. Источником основной части главы являлся содержащийся в летописной статье под 6504 г. рассказ о нищелюбии и щедрости Владимира. Указание на Русскую «державу», о благе которой киевский князь думал вместе со своей дружиной, дает осно-

⁵² Кусков В. В. Степенная книга. С. 95.

⁵³ Ср.: СК. С. 68; ПСРЛ. Т. 9. С. 79; Т. 7. С. 330.

⁵⁴ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 67; Кусков В. В. Степенная книга. С. 104.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 7. С. 313–314.

⁵⁶ СК. С. 115; ПСРЛ. Т. 9. С. 230; Barnette W. Stepenная kniga. P. 70.

⁵⁷ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 68; Кусков В. В. Степенная книга. С. 104.

вания связать этот фрагмент с Ник. (в прочих сводах упоминание «державы» в этом рассказе отсутствует)⁵⁸.

Может быть уточнен и источник ряда известий, которые В. В. Кусков связывал как с Ник., так и с Воскр. Целый ряд подобных известий может быть отнесен к Ник. Так, анализ текста свидетельства о поставлении Илариона на русскую митрополию (4 гл. 2 ст.), которое В. В. Кусков связал с Ник. и Воскр.⁵⁹, убеждает в большей близости этого известия к записи Ник. под 6559 г. На это указывает упоминание в СК того, что митрополит был поставлен «совѣтомъ» русских епископов и Ярослава Владимировича (в Ник. «свѣщавше»⁶⁰; в прочих сводах указание на «совет» киевского князя с русскими епископами при избрании Илариона отсутствует). Большую близость к Ник. обнаруживает и известие о преставлении Владимира Мономаха в 9 гл. 4 ст., которое В. В. Кусков связал с Ник. и Воскр.⁶¹. В СК вслед за сообщением о преставлении киевского князя следует перечень его сыновей, содержащийся лишь в записи Ник. под 6633 г., которая, по всей видимости, и явилась источником этого рассказа⁶². 2 гл. 6 ст. В. В. Кусков соотнес с Воскр.⁶³. Однако отнюдь не весь текст главы может быть возведен к этому памятнику. Так, известие о разграблении имущества Юрия Владимировича после его смерти и заточении его дружины в темницы обнаруживает связь с Ник. Если Воскр., повествуя о разграблении и избиении суздальцев, не содержит указания на их заключение в темницы, то СК сообщает о том, что после смерти Юрия Долгорукого «многихъ вельможъ юзамъ и темницамъ предаде» (в Ник. «овѣхъ оковы желѣзными связа, а другихъ въ темницы всади»)⁶⁴.

Также может быть пополнен и перечень возводимых к Воскр. известий. Так, требуют уточнения источники 28 гл. 1 ст., которая

⁵⁸ Ср.: «...дръжавъ Русской и о всемъ земскомъ устроении» в Ник. и «...державъ Русьстей и о всякомъ земскомъ благоустроении» в СК. См.: СК. С. 122; ПСРЛ. Т. 9. С. 67.

⁵⁹ Кусков В. В. Степенная книга. С. 113.

⁶⁰ СК. С. 170; ПСРЛ. Т. 9. С. 83.

⁶¹ Кусков В. В. Степенная книга. С. 122.

⁶² СК. С. 189; ПСРЛ. Т. 9. С. 152–153.

⁶³ Кусков В. В. Степенная книга. С. 130.

⁶⁴ СК. С. 222; ПСРЛ. Т. 9. С. 208.

сообщает о решении Владимира креститься и его походе на Корсунь. В. В. Кусков справедливо указал на связь этой главы с Ник.⁶⁵. Однако результаты сличения текстов дают основания говорить об использовании и другого источника. Сообщая об ответе бояр Владимиру на его предложение креститься, создатель СК указывает — «и вси, единомудрено отвѣщавше, глаголаша ему: „никто же противень благому совѣту царскаго твоего повелѣния; идѣже тебѣ государю любезно, и мы последуемъ воли твоей“»⁶⁶. Обращает на себя внимание указание «идѣже тебѣ государю любезно». В Ник. отсутствует подобное обращение («гдѣ ти любо»⁶⁷). Вставку этого обращения можно было бы отнести на счет характерного для автора СК стремления к поднятию статуса древнерусского князя в памятнике эпохи первого русского царя, если бы не одно обстоятельство — сходное обращение содержит Воскр. («гдѣ, господине, любо»⁶⁸). Это дает основания полагать, что, располагая различными летописными записями, книжник предпочел версию Воскр., которая содержала, очевидно, наиболее подходящее, согласно мнению автора СК, обращение к киевскому князю. Рассказ о взятии Корсуни также наряду с Ник., на использование которой справедливо указал В. В. Кусков⁶⁹, обнаруживает близость и к Воскр. Так, если первая сообщает о том, что Владимир пригрозил непокорным корсунцам стоять «много лѣта» под градом; то 28 гл. 1 ст. сообщает о трех годах. В Ник. также отсутствует содержащееся в СК указание на то, что «боряхуся крѣпко гражане». Обе эти детали содержит Воскр.⁷⁰, которая, очевидно, и явилась источником этих дополнений.

Воскр., вероятно, была использована и в повествующей о крещении Владимира 29 гл. 1 ст., которую В. В. Кусков также связывал исключительно с Ник.⁷¹. Так, если целый ряд деталей этого рассказа в СК — уточнение генеалогии византийских императоров Василия и Романа («внучата Константина царя Багрянороднаго», «правнучата

⁶⁵ Кусков В. В. Степенная книга. С. 98, 100.

⁶⁶ СК. С. 92.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 53.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 7. С. 307.

⁶⁹ Кусков В. В. Степенная книга. С. 98.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 7. С. 307.

⁷¹ Кусков В. В. Степенная книга. С. 98.

Лва премудраго»), указание на то, что византийские василевсы «оскорбишася» предложением Владимира относительно брачного союза, сообщение о стремлении императоров сделать киевского князя «единомысленным» себе посредством крещения⁷² — свидетельствуют о его связи с Ник., то указание на угрозу Владимира захватить прочие греческие города «якоже» Корсунь, описание прихода царевны Анны в Корсунь, а также ряд деталей крещения (отсутствующее в Ник. упоминание «оглашения» Владимира при крещении, а также чтение «возложи на нь руку») свидетельствуют о близости 29 гл. также и к Воскр.⁷³

Связь с Воскр. обнаруживает и повествующая о крещении в Киеве 38 гл. 1 ст. В ней содержится целый ряд подробностей, отсутствующих в Ник., которую В. В. Кусков⁷⁴ определил в качестве источника этой главы, — речь киевлян («аще бы се не добро было...»), описание радости на земле и на небесах, а также известие о рыдании дьявола. Эти подробности содержит Воскр.⁷⁵, которую, по всей видимости, автор СК и привлек для дополнения текста Ник. Вероятно, Воскр. послужила и источником добавлений в 61 гл. 1 ст. («Брань с печенѣги у града Василева и поставление церкви Преображения Господня»), которая, как справедливо указал В. В. Кусков, основана на записи Ник. под 6506 г.⁷⁶ Из Воскр. могли быть почерпнуты отсутствующие в Ник. известия о праздновании победы и о славном возвращении Владимира в Киев⁷⁷. Очевидно, аналогична роль Воскр. и в 66 гл. 1 ст. («Избавление Белграда отъ печенѣгъ»), в основу которой также положена Ник.⁷⁸ Из Воскр. была почерпнута отсутствующая в Ник., подробность — указание на количество (10) печенежских послов⁷⁹.

Сказанное выше, как видим, уточняет и развивает основной вывод В. В. Кускова о том, что Ник. и Воскр. были основными ис-

⁷² СК. С. 93–94; ПСРЛ. Т. 9. С. 53–54.

⁷³ ПСРЛ. Т. 7. С. 308.

⁷⁴ Кусков В. В. Степенная книга. С. 99.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 7. С. 311.

⁷⁶ СК. С. 122; ПСРЛ. Т. 9. С. 66; Кусков В. В. Степенная книга. С. 104.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 7. С. 315.

⁷⁸ СК. С. 126–127; ПСРЛ. Т. 9. С. 67–68; Кусков В. В. Степенная книга. С. 104.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 7. С. 317.

точниками СК. Однако не все летописные известия могут быть возведены к этим памятникам — в СК есть целая группа известий, которые наибольшую близость обнаруживают к другим летописным сводам. Так, результаты текстологического анализа не позволяют возвести рассказ о походе Олега на Царьград (4 гл. 1 ст.) к Ник. и Воскр. В СК содержатся чтения «и поидоша въ кораблихъ ко граду по суху»⁸⁰, «оступиша Царьградъ» и «препяша чепь». Первые два чтения в Ник. и Воскр. отсутствуют, третье в этих сводах читается как «замкоша сосудъ» (в Воскр. «съсудъ»). Наибольшую близость к данному рассказу СК обнаруживают Своды 1497 и 1518 гг. (С1497, С1518), которые дают сходные чтения («и поидоша в кораблих ко граду по суху», «оступиша Царьград» (в С1497 «Царьгород»), «препяша чеп»)⁸¹.

К этим сводам обнаруживает близость и повествующая о Святославе Игоревиче 5 гл. 1 ст. Так, в ней содержится целый ряд чтений, которые отсутствуют в Ник. и Воскр.:

С1497 ⁸²	С1518 ⁸³	Ник. ⁸⁴	Воскр. ⁸⁵	СК ⁸⁶
«на оуголии печаше»	«на оугольи и печаше»	«на углехъ испекъ»	«на углѣхъ испекъ»	«на углии печаше»
«спаше же на воилоцѣ»	«спаше же на воилоцѣ»	«войлокъ»	—	«спаше же на воилоцѣ»
«велику дань»	«велику дань»	—	—	«дань велику»

Автор СК объединил в этой главе материал двух летописных записей, соединив известия о походах 6475 и 6678 гг. в единый рассказ, прославляющий храбрость Святослава. Представленный

⁸⁰ СК. С. 61. Чуд. содержит чтение «...по сухоу къ граду». Однако древнейший список СК — Волк. (Л. 107) — дает приведенный выше вариант.

⁸¹ СК. С. 61; ПСРЛ. Т. 28. С. 14, 168; Т. 9. С. 18; Т. 7. С. 272.

⁸² ПСРЛ. Т. 28. С. 15.

⁸³ Там же. С. 169.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 31.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 7. С. 287.

⁸⁶ СК. С. 62.

выше материал позволяет предположить, что в 5 гл. книжник воспользовался дополнительным летописным источником, близким к С1497 и С1518. Невозможность возведения содержащихся в этих главах известий к Ник. и Воскр. была очевидна крупнейшим исследователям источников СК. Так, содержащийся в 5 гл. портрет Святослава Н. С. Державин определил как «своеобразную редакцию» летописной характеристики этого князя, которая отсутствует в летописных сводах⁸⁷ (на момент написания работы Н. С. Державина С1518 еще не был издан, а С1497 неизвестен науке). Вероятно, понимая невозможность отнесения известий 4–5 гл. лишь к Ник. и Воскр., В. В. Кусков отметил, что эти главы представляют собой сокращение из записей «Воскресенской, Никоновской и других [выделено мною. — А. У.] летописей»⁸⁸.

Сравнение ряда чтений в 7 гл. 1 ст. («Имена областямъ рускимъ») с предшествующими СК памятниками также дает основания отметить ее близость к С1497 и С1518. В пользу этого говорит указание в 7 гл. и этих памятниках на Ростовскую «землю», упоминание «неровы», а также совпадение чтений «лутичи», «велынцы» (в С1518 «волынцы») — в Ник. и Воскр. содержится указание на Ростовское «озеро», упоминание «неровы» отсутствует, их текст дает чтения «наутицы» (Ник.) и «лутицы» (Воскр.), «волыняне»⁸⁹.

С1497 и С1518 обнаруживают близость и к двум другим известиям. Первым является рассказ о приходе на Русь митрополита Иоанна, который содержится в заключительной части 2 гл. 5 ст. Анализ этого известия не позволяет вслед за В. В. Кусковым⁹⁰ связать его с Ник., в которой отсутствует целый ряд подробностей этого события (указание на нежелание Ростислава Мстиславича принять Иоанна, посольство византийского императора к нему с дарами и последующее принятие киевским князем митрополита).

⁸⁷ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 51.

⁸⁸ Кусков В. В. Степенная книга. С. 92. Очевидно, опубликованные лишь в 1963 г. (ПСРЛ. Т. 28) С1497 и С1518 (С1518 был издан ранее (ПСРЛ. Т. 23), однако лишь в виде разночтений к Ермолинской летописи; Ерм.) были неизвестны В. В. Кускову.

⁸⁹ СК. С. 63; ПСРЛ. Т. 28. С. 13, 167; Т. 9. С. 4–5; Т. 7. С. 263–264.

⁹⁰ Кусков В. В. Степенная книга. С. 123.

Данные детали наряду с Ерм., Тверской, Холмогорской и Львовской летописями (Тв., Холм., Львов.) содержат С1497 и С1518⁹¹.

Другим известием, также возводимым к источнику, близкому к С1497 и С1518, является сообщение о небесном знамении 6694 г. в 8 гл. 6 ст.⁹², которое В. В. Кусков справедливо связывал с Воскр.⁹³ Однако от внимания исследователя ускользнула одна деталь, которая позволяет выдвинуть предположение об использовании в этом рассказе дополнительного источника. Это указание на время события. СК сообщает о том, что оно произошло «въ часъ 11» (в Воскр. указание на час знамения отсутствует). Этим же⁹⁴ временем затмение датируют Ерм., С1497, С1518, Тв. и Львов, которые повествуют о том, что знамение имело место «въ 11 часъ дне»⁹⁵.

⁹¹ СК. С. 222; ПСРЛ. Т. 23. С. 46; Т. 28. С. 35, 191; Т. 15. Стб. 235; Т. 33. С. 51; Т. 20. Ч. 1. С. 122. Этот рассказ также есть в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522; Ип.). Однако в ней он сильно сокращен — Ип. описывает приход митрополита, нежелание Ростислава принять его, посольство византийского императора, а затем содержит пропуск известия о принятии митрополита киевским князем. Можно предположить, что пространная версия рассказа, которая содержалась в данных сводах, восходила к выявленному А. Н. Насоновым (*Насонов А. Н.* Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // ПИ. Вып. 9. М., 1961. С. 364–377) южнорусскому своду конца XII в. — общему источнику Московского летописного свода конца XV в. и Ерм.

⁹² СК. С. 225.

⁹³ Кусков В. В. Степенная книга. С. 132.

⁹⁴ В Ерм., а также ряде других летописей (НІ ст. и мл., Ип., НК, НІV, СІ и др.) знамение датировано 6693 г. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638; Т. 3. С. 38, 228; Т. 4. Ч. 1. С. 172; Т. 6. Ч. 1. Стб. 246; Т. 23. С. 53; Т. 42. С. 78.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 53; Т. 28. С. 40, 197; Т. 15. Стб. 272; Т. 20. Ч. 1. С. 136. Среди прочих сводов лишь НІ ст. и мл. под 6693 г. (Т. 3. С. 37, 228) сообщают о точном времени затмения, но в них читается «въ час 10 дни». По мнению Д. О. Святского, который привел три датировки этого затмения — в «10 час» по НІ, в «11 час» по Тв. и в «годину/звонение вечернее», «вечерню» по Лаврентьевской, Новгородской второй, Псковской первой летописям и Ник., — подобная разногласия источников относительно датировки этого знамения обуславливалась приблизительностью представлений русских летописцев о времени, а также регионом, в котором летописец фиксировал знамение. Как указал исследователь, в силу

Рассмотренные известия ставят вопрос о том, какой из двух памятников — С1497 и С1518 — наиболее близок к СК? На этот вопрос позволяет ответить рассмотрение текста 5 гл. 4 ст. Определяя источники этой главы, которая повествует о преставлении Святополка Изяславича и вокняжении Владимира Мономаха в Киеве, исследователь сталкивается с рядом трудностей. Так, наиболее близкое к СК описание смерти Святополка содержит Воскр.⁹⁶ Однако она датирует преставление князя 16 (Воскресенский и Алатырский списки — 17) апреля. В Ник. также читается 16 апреля⁹⁷. СК, не указывая года смерти киевского князя, сообщает о ней под 19 марта. Можно предположить, что автор памятника столкнулся с противоречием в датировке преставления Святополка и вокняжения Мономаха — основные источники СК (Ник. и Воскр.) сообщали о приходе Владимира в Киев после смерти Святополка, однако Ник. свидетельствовала о преставлении Святополка 16 апреля и вместе с тем содержала указание на 20 марта как дату вокняжения Владимира⁹⁸. Видимо, создатель СК, столкнувшись с этим противоречием, попытался решить его путем привлечения дополнительного источника. Отдав предпочтение датировке Ник. вокняжения Мономаха в Киеве (20 марта) (6 гл. 4 ст.), книжник обратился к имеющимся в его распоряжении источникам для поиска подходящей даты преставления его предшественника. Подобным требованиям, по-видимому, отвечала дата 19 марта. Так преставление Святополка датируют Ерм. и С1497⁹⁹. Видимо, эта дата соответ-

того, что затмение описано как полное — таковым оно было на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси — запись о нем была сделана, скорее всего, новгородцем (*Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 22–29. Карта II*).

⁹⁶ Ср.: «и положиша его въ церкви святого архистратига Михаила, юже бѣ самъ создалъ», «княгини же его много» в СК и «и положиша и въ церкви святого Михаила, юже бѣ самъ создалъ», «княгини же его много» в Воскр. См.: СК. С. 187; ПСРЛ. Т. 7. С. 22–23; *Кусков В. В. Степенная книга. С. 120.*

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 143.

⁹⁸ Там же. С. 143–144.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 29; Т. 28. С. 26. Указание на 19 марта также есть в НВ (см.: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. Ч. 1. С. 143). Однако из ее текста неясно, к

ствовала представлениям книжника середины XVI в. о характере наследования великокняжеской власти. Согласно его версии, вокняжение Мономаха в Киеве состоялось на следующий день после смерти его предшественника. Можно предположить, что такой порядок вещей на Руси 1560-х гг. считался вполне естественным — после смерти великого князя московского престол сразу же переходил к его наследнику. Видимо, для того, чтобы согласовать датировку вокняжения Мономаха в Киеве своего основного источника с датой смерти Святополка, автор СК и воспользовался материалом своего дополнительного источника. Таким образом, из русской истории исчезал период безвластия в Киеве, который, согласно описаниям Воскр. и ряда других предшествовавших СК летописных сводов, был заполнен мятежом киевлян и колебаниями Владимира Мономаха. Рассмотрение этого известия позволяет отметить наибольшую близость к СК С1497 (в С1518 данная датировка отсутствует).

Представленный выше материал дает основания наметить контуры вероятного летописного источника СК. Есть основания среди прочих привлеченных к сравнению с СК памятников летописания отметить наибольшую близость к ней С1497. В то же время вряд ли можно говорить об использовании в СК непосредственно этого памятника. Так, большое значение для поиска наиболее близкого к СК свода имеет факт близости всех перечисленных выше известий СК наряду с С1497 и к открытому В. Ф. Покровской¹⁰⁰ так называемому Лихачевскому летописцу (по имени владельца рукописи Н. П. Лихачева; Лих.)¹⁰¹. Интересно, что в Лих. содержится отсутствующее в С1518 указание на смерть Святополка Изяславича 19

какому именно событию относится эта дата — к смерти Святополка или к предшествующему ей описанию небесного знамения.

¹⁰⁰ Покровская В. Ф. Летописный свод 1488 года из собрания Н. П. Лихачева // Памятники культуры: Новые открытия. 1974. М., 1975. С. 28–32.

¹⁰¹ Архив СПб. ИИ. Собрание Н. П. Лихачева. № 365. Л. 549–549 об., 551 об. — 552 об., 572, 603. Исключение составляет описание расселения славянских племен — в Лих., который содержит изложение событий, начиная с рассказа о появлении угров под Киевом (Л. 549), листы рукописи, на которых, очевидно, был помещен этот рассказ, утрачены.

марта¹⁰². Это в свою очередь позволяет говорить о большей близости к СК как С1497, так и Лих. В ряде случаев наряду с С1518 сходным образом рассмотренные известия читаются в Ерм., а также в Тв., Холм. и Львов. Немаловажное значение для определения возможного источника СК имеет то, что наибольшую близость к известиям СК Лих., С1497 и С1518 обнаруживает Ерм. (датировка смерти Святополка, известие о приходе митрополита Иоанна, указание на час знамения 6694 г.). Это дает основания полагать, что автор памятника воспользовался общим источником С1497, Лих. и С1518 (или близким к ним сводом), который в свою очередь мог быть близок протографу Ерм. Результаты исследований А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова, К. Н. Сербиной, которые отметили связь этих памятников с ростовской летописной традицией, дают основания для предположения о существовании подобного свода¹⁰³. В ряде своих работ Я. С. Лурье выдвинул

¹⁰² Архив СПб. ИИ. Лих. № 365. Л. 572.

¹⁰³ Не зная о существовании введенного в научный оборот лишь А. Н. Насоновым (*Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы)* // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 251) С1497, А. А. Шахматов (см.: *Шахматов А. А. Ермолинская летопись и ростовский владычный свод*. СПб., 1904. С. 82–83) возводил Ерм. и С1518 к Ростовскому владычному своду, составленному архиепископом Трифоном (до 1467 г.). Исследователь полагал, что составитель С1518 использовал его лишь в части до 1417 г., в которой он сходен с Ерм. По мнению М. Д. Приселкова (*Приселков М. Д. История русского летописания*. СПб., 1996. С. 209, 229. Рис. 5), Ерм. и С1518 восходят к ростовской обработке Фотиева Полихрона 1418 г. Согласно исследованиям А. Н. Насонова (*Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования*. М., 1969. С. 351, 373–374), общим источником С1497 и С1518 (в известиях до 1484 г.) был источник редакции ростовского архиепископа Тихона 1484 г., который восходил к Ростовскому владычному своду 1417 г., являвшемуся источником протографа Ерм. Вывод А. Н. Насонова о существовании общего источника С1497 и С1518 разделила специально исследовавшая эти своды К. Н. Сербина (*Сербина К. Н. Летописный свод 1518 г.* // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. ст. М.; Л., 1963. С. 594–606; *Она же. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.)* // ПИ. М., 1963. Вып. 11. С. 416. Стемма).

предположение о том, что Лих., С1497 и С1518 являются различными изводами одного памятника — Летописца от 72-х язык¹⁰⁴. Таким образом, можно полагать, что автор СК использовал в качестве дополнительного летописного источника свод, близкий к Лих., С1497 и С1518, состоявший в недалеком генеалогическом родстве с Ерм. (возможно, Летописец от 72-х язык). Из него были взяты по преимуществу известия по древнейшему периоду (4–5, 7 гл. 1 ст.). Также по этому своду вносились дополнения к свидетельствам основных летописных источников (описание прихода митрополита Иоанна на Русь, указание на час затмения 6694 г., дата смерти Святотолка). При этом данный дополнительный источник использовался непосредственно при создании первоначального текста СК (бытование связанных с ним известий на полях древнейших списков памятника не прослеживается). Таким образом, есть основания полагать, что наряду с отмеченными В. В. Кусковым основными летописными источниками СК — Ник. и Воскр. — к созданию памятника был привлечен и иной летописный источник — свод близкий к Лих., С1497, С1518, а также Ерм.

К числу не возводимых к Ник. и Воскр. известий, которые также не могут быть связаны и с Лих., С1497 и С1518, относится ряд сообщений, имеющих новгородское происхождение. Вслед за В. Мансикка, который, специально разобрав редакцию Жития Александра Невского в СК, отметил ее особую близость к С1¹⁰⁵, В. В. Кусков поместил эту летопись в число источников памятника¹⁰⁶. В пользу предположения о близости СК к С1 говорят и итоги исследования В. А. Кучкина, который в результате текстологического разбора повестей о Михаиле Тверском пришел к выводу о том, что в СК посвященное тверскому князю произведение попало из С1¹⁰⁷. Однако не все новгородские известия могут быть возведены к С1. Рассмотрим их.

¹⁰⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 165; Он же. Две истории Руси XV в. С. 188.

¹⁰⁵ Мансикка В. Житие Александра Невского. С. 143–165.

¹⁰⁶ Кусков В. В. Степенная книга. С. 299–300.

¹⁰⁷ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974. С. 116–119. Стемма.

В текст основанного на «Слове о знамении»¹⁰⁸ 13 тит. 12 гл. 6 ст., который сообщает о чудесном спасении Новгорода от войск Андрея Боголюбского, делается ряд летописных вставок. Среди них выделяется указание на период безвластия в Новгороде после изгнания Святослава Ростиславича. СК сообщает о том, что до прихода Романа Мстиславича в Новгород «не бысть у нихъ (новгородцев. — А. У.) князя отъ мѣсяца сентября 7 мѣсяць»¹⁰⁹. О сроке безвластия в городе сообщают новгородские (НІ ст. и мл., НК, НІV, НV) и связанные с ними летописи (СІ ст., СІ мл., СІЦ и Тв.)¹¹⁰. Все эти памятники под 6675 г. сообщают о том, что в Новгороде не было князя «от Семена дни до Велика дни» (т. е. от 1 сентября до 9 апреля¹¹¹) — те же 7 месяцев с небольшим.

Обращение к известию об основании Хутынского монастыря Варлаамом Хутынским (19 гл. 6 ст.) позволяет составить более определенное суждение об источнике новгородских известий СК. Сообщая об этом событии, СК указывает на светское имя Варлаама — «Алекса», которое отсутствует в Ник. и Воскр.¹¹², а также в Житии

¹⁰⁸ В. В. Кусков (*Кусков В. В. Степенная книга. С. 136*) отметил связь 12 гл. 6 ст. со Сказанием о чудесном спасении Новгорода от войск Андрея Боголюбского. Л. А. Дмитриев (см.: *Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера. С. 131, 138*) уточнил, что в СК было использовано «Сказание» в редакции «Слова о знамении». Обзор источников 13 тит. 12 гл. 6 ст. см.: *Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера. С. 139–140; Lenhoff G. Novgorod's Znamenie Legend in Moscow's Stenennaiia kniga. P. 179–182.*

¹⁰⁹ СК. С. 237.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 32, 220; Т. 42. С. 76; Т. 6. Ч. 1. Стб. 235; Т. 4. Ч. 1. С. 162; Т. 5. Вып. 1. С. 171; Т. 4. Вып. 2. Ч. 1. С. 161; Т. 39. С. 62; Т. 15. Стб. 239. Это известие, отсутствующее в Ник. и Воскр., которые считались единственными летописными источниками 13 тит. 12 гл. (В. В. Кусков, Л. А. Дмитриев, Г. Ленхофф), дает основания полагать, что для создания рассматриваемого рассказа был привлечен третий летописный источник, который содержал это новгородское известие.

¹¹¹ Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. С. 58. Табл. XV.

¹¹² Это в свою очередь дает основания не согласиться с В. В. Кусковым (*Кусков В. В. Степенная книга. С. 140*) в том, что источником этого рассказа явились Воскр. и Ник.

Варлаама Хутынского¹¹³. Мирское имя основателя Хутынского монастыря содержат памятники новгородского летописания и связанные с ними своды — запись под 6700 г. НІ (ст., мл.), НК, НІV, НV, Владимирский летописец (ВЛ), Тв.¹¹⁴. В СК, однако, есть две детали, которые позволяют значительно сузить круг поисков. Так, в 19 гл. Варлаам упомянут как «игумень Варлаамъ» (среди перечисленных выше сводов эта деталь есть в Голицынском списке НІV¹¹⁵, НV и ВЛ; в прочих названных сводах Варлаам фигурирует как «чернецъ»). Кроме того, СК указывает на то, что церковь была каменной. Об этом сообщают НК, НІV и НV. Таким образом, разбор данного известия дает основания отметить наибольшую близость к СК НІV и НV. В пользу предположения об особой близости именно этих летописей к СК свидетельствует и рассказ о пожаре в Новгороде (4 тит. 28 гл. 13 ст.), источник которого В. В. Кускову установить не удалось¹¹⁶. Описание этого события содержится в записи под 6927 г. НІV и НV, а также в НІ мл. и летописи Авраамки (ЛА)¹¹⁷.

Ответить на вопрос о том, какой из этих двух памятников — НІV или НV — наиболее близок к СК можно, обратившись к известию о преставлении Варлаама Хутынского. Сообщая о его смерти без привязки к какой-либо дате, 16 гл. 7 ст. повествует о том, что преставился «преподобный и многодобродѣтельный великий чудотворецъ Варлаамъ игумень Футыньский, иже мирьскимъ именемъ зовомъ бѣ Алекса Михайловичъ, по реклу же Вячеславъ Прокышиничъ»¹¹⁸. Вряд ли прав В. В. Кусков¹¹⁹, который полагал, что это известие в СК заимствовано из записи Воскр. под 6751 г. — эта летопись содержит лишь краткое сообщение («преставися Варлаамъ

¹¹³ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера. С. 14.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 40, 231; Т. 42. С. 79; Т. 4. Ч. 1. С. 174; Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 175; Т. 30. С. 77; Т. 15. Стб. 280.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 174. Вар. 54.

¹¹⁶ СК. С. 454; Кусков В. В. Степенная книга. С. 216. Прим. 8.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 411; Т. 16. Стб. 171; Т. 4. Ч. 1. С. 425; ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 280. Л. 699 об. (верхняя пагинация).

¹¹⁸ СК. С. 278.

¹¹⁹ Кусков В. В. Степенная книга. С. 150–151.

Хутыньский»¹²⁰). По всей видимости, автор СК воспользовался летописной записью, восходящей к новгородскому летописанию. О мирском имени (Вячеслав Прокошинич) умершего в 6751 г. инок Варлаама сообщают НІ ст., НІ мл., НІV, СІ ст., СІ мл. Эти памятники, с одной стороны, не указывают на то, что умерший был хутынским игуменом, с другой — НІV, СІ ст., СІ мл. упоминают о смерти основателя Хутынского монастыря в 6701 г.¹²¹ Откуда же взялось указание на то, что умерший Вячеслав Прокошинич был хутынским игуменом? Можно предположить, что в руках создателя СК мог находиться свод (список?), который (по ошибке писца?¹²²) именовал Варлаама (в миру Вячеслава Прокошинича) игуменом. О том, что подобное чтение содержалось в новгородском летописании, свидетельствует ЛА, которая под 6751 г. сообщала о том, что «умре Варламъ, игумень на Хутинѣ»¹²³. Связь СК с ЛА сомнительна, но важно отметить, что существовали предшествующие СК своды, которые сообщали о том, что умерший в 6751 г. Варлаам был игуменом Хутынского монастыря. Таким образом, можно предположить, что в руках книжника круга митрополита Макария мог быть подобный свод (список?), который, с одной стороны, содержал более полное описание смерти Варлаама в 6751 г., включая его мирское имя, с другой — указывал на его игуменство. По всей видимости, автор СК счел необходимым примирить противоречие, связанное с наличием двух мирских имен умершего хутынского игумена. Поэтому Варлаам был поименован Алексой Михайловичем, как он назван в известии об основании Хутынского монастыря, и одновременно Вячеславом Прокошиничем. Поскольку в НV известие о смерти какого-либо инокa Варлаама в записи под 6751 г. отсутствует, есть основания полагать, что это известие могло быть заимствовано в СК из НІV.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 7. С. 152.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 79, 297; Т. 4. Ч. 1. С. 595, 176 (о смерти Вячеслава Прокошинича сообщает лишь список Н. К. Никольского НІV); Т. 6. Ч. 1. Стб. 316, 248; Т. 5. Вып. 1. С. 229, 181.

¹²² Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 208.

¹²³ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 52.

Результаты сравнительного анализа наиболее близких к СК новгородских известий можно представить в виде таблицы (обозначение «+» означает не только наличие сообщения в тексте той или иной летописи, но и его близость к СК, которая позволяет рассматривать соответствующий свод в качестве потенциального источника изучаемого известия):

Известие	Н ст.	Н мл.	НК	С ст.	С мл.	СЩ	ЛА	НIV	НV	ТВ.	ВЛ
Срок безвластия в Новгороде	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Основание Хутынского монастыря								+	+		
Преставление Варлаама	+	+		+	+			+			
Пожар в Новгороде в 6927 г.		+					+	+	+		

Таблица показывает, что наибольшую близость к СК обнаруживает НIV, которую, таким образом, можно отнести к числу вероятных источников СК¹²⁴.

Заключая рассмотрение возводимых к летописному материалу известий СК, можно согласиться с В. В. Кусковым в том, что Ник. и Воскр. являлись ее основными летописными источниками. Вместе с тем есть основания полагать, что свидетельства этих памятников дополнялись по двум другим летописным источникам. Первым был свод, близкий к Лих., С1497 и С1518. Второй источник может быть отождествлен с НIV.

¹²⁴ Привлекая НIV к сравнению с СК, В. В. Кусков, однако, воздержался от вывода об использовании в ней этой летописи (Кусков В. В. Степенная книга. С. 218. Прим. 7; С. 263).

Памятники агиографии и ораторского красноречия

В течение длительного времени служащее своего рода введением к СК Житие Ольги считалось ее неотъемлемой частью, которая была создана непосредственно в процессе написания памятника¹²⁵. После введения в оборот древнейших списков пространной редакции Жития Ольги середины XVI в. Б. М. Клоссом (Егоровский¹²⁶) и И. В. Курукиным (Барсовский¹²⁷)¹²⁸ появились веские основания полагать, что это произведение было создано до СК¹²⁹. В историографии была высказана точка зрения о том, что Житие было создано Сильвестром специально для СК¹³⁰. В значительной

¹²⁵ Данное положение во многом обуславливалось незнанием исследователями работ Д. И. Абрамовича и А. И. Соболевского, которые указали на связь списков пространной редакции Жития Ольги (Соф. № 1424 и Погод. № 744) с СК (об этом ниже).

¹²⁶ РГБ. Ф. 98. № 124.

¹²⁷ ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 758. И. В. Курукин в научный оборот также ввел Академический список пространной редакции Жития Ольги последней четверти XVI в. (РГБ. Ф. 173.I. № 198).

¹²⁸ Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 262; Курукин И. В. Сильвестр и составление жития Ольги Степенной книги. С. 51–60; Он же. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 117.

¹²⁹ В ряде работ первой трети XX в. была отмечена связь пространной редакции Жития Ольги и СК. Так, в описании рукописи, содержащей Софийский список пространной редакции Жития Ольги (РНБ. Соф. № 1424) Д. И. Абрамович (*Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной академии. Софийская библиотека. Вып. 3. С. 138*) отметил близость этого списка Жития Ольги к СК, воздержавшись от предположения о характере их возможной связи. Однако данное замечание историка, также как и указание А. И. Соболевского (*Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 197*) на принадлежность Погодинского списка Жития Ольги (РНБ. Погод. № 744, конец XVI в.) к редакции Жития, предшествующей СК, в историографии осталось незамеченным. Не привлекли внимание исследователей и выявленные Н. С. Державиным (*Державин Н. С. «Степенная книга». С. 51, 54, 57, 68*) случаи заимствований целого ряда фрагментов в 1 ст. из Жития Ольги.

¹³⁰ Коншин Н. Взгляд на рукопись «Житие св. Ольги» // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 108–110; Державин Н. С. «Степенная книга». С. 30; Соболев-

мере это предположение основано на записи, содержащейся на первом листе Погодинского списка Жития (РНБ. Погод. № 744), — «списано любу мудрецомъ Селивестромъ, прозвितеромъ царствующаго града Москвы»¹³¹. Таким образом, можно дополнить перечень источников СК пространной редакцией Жития Ольги, которая, как указал еще Н. С. Державин, явилась одним из основных источников 1 ст.¹³².

ский А. И. [Рец.] // Отчет о присуждении премий имени графа Д. А. Толстого в 1906 году. (СОРЯС. 1907. Т. 82). Рец. на кн.: *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 12–14; *Он же.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 197; *Смирнов И. И.* Очерки социально-политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 255; *Курукин И. В.* Сильвестр и составление жития Ольги Степенной книги. С. 51–60; *Он же.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 117; СККДР. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. С. 326. Иную версию относительно авторства Жития Ольги выдвинула Е. В. Неберекутина. На основании сравнения Житий Ольги и Владимира с вошедшими в СК Житиями Всеволода Псковского и Александра Невского, которые были написаны Василием-Варлаамом, исследовательница Житие Ольги атрибутировала этому книжнику. В работах последних лет (А. В. Сиренов, В. И. Охотникова) предположение Е. В. Неберекутиной относительно связи Василия-Варлаама с пространной редакцией Жития Ольги подвергается критике (*Неберекутина Е. В.* Поиски автора Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 154–224; *Сиренов А. В.* Житие князя Владимира и составление Степенной книги // АЕ за 2001. М., 2002. С. 89; *Охотникова В. И.* Пути развития псковской агиографии // Псков в российской и европейской истории: Международная науч. конф: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 322. Прим. 18.

¹³¹ Факсимильное издание этой записи см.: *Конишин Н.* Взгляд на рукопись «Житие св. Ольги». Прил.

¹³² Об использовании пространной редакции Жития Ольги в СК см.: *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 51, 54, 57, 68; *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр и Домострой. С. 197; *Курукин И. В.* Сильвестр и составление жития Ольги Степенной книги. С. 55–56; *Он же.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 124–125; *Сиренов А. В.* О Волковском списке. С. 258; *Он же.* Житие кн. Владимира. С. 92. Близость Житий Ольги и Владимира в СК отмечал и П. Г. Васенко (*Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия». С. 222).

Сличение текста пространной редакции¹³³ и помещенного перед степенями Жития в СК дает возможность отметить два случая правки. Первой является отмеченный А. И. Соболевским и И. В. Курукиным¹³⁴ пропуск в СК рассказа о «греховных» забавах византийских императоров (охоте)¹³⁵. Как полагал А. И. Соболевский, пропущенные в СК фрагменты пространной редакции Жития «могли быть неприятны царю и многим сильным сего мира, которые часто были страстными охотниками»¹³⁶. И. В. Курукин предположил, что описание «ловитв» византийских императоров в Житии Ольги пропущено для того, чтобы подчеркнуть, что княгиня является наследницей благочестия византийских императоров¹³⁷. По всей видимости, в планы автора памятника не входило упоминание о «помрачениях» прельщенных «неверными» «благочестивых» правителей — их «играниях и позорах, и всяких глумных оутех в ловитвах животным»¹³⁸. На основе анализа Волк. А. В. Сиренов выдвинул предположение о том, что первоначально этот рассказ содержался в тексте, однако позднее листы с ним были удалены редактором из рукописи. На их место был помещен написанный редакторским почерком рассказ, расширяющий аналогии Ольги и Владимира с римскими и византийскими императорами и их матерями¹³⁹. Если это так, то можно предположить, что писец

¹³³ В настоящее время все ссылки на пространную редакцию Жития Ольги будут производиться по Егоровскому списку (см.: РГБ. Ф. 98. № 124). Описание содержащей его рукописи см.: Кюсс Б. М. Никоновский свод. С. 262. Прим. 128; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 116. Прим. 58).

¹³⁴ Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 197; Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 119.

¹³⁵ РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 345–347. Этот фрагмент издан А. И. Соболевским по Погод. № 744 (Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 198–200).

¹³⁶ Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой. С. 201.

¹³⁷ Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 119.

¹³⁸ РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 345 об.

¹³⁹ СК. С. 34; Волк. Л. 72–73 об.; Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 258.

первоначально переписал весь текст Жития Ольги, а затем редактор счел нужным избавить текст от описания ловить, повествование о которых он перенес в первую степень (об этом ниже).

Другой правкой текста Жития в СК является вставка указания на то, что Игорь в момент смерти Рюрика был «яко двою лѣтъ»¹⁴⁰. Это известие отсутствует в пространной редакции Жития Ольги¹⁴¹. Как отметил А. В. Сиренов, вставка слов «яко двою лѣтъ — его же» была произведена редакторским почерком в древнейших списках СК — Волк. (на нижнем поле л. 28 об.), Чуд. (над строкой на л. 5) и в Томск. (над строкой на л. 4) (в более поздних списках эти слова уже находятся в тексте)¹⁴². Интересно, что эта правка была сделана уже после оформления окончательного текста. Можно предположить, что рассматриваемая деталь была внесена в памятник после создания этих списков (или, во всяком случае, после написания соответствующего рассказа о смерти Рюрика и вокняжении Олега). Таким образом, уточняющее указание было включено в памятник не сразу, а при редактировании уже как минимум трех готовых списков.

Наиболее вероятным объяснением появления данной вставки в тексте СК представляется следующее. Книжник, которому было известно летописное сообщение о том, что Олег держал Игоря на руках во время убийства Аскольда и Дира, счел нужным дать соответствующий этому известию возраст Игоря в момент смерти его отца, т. е. согласно этому объяснению «яко двою лѣтъ» для автора СК было синонимом юного возраста Игоря («яко» здесь, безусловно, выступает в значении «около»¹⁴³) и, скорее всего, не было привязано к конкретной дате его рождения. Здесь исследователь сталкивается с такой любопытной чертой творчества создателя памятника, как стремление связать возраст князя Игоря с последующим повествованием даже ценой отступления от текста

¹⁴⁰ СК. С. 7.

¹⁴¹ См.: РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 309; Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 258.

¹⁴² Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 258.

¹⁴³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1652. Исследователь в качестве примера приводит выдержку из Остромирова Евангелия «яко три мѣсяца».

своих летописных источников — сообщающие о рождении Игоря своды указывают на 6370 г. (за исключением Ник., в которой это известие помещено под 6373 г.¹⁴⁴). Таким образом, к моменту смерти Рюрика в 879 г. (эта дата всех предшествующих СК летописных источников была принята ее автором¹⁴⁵) его сыну должно было быть около 17 (согласно большинству летописных сводов) либо около 14 лет (по версии Ник.). Как видим, книжник стремился согласовать противоречие в летописном рассказе о приходе Олега с малолетним княжичем в Киев с датировкой рождения Игоря. Рассмотренная уточняющая вставка, очевидно, и служила этой цели.

Житие Ольги активно использовалось и при создании 1 ст. Так, в 11 гл. 1 ст. читается чудо о нетленном Евангелии. Этот пассаж содержится в Русском Хронографе реакции 1512 г. (Хр. 1512), Ник. и в пространной редакции Жития Ольги¹⁴⁶. Какой же именно из этих памятников послужил источником 11 гл.? Сравнение текстов этих произведений дает основания отметить наибольшую близость данного рассказа СК к Житию Ольги. Так, у нее и СК совпадает чтение «царь Василий Македонянинъ сотвори мирное устроение» (в Ник. и Хр. 1512 читается «Василие же много войнъствова на Агаряны и Манихеи. Сътвори же и мирное устроение»)¹⁴⁷. Можно предположить, что из Хр. 1512, являвшегося, как отметил Б. М. Клосс¹⁴⁸, источником Ник., этот рассказ был позаимствован в Ник., из которой затем перешел в пространную редакцию Жития Ольги.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 9.

¹⁴⁵ Вслед за своими летописными источниками сообщая о приходе Рюрика на Русь в 862 г., СК (с. 61) повествует о том, что он «державствова лѣтъ 17» (согласно Чуд., в прочих списках, в том числе и Волк., читалось «державствова 17 лѣтъ»), что дает 879 г. (слова «державствова 17 лѣтъ» написаны на правом поле Л. 106 Волк.; правка была учтена в последующих списках СК — Томск. Л. 70 об., Чуд. Л. 73 об.).

¹⁴⁶ СК. С. 61, 64; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 352; Т. 9. С. 13; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 350 об.

¹⁴⁷ Это в свою очередь дает основания не согласиться с предположением В. В. Кускова (*Кусков В. В.* Степенная книга. С. 94) о том, что источником этого рассказа послужила непосредственно Ник.

¹⁴⁸ Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 169–177.

Как указал Н. С. Державин¹⁴⁹, влияние Жития Ольги прослеживается и в 13 гл. 1 ст., которая, повествуя о детстве Владимира, сообщает о набеге печенегов на Киев в отсутствие Святослава. Так, если летописная версия содержит целый ряд подробностей этого события (тяжелая осада города, требования обессиленных осадой горожан Ольге сдать город, подвиг отрока, подавшего весть воеводе Претичу)¹⁵⁰, то Житие и 13 гл., пропуская «земные» подробности осады, связывают спасение города и княжеского семейства исключительно с божественной помощью, указывая на то, что «аще не бы Господь храняй Владимира, раба своего, хотящаго послѣди быти ему сосуда избраннаго, и молитвъ ради праведныя Ольги въ маде бы взять быль Киевъ градъ»¹⁵¹. Повествуя о разгоревшейся между сыновьями Святослава борьбе, автор СК в 14–18 гл. 1 ст. разъясняет читателю причины междоусобиц, связывая начало «братоненавистой вражды» с «позорными ловитвами» (охотой). Как отметил И. В. Курукин¹⁵², этот сюжет был дополнен почерпнутым из Жития Ольги крупным фрагментом, который пропущен в Житии¹⁵³.

После повествования о приходе апостола Андрея на Русь в текст СК (24 гл. 1 ст.) помещен рассказ о пророчестве Ольги относительно крещения Русской земли («Молитва и пророчество блаженныя и великия княгини Ольги»), который выполнен также на основе пространной редакции Жития¹⁵⁴. При этом автор памятника в начало главы вводит пространное рассуждение, в котором он указывал на связь прихода апостола Андрея на Русь с крещением сначала Ольги, а затем и всей Руси Владимиром, тем самым выстраивая линию преемственности Андрей — Ольга — Владимир. Очевидно, целям укрепления связи Ольги и ее равноапостольного

¹⁴⁹ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 54.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 33–34; Т. 7. С. 287–288. Более подробный рассказ содержится в Воскр.

¹⁵¹ СК. С. 66; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 330–330 об.

¹⁵² Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 119.

¹⁵³ СК. С. 66–67; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 345–347.

¹⁵⁴ СК. С. 73–74; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 329; Державин Н. С. «Степенная книга». С. 57.

внука служила 60 гл. 1 ст. Ее начальная часть, также выполненная на основе пространной редакции Жития, сообщает об обретении мощей Ольги¹⁵⁵.

С пространной редакцией Жития Ольги может быть связана и 72 гл. 1 ст., которая кратко повествует о добродетельных потомках Владимира. Так, есть основания полагать, что слова СК потомки Владимира «не токмо мнози отъ мужескаго полу, но и отъ женскаго полу мнози и всякого возраста и всяческими добродѣтелями Богу угодиша»¹⁵⁶ создавались под влиянием фразы Жития Ольги: «...не токмо едини мужескаго полу но мнози и женскаго состава, ревнующе вашему [Ольги, Владимира, Бориса и Глеба. — А. У.] богоугодному нраву, православно пожиша...»¹⁵⁷. Последней вставкой из Жития является первая часть 75 гл. 1 ст., которая сообщает о крещении Ярославом Владимировичем костей братьев Владимира Ярополка и Олега. Этот отрывок кратко повествует о важнейших событиях жизни Ольги — ее крещении патриархом Фотием в Царьграде, желании княгини обратить в христианство своих внуков, упорстве Святослава и о пророчестве его матери относительно будущего крещения Русской земли¹⁵⁸.

В 1 гл. 1 ст. книжник, повествуя о необходимости создания полной версии Жития Владимира, указывает на обилие имеющегося материала об этом князе. Среди прочего он сообщает о «похвалах», которыми креститель Руси «довольно украшен». Любопытно, что, отмечая наличие известий о равноапостольном князе в «лѣтописанихъ» и то, что «прочая же вкратцѣ писана въ житии его», автор СК указывает на то, что «многая же въ похвалахъ его»¹⁵⁹. Характер упоминания похвал дает основания полагать, что в них содержался больший материал о Владимире, чем в прочих памятниках (относительно Жития прямо сказано, что там «вкратцѣ писана»). Таким образом, это замечание дает основания в Житии Вла-

¹⁵⁵ СК. С. 120–121; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 336 об. — 337 об.; *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 68.

¹⁵⁶ СК. С. 134.

¹⁵⁷ СК. С. 30; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 341.

¹⁵⁸ Ср.: СК. С. 165–166; РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 323 об., 316 об., 330–330 об.

¹⁵⁹ СК. С. 58.

димира в СК ожидать значительный комплекс заимствований из похвал. О каких именно похвалах идет речь?

В историографии неоднократно отмечалась близость СК к «Памяти и похвале». На использование в рассматриваемом памятнике сочинения Иакова Мниха указал Макарий (Булгаков)¹⁶⁰. Крупные заимствования из этого произведения в СК выделил Н. С. Державин, выводы которого повторили В. В. Кусков и В. Барнетт¹⁶¹. Возводимые к «Памяти и похвале» фрагменты СК могут быть разделены на две группы. Первую составляют обширные отрывки, на которых исследователи и сосредоточили свое внимание. Первый случай подобного заимствования из «Памяти и похвалы», как указал Н. С. Державин¹⁶², фиксируется в 1 гл. 1 ст., в которой автор СК подчеркивает значение жизнеописания Владимира Святославича. Следуя традициям русской средневековой агиографии¹⁶³, книжник, апеллируя к обилию материала о добродетелях равноапостольного князя, указывает на свою обязанность поведать о них читателю. Для того чтобы подчеркнуть необходимость создания Жития Владимира, книжник начинает 1 гл. 1 ст. цитатой из Псалтыри (Пс. 39: 11), призывающей не «скрывать» «правду», а также заимствует мотив «Памяти и похвалы», вводя значительный ее отрывок в текст памятника:

«Память и похвала»	СК
«Пауль святыи апостоль, церковный учитель и свѣтило всего мира посылая къ Тимофею писанье, глаголаше: „Чадѡ Тимофѣю, еже слыша от мене многы послухы,	«Тако же и церковный учитель и светило мира Павел апостол къ Тимофею писаше глаголя: „Еже слыша отъ мене многими послухи, сия передай вѣрнымъ чловѣкомъ“.

¹⁶⁰ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. Отд. 1. Т. 1. С. 436. Прим. 148.

¹⁶¹ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 50, 57, 62, 68, 70; Кусков В. В. Степенная книга. С. 98. Прим. 7. С. 104; Barnette W. Stepenная kniga. P. 63, 71–72.

¹⁶² Державин Н. С. «Степенная книга». С. 50.

¹⁶³ Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 29; Коняевская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале русской агиографии) // Ruthenica. 2004. № 3. С. 91.

тоже передаи же вѣрнымъ челоуѣкомъ, иже доволнѣ будутъ и ины научити“. И блаженный апостоль Лука евангелистѣ къ Феофилу писаше, глаголя: „Понеже мнози начаша повѣсти дѣяти о извѣстныхъ вещехъ бывшихъ въ насъ, изволися и мнѣ ходившую исперва и по всѣхъ писати тебе, державный Феофиле, да разумѣши, о нихъ же нача Иисусъ творити же и учити“. Къ тому Феофилу написа Дѣянъ апостолька и евангелъе святыи апостоль Лука. Потомъ многихъ святыхъ писати начаша житъя и мученья. Тако же и азъ, худый мнихъ Ияковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрномъ князѣ Володимери всея Руския земля, о сыну Святославѣ, и мало събравъ отъ многыхъ добродѣтели его, написахъ...»¹⁶⁴.

И блаженный Лука апостол, начиная святое Евангелие писати, къ Феофилу глаголя: „Понеже мнози начаша чинити повѣсти о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ, яко же предаша намъ, иже и сперва самовидцы и слуги бывше словеси, изволися и мнѣ послѣдовавшу выше всѣхъ испытно по ряду писати“. Послѣди же той же Лука къ тому же Феофилу писаше Дѣянъ апостолькая; потомъ же и инии мнози просвещениемъ Святого Духа писаша многихъ святыхъ жития и мучения. Тако и сего блаженнаго Владимира достойно и въ лѣпоту, яже о немъ многообразная истинная повѣдания во едину повѣсть снискати...»¹⁶⁵.

Как видим, в текст своего источника автор СК внес некоторые изменения. Не считая перестановки слов в ряде случаев, отмечает сокращение некоторых подробностей, которые, очевидно, для создателя памятника не играли большой роли: обращение Павла к Тимофею («Чадѣ Тимофѣю»), указание «иже доволнѣ будутъ и ины научити». Можно предположить, что, желая подчеркнуть значение жизнеописаний святых, книжник вносит указание на то, что жития и мучения апостолов создавались «просвещениемъ Святого Духа». Стоит отметить и еще одно уточнение. Так, если «Память и похвала» указывает на то, что «блаженный апостоль Лука евангелистѣ къ Феофилу писаше, глаголя», то в СК текст фразы несколько из-

¹⁶⁴ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. № 37. С. 67.

¹⁶⁵ СК. С. 59.

менен — «блаженный Лука апостол, начиная святое Евангелие писати, къ Феофилу глаголя». Очевидно, автор СК счел необходимым уточнить адресат писания Луки (данная подробность содержится в Евангелии от Иоанна). Смысл заключительной фразы обоих памятников близок — их авторы стремятся к написанию уподобленного Деяниям апостолов Жития Владимира, — однако он облечен в различную форму. Создатель СК пропускает указание на авторство «Памяти и похвалы» («азъ, худый мних Ияковъ»), а также подчеркивает обилие привлекаемого материала («яже о немъ многоразличная истинная повѣдания во едину повѣсть снискати»), в то время как его источник кратко указывает на то, что повествование о Владимире создается «мало събравъ от многыя добродѣтели его». Таким образом, автор СК в целом принимает версию «Памяти и похвалы». Не назвав своего имени, он указывает на значение принимаемого им труда, которое оказывается ничуть не меньшим, чем описание деяний апостолов.

В числе крупных заимствований из «Памяти и похвалы» Н. С. Державин¹⁶⁶ выделял 22 гл. 1 ст. Повествуя о связанных с крещением событиях, создатель СК отступает от летописной традиции и в 1 ст. заимствует композицию рассказа о крещении Ольги из ее Жития, в котором сюжету о крещении предшествует рассказ о «рассуждении духовного тѣнания» княгини и указание на ее «желание» к благочестию¹⁶⁷. Своего рода аналогом этой структурной части источника СК служит 22 гл. («Начало желания Владимирова во благочестие»). Заимствуя, как указал И. В. Курукин¹⁶⁸, из Жития Ольги мотив «начала желания к благочестию» до знакомства с христианскими догматами¹⁶⁹, книжник наполняет его почерпнутым из «Памяти и похвалы» повествованием о «просвещении сердца» Владимира «человеколюбцем Богом» еще до речи греческого философа¹⁷⁰. Исследователи указывали и на связь с «Памятью и по-

¹⁶⁶ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 57.

¹⁶⁷ РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 315 об. — 316 об.

¹⁶⁸ Курукин И. В. Сильвестр: политическая и культурная деятельность. С. 123.

¹⁶⁹ На близость фрагмента Жития Ольги к 22 гл. указал Н. С. Державин (Державин Н. С. «Степенная книга». С. 57).

¹⁷⁰ СК. С. 71; Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 67.

хвалой», помещенной в 28 гл. молитвы Владимира перед походом на Корсунь¹⁷¹.

В рассказе о крещении Руси (38 гл. 1 ст.) автор СК, как отметил Н. С. Державин¹⁷², вновь обращается к сочинению Иакова Мниха, дополняя летописное сообщение о последовавшей за крещением радости на земле и небесах пространным рассказом «Памяти и похвалы»:

«Память и похвала»	СК
«О колика радость и веселье бысть на земли! Ангели възвеселишася и архангели, и святыхъ дуси възыграшася. Самъ рече Господь: „Колика радость бываетъ на небесѣхъ о единомъ грѣшницѣ кающимся“. Толико бещисла душъ по всей земли Рускои приведены къ Богу святымъ крещеньемъ» ¹⁷³ .	«...и бѣ видѣти радость велию и неизреченную не токмо на земли челоукомъ, но и на небеси ангеломъ, и архангели възвеселишася и святыхъ дуси възыграшася о толице душъ спасаемыхъ. Самъ бо рече Господь: „Велика бываетъ радость на небесѣхъ о единомъ грѣшнице кающемся“, кольми паче о толицѣ бесчисленныхъ душахъ во всей земли Руской приведенныхъ къ Богу святымъ крещениемъ» ¹⁷⁴ .

За исключением начала первой фразы («и бѣ видѣти радость велию и неизреченную не токмо на земли челоукомъ, но и на небеси»), которое, по-видимому, почерпнуто из летописного материала, текст «Памяти и похвалы» включен в СК практически без изменений.

Содержащееся в литературе указание на связь «Памяти и похвалы» с повествующей о достоинствах Владимира 60 гл. 1 ст.¹⁷⁵ нуждается в уточнении — в этой главе было использовано 3 фрагмента из сочинения Иакова Мниха. Сравним тексты памятников:

¹⁷¹ СК. С. 92; *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха. С. 71; *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 62; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 98. Прим. 7.

¹⁷² *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 62.

¹⁷³ *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха. С. 67.

¹⁷⁴ СК. С. 107.

¹⁷⁵ *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 68; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 104; *Barnette W.* Stepennaja kniga. P. 71.

«Память и похвала»	СК
<p>«И по том, всю землю Рускую и грады и вся украси святыми церквми, и отвержеса вся дьяволя лъсти, и прииде от тмы дьяволя на свѣтъ съ чады своими прииде къ Богу, крещенье приимъ, и всю землю Рускую исторже из устъ дьяволь и къ Богу приведе, и къ свѣту истенному. Рече бо Господь пророкомъ: „Изводая от нечестья нечестиваго, аky уста Моя еси“. И бысть князь Володимиръ, аky уста Божия и человеки от лести дьяволя ко Богу приведе¹⁷⁶...</p> <p>Князь же Володимиръ поревнова святыхъ мужъ дѣлу и житью ихъ и възлюбѣ Аврамово житѣе и подража страннoлюбѣе его, Иаковлю истину, Моисѣву кротость, Давыдово безлобие, Константина царя великого, перваго царя крестьяньскаго, того подражая правовѣрье, боле же всего бѣше милостыню творя князь Володимиръ¹⁷⁷....</p> <p>...подобяся царемъ святымъ блаженныи князь Вѣлодимиръ, пророку Давиду, царю Езекию и треблаженному Иосѣю, и великому Константину, иже избраша и изволиша Божии законъ боле всего и послужаиша Богу всимъ сердцемъ и получиша милость Божию и наслидиша раи и приаша царство небесное и почиша съ всеми съвятыми, угожьными Богу. Тако же и блаже-</p>	<p>«...и таковымъ благоразсуднымъ велемудриемъ и отсрoумнымъ благосовѣтиемъ похвалы всякия достойно дѣло сотвори и исполнено радости духовныя, не единого себе исторже отъ тмы прелести дияволя, но и всю землю Рускую исторже отъ самыхъ устъ челоувѣкоубийца дияволя и ко Живодавцу истинному свѣту, приведе къ челоувѣколюбцу Богу. Рече бо Господь пророкомъ: „Изводая нечестиваго отъ нечестия во благочестие, яко уста Моя ест сии“. Тако и блаженный Владимиръ бысть, яко уста Божия, во всемъ ревнуя и подобяся древнихъ святыхъ мужъ житию и благимъ дѣломъ. И тако возлюбѣ Аврамово страннoлюбѣе, и Иаковлю истину, Моисеову кротость, Давидово беззлобие и прочихъ блаженныхъ и святыхъ царей добродѣтелемъ послѣдую и прочихъ блаженныхъ и святыхъ царей добродѣтелемъ послѣдую: царю Иезекию и треблаженному Иосию, и святому и великому Коньстантину и симъ подобнымъ, иже избраша и возлюбѣиша Божий законъ паче всего, и послужаиша Богу, и угодная Ему сотвориша, и благодать и милость отъ Него получиша, и почиша со всѣми святыми, съ ними</p>

¹⁷⁶ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 68.

¹⁷⁷ Там же. С. 71.

¹⁷⁸ Там же. С. 70.

ныи Володимеръ послуживъ Богу всимъ сердцемъ и всею душею» ¹⁷⁸ .	же и рай наслѣдоваша, и прияха Царство Небесное. Сице же и блаженный Владимиръ послужи Богу всѣмъ сердцемъ и всею душею...» ¹⁷⁹ .
---	--

Как видим, текст источника при включении его фрагментов в СК подвергся правке. Сопоставление отрывков показывает, что кроме перестановки ряда слов книжник делает и более значительную правку, в которой подчеркивает, что Владимир крестился не только сам, но и просветил всю Русь («не единого себе исторже отъ тьмы прелести диявола, но и всю землю Рускую»). Эта деталь, которая отсутствует в «Памяти и похвале», могла быть заимствована из восходящего к «Слову о законе благодати» рассказа о том, что Владимир «не единого обративъ человека от заблужения идольския лъсти, ни десяти, ни града, но область свою»¹⁸⁰. Обращает внимание и внесение уточнения в текст СК относительно подвига равноапостольного князя — «таковымъ благоразсуднымъ велемудриемъ и остроумнымъ благосовѣтиемъ похвалы всякия достойно дѣло сотвори и исполнено радости духовныя». Сравнение версий «Памяти и похвалы» и СК дает возможность выделить ряд других различий. Так, в памятнике пропущено описание нищелюбия Владимира. По всей видимости, заимствовать это краткое известие не было нужды, так как автор произведения воспользовался более подробной летописной версией данного рассказа, которую воспроизвел в центральной части 60 гл. Обращает на себя внимание и пропуск указания на подражание равноапостольного князя «правоверию» императора Константина. Можно предположить, что он обуславливался стремлением создателя СК воздержаться от повтора. Этим же, по-видимому, можно объяснить и пропуск упоминания о подражании Владимира Давиду.

Как указал Н. С. Державин¹⁸¹, крупные фрагменты «Памяти и похвалы» были использованы в 69–70 гл. 1 ст., в которых содер-

¹⁷⁹ СК. С. 122.

¹⁸⁰ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 178–179. Подробнее вопрос о заимствованиях в СК из «Слова о законе и благодати» и близких к нему памятников будет рассмотрен ниже.

¹⁸¹ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 70.

жаты молитвы Владимира, а также рассказ о его преставлении. К числу изменений текста в первой молитве (текст «Памяти и похвалы» следует со слов «слава Ти со Безначальнымъ Сыномъ» до «наказя мя Своею благодатию»¹⁸²) можно отнести стилистическую правку (например, «акы звѣрь бяхъ» сочинения Иакова Мниха в СК было заменено на сочтенное, по-видимому, книжником макарьевского времени более благозвучным «звѣрскимъ обычаемъ многа лѣта препроводихъ»). Контекст этого пассажа изменен. Если в «Памяти и похвале» данная молитва расположена в рассказе о благодарении Владимира к Богу за дарованные ему победы над соседними народами, то создатель СК вкладывает молитву в уста «болезнию изнемогающего» Владимира, который подводит своего рода итог своей жизни. Эта молитва заключается просьбой умирающего князя к Богу «неотступно своею милостию назиратьъ» Русскую землю. Таким образом, включение молитвы в описание преставления Владимира должно было подчеркнуть, что даже на смертном одре креститель Руси не забыл просить Бога соблюсти Русь «непоколеблему во истинней вере» «до скончания вѣка»¹⁸³. Вторая молитва Владимира (влияние сочинения Иакова Мниха ощущается со слов «помиловаль мя еся и святымъ крещениемъ просветлиль...» до «не предаждь мене немилостивымъ бѣсомъ») заканчивается принадлежащим, очевидно, перу автора СК окончанием «и избави душу мою от злодѣйства ихъ и спаси мя по милости Твоей, яко благословень еси во вѣки. Аминь»¹⁸⁴, которое придавало молитве законченный характер.

На основе «Памяти и похвалы» в СК (70 гл.) была выполнена и часть рассказа о преставлении Владимира:

«Память и похвала»	СК
«И сиче глаголя и моляся Богу, преда душу свою съ миромъ ангеломъ господнимъ и успе. Праведныхъ бо души в руку	«И сиче моляся и святыхъ пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ приобщися и радостнымъ образомъ успѣ о Господѣ, съ миромъ

¹⁸² Ср.: СК. С. 129; *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха. С. 70.

¹⁸³ СК. С. 129.

¹⁸⁴ СК. С. 130; *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха. С. 71–72.

Божію суть... По святомъ же крещении поживе блаженны князь Володимиръ 28 лѣтъ» ¹⁸⁵ .	святую свою душу испусти, юже взяша анггели Господни и преложиша ю въ руцѣ всѣхъ Бога... Поживе же во благочестивой вѣре во святомъ крещении лѣтъ 28...» ¹⁸⁶ .
---	---

Сопоставление текстов дает возможность проследить тенденцию к разрастанию содержащегося в труде Иакова Мниха рассказа. Книжник сообщает о том, что Владимир не просто «успе», а указывает на то, что «святыхъ пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ приобщися и радостнымъ образомъ успѣ». Очевидно, именно так, согласно мнению современника первого русского царя, должен был умереть христианский правитель.

Вторую группу заимствований из «Памяти и похвалы» составляют уточнения хронологического характера, на которые исследователи источников СК не обращали внимание. В литературе неоднократно отмечалось несоответствие известий сочинения Иакова Мниха летописным датировкам¹⁸⁷. Это в свою очередь способствует выявлению фрагментов, возводимых к этому памятнику.

Повествуя о вокняжении Владимира в Киеве, предшествующие СК летописные своды под 6488 г. кратко сообщают о том, что «нача княжити Володимиръ въ Киевѣ»¹⁸⁸. «Память и похвала» содержит более пространное свидетельство — «и сѣде в Киевѣ князь Володимиръ въсмое лѣто по смерти отца своего Святъслава, мѣсяца июня въ 11, в лѣто 6486». Книжник в 20 гл. 1 ст., очевидно не удовлетворенный лапидарностью летописной версии известия, выбирает произведение Иакова Мниха, указывая на то, что «сѣде же въ Киевѣ во осмое лѣто по смерти отца своего Свѣтослава мѣсяца июня¹⁸⁹ 11 въ лѣто

¹⁸⁵ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 72.

¹⁸⁶ СК. С. 130–131.

¹⁸⁷ Например, см.: Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 314; СККДР. Л., 1987. Вып. 1 (X — первая половина XIV в.). С. 289; Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003, С. 183.

¹⁸⁸ Цит. по Воскр. (ПСРЛ. Т. 7. С. 294).

¹⁸⁹ Чтение «июня» передает положенный в основу издания СК поздний Пискаревский список (рубеж XVI–XVII вв.). Древнейший из привлеченных к публикации памятника Чуд. (а также Дружининский) здесь дает

6486»¹⁹⁰. Видимо, автор СК стремился особенно подробно описать воцарение Владимира, для чего и привлек более пространную версию, в соответствии с трудом Иакова даже изменив датировку этого события.

В рассказе о крещении Владимира в Корсуни (30 гл. 1 ст.) книжник вновь обращается к сочинению Иакова Мниха, дополняя версию своих летописных источников, которые указывали на 6496 г. В соответствии с «Памятью и похвалой», он привязывает эту дату к хронологии правления Владимира, сообщая о крещении «въ десятое лѣто» правления князя. При этом текст источника книжник подверг правке. Если сочинение Иакова Мниха сообщает о принятии христианства Владимиром «въ 10-е лѣто по убьеньи брата своего Ярополка»¹⁹¹, то СК содержит указание на крещение в 6496 г. — «въ десятое лѣто самодержьства его»¹⁹². В выборе версии датировки в 30 гл. можно отметить два момента. Первый, вероятно, обусловливался нежеланием автора памятника лишний раз упоминать о братоубийстве Владимира, к тому же в контексте его крещения. Поэтому фраза, сохранив свой основной смысл (крещение в 10-й год княжения Владимира в Киеве), была построена несколько иначе — слова о начале «самодержьства» Владимира вытеснили известие об убийстве им Ярополка, с которого собственно его княжение и началось. Эта правка текста источника может быть связана с проводимой в СК тенденцией к смягчению вины Владимира в смерти своего брата. Второй особенностью датировки крещения в СК является ее составной характер — в произведении заимствуется как уточняющее указание «Памяти и похвалы», так и абсолютная дата (6496 г.)¹⁹³, которую со-

ошибочное чтение «июлиа» (СК. С. 69. Прим. 26; Томск. (Л. 81 об.) также передает чтение «июлиа»). Волк. (Л. 118) содержит восходящее к «Памяти и похвале» чтение «июня», т. е. дает более раннее в сравнении с Чуд. чтение, которое прочно закрепилось в последующей рукописной традиции.

¹⁹⁰ СК. С. 69; Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 72.

¹⁹¹ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 72.

¹⁹² СК. С. 98.

¹⁹³ Любопытно, что летописная дата в тексте СК появилась не сразу. Как отметил А. В. Сиренов (Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 260), первоначально в 30 гл. 1 ст. летописная дата отсутствовала, однако позднее она была вставлена на верхнем поле Л. 162 Волк. Вставка была учтена в восходящих к нему Томск. (Л. 116) и Чуд. (Л. 120). Это в свою очередь

держат летописные своды. Можно предположить, что сочетание известий двух источников при определении времени крещения обусловливалось стремлением автора СК создать максимально подробное повествование о Владимире. Очевидно, в глазах книжника середины XVI в. эти хронологические указания взаимодополняли друг друга, что и позволило сочетать их в 30 гл.

В выполненной на основе летописной записи Ник. под 6501 г.¹⁹⁴ 52 гл. 1 ст. («Начало церкви соборныя въ Киеве») создатель СК вслед за сочинением Иакова Мниха сообщает о строительстве Десятинной церкви «въ четвертое лѣто по крещении»¹⁹⁵. Подобным образом поступает он и при написании 57 гл. 1 ст. («Совершение киевския церкви»), заимствуя текст сообщения из Ник.¹⁹⁶ и датируя его по «Памяти и похвале». Так, сообщая о строительстве Богородичной церкви в Киеве, автор СК вслед за Иаковом Мнихом повествует о «свершении» церкви в «девятое»¹⁹⁷ лѣто по крещении»¹⁹⁸ (Ник. датирует это событие 6501 г.).

Сказанного выше было бы вполне достаточно для твердого предположения о связи СК с сочинением Иакова Мниха, если бы не одно обстоятельство — комплекс уникальных известий СК и «Памяти и похвалы» также содержится и в одной из редакций Жития Владимира¹⁹⁹. Отметив его связь с сочинением Иакова Мниха,

дает основания полагать, что, столкнувшись с различными датировками данного события в «Памяти и похвале» и летописных источниках, книжник первоначально отдал предпочтение версии сочинения Иакова Мниха, а позднее счел возможным дополнить ее летописной датой.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 65; Кусков В. В. Степенная книга. С. 103.

¹⁹⁵ СК. С. 114; Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 72.

¹⁹⁶ СК. С. 117; ПСРЛ. Т. 9. С. 65; Кусков В. В. Степенная книга. С. 103.

¹⁹⁷ Привлеченные П. Г. Васенко к изданию списки СК дают чтение «десятое» (СК. С. 117), в то время как в «Памяти и похвале» (Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 72) читается «в девятое». Волк. (Л. 192), стоящий ближе к источникам СК, нежели последующие списки, содержит чтение «въ девятое».

¹⁹⁸ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 72.

¹⁹⁹ См.: РГБ. Ф. 138. № 16. Л. 488 об. — 490; РГБ. Ф. 256. № 436. Л. 264—269 об. Далее ссылки будут даваться по изданию А. И. Соболевского.

А. И. Соболевский предположил, что это Житие предшествовало «Памяти и похвале» — по мнению исследователя, Иаков Мних дополнил текст своего источника «пустословием», в котором отсутствуют новые по сравнению с Житием известия²⁰⁰. Оставляя за скобками вопрос о характере взаимосвязи «Памяти и похвалы» и данного Жития, отметим близость целого ряда известий этих памятников, а также СК.

Прежде всего, это касается хронологии — датировка целого ряда событий (вокняжение Владимира в Киеве в 6486 г., крещение в «10-е лето» правления Владимира, строительство Богородичной церкви в Киеве «в четвертое лето по крещении» и установление церковной десятины «в девятое лето по крещении») СК и «Памяти и похвале» аналогична тексту Жития²⁰¹. Однако сравнение ряда более крупных отрывков СК с этими памятниками убеждает в большей близости к ней именно «Памяти и похвалы». Так, если текст молитвы Владимира перед походом на Корсунь во всех трех произведениях близок, то ряд других крупных фрагментов СК и «Памяти и похвалы» отсутствует в Житии (уподобление описания Владимира созданию Деяний апостолов, пространное повествование о достоинствах Владимира, которые роднили его с героями ветхозаветной истории²⁰², молитва перед смертью, рассказ о пре-

²⁰⁰ Соболевский А. И. В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 7.

²⁰¹ Там же. С. 17.

²⁰² Этот рассказ в весьма кратком виде есть и в Житии. Ср. (СК. С. 122; Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха. С. 71; Соболевский А. И. В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси. С. 15):

«Память и похвала»	Житие	СК
«Князь же Володимиръ поревнова святыхъ мужъ дѣлу и житью ихъ и възлюбѣ Аврамово житѣе и подража страннолюбѣе его, Иаковлю истину, Моисѣву кротость, Давыдово без	«...подобяся царемъ святымъ, блаженны князь Владимиръ, пророку Давиду и царю Иезекеилю и блаженному	«Тако и блаженный Владимиръ бысть, яко уста Божия, во всемъ ревнуя и подобяся древнихъ святыхъ мужъ житию и благимъ дѣломъ. И тако възлюбѣ Аврамово страннолюбѣе, и

ставлении киевского князя). Это дает основания заключить, что, несмотря на близость в ряде случаев этого Жития к СК, оно не может быть признано ее источником. Все это позволяет определить «Память и похвалу» как наиболее вероятный источник 1 ст.

Как было отмечено выше, автор СК говорит об использовании похвал в 1 ст. во множественном числе. Кроме того, целый ряд значительных фрагментов Жития Владимира в СК не может быть возведен к известным источникам памятника. Все это в свою очередь дает основания полагать, что «Память и похвала» была лишь одной из упоминаемых в 1 гл. 1 ст. похвал. В поисках источников жизнеописания этого князя в СК его текст сличался с рядом агиографических сочинений о крестителе Руси. В результате сравнительного анализа появились основания говорить о близости к СК двух похвал, которые ранее не связывались с СК²⁰³. Эти произве-

лобие, Константина царя великого, первого царя крестьянского, того подражая правотворе, боле же всего баше милостыню творя князь Володимеръ».	Иосѣю и великому царю Константину...»	Ияковлю истинну, Моисеову кротость, Давидово беззлобие и прочих блаженных и святыхъ царей добродѣтелемъ послѣдую...»
---	---------------------------------------	--

²⁰³ Есть основания полагать, что эти памятники были неизвестны крупнейшему исследователю агиографической традиции о Владимире Н. И. Серебрянскому или, во всяком случае, он им не придал особого значения (в его монографии есть ссылки на работу А. И. Соболевского, в которой опубликована одна из похвал). В пользу этого говорит предположение Н. И. Серебрянского о том, что в СК использовался текст проложного рассказа о сошествии руки с неба во время крещения Константина (об этом ниже), которое, по мнению исследователя, явилось источником аналогичного рассказа о Владимире в 1 ст. Однако этот пассаж обнаруживает текстуальную связь с рассматриваемыми похвалами. Очевидно, их незнанием также объясняется утверждение историком того, что Житие Владимира в СК основано почти исключительно на летописном материале и агиографическая традиция в нем представлена слабо (содержащийся в похвалах текст почти целиком вошел в СК и по объему привнесенного в 1 ст. материала намного превосходит не только летописные, но и все прочие ее источники). См.: СК. С. 97; РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 238 об; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 378; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 70. Прим. 2; 80.

дения восходят к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, использование которого в XVI в. не было редкостью²⁰⁴. Первая похвала («О крещении Руския земля и от житиа въкратцѣ и похвала иже въ святых равнаго апостолом и благовѣрнаго великого князя Владимира, нареченнаго въ святѣмъ крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю»; далее — «Похвала») была написана до 1520-х гг.²⁰⁵ Как выяснил путем анализа восходящих к «Слову» фрагментов А. М. Молдован²⁰⁶, на основе «Похвалы» возникло «Поучение на память иже в святых равнаго апостолом благовѣрнаго великаго князя Владимира въ святыхъ равнаго апостолом и благовѣрнаго великаго князя Владимира, въ святѣмъ крещении нареченнаго Василия, крестившаго всю Роускую землю. Житие и Похвала въкратцѣ» (далее — «Поучение»)²⁰⁷.

²⁰⁴ Подробнее см.: Никольская А. Б. «Слово» митрополита Киевского Илариона в позднейшей литературной традиции // *Slavia*. 1928/1929; Рос. 7. Ses. 3. S. 549–563; Ses. 4. S. 853–870.

²⁰⁵ Этот памятник, как показали Н. Н. Розов (*Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати»* // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 52) и А. М. Молдован (см.: *Молдован А. М. К истории составления троичской минеи № 678* (значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // Зап. ОР ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 74) был создан на основе 2-й редакции «Слова о законе и благодати». «Похвала» сохранилась в двух списках XVI в. и одном XVII в. В 1888 г. она была опубликована по списку XVII в. (ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1563) А. И. Соболевским (*Соболевский А. И. В память исполнившегося 900-летия со времени крещения Руси*. С. 58–65). К настоящему исследованию привлекаются списки XVI в. (РГБ. Ф. 304.1. № 678; РГБ. Ф. 173.1. № 95). Специальное исследование В. А. Дыбо и В. А. Кучкина (*Дыбо В. А., Кучкин В. А. Болгарский текст в русской минее XVI в.* // *Byzantinobulgarica*. 1966. S. 297) убедительно показало восхождение рукописи № 95 к № 678. Поэтому при цитировании «Похвалы» ссылки будут производиться на древнейший список памятника — троичский. Наиболее полные описания содержащей его рукописи см.: *Дыбо В. А., Кучкин В. А. Болгарский текст в русской минее XVI в.* С. 280–286; *Молдован А. М. К истории составления троичской минеи № 678*. С. 64–76.

²⁰⁶ *Молдован А. М. К истории составления троичской минеи № 678*. С. 76.

²⁰⁷ «Поучение» на память Владимира сохранилось в единственном (неопубликованном) списке второй половины 1530-х — начала 1540-х гг.

Какой же именно из этих двух памятников послужил источником СК? Прояснить данный вопрос позволяет разбор окончания повествования о Владимире в 72 гл. 1 ст. В ней содержится похвала крестителю Руси. Текстологический анализ этого отрывка позволяет отметить близость именно «Поучения» к СК (кроме «Похвалы» и «Поучения» аналогичный фрагмент содержится в проложном Житии Владимира):

Житие	«Похвала»	«Поучение»	СК
«искоренивъ лестное тер- ние»	«истерзавъ лестное грѣховное теръние от земля рус- ская»	«истерзавъ лест- ное теръние от земля руская»	«исторгий лест- ное терние изъ Руския земли»
«насъавъ свя- тыми книгами, от них же на- сыщаются вѣрнии» ²⁰⁸	«от них же жнють рус- стии сынове полезныя кла- сы покая- ния» ²⁰⁹	«насъавъ святы- ми книгами, от них же жнут рустии сынове полезныя руко- яти покаяния» ²¹⁰	«насъавъ же свя- тыми книгами, отъ нихъ же жнуть вси вѣрнии рукояти покаяния» ²¹¹

Чтения «лестное терние» и особенно «рукояти покаяния» позволяют отметить наибольшую близость этого фрагмента СК именно к «Поучению».

(РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 375–387 об.). Время и обстоятельства возникновения рукописи были изучены Л. А. Дмитриевым (*Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера. С. 171. Прим. 28*), Р. П. Дмитриевой (*Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 215–217*) и Б. М. Клоссом (*Клосс Б. М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV — первой половины XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. 6. С. 123*).

²⁰⁸ *Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 21.*

²⁰⁹ РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 246.

²¹⁰ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 384 об.

²¹¹ СК. С. 136.

Окончательно позволяет расставить все точки над *i* в вопросе об источнике памятника рассмотрение окончания 72 гл. 1 ст., которое представляет весьма пространную цитату из «Поучения». Этот отрывок, занимая более страницы печатного текста в издании СК 1908–1913 гг., является самой пространной цитатой в 1 ст.²¹². В «Похвале», а также других известных памятниках этот фрагмент отсутствует. В пользу предположения о знакомстве автора СК с «Поучением» свидетельствует и совпадение чтения «Хорсунь» с СК²¹³ — в прочих предшествующих СК произведениях (за исключением Хр. 1512, который также дает чтение «Хорсунь»²¹⁴) читается «Корсунь». Таким образом, представленный выше материал дает основания, не исключая возможности знакомства создателя СК с текстом «Похвалы», именно в «Поучении» видеть наиболее вероятный источник 1 ст. Какие же фрагменты СК могут быть связаны с этим произведением?

²¹² СК. С. 136–137; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 385–387 об. Заключительная часть 72 гл. 1 ст. была внесена в текст памятника, очевидно, несколько позднее. Интересно, что этот фрагмент первоначально отсутствовал в Чуд. и древнейшем списке памятника Волк. Как отметил Н. Н. Покровский (*Покровский Н. Н.* Томский список. С. 22), в Чуд. данный отрывок был выполнен на двух вставных листах (Чуд. Л. 167–168 об.). Примечательно, что, как указал А. В. Сиренов (*Сиренов А. В.* О Волковском списке. С. 268), на вставных листах этот фрагмент был выполнен и в Волк. (Л. 213–217), к которому восходит Чуд. Судя по всему, вставка была выполнена на заключительном этапе редактирования текста памятника и закрепились в рукописной традиции. Любопытно, что в Томск. (Л. 161 об.), который также восходит к Волк., данной вставки нет. Не исключено, что этот список ко времени внесения этой правки в Волк. и Чуд. уже отсутствовал в скриптории (Чудова монастыря?), в котором были созданы и редактировались все три древнейших списка СК. Независимо от автора настоящей работы к сходному выводу пришел А. В. Сиренов (*Сиренов А. В.* Краткая редакция Степенной книги. С. 130; *Усачев А. С.* К вопросу о последовательности русских митрополитов в Степенной книге // «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: К 70-летию И. В. Левочкина: Сб. ст. М., 2004. С. 60).

²¹³ СК. С. 92, 103–104; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 378.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 367.

В повествующей о добродетелях Владимира 1 гл. 1 ст. к «Поучению» может быть возведен крупный отрывок:

«Поучение»	СК
«Владимерь — добляя благочестия вѣтвь! Владимиръ — апостольский ревнитель! Владимиръ — церковное оутверждение! Владимиръ — идолскыи разрушитель! Владимиръ — благовѣрия проповѣдникъ! И что много глаголю? Владимиръ — царьская похвала!» ²¹⁵ .	«Сий Владимир — добляя благочестия вѣтвь! Сий Владимир — апостольский ревнитель! Сий Владимиръ — церковное утверждение! Сий Владимиръ — идолский разрушитель! Сий Владимиръ — благовѣрия проповѣдникъ! Сий Владимиръ — царская похвала!» ²¹⁶ .

Как видим, этот отрывок книжник в текст СК включил целиком, подвергнув его лишь минимальной правке (в СК было пропущено лишь вопрошание «и что много глаголю?», а также вставлены указательные местоимения «сий»).

Влияние «Поучения» ощущается и в сообщаемой о крещении Владимира 29 гл. 1 ст. В ней содержится деталь, отсутствующая в летописном материале, — указание на спустившуюся с неба руку, которая прикоснулась к Владимиру. В. В. Кусков полагал, что эта подробность в рассказ была введена непосредственно создателем памятника, который желал показать читателю, что Владимир получил крещение не от корсунского епископа, а от самого Бога, являясь «избранником божьим», как и все его «благочестивое семя»²¹⁷. Однако сравнение данного фрагмента с текстом «Поучения» дает основания полагать, что рассматриваемый отрывок 29 гл. мог быть позаимствован из этого памятника:

«Поучение»	СК
«...и роукоу косноувшоуюся съ небесе видѣ своима очима. И абие прозрѣ, породися от Ду-	«...и видѣ Владимиръ своима очима съ небеси руку, прикоснувшуся ему, и абие прозрѣ очима и тѣломъ ис-

²¹⁵ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 375 об. В «Похвале» (см.: РГБ. Ф. 304. I. № 678. Л. 236 об.) содержится аналогичный фрагмент.

²¹⁶ СК. С. 60.

²¹⁷ Кусков В. В. Степенная книга. С. 101.

<p>ха и воды и изыде от коутѣле весь здравъ, радостен же и ду- щею и теломъ, бѣлоотбразоуся сынъ быв нетлѣнна, имя приимъ вѣчно и именито въ роды и ро- ды — Василие, им же написася въ книги животныя въ вышнии град и нетлѣнныи Иеруса- лимъ»²¹⁸.</p>	<p>целѣ и изыде отъ купѣли весь чистъ и здравъ, яко николи же болѣвъ, и бысть радостенъ душею и тѣломъ и, бѣлообразуся, сынъ бывъ нетлѣнна, имя приимъ вѣчно и именито въ роды и роды въ вѣки вѣчныя, имъ же написася въ книги животныя въ вышнии градъ нетлѣнныи Иероса- лимъ»²¹⁹.</p>
--	--

Помещая Владимира во всемирную христианскую историю путем сравнения его с апостолом Павлом и императором Константином, автор СК ниже в более краткой форме дублирует данный рассказ²²⁰. При этом в памятнике подчеркивается, что Владимир от Бога получил не только «тѣлеси скорое исцеление», но «наипаче же и душевное спасение». Очевидно, повторение известия понадобилось для того, чтобы подчеркнуть значение крещения киевского князя, поставив его в один ряд с Константином, который также получил исцеление от «руки некой, от неба посланной». Таким образом, оценивая это заимствование из «Поучения», можно согласиться с В. В. Кусковым лишь отчасти — идейное значение рассмотренного выше известия бесспорно, однако в руках книжника имелось достаточно источников, которые позволяли ему отбирать, интерпретировать, но не измышлять известия.

Исследователи справедливо указывали на связь с Ник. 42 гл. 1 ст.²²¹, которая повествует о крещении Суздальской земли Влади-

²¹⁸ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 378–378 об. В «Похвале» (см.: РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 238 об. — 239) читается сходный текст. Окончание этого отрывка (со слов «от Духа и воды») также близко и к «Слову о законе и благодати» (Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 175–176).

²¹⁹ СК. С. 96.

²²⁰ «Преславный же Владимир наипаче своим очима тако же во святей купѣли съ небеси руку прикоснувшуся ему видѣ, от нея же сугубо и трегубо исцѣление получи: ослѣпшима очима незапно прозрѣние и тѣлеси скорое исцѣление, наипаче же душевное спасение» (см.: СК. С. 97).

²²¹ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 65; Кусков В. В. Степенная книга. С. 99.

миром и об основании им Владимира-на-Клязьме. Однако сравнение этого фрагмента с другими памятниками дает основания указать также и на использование другого источника — «Поучения». Сравним тексты СК и ее вероятных источников:

«Поучение»	Ник.	СК
<p>«По сих же равно-апостольной Владимиръ прииде в Суздальскую землю и тамо вся люди святымъ крещением просвѣти и Божиею благодатию изволи въ свое имя създати град свѣтель же и красенъ и нарече и Володимеръ, на рецѣ на Клязмѣ.</p> <p>И церковь съборную в немъ въздвиже въ имя Пречистыя Владычица Девы Богородица Мариа честнаго и славнаго еа Оупения.</p> <p>И толико того възлюби и оукраси и почте паче всѣх град русских, яко же повсюдоу того обносится имени»²²².</p>	<p>«Ходи Володимеръ въ Суздалскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣ же съ Володимеромъ два епископа Фотѣ патриарха. И заложи тамо градъ въ свое имя Володимеръ, на рѣцѣ на Клязмѣ, и церковь въ немъ постави древяну пречистыя Богородици, и наказуаше люди съ епископы Фотѣ патриарха»²²³.</p>	<p>«...подвижеся блаженный Владимиръ шестовати въ Суждальскую землю, возьмъ съ собою дву епископовъ... послани отъ патриарха Фотия, и въ земли Суждальстѣй вся люди крестиша. Тамо же и градъ заложи свѣтель же и красенъ и во свое имя нарече его Владимиръ на рецѣ на Клязьме, въ немъ же и церковь постави древяну во имя Пречистыя Богоматери, честнаго Ея Успения. И толико той градъ възлюби и украси и почте, яко паче всѣхъ градъ русскихъ того имени повсюду обносится.</p> <p>Подвиза же ся самъ со епископы, наказуа люди благочестию...»²²⁴.</p>

Сличение текстов «Поучения», Ник. и СК дает возможность представить процесс работы книжника. Он тщательно отбирает

²²² РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 380 об. В «Похвале» (см.: РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 241 об. — 242) содержится сходный текст.

²²³ ПСРЛ. Т. 9. С. 64.

²²⁴ СК. С. 109.

данные как «Поучения» (эпитеты по отношению к Владимиру и созданному им городу, уточнение того, что поставлена была Успенская церковь, указание на предпочтение князем созданного им города прочим), так и Ник. (известие о епископах патриарха Фотия, уточнение материала, из которого была построена церковь, подробности крещения Суздальской земли). В результате создается пространный рассказ о крещении Северо-Восточной Руси и основании Владимира-на-Клязьме, который, согласно выраженному в СК взгляду, полтора столетия спустя унаследует «самодержество» Киева.

Сильное влияние «Поучения» прослеживается в 50 гл. 1 ст., сообщающей о посажении Владимиром своих сыновей по городам. Как справедливо отмечали исследователи²²⁵, событийная канва главы основана на летописном материале²²⁶. В то же время летописное известие было дополнено речью Владимира своим сыновьям. Сравнение этого отрывка с «Поучением» не позволяет согласиться с предположением В. В. Кускова²²⁷ о том, что этот фрагмент был целиком написан автором СК²²⁸. Обратимся к тексту памятника и его предполагаемого источника:

«Поучение»	СК
«Наказа же сыны своя благочестивыя вѣры держа- тися, злославныя же дог- маты до конца отвращатися. А еже и бол- шее на всех царя и Бога вседушно имети надежду и тому единому поклоня- тися и того славити, и того	«Поучение. Посылая же ихъ въ тья грады господствовать, благословение дая имъ и любочадное о Христѣ цѣлование, вкупѣ же наказуя и поучая ихъ, прежде же всего заповѣда имъ страхъ Божий имѣти и вѣру православную непорочно держати, зло- славныя же дохматы до конца отвращати, больши же всего на всѣхъ Царя и Бога вседушно имѣти надежу, и Тому единому

²²⁵ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 67; Кусков В. В. Степенная книга. С. 103.

²²⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 57; Т. 7. С. 313.

²²⁷ Кусков В. В. Степенная книга. С. 103. Прим. 3.

²²⁸ Не указывая на источник поучения Владимира сыновьям, Н. С. Державин содержащееся в СК известие о посажении Владимиром сыновей по городам определял как «более пространную», нежели летописная, редакцию (Державин Н. С. «Степенная книга». С. 67).

вѣдѣти творца и съдѣтеля и строителя всей твари, и ина много такова» ²²⁹ .	поклонятися, и Того славити, и Того вѣдѣти Творца и Содѣтеля всей твари и ина многа такова» ²³⁰ .
---	--

Начало рассказа «Поучения» («Бысть же оу великого Владимира сыновъ дванадесяте и раздѣли има грады рускыя») пропущено — краткой фразе этого памятника книжник предпочел более подробную летописную версию сюжета о посадении Владимиром своих сыновей по городам. Пространное окончание речи киевского князя, не находящее соответствий ни в летописях, ни в «Поучении», по всей видимости, было выполнено непосредственно автором СК в соответствии с его представлениями об идеальном православном государе²³¹.

Повествуя о преставлении Владимира, а также в пространных похвалах крестителю Руси (69–72 гл. 1 ст.) создатель произведения вновь обращается к тексту «Поучения». Так, оно используется в рассказе о последних днях Владимира в 69 гл. При этом данные источника значительно «достроены»:

«Поучения»	СК
«Елма же свое еже къ Богу отшествие разоумѣ, радоваашеся душою и цар-	«Блаженный бо Владимиръ тогда уже старости маститы достиже и нача болѣзнию изнемогати, и уразумѣ свое еже отъ мира сего къ Богу отшествие и радоваашеся душою, и вся по чину

²²⁹ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 382. «Похвала» (см.: РГБ. Ф. 304. I. № 678. Л. 242–242 об.) содержит сходный текст.

²³⁰ СК. С. 114.

²³¹ См.: «О всемъ же повелѣ имъ [Владимиръ сыновьям. — А. У.] со епископы совѣтовати, дабы како и поганые на благочестие обращати, и требища идольския разоряти, и всякое нечестие истребляти, и церкви Божия воздвизати; самѣхъ же имъ отъ всякия нечистоты и отъ всякого лукавства и неправды удалитися, и отъ всякого насилия и отъ лихоимства огребатися, и ко всякому малому и великому суду нелицимѣрень предлагати, и о всемъ рассуждати люди Божия въ правду, и между собою братолюбие и единомышление и миръ имѣти, ко всемъ людемъ не токмо къ любовнымъ, но и ко врагомъ смиряющимся, милость и любовь простирати, и во всемъ по воли Божия жити надежи ради вѣчныя жизни» (СК. С. 114).

скаа вся по чиноу оуряждааше» ²³² .	уряждаше; и тогда едино мысляше, еже бы ко всѣмъ челоуѣкомъ всяку вражду утолти, не токмо, же чадомъ своимъ даруя миръ и благо- словение, но и прочимъ всѣхъ любезно наказуя и прощая всѣхъ отъ всякого гнѣва и злобы, тако же и самъ отъ всѣхъ требуя совершенного бла- гословения и прощения» ²³³ .
---	--

Как видим, краткий фрагмент «Поучения» в 69 гл. превратился в пространное повествование о благочестии князя. Источник сообщает лишь о том, что перед своей смертью креститель Руси «урядил» своих подданных. Автор СК поясняет читателю как состав тех, кого Владимир «уряждаше» («не токмо же чадомъ своимъ даруя миръ и благословение, но и прочимъ всѣхъ»), так и суть предсмертных деяний князя («любезно наказуя и прощая всѣхъ отъ всякого гнѣва и злобы, тако же и самъ отъ всѣхъ требуя совершенного благословения и прощения»). Кроме того, в текст памятника внесены дополнения относительно болезни Владимира («тогда уже старости маститы достиже и нача болѣзнию изнемогати»). Очевидно, согласно мнению современника первого русского царя, именно так следовало себя вести православному государю перед смертью.

Сообщая о преставлении Владимира в 70 гл., книжник вновь обращается к тексту «Поучения»:

«Поучение»	СК
«Военачальници же Владимира послѣдняя дышоуща видѣвше, плача и рыдания вепль ²³⁴ весь исполняаше въздух. К ним же доблии тихимъ гласомъ глаголаше: „Нынѣ истинныя сподобистесь жизни, нынѣ истинную обрѣтосте	«Военачальници же Владимира, последнее дышоуща видѣша, плача и рыдания и вопля весь исполнися въздухъ. Къ нимъ же доблий самодержецъ милостивне и челоуѣколюбне, яко забывъ болѣзнь, радостнымъ лицемъ и тихимъ гласомъ утѣшительная словеса глаголаше: „О любезнѣйшии мои друзи и вельможи и вси чиновници и сановници, нынѣ истинную

²³² РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 382 об. — 383. «Похвала» (см.: РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 243) содержит аналогичный фрагмент.

²³³ СК. С. 129.

²³⁴ Так в ркп.

вѣроу. Въ ней же и пребы- вайте, и стоите, и крѣпите- ся, и Богъ мира боуди с вами“» ²³⁵ .	обрѣтосте вѣру, въ ней же и неуклонно пребывайте и твердо стойте и усердно крѣпитесь, и Богъ мира и любви буди съ вами“» ²³⁶ .
--	--

В содержательной части эти отрывки не расходятся. Однако стилистическая обработка подчеркивает выраженные в «Поучении» и заимствованные в СК тенденции. Так, книжника середины XVI в., по всей видимости, не удовлетворяло своей лапидарностью пожелание «пребывать, и стоять, и крепиться» в православии. Его идейным устремлениям отвечал более определенный призыв — «неуклонно пребывать и твердо стоять и усердно крепиться». Здесь исследователь сталкивается с такой чертой автора СК, как стремление к распространению сообщений своих источников. При этом стилистическая обработка была, скорее всего, средством интерпретации и подачи материала. Эту особенность в творчестве создателя произведения отметил А. С. Орлов, который, имея в виду прежде всего Ник. и СК, указал, что в XVI в. «суровый и краткий язык сменился пространным, как бы **пояснительным**» (выделено мной. — А. У.)²³⁷. Книжника круга митрополита Макария уже не удовлетворяют краткие известия его источников, которые, очевидно, по его мнению, допускали множественность толкований. Именно поэтому он их поясняет. Так, он считает нужным уточнить круг тех, к кому перед смертью обращается Владимир, — если в «Поучении» какой-либо намек на него отсутствует, то СК определенно повествует о «друзях», «вельможах», «всех чиновниках и сановниках». Поясняет книжник и обстоятельства, при которых были произнесены слова Владимира. Если источник указывает лишь на то, что свою речь умирающий князь произнес «душевно» «тихимъ гласомъ», то СК сообщает о том, что равноапостольный князь говорил «милостивне и челоувѣколѹбне, яко забывъ болѣзнь,

²³⁵ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 383. «Похвала» (см.: РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 243–243 об.) дает сходный текст.

²³⁶ СК. С. 130.

²³⁷ Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века (Конспект лекций читанных в И. М. У. в 1911–12 ак. году). М., 1912. С. 19.

радостнымъ лицомъ и тихимъ гласомъ». При этом обращает на себя внимание внесение детали «яко забывъ болѣзнь», которое давало понять читателю, что, несмотря на свою болезнь и даже вопреки ей, Владимир призывает слушателей к твердости в новой вере. Таким образом, заимствуя фрагмент своего источника, автор СК усилил заложенные в нем тенденции путем стилистической обработки, которая придала тексту желаемую для писателя эпохи Ивана IV определенность.

Похвала Владимиру, которая помещена сразу же после сообщения о преставлении князя, в 70 гл. 1 ст., очевидно, также создавалась под влиянием «Поучения»:

«Поучение»	СК
<p>«Седмъ оубо къ двадесетимъ лѣтомъ исполнившимися царствия его по божественѣмъ крещении, прочее цѣломудрено и честное провождаше житие, скверны всякыя и нечистоты до конца очищенъ, своиственная же томоу от Бога дарованна сия бѣша. Моужествомъ свѣтель въ всемъ, храберъ душею, остръ оумомъ, моудростию слова глубоокъ, въ правосудии правъ, въ подаяние готовъ, въ бранехъ моужественъ, въ междособныхъ непобѣдимъ, въ вѣре православной крѣпокъ и непоколеблемъ, въ видѣнии красен же и благовиденъ, радостенъ лицомъ, кротокъ, благоприступенъ, тихъ зѣло, милостивъ, чело- веколюбивъ...»²³⁸.</p>	<p>«Отнеле же бо позна истиннаго Бога и приять святое крещение, и къ тому прочее въ покаянии цѣломудренное и чистое житие препровождаше, скверны всякия и нечистоты до конца очищенъ. Свойствена бо тому бяху отъ Бога дарована сия, яко же и выше речено бысть о немъ, иже бысть мужествомъ свѣтель и во всемъ храборъ, наипаче же душевною добродѣтелию сияя, остръ умомъ, мудростию слова — глубоокъ, въ правосудии — истиненъ, въ подаянии — готовъ, во бранехъ — мужественъ, въ междоусобныхъ — непобедимъ, въ вѣре православной — крѣпокъ и непоколеблемъ, въ видѣнии — красенъ же и благовиденъ, радостенъ лицомъ, кротокъ, благоприступенъ, тихъ зѣло, милостивъ и челоуколюбивъ ко всѣмъ и во всяческихъ сладкоучителенъ, и ина многа сотвори добродѣтелемъ исправления»²³⁹.</p>

²³⁸ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 382 об. Аналогичный рассказ содержит и «Похвала» (см.: РГБ. Ф. 304. I. № 678. Л. 242 об. — 243).

²³⁹ СК. С. 131.

К правке фрагмента источника в СК можно отнести замену понятия «правъ» на «истиненъ» (очевидно, эти слова в середине XVI в. рассматривались как синонимы²⁴⁰). В текст введена такая, по всей видимости, значимая для книжника макаръевского круга характеристика Владимира, как «сладкоучителенъ». Это в свою очередь дает основания полагать, что мотиву учительства крестителя Руси автор СК придавал особое значение.

Повествуя о погребении киевского князя (70 гл. 1 ст.), книжник вновь обращается к тексту «Поучения» на память Владимира, известие которого дополняет летописную запись под 6523 г.:

«Поучение»	СК
«Въземше же воиньственая множества тѣло блаженнаго Владимира, положиша в рацѣ мраморнѣ, падааху оубо вся множества на колѣноу, и яко живоу томоу поклоняахуся, и ракоу цѣловааху, Бога по Бозѣ того нарицающе и благодетеля и просвѣтителя, яко от тмы тѣхъ къ истинномуу приведоша свѣтоу» ²⁴¹ .	«Боляре же и множество вельможѣ, вземше святое его тѣло, и положиша въ рацѣ мраморяне, и падаху убо вся множества людей на колѣну и плакахуся по немъ: боляре яко отьца, и народи аки заступника, сироты — помощника, вдовицы и нищие — печальника и кормителя; и яко живу тому поклоняхуся и раку целоваху, благодѣтеля по Бозѣ того нарицающе и предводителя къ Богу и просветителя, яко отъ тмы тѣхъ ко истинному приведоша свѣту» ²⁴² .

В «Поучении» отсутствуют подробности плача об умершем князе («боляре яко отьца, и народи аки заступника, сироты — помощника, вдовицы и нищие — печальника и кормителя») — этот фраг-

²⁴⁰ Подробнее о значении понятий «правда» и «истина» в древнерусской книжности см.: Юрганов А. Л., Данилевский И. Н. «Правда» и «Вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 144–170; Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 33–66.

²⁴¹ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 383 об. В «Похвале» (см.: РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 243 об. — 244) читается тот же текст.

²⁴² СК. С. 131.

мент, который в подобном виде отсутствует также и в летописных источниках СК, автор памятника, как отметил В. В. Кусков²⁴³, позаимствовал из проложного Жития Владимира²⁴⁴.

Начало «Похвалы вкратце» Владимиру (71 гл. 1 ст.) также выполнено с использованием значительного отрывка «Поучения», который внесён в текст СК практически без изменений²⁴⁵. Крупный, уже отмеченный выше, фрагмент 72 гл. 1 ст. также, по всей видимости, восходит к «Поучению»:

«Поучение»	СК
<p>«Вся же земля Руская тебе, княже Владимире, яко Господня апостола молебными пѣсньми память твою празднующе похвальныя вѣнца приносим ти глаголюще: „Радуйся блаженный Владимире, приимый венецъ от руки вседержителя Бога! Радуйся святая глава вождю и оучителю нашъ, им же, избывше тмы, свѣтъ познахом! Радуйся честное древо самаго рая, иже израсти нам лѣторасли святая мученика Бориса и Глѣба, от нею же нынѣ сынове рустии насыщаются, приѣмлюще недугомъ исцеление! Радуйся дѣлателью Христовы вѣры истерзавъ лестное терние от земля Рускыя и взорав крещением всю Рускую землю и насѣявъ святыми книгами, от них же жнут рустии сынове полезныя руко-</p>	<p>«...и просветителя нашего Владимера, сотворышаго дѣла велика и равно апостоломъ, его же всечестную память радостно празнующе, и отчасти малое похваление любезно вопиюще, сице глаголемъ. Радуйся, приимый вѣнецъ добродѣтелей ради отъ руки Вседержителя Бога! Радуйся, просветителю нашъ и добрый пастырю и благий учителю: тобою бо изъ тмы во свѣтъ приидохомъ! Радуйся, честное и многорасленое древо нетлѣннаго рая, израстившее намъ святыя лѣторасли, великихъ мученикъ Бориса и Глѣба, ихъ же на помощь вси вѣрнии призывающе отъ всякого зла избавление приемлють! Радуйся, исторгий лестное терние изъ Руския земли и воздѣлавъ святымъ крещениемъ и умягчивъ вѣрою Христовою, насѣявъ же святыми книгами, отъ нихъ же жнуть вси вѣрнии рукояти по-</p>

²⁴³ Кусков В. В. Степенная книга. С. 444.

²⁴⁴ Ср.: «...бояре акы отца, людие заступника, сироты акы помощника, вдовици и нищии печалника и кормителя» (Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Тексты. С. 21).

²⁴⁵ Ср.: СК. С. 131–132; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 383 об. — 384. Сходный текст дает и «Похвала» (см.: РГБ. Ф. 304. I. № 678. Л. 245 об. — 246).

яти покаяния и друзии оуже
ядят нескоудную пищю во цар-
ствии небеснѣмъ...“»²⁴⁶.

каяния и ядять неоскудную пищу въ
Царствии Небеснемъ...»²⁴⁷.

К правке текста источника при внесении его в СК кроме перестановки ряда слов можно отнести несколько вставок, которые носят пояснительный характер. Так, автор памятника заменяет «приимый венецъ» «Поучения» на «приимый вѣнецъ добродѣтелей ради», тем самым уточняя, что «венецъ» от Бога Владимир получил за свои добродетели. Усиливает книжник и мотив учительства этого князя, заменяя «святая глава воюю и оучителю нашъ» на «просветителю нашъ и добрый пастырю и благий учителю». При этом слова «святая глава воюю» в памятнике середины XVI в. были заменены на сочтенное, видимо, более благозвучным выражение «просветителю нашъ и добрый пастырю».

В соответствии с «Поучением» выполнено окончание повествования о Владимире в 72 гл. 1 ст.²⁴⁸. Как и прочіе вошедшие в СК фрагменты, этот отрывок подвергся правке. В слова «дароуй намъ присносвятого твоего и равного апостолом Владимира память духовно праздновати и преподобиємъ въспоминати его и всѣхъ святыхъ православныхъ царей и пастырь» своего источника автор произведения путем вставки поместил «и князей» (в СК читается: «...въспоминати его и всѣхъ святыхъ православныхъ царей и князей и пастырей»). Причина этого дополнения, скорее всего, заключалась в желании книжника расширить круг тех, кто подобно Владимиру подлежал «въспоминанию» за счет включения в него князей — очевидно, потомков равноапостольного князя. Обращает на себя внимание и правка слов «Поучения» «благоверномуу и христолюбовомуу великомуу князю нашемуу» — СК содержит указание на «благоверного же и благочестивого и христолюбиваго царя и великого князя». Здесь, как видим, наряду с вставкой эпитета «благочестивого» в памятник помещено и более важное указание на Владимира как «царя». Подобная вставка встречается и ниже²⁴⁹.

²⁴⁶ РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 384 об.

²⁴⁷ СК. С. 136.

²⁴⁸ СК. С. 136–137; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 385–387 об.

²⁴⁹ Ср.: в «Поучении» — «преславнаго великого князя и равного апо-

Обращает на себя внимание правка в СК молитвы о даровании князю победы на «супостаты». Создатель памятника уточняет — «преславную бесь крови побѣду». Изменены в СК и слова «Поучения» «утверждение наслѣдию твоемоу» на «утверждение наслѣдию отческому». Вероятно, эта правка обуславливалась желанием книжника подчеркнуть династическую преемственность власти древнерусских князей. В этом фрагменте также фиксируется вставка в перечень круга тех, кто славит Владимира. Если в «Поучении» фигурируют «князи и люди, архиреа же иереа, воя и препростыя инокы же и бѣлца моужа же и жены и всякыи възрасть», то в СК круг молящихся шире — «князья и боляре и вся чиновники, и прочие люди, и все воинство християнское, и ерей, и весь причет церковный, препростые иноки же и бельца, мужа же и жены, и всякий възрасть».

Большие сложности в определении источника вызывает целый ряд фрагментов СК, которые восходят к «Слову о законе и благодати». Кроме сочинения Илариона они также встречаются в «Поучении»²⁵⁰. Сравнение этих известий с текстом «Слова» и «Поучения» не дает возможности точно ответить на вопрос о том, откуда именно они были позаимствованы в СК. Обратимся к этим отрывкам.

Первым подобным фрагментом, который обнаруживает связь как со «Словом», так и с «Поучением», является вставка в текст летописной повести об убиении Варяга и его сына Иоанна. Вслед за своими летописными источниками Ник. и Воскр.²⁵¹ повествуя о событиях языческого периода правления Владимира, книжник в 21 гл. 1 ст. вводит восходящее к сочинению Илариона указание на то, что киевский князь «окрестныя страны покори под ся, овыи миромъ, а непокоривыя мечемъ»²⁵².

Другой восходящей к «Слову» вставкой, является крупный фрагмент 22 гл. 1 ст., которая сообщает о «начале желания Влади-

столомъ Владимира», в СК — «преславнаго и равноапостольнаго царя и великаго князя Владимира» (см.: СК. С. 137; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 387).

²⁵⁰ Эти фрагменты также совпадают с текстом «Похвалы» Владимиру.

²⁵¹ *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 56; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 97.

²⁵² СК. С. 70; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати». С. 175; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 377 об.

мерова во благочестие». Очевидно, желая усилить мотив участия Бога в деле «просвещения» разума киевского князя, автор СК включает восходящий к «Слову» фрагмент, который также содержится в «Поучении»:

«Слово о законе и благодати»	СК
«Прииде на нь посѣщение Вышняго, и како призре на нь всемилостивое око благаго и челоуѣколюбиваго Бога и восиа разумъ в сердци его» ²⁵³ .	«...ко сказанию, како прииде на нь посѣщение Вышняго, и како призре на нь всемилостивое око благаго и челоуѣколюбиваго Бога, хотящаго помиловати новыя люди своя, иже въ Рустей велицей земли» ²⁵⁴ .

Как видим, окончание фразы своего источника книжник изменяет, вводя уточнение — «хотящаго помиловати новыя люди своя, иже въ Рустей велицей земли».

В заключительную часть Жития Владимира в СК (72 гл. 1 ст.) вводится восходящий к сочинению митрополита Илариона пассаж, который был весьма популярен в русской средневековой книжности²⁵⁵: «...хвалить Римская страна похвальными гласы Петра и Павла, има же вѣроваша во Исуса Христа, сына Божия, Асия и Ефесь и Патомъ — Ивана Богослоава, Индия — Фому, Египеть — Марка, Антиохийская земля — Луку, Греческая — Андрея, вся же прочая грады и страны, людие чѣтутъ и славятъ коегождо ихъ своего учителя, иже научиша ихъ православной вѣре...»²⁵⁶.

Есть, однако, основания полагать, что при написании этого рассказа в СК было использовано также и проложное Житие — в «Слове» (а также в «Похвале» и «Поучении») нет слов «Антиохий-

²⁵³ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 175; РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 377 об. — 378. Аналогичный рассказ содержится также и в «Похвале» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 238).

²⁵⁴ СК. С. 71–72.

²⁵⁵ Подробнее об использовании этого фрагмента «Слова о законе и благодати» в древнерусской письменности см.: Никольская А. Б. «Слово» митрополита Киевского Илариона. Ses. 3. S. 557–563.

²⁵⁶ СК. С. 135. Сходный текст читается в «Слове» (Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 174), «Поучении» (РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 384), а также «Похвале» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 246).

ская земля — Луку, Греческая — Андрея», которые есть в Житии²⁵⁷. В то же время в Житии отсутствуют содержащиеся в «Слове», «Похвале», «Поучении» и СК слова «вся же прочая грады и страны, людие чьтут и славят коегождо ихъ своего учителя, иже научиша ихъ православной вѣре». Скорее всего, взяв за основу восходящий к «Слову» рассказ (в передаче самого «Слова» или «Поучения»), книжник дополнил его содержащимися в Житии подробностями. Таким образом, ряд, в который помещен Владимир, был пополнен такими авторитетными персонажами, как апостолы Лука и Андрей (как будет показано ниже, к последнему автор СК проявлял особый интерес).

Результаты сравнения 5 гл. 2 ст. со «Словом» и «Поучением» В. Барнетта²⁵⁸ не дают оснований согласиться с предположением В. В. Кускова о том, что ее текст целиком принадлежал перу автора СК²⁵⁹. Этот фрагмент повествует о просвещении Руси «зарей благоверия» после крещения и может быть возведен к обоим этим памятникам (текст восходящего к «Слову» рассказа следует со слов «идольский мракъ отъ насъ до коньца отгнася» до «Христось воцарися и прославися»²⁶⁰).

Закономерен вопрос — а было ли в СК использовано непосредственно «Слово» или восходящие к нему сюжеты в нее вошли посредством «Поучения»? Для ответа на этот вопрос был предпринят поиск фрагментов СК, которые могут быть возведены лишь к «Слову». Такие отрывки были найдены (в «Похвале» и «Поучении» они отсутствуют). Служащие своего рода введением к 8 гл. 1 ст. слова о том, что «и прежде Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка»²⁶¹, обнаруживают содержательную близость к описанию Владимира Святославича в

²⁵⁷ «Антиохия — Луку, а Греческая — Андрѣя» (Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Тексты. С. 21).

²⁵⁸ Barnette W. Stepennaja kniga. P. 155–156.

²⁵⁹ Кусков В. В. Степенная книга. С. 114.

²⁶⁰ СК. С. 170–171; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 176. Аналогичный текст содержат «Поучение» (РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 380 об. — 381) и «Похвала» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 240 об. — 241).

²⁶¹ СК. С. 63.

«Слове»²⁶². Другим случаем использования отрывка, содержащего лишь в «Слове», является уже отмеченная выше вставка в основанный на «Памяти и похвале» фрагмент 60 гл. 1 ст., который восходит к фразе «Слова» (в «Похвале» и «Поучении» этих слов нет): «...не единого обративъ человека от заблужения идольския лъсти, ни десяти, ни града, но область свою»²⁶³. Третий пассаж, возводимый лишь к сочинению митрополита Илариона, содержится в 71 гл. 1 ст.:

«Слово о законе и благодати»	СК
«От святыхъ писании реченое, от Иякова апостола, яко „обративый грѣшника от заблужения поутѣ его спасеть душу от смерти и покрыть множество грѣховъ“; да аще единого человека обратившему толико възмездие от благаго Духа ²⁶⁴ , то како убо спасение обрѣтъ, о Василие, како бремя грѣховное расыпа, не единого обративъ человека от заблужения идольския лъсти, ни десяти, ни града, но всю область свою» ²⁶⁵ .	«Яко же пишеть Ияковъ апостоль, яко „обративый грѣшника отъ заблужения пути его, спасеть душу отъ смерти и покрыть множество греховъ“; да аще единого челоувѣка обратившему толико възмѣздіе отъ благаго Бога, то какво спасение обрѣте сей предивный въ праведницехъ самодержавный Владимиръ: не единого челоувѣка обрати отъ заблужения идольския лъсти, ни десяти, ни градъ, но всю

²⁶² Ср.: «...моужеством же и храборьствомъ пресловувша въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словоутъ не в хоудѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Русстѣи, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля» (Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 175). Несмотря на отсутствие прямых текстуальных параллелей, можно предположить, что в этом фрагменте СК был использован отрывок из похвалы Владимиру в «Слове». Как отмечает А. Б. Никольская (Никольская А. Б. «Слово» митрополита Киевского Илариона. Ses. 3. S. 557–563; Ses. 4. S. 853–855), рассматриваемый отрывок и его вариации были популярны в памятниках XVI в.

²⁶³ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 178–179.

²⁶⁴ В др. списках «Бога» (Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 183. Прим. 67).

²⁶⁵ Там же. С. 178–179.

область превеликия его державы» ²⁶⁶ .
--

Среди случаев правки этого фрагмента «Слова» при его включении в СК можно отметить произведенную, очевидно, в целях сокращения и упрощения текста, замену слов «От святыхъ писанин реченое, от Иякова апостола» сочинения Илариона на «яко же пишеть Ияковъ апостоль». Обращает на себя внимание изменение в СК краткого обращения своего источника «о Василие» на «сей предивный въ праведницехъ самодержавный Владимиръ». Как показывает эта правка, автору памятника было важно подчеркнуть достоинства («предивный») и статус («самодержавный») князя. Кроме того, автор СК раскрывает понятие «всю область свою», указывая на то, что равноапостольный князь крестил «всю область превеликия его державы». К этим фрагментам также следует прибавить и отмеченную А. В. Сиреновым близость к «Слову»²⁶⁷ отрывка из речи греческого философа Владимиру — «Малахия рече...» (26 гл. 1 ст.), который также отсутствует в «Похвале» и «Поучении».

Приведенные примеры дают основания полагать, что к созданию СК наряду с восходящим к «Слову» «Поучением» было привлечено и само сочинение киевского митрополита. Рассмотренный выше материал показал отсутствие случаев исключительной близости к СК «Похвалы» (она лишь дублирует содержащиеся в «Слове» и «Поучении» известия). Это дает основание именно в «Слове» видеть наиболее вероятный источник целого ряда известий, которые наряду с сочинением митрополита Илариона также есть и в «Похвале». Рассмотрим их.

Восходящий к «Слову» крупный фрагмент содержится в 25 гл. 1 ст. Он следует сразу же за рассказом о пророчестве Ольги относительно крещения Русской земли: «...Слышано бѣ ему всегда, како греки единого Бога въ Троицы чтуть и покланяются Ему, како въ нихъ силы дѣются и чюдеса, и знаменія, и како церкви людей исполнены, и како вси гради благовѣрни, вси въ молитвахъ приле-

²⁶⁶ СК. С. 132.

²⁶⁷ СК. С. 84; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 167; Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 262–263.

жать, вси готови предстоятъ; и о сихъ всехъ внять си мыслию и сердце разгорешся Духа Святого благодатию; начаша умышляти, како быти ему християну и земли его»²⁶⁸.

Другой подобный отрывок содержится в рассказе о погребении тела Владимира в 70 гл. 1 ст. В этом фрагменте фиксируется интересное семантическое разночтение. Так, если в «Слове» (а также в «Похвале») читается «иде же и мужьственное твое тѣло лежить, ждя трубы архангеловы»²⁶⁹, то в СК читается: «идѣжѣ и до нынѣ почивають честныя его мощи, ожидая всестрашныя трубы архангелевы»²⁷⁰. Как видим, книжник эпохи Ивана IV предпочел написать о «честных мощах» равноапостольного князя, опустив указание на его «мужественное» тело.

Также, очевидно, к «Слову» восходит фрагмент, в котором Владимир сравнивается с императором Константином Великим²⁷¹. Сочинение митрополита Илариона, как отметил В. Барнетт²⁷², послужило источником и характеристики Ярослава Владимировича в 1 гл. 2 ст. Слова этой главы о том, что Ярослав «отьческимъ богомудростнымъ стопамъ правовѣрно послѣдуя и вся православныя дахматы по Бозѣ трудолюбно утверждая и вся христианския законы непревратно исправляя и прочая благочестивыя уставы не умаляя, ни превращая, но паче сугубо наполняя» являются цитатой заключительной части похвалы Владимиру в «Слове»²⁷³.

²⁶⁸ СК. С. 74; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 175. В «Похвале» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 238–238 об.) содержится тот же рассказ.

²⁶⁹ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 179. Сходный отрывок есть в «Похвале» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 244).

²⁷⁰ СК. С. 131.

²⁷¹ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 132. Аналогичный текст содержится и в «Похвале» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 244–244 об.).

²⁷² Barnette W. Stepennaja kniga. P. 156.

²⁷³ Ср.: СК. С. 168; Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 180. Близкий текст читается в «Похвале» (РГБ. Ф. 304.1. № 678. Л. 244 об.). Как отметил А. В. Сиренов (Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 278), этот отрывок в Волк. (Л. 265–265 об.) был (по недосмотру писца?) продублирован в тексте 4 гл. 2 ст. между словами «юже святыи

Для удобства итоги разбора известных СК, «Слова о законе и благодати», «Похвалы» и «Поучения» представлены в виде таблицы:

Фрагмент СК	Гл., ст.	«Слово»	«Похвала»	«Поучение»
«Владимир — доблая благочестия ветвь...»	1 гл. 1 ст.		+	+
«И прежде Рюрикова пришествия...»	8 гл. 1 ст.	+		
«Окрестные страны покори под ся...»	21 гл. 1 ст.	+	+	+
«Прииде на нь посъщение Вышняго...»	25 гл. 1 ст.	+	+	+
Благочестие греков	25 гл. 1 ст.	+	+	+
«Малахия рече...»	26 гл. 1 ст.	+		
Сосшествие руки с неба	29 гл. 1 ст.		+	+
Крещение Суздальской земли	42 гл. 1 ст.		+	+
Поучение Владимира сыновьям	50 гл. 1 ст.		+	+
«Не единого себе исторже отъ тьмы прелести диявола...»	60 гл. 1 ст.	+		
«Блаженный бо Владимиръ тогда уже старости маситы достиже...»	69 гл. 1 ст.		+	+
«Военачальницы же Владимира...»	70 гл. 1 ст.		+	+

Владимир, отец Ярославль, велику създа» и «по Феопенте же митрополите», но затем зачеркнут. Правка была учтена в последующих списках СК (Томск. Л. 198 об.; Чуд. Л. 204 об.).

«Цѣломудренное и чистое житіе прпровождаше...»	70 гл. 1 ст.		+	+
Погребение Владимира	70 гл. 1 ст.	+	+	
«Подвиг добрый показа...»	71 гл. 1 ст.		+	+
«Яко же пишетъ Ияковъ апостоль...»	71 гл. 1 ст.	+		
«Подобна великому Константину...»	71 гл. 1 ст.	+	+	
«Хвалить Римская страна...»	72 гл. 1 ст.	+	+	+
Окончание 72 гл.	72 гл. 1 ст.			+
Характеристика Ярослава	1 гл. 2 ст.	+	+	
«Идольский мракъ отъ насъ...»	5 гл. 2 ст.	+	+	+

Таблица показывает, что лишь «Похвала» не имеет случаев исключительной близости к СК — ее известия дублируются «Словом» и «Поучением». Это дает основания определить «Слово» и «Поучение» как наиболее вероятные источники СК. Как видим, и по объему привнесенного в нее материала, и по характеру текстов о Владимире наряду с «Памятью и похвалой» Иакова Мниха сочинение киевского митрополита и «Поучение» на память киевского князя могут быть отнесены к тем похвалам, об использовании которых говорит автор СК в 1 гл. 1 ст.

В. В. Кусков справедливо указал на связь 1 ст. с проложным Житием Владимира, отметив его использование в 70 гл.²⁷⁴ Так, широко распространенные в летописных сводах слова «боляре яко отьца, и народи аки заступника, сироты — помощника, вдовици и

²⁷⁴ Кусков В. В. Степенная книга. С. 104, 304, 444. Исследователь ошибочно 70 гл. называет 69. Это обуславливалось тем, что в Пискаревском списке, который П. Г. Васенко положил в основу издания, отсутствовали слова «Глава 70», которые есть в других привлеченных к изданию списках. См.: СК. С. 129. Прим. 20.

нищие — печальника и кормителя» наибольшую близость обнаруживают к проложному Житию Владимира²⁷⁵. Результаты сопоставления памятников дают основания отметить еще три случая исключительной близости СК к этому памятнику.

В повествующей о походе Владимира на Корсунь 28 гл. 1 ст. автор СК сообщает срок осады Корсуны, указывая, что князь «шесть бо мѣсяць стоя у града»²⁷⁶. В предшествующих СК летописных сводах эта деталь отсутствует²⁷⁷. Указание на шестимесячную осаду содержит лишь проложное Житие Владимира²⁷⁸, которым, очевидно, книжник и воспользовался при дополнении летописного известия. Можно предположить, что эта уточняющая вставка была внесена для того, чтобы создать максимально подробный рассказ о походе Владимира на Корсунь, который закончился крещением этого князя и Руси.

Другим восходящим к проложному Житию фрагментом является содержащееся в 38 гл. 1 ст. сообщение о строительстве церкви св. Тура в Киеве. Памятник сообщает о том, что «на мѣсте же, идѣже снидошася киевстии людие, крестишася, и ту поставлена бысть церковь во имя святого мученика Турова, и оттоле наречеса мѣсто оно святое мѣсто. По истиннѣ же свято мѣсто, идѣже много множество людей сшедшеся диявола отвергошася и Христу общашася и святымъ крещениемъ просвѣтишася и осветишася»²⁷⁹. Эта деталь, по всей видимости, также была почерпнута из проложного Жития, скорее всего, в первой, согласно классификации А. А. Шахматова²⁸⁰, редакции²⁸¹. Как было уже отмечено при

²⁷⁵ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 21. Этот фрагмент был рассмотрен выше.

²⁷⁶ СК. С. 93.

²⁷⁷ Среди предшествующих СК сводов лишь Рогожский летописец и ЛА указывают на срок осады Корсуни, сообщая о том, что Владимир «стоявъ подь градомъ 3 мѣсяци». См.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 15; Т. 16. Стб. 38.

²⁷⁸ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 18.

²⁷⁹ СК. С. 107.

²⁸⁰ *Шахматов А. А.* Как назывался первый русский святой мученик? // Изв. АН. Сер. 6. 1907. Май. С. 261–264.

²⁸¹ Ср.: «И отолѣ наречеса мѣсто святое идеже нынѣ церкви есть Петрова» (в прочих привлеченных к изданию списках читается: «святою му-

разборе восходящего к «Слову о законе и благодати» фрагмента СК («Хвалить Римская страна похвальными гласы...»); проложное Житие, вероятно, послужило источником добавлений сравнения Владимира с апостолами Андреем и Лукой (72 гл. 1 ст.).

Приведенный выше материал позволяет говорить о 4 случаях использования Жития в 1 ст. В то же время, как можно заметить, обширные фрагменты из этого произведения в СК не заимствовались — проложное Житие служило источником добавлений к известиям других источников. Это могло обуславливаться тем, что содержащийся в данной редакции Жития Владимира материал по каким-то причинам не устраивал автора СК — как указывалось выше, он в 1 гл. 1 ст. прямо указывает на то, что в Житии события жизни Владимира описаны «вкратцѣ». Сравнение Жития с текста-

ченику Тирова», «Тярова», «оу Тоурова», «Торова» «в Тоурове», «Петрова в Туровѣ»). См.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. Тексты. С. 15. Прим. 55. В историографии (*Рожнецкий С.* Как назывался первый русский святой мученик? // ИОРЯС. 1914, Т. 19. Кн. 2. С. 94–98; *Марков А. В.* Как звали первых св. мучеников на Руси // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 437; *Турилов А. А.* «Человек божий именем» (Об имени старшего варяга мученика) // ВЕДС: Язычество, христианство, церковь. М., 1995. С. 83) была отмечена возможность перехода чтения Тур — Тудор — Феодор (имени варяга). По мнению А. А. Шахматова (*Шахматов А. А.* Как назывался первый русский святой мученик? С. 261–264), чтение «Турова» предшествует чтению «Петрова» (последнее, согласно его мнению, является искажением первого). А. В. Назаренко (*Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 383–384) выдвинул предположение о том, что оба варианта чтения («церквы... Петра» и «церквы... Турова») являются древними. Оставляя за скобками вопрос о первичности этих чтений, можно предположить, что автор СК располагал списком Жития, в котором содержалось чтение «Турова». В историографии упоминаемая в СК церковь св. Тура связывалась с «Туровской божницей», которая фигурирует в записи Ип., МЛС и Воскр. под 1146 г. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321; Т. 25. С. 37; Т. 7. С. 35; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1997. Т. 1. Первая половина. С. 169. Прим. 2; Из Степенной книги царского родословия (комментарии В. К. Зиборова, О. П. Лихачевой, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой, Л. А. Чуркиной) // БЛДР. СПб., 2003. Т. 12, Комментарии. С. 599.

ми «Памяти и похвалы», «Слова о законе и благодати», «Похвалы», «Поучения» показывает, что содержащийся в проложном Житии материал действительно по своему объему значительно уступает этим памятникам. Также не исключено, что другой причиной незначительности заимствований из Жития в 1 ст. было несоответствие этого произведения литературным стандартам книжника круга митрополита Макария. Поэтому, желая создать подробное жизнеописание Владимира, автор СК воспользовался более пространными описаниями других памятников, которые счел необходимым дополнить деталями, содержащимися в проложном Житии.

Сложный состав имеет 8 гл. 1 ст. («Царю Феодосию брань съ Русию»). Ввиду важности текста этой главы для определения его источников приведем его полностью: «Царю Феодосию брань съ Русию. Иже и прежде Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка, воинствоваху бо и тогда на многия страны и на Селунский градъ и на Херсунъ и на прочихъ тамо, яко же свидѣтельствуеъ нѣчто мало отчасти въ чудесѣхъ великомученика Димитрия и святого архиепископа Стефана Сурожскаго, ова же индѣ. И яко же выше речено, иже и на самый Царьградъ многажды прихождаху; еще же древле и царь Феодосий Великий имѣяше брань съ русскими вои, его же укрепи молитвою великий старецъ египтянинъ именемъ Иванъ Пустынникъ. Послѣди же и при Ираклии цари ходиша Русь и на царя Хоздроа Перскаго»²⁸².

Этот рассказ не встречается ни в одном из предшествующих СК летописных сводов. Откуда могли быть почерпнуты приведенные выше сведения?

Как было отмечено при изучении связи «Слова о законе и благодати» и СК, служащие своего рода введением к рассматриваемому отрывку слова о том, что «и прежде Рюрикова пришествия въ Словенскую землю не худа бяше держава Словенскаго языка», обнаруживают содержательную близость к характеристике Владимира Святославича в сочинении митрополита Илариона. В. Г. Васильевский указал, что «представление о до-рюриковском походе славян — очевидно, русских — на Корсунъ основано здесь на сказании о чудесах Стефана Сурожскаго»²⁸³. Представляется справедливым мнение ис-

²⁸² СК. С. 63.

²⁸³ Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1915. Т. 3. С. СХLII.

следователя, который считал, что «ссылка в Степенной книге показывает, что в первый период царствования Иоанна Грозного Житие Стефана Сурожского было уже хорошо известно и рассматривалось как важный исторический документ, свидетельствующий о славе русского имени еще до призвания варягов»²⁸⁴ (Житие было помещено в ВМЧ под 15 декабря). В появившемся в первой половине XV в.²⁸⁵ славяно-русском переводе Жития Стефана Сурожского сообщается о приходе некоего новгородского князя Бравлина, который «пленил отъ Корсуня до Корца, съ многою силою прииде к Сурожу»²⁸⁶. Как видим, ссылка на Житие Стефана Сурожского имеет вполне адресный характер — в нем указывается на походы Руси на «Херсунь и на прочихъ тамо» (под ними, видимо, подразумеваются «Корцъ» и «Сурожъ»). В СК сохранено лишь упоминание самого похода, подробное описание которого отсутствует.

Житие Стефана Сурожского не содержит известие о походе Руси на «Селунский градъ» и на другие «многыя страны». Как отметил А. А. Турилов²⁸⁷, это свидетельство было взято из Чудес Дмитрия Солунского, на что указывает сам автор СК («яко же свидѣтельствуєтъ нѣчто мало отчасти въ чудесѣхъ великомученика Димитрия»). По-видимому, он имел в виду «Чудо о градѣ Солуньстѣмъ и о Пребудѣ князѣ и неослабнѣмъ его воевании»²⁸⁸. Рассказ о чуде повествует о том, что «словене ругхиньстии и струмлене, и вси събрашеся единодушно, и многыми въиньствы, бесчисленными приидоша на градъ нашъ Солунь, и уставиша межъ собою, яко струмлене вѣсточную страну и южную да плѣннуть, ругхвиньскимъ же западныя и приморскаяа страны и мѣста, и до двою лѣту непрестанно творяху сражения же трижды и четьрежды днемъ»²⁸⁹. Только вмешательство покровителя города, который, «явися не во снѣ, но явѣ», «жезль же в руцѣ носящи, изгоняше словень, входящихъ въ враца, жезломъ своимъ биаше ихъ», спасло обессиливших

²⁸⁴ Там же. С. CCLXII.

²⁸⁵ Там же. С. CCLX.

²⁸⁶ Там же. С. 95.

²⁸⁷ Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси. С. 48.

²⁸⁸ Описание этого чуда помещено в ВМЧ под 26 октября (ВМЧ. Октябрь. Дни 19–31. СПб., 1880. Стб. 1928–1943).

²⁸⁹ Там же. Стб. 1932.

от голода защитников города и привело к тому, что «погании, посрамившиеся, начаяша мира просити»²⁹⁰. Подробное описание всех перипетий осады города опущено. Скорее всего, для книжника эпохи первого русского царя было важно подчеркнуть сам факт похода Руси на Солунь. Таким образом, ссылка на Чудеса Дмитрия Солунского также носит вполне реальный характер.

Сложнее дело обстоит с упоминанием войн Руси с Феодосием Великим. Предшествующие СК памятники, повествуя о его правлении, ничего не сообщают о войнах с Русью. Книжник в этом рассказе ссылается на Ивана Пустынника, который своей молитвой укрепил императора на брань с «русскими воями». По-видимому, автор СК воспользовался известным в XV–XVI вв. сюжетом о том, как отшельник Иоанн вдохновил Феодосия на борьбу с последователями Юлиана Отступника²⁹¹. Правда, в этом сюжете какое-либо указание на Русь отсутствует. Б. М. Клосс²⁹² в связь с рассматриваемым сюжетом поставил «Поучение Фотѣ митрополита Киевскаго и всея Руси къ великому князю Василию Дмитриевичу», появление которого В. Вальденберг датировал временем ок. 1410 г.²⁹³ Это произведение сообщает о том, что Феодосий сражения «имѣаше съ рускими вои, преже крещения ихъ». Заканчивая рассказ о победах этого императора, Поучение Фотия повествует о том, что он «24 брани сотвори въ своемъ царствѣ съ рускими вои и съ восточными и со многими иныхъ мѣсть, и всѣхъ побѣждающе»²⁹⁴. В данном отрывке также упоминался некий безымянный «святой» старец, которого Феодосий почитал за многие добродетели²⁹⁵. Таким образом, можно предположить, что, зная о «брани»

²⁹⁰ Там же. Стб. 1937–1938, 1943.

²⁹¹ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование, словарь. Пг., 1920. Т. 1.: Текст. С. 390–391; *Летописец Еллинский и Римский*. СПб., 1999. Т. 1.: Текст. С. 330–331.

²⁹² *Клосс Б. М.* Никоновский свод. С. 186–187.

²⁹³ *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг., 1916. С. 159.

²⁹⁴ РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 296.

²⁹⁵ Там же. Стб. 297.

Феодосия с «русскими воями», автор СК связал с этим указание на молитву Ивана Пустынника о даровании победы императору, включив в число его врагов, на которых его укреплял Иван, «русских воев». Это в свою очередь дает основания к числу источников СК отнести Поучение митрополита Фотия Василию Дмитриевичу.

Значительный интерес представляет указание СК на то, что «при Ираклии цари ходиша Русь и на царя Хоздроя Перскаго». Во всяком случае, в Хр. 1512, который, по мнению В. В. Кускова, использовался в СК и в Хронике Георгия Амартола, из которых книжник мог почерпнуть информацию по всемирной истории, в описании войн Византии с Хосроем ничего не говорится об участии славян в борьбе с персами²⁹⁶. Предшествующие СК летописные своды содержат лишь указание на то, что «угри почаша быти при Ираклий цари, иже ходиша на Хозроа, царя Перскаго»²⁹⁷. Можно предположить, что, прославляя деяния Руси дорюриковой поры, автор СК счел необходимым написать о ее причастности к борьбе с «пренечестивым и прегордым Хозроем», который «всю поплени восточную страну и во Иерусалимъ взять и животворящий крест и вся люди поплени»²⁹⁸. Возможно, определенное влияние на это указание СК оказала «Повесть о Хоздрое»²⁹⁹, подробно описывающая бедствия византийской столицы от персидского царя. Не исключено также, что, как отметил Б. М. Клосс³⁰⁰, это известие являлось испорченной передачей текста Ник. — «угри... наследиша землю словенскую, сии бо угри почаша быти при Ираклии цари, иже ходиша на Хозроя царя перскаго»³⁰¹. Возможно, сообщение о походах Руси на Хосроя было связано с упоминанием в составе списка «Имен областей русских» угров³⁰², которые, согласно ис-

²⁹⁶ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 303–305; *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 432–435.

²⁹⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 5; Т. 7. С. 264. Аналогичное известие читается и в прочих предшествующих СК летописных сводах.

²⁹⁸ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 304.

²⁹⁹ На возможную связь этих произведений в личной беседе указала Г. Ленхофф.

³⁰⁰ *Клосс Б. М.* Никоновский свод. С. 186.

³⁰¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 5.

³⁰² СК. С. 63.

точникам СК, и воевали с персидским царем (7 гл. 1 ст.; подробнее эта глава будет рассмотрена ниже).

Закljučая разбор 8 гл., можно отметить, что для ее создания книжник привлек как минимум четыре источника, объединив их данные в связанный рассказ и, что не менее важно для понимания принципов его работы со своими источниками, прямо сослался на два из них (Житие Стефана Сурожского и Чудеса Дмитрия Солунского) и попытался связать рассказ о войнах Руси с Феодосием (Поучение митрополита Фотия Василию Дмитриевичу) с известным ему сюжетом (повествованием об Иоанне Пустыннике).

В. В. Кусков указал на то, что 35 гл. 1 ст. была дополнена иностранным рассказом о мощах Климента³⁰³. А. А. Турилов³⁰⁴ связал этот фрагмент с Житием св. Климента, помещенным в ВМЧ (под 25 ноября)³⁰⁵. В СК текст Жития передается с большими сокращениями (пропущено описание деятельности Климента в Риме, сокращен рассказ о его пребывании в Херсонесе). В заимствованном в СК отрывке Жития отмечены, очевидно, лишь важнейшие (с точки зрения автора памятника) эпизоды из жизни Климента: заточение в Херсонесе нечестивым Траяном, его миссионерская деятельность в изгнании, разрушение языческих храмов и посмертные чудеса³⁰⁶. Все эти уточнения краткого рассказа летописных источников СК о перенесении мощей св. Климента книжнику понадобились, видимо, для того, чтобы подчеркнуть значимость святого, чьи мощи оказались первыми мощами на Русской земле.

Как уже было отмечено ранее, источником заключительной части 53 гл. 1 ст. («Начало Ростовстей церкви») послужило Житие Леонтия Ростовского, возможно 10-й (согласно классификации В. О. Ключевского) редакции³⁰⁷. Результаты сравнения текстов СК

³⁰³ Кусков В. В. Степенная книга. С. 98. Прим. 12.

³⁰⁴ Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси. С. 50.

³⁰⁵ ВМЧ. Ноябрь. Дни 23–25. Пг., 1917. Стб. 3317–3337.

³⁰⁶ СК. С. 103–104.

³⁰⁷ Державин Н. С. «Степенная книга». С. 67; Кусков В. В. Степенная книга. С. 104. При этом исследователи не уточняли, какой редакцией воспользовался автор СК. Не берясь точно определить, какая именно из двенадцати, согласно классификации В. О. Ключевского (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 4–

и ее источника дают возможность отметить пропуск описания чудес Леонтия (за исключением чуда об ослеплении и исцелении ростовских язычников, поднявших руку на святителя). Заклучая свое краткое изложение Жития Леонтия Ростовского, автор СК отмечает, что «оттоле въ Ростове утвердися совершенно благочестие и до нынѣ».

Источники 73 гл. 1 ст., которая повествует о Борисе и Глебе, были определены Н. И. Серебрянским, который отметил, что редакция Сказания об этих князьях является «единственным опытом объединения текста Сказания с текстом Несторова жития»³⁰⁸. Н. И. Серебрянский, Д. И. Абрамович и В. В. Кусков указали на то, что основу 73 гл. 1 ст. составило Сказание о Борисе и Глебе, которое было дополнено сведениями из Чтения Нестора³⁰⁹. Среди подчерпнутых из Чтения сведений исследователи выделяли: подробности о детстве, о книжном учении и женитьбе Бориса, о количестве посланных с Борисом против печенегов воинов, о чтении Борисом брату, о милосердии братьев к бедным и нуждаю-

22), редакций Жития послужила источником произведения, отметим его близость к десятой редакции, которая была опубликована А. А. Титовым (см.: ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 1–35.). Ее близость к СК определяется указанием на то, что поставление Леонтия ростовским владыкой было обусловлено тем, что «Божия же ангела объявленъ бысть патриарху, да его освятить во епископы Ростову» (СК. С. 115) (в десятой редакции назначение было обусловлено троекратным гласом с неба (см.: ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 3–4), который книжник середины XVI в., возможно, счел необходимым приписать ангелу). Другие редакции лишь кратко констатируют, что Леонтий «за многия свои добродѣтели поставленъ былъ епископомъ города Ростова» (см.: Житие Святаго Леонтия, епископа Ростовского // ПС. 1858. Февраль. С. 301; аналогичный текст см.: Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982. С. 125). Во всяком случае, в выделенных и опубликованных Г. В. Семенченко (Семенченко Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 241–254) древнейших редакциях Жития — Синодальной и Троицкой — упоминание об этом эпизоде отсутствует.

³⁰⁸ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 98.

³⁰⁹ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 98; Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. XV. Прим. 1; Кусков В. В. Степенная книга. С. 109.

щимся, о любви к ним Владимира, о ненависти Святополка, подробности о подстрекательстве на убийство братьев Святополка дьяволом, молитву Бориса об отце, предсмертные молитвы Бориса и Глеба, известие о том, что Глеб, видя приближение посланных от Святополка убийц, отпустил своих слуг, рассказ об убийстве Глеба своим поваром³¹⁰. Как указал Д. И. Абрамович, Сказание вошло в текст СК полностью (тит. 1–6 73 гл.; тит. 7–17 Сказание чудес)³¹¹.

Рассматривая правку Сказания и Чтения в 73 гл., Н. И. Серебрянский отметил, что «главное внимание редактор [СК. — А. У.] обратил на разбавление древнего текста многословием; для этого ему не нужно было ни исторических, ни литературных источников и пособий»³¹². По мнению В. В. Кускова, Житие Бориса и Глеба в СК «представляло собой стилистическую переработку в риторическом вкусе своего времени» Сказания и Чтения, к которым были прибавлены летописные подробности. Среди них исследователь выделял рассказ об убиении Святослава Владимировича Святополком и повествование о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 и 1115 гг. Однако сравнение текстов дает основания не согласиться с В. В. Кусковым относительно источника рассказа о перенесении мощей в 1115 г. — этот рассказ в 17 тит. 73 гл. представляет собой дословную цитату из Сказания³¹³.

Исследователи³¹⁴ указывали на использование в 9 гл. 5 ст. Жития Всеволода Псковского и Слова на обретение его мощей³¹⁵, ко-

³¹⁰ *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. С. 98; *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба. С. XV.

³¹¹ *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба. С. XV.

³¹² *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. С. 98.

³¹³ СК. С. 160–163; *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба. С. 63–66.

³¹⁴ *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 76–77; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. С. 260; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 126.

³¹⁵ В исследовании используется список Жития и Слова в сборнике середины XVI в. (см.: РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 390 об. — 418; описание: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 592–604; *Клосс Б. М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 219, 243. Прим. 135), на который в своем исследовании Жития

торые были созданы ок. 1550–1552 гг. Василием-Варлаамом³¹⁶. В историографии был установлен факт правки Жития в СК путем дополнения его летописным материалом³¹⁷, а также отмечалось, что эти памятники в 9 гл. были подвергнуты редактированию, суть которого, однако, не была показана. Попытаемся восполнить этот пробел.

В СК изменено название повествования о Всеволоде³¹⁸. — в заголовке 9 гл. подчеркивается, что это «отчасти [выделено мной. — А. У.] жития и дивная чюдеса святого благовѣрнаго князя Всеволода». В начале Жития автор СК сообщает о том, что при повествовании о Всеволоде будет активно использоваться летописный материал («иже в лѣтописаниихъ обрѣтаемо, сице здѣ предложится на пользу слышащимъ»). Далее следует текст Жития, сообщающий о ранних годах жизни Всеволода. При этом также делается ряд вставок. Так, «князь великий Владимиръ Манамахъ» в СК заменено на «боговѣнчанный царь и великий князь...». После слов «пробывъ

Всеволода опирался Н. И. Серебрянский (*Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 258–260*).

³¹⁶ *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых. С. 248. Подробнее о создании Жития Всеволода редакции Василия-Варлаама см.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 257–261; СККДР. Л., 1988. Вып. 2. (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. С. 113; Неберекутина Е. В. Поиски автора Степенной книги. С. 159; Охотникова В. И. Житие Всеволода в редакции Василия и Григория (взаимоотношения редакций) // 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве (материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27–29 августа. Ярославль — Рыбинск). Ярославль, 2001. С. 131–141; Она же. Пути развития псковской агиографии. С. 318.*

³¹⁷ *Державин Н. С. «Степенная книга». С. 76–77; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 260. Прим. 1; Кусков В. В. Степенная книга. С. 126–127.*

³¹⁸ Ср.: «Житие и жизнь святого и благовѣрнаго великаго князя Всеволода Мстиславича, нареченнаго въ святемъ крещении Гавриила, новаго чудотворца Псковскаго, Господи благослови Отче» в Житии и «Отчасти жития и дивная чюдеса святого благовѣрнаго князя Всеволода, Псковскаго чудотворца, нареченнаго во святомъ крещении Гавриила и о обретеніи и о пренесении честныхъ его мощей» в СК (СК. С. 193; РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 390 об. — 391).

довольно время» фраза Жития³¹⁹ разрывается и следует вставка в его текст, очевидно, из летописного источника (вероятно, Воскр. или Ник.). Внесенный в СК фрагмент повествует о подробностях правления Мстислава Владимировича, изгнании им полоцких князей и о походе Всеволода, Изяслава и Ростислава Мстиславичей на чудь³²⁰. После слов «тогда сий святыи князь Всеволод» идет продолжение оборванной ранее летописной вставкой фразы текста Жития (со слов «отиде из Новаграда в Переславль»). Ниже (после слов «подвижесе на блаженнаго князя Всеволода») книжник вновь вмешивается в текст Жития. В этом месте он редактирует отрывок своего источника, который сообщал о походе на Всеволода «нѣкоего князя люта, Бога не боящася именем Юрья Владимировича»³²¹. СК сообщает о том, что на Всеволода пошел «стрый его великий князь Георгий Владимиричъ, рекомый Долгорукий Манамашъ»³²². Очевидно, писатель времени Ивана IV не мог допустить того, чтобы в текст памятника предок династии суздальских и московских «скипетродержателей» вошел «лютым» и Бога «не боящимся». После слов «отышедъ въ великий Новъградъ и тамо живяше» пропущены слова Жития «и добръ правяше жизнь свою и праведно судя милость и благоутробие ко всѣм имѣя». Вместо них в СК вставлены слова «и за неисправление чюдскихъ людей иде съ новоградцкими людьми на чюдъ и взя градъ Юриевъ, отеческое достояние». Эта фраза, по всей видимости, была заимствована из летописи³²³. Со слов «по времени же помысли» текст Жития возобновляется³²⁴.

Следующая значительная вставка сделана после слов «потомъ же въ лѣто 6645». Как отметил В. В. Кусков, эта вставка наиболь-

³¹⁹ Полная фраза — «пробывъ довольно время и посем отиде из Новаграда в Переславль» (РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 392).

³²⁰ Ср. с известиями Ник. и Воскр. об изгнании полоцких князей Мстиславом Владимировичем под 6637 г. и с известием о походе Всеволода, Изяслава и Ростислава Мстиславичей на чудь в 6638 г. (ПСРЛ. Т. 9. С. 156, 158; Т. 7. С. 28–29).

³²¹ РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 392.

³²² СК. С. 195.

³²³ ПСРЛ. Т. 9. С. 158; Т. 7. С. 29; Кусков В. В. Степенная книга. С. 126.

³²⁴ РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 392 об.

шую близость обнаруживает к записи Ник. под 6643 г.³²⁵, которая повествует о конфликте Новгорода с митрополитом Михаилом. В тексте вставки на основе Ник. уточнялись причины, побудившие Всеволода пойти на Ростов и Суздаль. В соответствии с текстом своего источника автор СК повествует о том, что «вражимъ наважени-емъ нѣции злии челоувѣци начаша подгнѣшати святого князя Всеволода Мьстиславича воиньствовати на грады на Суздаль и на Ростов». Вслед за этим следует указание на запрет митрополита Михаила новгородцам идти в поход на Суздальскую землю. Затем 9 гл. сообщает о «ветрах сильных и снегах великих и страшных сугубо», которые встретили ослушавшихся митрополита новгородцев. После слов «слышавше же людие суждальстии» текст Жития возобновляется³²⁶. Далее в рассказе о возвращении Всеволода в Новгород после поражения новгородской рати в битве на Ждане горе и его посажении новгородцами на дворе архиепископа в СК следуют подробности, которые отсутствовали в Житии (указание на захват семьи князя, число сторожей). По всей видимости, источником здесь служила запись Ник. под 6643 г.³²⁷. После этого текст Жития до конца следует без изменений и завершается словами «Ему же слава и держава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь». Вслед за Житием следует фрагмент «Слова на обретение мощей» — явление Всеволода Псковского пономарю³²⁸. Прочие содержащиеся в «Слове» чудеса пропускаются. Причины сокращения (а оно, как было отмечено выше, было заявлено в названии главы) текста Жития и Слова книжник объясняет в заключающих 9 гл. словах: «Многая же его неисчетная чюдеса кто можетъ сказати или исписати, елика же нѣции потыщашася отчасти снискати и писанию предати и сия во иной книзе въ житии его обрящеши»³²⁹.

³²⁵ СК. С. 195–196; ПСРЛ. Т. 9. С. 158–159.

³²⁶ При этом слова Жития «шедшу блаженному с мужи новгородци ратию на Суздаль и Ростовъ» в СК заменены на взятую, очевидно, из Ник. фразу «пойдоша на Суждаль и на Ростовъ со блаженнымъ княземъ Всеволодомъ мноюю ратию и съ нѣмци и со всею силою новгородскою» (СК. С. 196; РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 393; ПСРЛ. Т. 9. С. 159).

³²⁷ СК. С. 197; ПСРЛ. Т. 9. С. 159; Кусков В. В. Степенная книга. С. 126.

³²⁸ СК. С. 202–203; РГБ. Ф. 256. № 397. Л. 398 об. — 399 об.

³²⁹ СК. С. 203.

Как показывает рассмотрение 9 гл., редактирование своих источников автор СК свел к расширению описания гордыни новгородцев (для этого в повествование СК было введено почерпнутое из Ник. упоминание о гневе митрополита Михаила на новгородцев) и к сокращению Жития и особенно чудес Всеволода Псковского, которые в более полном виде читатель мог найти «во иной книзе».

Редакторская правка заключающего 5 ст. Жития Ефросинии Полоцкой, которое с 11 гл. этой статьи связал В. В. Кусков³³⁰, была рассмотрена А. А. Мельниковым. Установив, что в СК была использована редакция сборников, исследователь отметил единственное изменение текста Жития при включении его в СК³³¹. Эта правка касалась описания генеалогических связей полоцкой княжны. В Житии читалось «бысть князь в Полотьскоу именемъ Всеславъ. Тои имѣаше сыны многы. И бѣаше оу него сынъ меншии именемъ Георгии, от него же родися блаженнаа отроковице»³³². Как отметил А. В. Сиренов³³³, правка отразилась в древнейшем списке СК. Так, на нижнем поле л. 311 об. Волк. в тексте Жития Ефросинии Полоцкой редакторским почерком была сделана приписка к словам «Бысть князь в Полотску именемъ Всеславъ»: «сынъ Брячиславов внукъ Изяславов, правнукъ блаженаго и равноапостальнаго Владимира. Той же Всеславъ». Эта вставка прочно вошла в рукописную традицию памятника³³⁴.

На связь 18 гл. 6 ст. («Чудо преподобнаго Никиты Переяславскаго о исцелении князя Михаила Черниговскаго») с Житием Никиты Переяславского справедливо указал В. В. Кусков³³⁵. Однако необходимо уточнить особенности правки, которая сопутствовала

³³⁰ Кусков В. В. Степенная книга. С. 129.

³³¹ Мельников А. А. Литературная история агиографической повести о Ефросинии Полоцкой. С. 10–11. В настоящем исследовании к сравнению с СК привлечен один из списков выделенной А. А. Мельниковым редакции сборников См.: РГБ. Ф. 212. № 11. Л. 235–244 об.; описание: Довгалло Г. И., Хамицаева О. А., Неволин Ю. А. Собрание Олонецкой семинарии Ф. № 212. Опись. М., 1970 (машинопись). С. 7–9.

³³² РГБ. Ф. 212. № 11. Л. 235 об.

³³³ Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 288–289.

³³⁴ В Томск. (Л. 239) и Чуд. (Л. 246 об.) эти слова находятся уже в строке.

³³⁵ Кусков В. В. Степенная книга. С. 140; СК. С. 248–249.

включению этого фрагмента в СК³³⁶. В 18 гл. изменено начало отрывка Жития: Так, место его слов «в та же времена бѣ въ градѣ в Черниговѣ благовѣрныи князь Михайло» в СК заняла более пространная фраза: «Въ оно же время при державе великаго князя Всеволода Георгиевича черниговский князь Михайлъ Всеволодовичъ Чермнаго, еще младъ сый, внукъ Свѣтославль, правнукъ Ольговъ, праправнукъ Свѣтославль Ярославича Великаго». Таким образом, в СК была введена генеалогия (правда, не совсем точная — Михайл был не праправнуком, а прапраправнуком Святослава Ярославича) черниговского князя, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть его место в ряду представителей воспеваемого в памятнике рода. Кроме того, в 18 гл. сделан ряд других вставок. Так, слова Жития «и слыша о преподобномъ чудотворцѣ Никитѣ»³³⁷ в СК были заменены на «слышавъ же, яко во градѣ Переяславлѣ, иже на Клещине езерѣ есть старецъ святъ и преподобенъ именемъ Никита». Эта вставка, по-видимому, объяснялась, во-первых, стремлением дать максимально подробное описание Никиты, с другой стороны — знанием автором СК переяславской историко-церковной географии. Этим же, очевидно, обуславливалась и правка окончания рассматриваемого отрывка Жития — после заключающих его слов «хвалоу Богу въздая и его молебникоу чудотворцу Никитѣ»³³⁸ следует дополнение, очевидно, принадлежащее создателю СК, — «честный же той крестъ и до нынѣ [выделено мною. — А. У.] стоитъ, надписание лѣту цѣло имѣя». 18 гл. завершается кратким указанием на дальнейшую судьбу Михаила, который после своего «богоугодного господствия» в Чернигове «за Христа мучениемъ жизнь свою соверши отъ безбожнаго Батыя». Разбор рассказа о чудесном исцелении Михаила Черниговского позволяет предположить, что его редакция, скорее всего, принадлежала переяславцу, который в СК внес местные (переяславские)

³³⁶ В настоящей работе привлечен список Жития Никиты Переяславского, содержащийся в сборнике слов и поучений Аввы Дорофея начала XVI в. РГБ. Ф. 7. № 16. Л. 236 об. — 252 (рассматриваемый отрывок содержится на Л. 243–244 об.). Описание см.: Кудрявцев И. М. Описание рукописей собрания архимандрита Амфилохия. М., 1947 (машинопись). С. 14–16.

³³⁷ РГБ. Ф. 7. № 16. Л. 243.

³³⁸ Там же. Л. 244 об.

подробности, а также уточнил генеалогию Михаила и кратко сообщил о его дальнейшей судьбе. Это придавало 18 гл. характер законченного повествования о Михаиле Черниговском. Результаты анализа правки рассмотренного фрагмента Жития в свою очередь хорошо согласуется с предположением П. Г. Васенко об участии Андрея-Афанасия, бывшего родом из Переяславля, в написании СК.

Вслед за П. Г. Васенко³³⁹ отметив ссылки автора памятника на Киево-Печерский патерик, В. В. Кусков справедливо поместил его в число источников памятника. Исследователь указал один случай близости патерика к СК³⁴⁰. В конце 4 гл. 2 ст., в соответствии со своими летописными источниками повествуя о поставлении Илариона на киевскую кафедру, книжник указывает на то, что «поставиша на Руськую митрополию свята мужа именемъ Илариона, иже ископа себе пещеру, въ ней же последи его вселися преподобный Антоний Печерский, о немъ же довольно въ житии его, прочее же в Патерице Печерскомъ»³⁴¹. Киево-Печерский патерик действительно подробно повествует об основателе монастыря³⁴². Обращение к тексту СК дает основания отметить связь двух других фрагментов памятника с патериком. Так, к патерику восходит 2 гл. 3 ст. Сообщая об освящении Богородичной церкви в Печерском монастыре, книжник вводит в рассказ чудо о том, как «единою нощию въ Киевѣ, никимъ же звани от челоувѣкъ» русские епископы явились к митрополиту Ивану. Это чудо обнаруживает близость к содержащемуся в Киево-Печерском патерике «Сказанию о святѣй трапезѣ и о освящении тоа великиа церкви Божиа матере»³⁴³.

Рассмотрение 11 гл. 3 ст., которая повествует о Святоше Давыдовиче³⁴⁴, также побуждает обратиться к Киево-Печерскому патерику³⁴⁵. Его фрагмент при включении в СК подвергся правке:

³³⁹ Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия». С. 175. Прим. 3.

³⁴⁰ Кусков В. В. Степенная книга. С. 115, 304.

³⁴¹ СК. С. 170.

³⁴² Древнерусские патерики (Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик). М., 1999. С. 12–13, 23, 77–78.

³⁴³ СК. С. 174; Древнерусские патерики. С. 17–18.

³⁴⁴ СК. С. 180–183.

³⁴⁵ Древнерусские патерики. С. 28–32. В. В. Кусков (Кусков В. В. Сте-

Так, в памятнике изменен заголовок. Если в патерике повествование о князе озаглавлено «Слово о преподобнем князѣ Святоши Черниговском. Господи, благослови», то в СК «О блаженномъ князе Святоши Давидовиче, внуке Святослави Ярославиче»³⁴⁶. Очевидно, автора СК не слишком занимало то, что Святоша был одним из черниговских князей. По всей видимости, для него важно было подчеркнуть место князя в династии. Этим, скорее всего, и была обусловлена вставка в заглавие уточняющего указания на то, что он был внуком Святослава Ярославича. Любопытно, что создатель памятника разъясняет читателю мотивы пострижения князя. Так, если в патерике описанию ухода от мира Святоши предшествуют лишь слова «и се разумѣвъ», то в СК содержится развернутое объяснение мотивов князя: «...помысли прелесть жития сего суетнаго, яко вся мимо идетъ, будущая же благая непреходима и вѣчна суть и Царство Небесное бесконечно, еже уготова Богъ любящимъ его»³⁴⁷. Таким образом, книжник круга митрополита Макария подчеркнул смысл поступка Святоши. Начиная с заголовка «Труды» текст «Слова» следует почти без изменений. Единственным пропуском здесь является содержащаяся в источнике СК деталь, которая, очевидно, не имела большого значения для ее создателя, зато была важна для составителей патерика — указание на книги, которые Святоша пожертвовал монастырю³⁴⁸. Окончание повествования о князе Святоше Давыдовиче Киево-Печерского патерика сокращено. Так, в СК пропущены слова патерика о том, что Святоша «воистину сий болий всѣх князий русских»³⁴⁹. Можно думать, что при несомненном пиетете автора СК перед фигурой печерского

пенная книга. С. 300, 117), сообщая о связи СК с Киево-Печерским патериком, считал источник 11 гл. неизвестным. На связь этого патерика с 11 гл. 3 ст. указал В. Барнетт (*Barnette W. Stepennaja kniga*. P. 163).

³⁴⁶ Судя по зачеркнутой записи на правом поле Л. 277 Волк., изначально заголовком 11 гл. было «О Свѣтоши». Позднее на нижнем поле того же листа редактор вписал вошедшее в рукописную традицию (Томск. Л. 209, Чуд. Л. 215) памятника название. Можно предположить, что первый вариант не устроил книжника своей лапидарностью.

³⁴⁷ СК. С. 180.

³⁴⁸ Древнерусские патерики. С. 29.

³⁴⁹ Там же. С. 32.

инока он все же не мог признать Святошу «более» прочих князей Рюриковичей, включая и воспеваемых в 3–4 ст. Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха.

Есть основания полагать, что наряду с отечественными патериками к созданию СК привлекались и переводные. Источники 75 гл. 1 ст., которая повествует о посмертном крещении и перезахоронении братьев Владимира Ярополка и Олега Ярославом Владимировичем, специально рассмотрела Г. Ленхофф. Она установила, что для того, чтобы подкрепить этот не слишком каноничный акт авторитетным прецедентом, автор СК дополнил летописное известие двумя другими подобными примерами — рассказом о крещении костей Платона и сюжетом из некоего патерика. Вопрос об источниках первого рассказа прояснила Г. Ленхофф, которая отметила связь этого известия с Хр. 1512, с сочинениями Гурия Тушина и Максима Грека, в которых начал формироваться положительный образ эллинского мудреца³⁵⁰. На связь второго пассажа — рассказа о посмертном крещении Богом дочери праведного мужа, которая скончалась некрещеной, и о ее чудесном перезахоронении с христианами, — с Иерусалимским патериком справедливо указал В. Федер³⁵¹. Итоги сравнения 75 гл. со славяно-русским переводом этого памятника показывают, что рассматриваемый фрагмент СК является дословной цитатой из патерика³⁵².

³⁵⁰ *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised. S. 315–323.

³⁵¹ Цит. по: *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised. S. 323. Fus. 21.

³⁵² Ср.: СК. С. 167: РГБ. Ф. 304. I. № 701. Л. 191 об. (В настоящей работе используется список славяно-русского перевода Иерусалимского патерика 1469 г.):

Иерусалимский патерик	СК
«Глаголаше старецъ, яко бяше нѣкто изъ мира изшель, имѣя же-ноу такожед и дщерь оглашеноу, обаче же христианица. Раздѣли же имѣннѣя своя на три части. Преставльши же ся дщери его тако оглашеннѣ помощи ради и избав	«Яко же пишеть въ патерице, яко бяше нѣкто изъ мира изшель, имѣя жену и дщерь оглашену, и раздели имѣние свое на три части. Преставивши же ся дщери его некрещенѣ, и погребоша ю съ невѣрными. Отець же ея, хотя по

Единственной правкой этого отрывка было изменение начала первой фразы — слова патерика «глаголаше старецъ, яко бяше...» автор СК заменил уточнением источника данного известия («яко же пишеть въ патерице, яко бяше...»³⁵³).

Интересно, что в первоначальном варианте 75 гл. цитата из Иерусалимского патерика отсутствовала — в СК следовала фраза «и яко же о сихъ крещении, иже во Иерданѣ, тако и о Платонѣ, аще есть истинна, или ни, вѣдующимъ истинну сия оставляемъ судити о братии же святаго Владимире». Лишь позднее между словами «судити» и «о братии» был помещен текст вставки со слов «яко же пишеть въ Патерице» до «но преложена бысть с вѣрными»³⁵⁴. В Волк. этот

ления даде чясть ея нищимъ отецъ, к томоу же и часть жены своя и свою, не престааше же моля Бога о ней. Моляшоу же ся емоу прииде емоу глас, глаголя: „Яко крестися дщи твоя, не скорби“. Он же не верова. Глагола же паки емоу невидимый глас: „Окопай гробъ ея, аще обящеша ю“. Он же шед на гробъ и откопа и не обрѣте ю тамо, прѣложена оубо бысть съ верными».

мощи ей и избавления ради души ея, даде часть ея нищимъ и къ томоу же часть и жены своя и свою и непрестая Бога моляше о ней. И прииде ему гласъ глаголя: „Крестилася дщи твоя, не скорби“. Онъ же не вѣрова. Паки же рече ему невидимый гласъ: „Окопай гробъ ея, аще обрящеша ю“. Онъ же шедъ на гробъ ея и окопа и не обрѣте ю тамо, но преложена бысть съ вѣрными».

³⁵³ СК. С. 167.

³⁵⁴ В древнейшем списке СК Волк. (Л. 260) этот фрагмент отсутствует в основном тексте. Вряд ли можно полагать, что вставка содержалась на полях, — хотя верхний край Л. 260 срезан, объем вставки, которая должна была занимать минимум половину листа, не дает оснований для предположения о том, что она находилась на верхнем поле. В Волк. вставка выполнена в XVII в. — на вpletенном специально для нее листе 259–259 об. (текст вставки содержится на Л. 259 об.; Л. 259 оставлен пустым). Сравнение знака вставки на Л. 259 об. и 260 убеждает в том, что она идентична (правда, под знаком вставки на Л. 260 есть следы киновари — можно предположить, что знак вставки XVII в. был сделан поверх более раннего знака вставки). Однако не исключено, что, как полагает А. В. Сиренов (Сиренов А. В. О Волковском списке. С. 277–278), текст вставки читался и в части XVI в. Волк. на отдельном листе, который позднее был утрачен.

фрагмент отсутствовал в основном тексте, как первоначально отсутствовал он, по замечанию Н. Н. Покровского, в Томск. и Чуд.³⁵⁵. Исследователь отметил, что рассматриваемый отрывок представлял собой вставку, современную времени создания Томск. и Чуд. — в этих списках рассказ был помещен на вставных листках, вpletенных в рукописи. Вставка закрепились в рукописной традиции³⁵⁶. Таким образом, можно предположить, что данная правка была предпринята после оформления текста СК в трех древнейших списках и цитата из славяно-русского перевода Иерусалимского патерика была включена уже после написания основного текста. Включение в 75 гл. этого фрагмента (как и рассказа о крещении костей Платона) свидетельствовали о стремлении книжника середины XVI в. отодвинуть в глубокую древность практику посмертного крещения язычников и перезахоронения уже христианских останков и тем самым придать рассказу о деянии Ярослава иное звучание.

В работе О. А. Линдеберг, которая посвящена изучению рукописной традиции «Слова о князьях» (XII в.³⁵⁷), была отмечена его

По мнению исследователя, это могло оказать влияние на Томск. и Чуд., в которых вставка располагалась на вшитых листах.

³⁵⁵ Покровский Н. Н. Томский список. С. 24; Томск. Л. 194; Чуд. Л. 200 об.

³⁵⁶ Покровский Н. Н. Томский список. С. 25.

³⁵⁷ Лопарев К. Х. Слово похвальное на перенесение мощей св. Бориса и Глеба (неизданный памятник литературы XII века // ПДПИ. СПб., 1894. СХХIV. С. 10. По мнению П. В. Голубовского (Голубовский П. В. Опыт приурочения древнерусской проповеди «Слово о князьях» к определенной хронологической дате // Древности: Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1–3. Стб. 502–509), произнесение «Слова» состоялось в Чернигове в 1175 г. и было связано с конфликтом старшего в роде черниговских князей Святослава Всеволодовича и Олега Святославича, который, нарушив крестное целование, захватил Чернигов. Последующие исследователи, подчеркивая слабость аргументации П. В. Голубовского, неопределенно относили этот памятник к XII в., отмечая при этом отсутствие данных для более точной датировки. См.: Линдеберг О. А. «Слово о князьях». С. 4–5; СККДР. Вып. 1. С. 430. А. Поппэ (Поппэ А. Святые венценосцы (Как возник культ Бориса и Глеба) // Родина. 2002. № 11–12. С. 97) датировал появление «Слова» временем «около 1170 года».

связь с 10 гл. 3 ст.³⁵⁸, которая повествует о Давыде Святославиче³⁵⁹. Источник подвергся значительной редакторской правке при включении в СК, которая привела к появлению особой, Степенной редакции. Согласно мнению О. А. Линдеберг, в ней был использован несохранившийся список, который в свою очередь восходил к архетипу памятника. Судить об источнике СК можно по трем дошедшим спискам конца XV–XVII в.³⁶⁰, положенным в основу публикации этого произведения. По мнению О. А. Линдеберг, автора СК «Слово о князьях» интересовало прежде всего как исторический материал. Поэтому он «отбросил все, что казалось ему лишним, и оставил лишь рассказ о Давыде Святославиче»³⁶¹. Рассмотрим особенности правки источника 10 гл.

В СК пропущена вводная часть «Слова о князьях». В ней ясно читался осуждающий княжеские усобицы мотив. Так, автор восклицал: «Слышите князи противящся старѣшей братѣи и рать въздвижуще и поганыя на свою братию возводяще, не обличилъ ти есть Богъ на страшнѣмъ судищи!» Также памятник уточнял вину князей-братоненавистников: «Вы же до слова брату стерпѣти не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганых на свою братию». Приводя ветхозаветные примеры братоубийств, создатель «Слова о князьях» выделял фигуры Бориса и Глеба, которые развязыванию братоубийственной войны предпочли мученическую кончину³⁶². Согласно О. А. Линдеберг, введение памятника подводило читателя к его главной идее — осуждению братоубийственных усобиц на Руси³⁶³. Перед началом повествования о Давыде Святославиче автор СК пропустил фразу «Слова» о том, что этот князь «не в чуже странѣ бывшу»³⁶⁴. Далее, в соответствии с текстом своего источника,

³⁵⁸ В. В. Кускову источник 10 гл. 3 ст. остался неизвестен (Кусков В. В. Степенная книга. С. 117. Прим. 1).

³⁵⁹ СК. С. 179–180; Слово о князьях // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 338–343.

³⁶⁰ Линдеберг О. А. «Слово о князьях». С. 13. Стemma.

³⁶¹ Там же. С. 13.

³⁶² Слово о князьях. С. 338.

³⁶³ Линдеберг О. А. «Слово о князьях». С. 5.

³⁶⁴ Слово о князьях. С. 340.

книжник воспроизвел рассказ о черниговском князе. Единственной правкой основной части «Слова о князьях» было отмеченное О. А. Линдеберг³⁶⁵ внесение уточнения относительно родственных связей воспеваемого в памятнике князя³⁶⁶. Автор СК пропустил содержащийся в конце «Слова» призыв его автора к древнерусским князьям прекратить братоубийственную борьбу и тем самым последовать примеру Бориса и Глеба, которые предпочли мученическую кончину участию в междоусобице³⁶⁷.

Как видим, к особенностям редактирования «Слова о князьях» в СК относится не только пропуск не посвященной напрямую Давыду Святославичу информации, но и сознательное освобождение текста от какой-либо связи с междоусобными бранями на Руси. При этом интересно, что если рассказ о Давыде в «Слове о князьях» помещен между осуждающими усобицы на Руси сентенциями, то повествование об этом князе в СК заключено между выдержанными в агиографических тонах рассказами о Ярополке Изяславиче и Святославе Давыдовиче.

Другие источники

Наряду с памятниками летописания и агиографии к созданию СК были привлечены и иные источники, которые в большинстве своем исследователями с ней не связывались.

Перед основным текстом произведения помещены три вводные статьи («История сирѣчь повѣстникъ о епископияхъ еликии подлежатъ и послушни суть митрополиту Киевському и всеа Руси», «Царские сановники», «Родословие русских государей»), которые, как указал П. Г. Васенко, «не имеют непосредственного отношения к Степенной книге, но гармонируют в значительной мере с ее содержанием»³⁶⁸. Эти статьи отсутствуют в наиболее ранних списках СК — Волк.³⁶⁹ и Томск. Среди древнейших списков (1560-е гг.)

³⁶⁵ Линдеберг О. А. «Слово о князьях». С. 12.

³⁶⁶ СК. С. 179–180.

³⁶⁷ Слово о князьях. С. 340.

³⁶⁸ Васенко П. Г. Составные части книги Степенной. С. 10. Прим. 3.

³⁶⁹ Эти статьи, которые отсутствуют в древнейшей части Волк. (1560-е гг.), были восполнены в XVII в.

лишь Чуд. содержит статью «Царские сановники»³⁷⁰. В то время как первая статья («История сирѣчь повѣстникъ...»), как отметил В. В. Кусков, обнаруживает текстуальные совпадения с соответствующей статьей, предшествующей большинству списков Ник.³⁷¹, а третья статья может быть возведена к вводным статьям Воскр.³⁷², то найти источник для второй статьи значительно сложнее. Во всяком случае, в том виде, в котором она вошла в СК, ее не удалось обнаружить в предшествовавших ей памятниках.

В поисках источников статьи «Царские сановники» особое внимание было обращено на ее содержание. В этой статье даются переводы и толкования ряда греческих и латинских слов («епарх», «стратилат», «патрикий», «дукс» и т. д.). Это наводит на мысль о возможной связи рассматриваемой статьи со средневековыми лексикографическими сочинениями. Обращение к ним дало основания отметить наибольшую близость к статье «Царские сановники» крупнейшего памятника русской лексикографии XVI в. «Азбуковника» старшей редакции:

СК	«Азбуковник» ³⁷³
«ерапархъ» ³⁷⁴ — большой судия градцкий»	«епархъ, судия»
«стратилать — воевода»	«стратилат, воевода» ³⁷⁵
«чигось» ³⁷⁶ — сильный»	«чигот т[олкование]» ³⁷⁷ силный» ³⁷⁸

³⁷⁰ СК. С. 1–2; Чуд. Л. 1 об.

³⁷¹ На связь СК со статьей «История сиречь повестникъ...» Ник. независимо от В. В. Кускова также указал Б. М. Клосс (*Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 193*).

³⁷² Кусков В. В. Степенная книга. С. 82. Прим. 1.

³⁷³ К сравнению привлекаются различные списки «Азбуковника» старшей редакции, изданные Л. С. Ковтун (*Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975. С. 268–312; Она же. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность). Л., 1989. С. 136–292.*

³⁷⁴ «Ерапархъ» читается в Чуд. (СК. С. 1. Прим. 1). Во всех других списках «епархъ». В Чуд., очевидно, имеет место ошибка писца.

³⁷⁵ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. С. 185, 252.

³⁷⁶ «Чигось» читается в Чуд. (СК. С. 1. Прим. 2). Другие списки дают чтение «чиготъ». Вероятно, в этом случае писец Чуд. также допустил ошибку.

«ипать — большой совѣтникъ и градский строитель»	«ипать, воевода большой»
«синклитикъ — совѣтникъ»	«сигклитикъ, бояринъ»
«патрикий — отецъ общаго народнаго промышленія»	«патрикѣи, отецъ общаго народнаго промышленія»
«архонъ — князь»	«архондось, князь, архонти, князю»
«логофеть — словесемъ сложитель»	«логофет, словесемъ сложитель»
«комить — людемъ начальству- йи»	—
«дуксъ — вожь, сирѣчь князь»	«дуксъ, князь»
«препосить — предсѣдай въ совѣте»	«препосит, председаая в полатѣ царе- ве»
«доместикъ — Римская посло- вица тривунъ — слуги суди- лищныя»	—
«протикторъ — палачъ»	«протикторы, воины»
«игемонъ — князь»	«игемонъ, предстатель воинству или меньшой воевода»
«спафарие — меченосецъ»	«спанфарие, меченосецъ» ³⁷⁹
«тиронъ — новый воинъ»	«тиронъ т[олкование] новый во- инъ» ³⁸⁰
«схоларъ — ученикъ, иже во учении упразняется»	«схоларъ, ученикъ» ³⁸¹
«анфипать — намѣстникъ ипа- товъ»	«анфипат намѣстникъ» ³⁸²

³⁷⁷ Как отметила Л. С. Ковтун (*Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.* С. 39), между толкуемым словом и его определением в «Азбуковнике» стоит знак (точка или запятая), а иногда буква «Т» или сочетание букв «ТЛ» (т. е. толкование). Поэтому при цитировании текста памятника для удобства чтения это сокращение будет раскрываться — «т[олкование]».

³⁷⁸ *Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси.* С. 311.

³⁷⁹ *Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.* С. 196, 252–253, 239, 143, 220.

³⁸⁰ *Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси.* С. 306.

³⁸¹ *Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.* С. 253.

³⁸² *Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси.* С. 272.

«тривонатарии — судилищныя писцы»	«триунотари, подячий или пищики»
«кентирионъ — сотникъ»	«кентурионъ, сотникъ» ³⁸³
«хартуларъ — яселничей»	—

Очевидно, что большинство толкований СК находит соответствия в «Азбуковнике». Вместе с тем необходимо отметить, что в рассмотренных памятниках русской средневековой лексикографии нет переводов слов «комит», «доместик» и «хартулар». Обращает на себя внимание и различие в толковании целого ряда слов в «Азбуковнике» и СК. Так, если «Азбуковник» толкует слово «ипат» как «воевода болшой», то в статье «Царские сановники» он выступает как «большой совѣтникъ и градский строитель». СК содержит толкование слова «протиктор» — «палачь», в то время как «Азбуковник» трактует его как «воин». Различается и перевод понятия «игемон» — если в СК он фигурирует как «князь», то в «Азбуковнике» как «предстатель воинству или меншой воевода». Расхождения толкований в других случаях менее существенны и, в сущности, сводятся к уточнениям автора СК. Так, он поясняет, что «анфипат» является наместником «ипатов»; «синклитик» является не «боярином», а «советником»; «препосит» «председает» не в «царевой палате», а в «совете». Сюда же может быть отнесено и уточняющее указание на то, что ученик — это тот, кто «во учении упразняется». Не исключено, что ряд толкований принадлежал самому автору СК, который мог их выполнить на основе знания им древних языков. В то же время на счет эрудиции книжника вряд ли можно отнести дословные совпадения целого ряда толкований слов («стратилат», «чигот», «патрикий», «спафирий», «логофет», «кентурион») этой вводной статьи с «Азбуковником». Данные совпадения могут свидетельствовать лишь о текстуальной связи толкований статьи «Царские сановники» с «Азбуковником». Однако характер этой связи до конца не ясен — это могло быть как знакомство создателя СК с неизвестным списком «Азбуковника», так и использование его источников. Впрочем, не исключено, что все эти объяснения имеют право на существование — высокообразованный книжник середины XVI в. вполне мог основываться на не-

³⁸³ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. С. 263, 205.

дошедшем списке своего лексикографического источника, который он пополнял на основе знания им древних языков³⁸⁴.

Кроме близости ряда толкований статьи «Царские сановники» к «Азбуковнику» есть и иные аргументы в пользу предположения о связи этого лексикографического сочинения и СК. В 1 гл. 1 ст., которая служит своего рода введением к повествованию о Владимире Святославиче в СК, ее автор разъясняет читателю важность составления всеобъемлющего жизнеописания крестителя Руси. На основе данных своих источников книжник повествует о достоинствах киевского князя, которые, с его точки зрения, заслуживают самого пристального внимания потомков. Среди прочего он отмечает: «Почто же наречеса Владимиръ? Владыческое бо имя преименито есть всякому имяни, понеже единъ Богъ — владыи миромъ видимымъ и невидимымъ и всею тварию. Дивно имя Владимиръ, Божияго звания тезоименитое наречение; таковымъ дивнымъ именованиемъ преже сего Владимира не получи никто же именоватися. Сей самодержавный не туне Владимиръ именовася, иже никимъ же отъ человекъ не обладанъ бысть, но самъ владыи надъ всею Росиею и многимъ странамъ одолевая... въ лѣпоту Владимиръ наречеса, яко да владыи миромъ и побежая съпостаты, не токмо егда въ нечестии пребывая, наипаче же послѣди егда и во благочестии преслѣвая и владыи миромъ и премирная наслѣдова, и не токмо видимыя враги побѣждаше... тако во святомъ крещении сугубо и тезоименитство царскаго звания приобрѣте. Василий нареченъ

³⁸⁴ Отмечая, что значительное увеличение количества знакомых с греческим языком русских книжников начинается с середины XVII в., А. И. Соболевский (*Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVI вв. СПб., 1903. С. 285–286) указывал на знание греческого языка и писателями середины XVI в. (монах Сильван и др.). О переводческой деятельности в этот период также см.: *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси. С. 65–70; *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в.* СПб., 1995. Т. 1.: Проза. С. 32–34, 46–47, 61–62 (раздел написан Д. М. Буланиным); *Калугин В. В.* Теории текста в русской литературе XVI в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 614; *Он же.* Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 112–119. Также см.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.

бысть. Василий же по греческому языку глаголется, по рускому же языку толкуется царь. Василий бо царское священство, царское же се и божественное именованье»³⁸⁵.

В тесной связи с приведенных выше текстом находится и указание в рассказе о крещении Владимира (29 гл. 1 ст.) на то, что корсунский епископ «заповѣда же ему [Владимиру. — А. У.] о молитвѣ и о постѣ и о покаянии, и благослови его епископъ, и сотвори и оглашенна, и нарече ему царское имя Василий»³⁸⁶.

Первый пассаж, а также указание на принятие Владимиром «царского» имени после крещения не находят параллелей в уже известных источниках СК. Откуда же эти рассказы могли появиться в ее тексте?

Есть основания полагать, что толкование славянского имени киевского князя было достаточно широко распространено уже в домонгольской Руси. Е. К. Ромодановская связала содержащуюся в СК трактовку имени равноапостольного князя с фрагментом написанного в начале XII в. «От иного послания о повинных». Это послание адресовано неназванному (исследователи полагают, что им был Владимир Мономах)³⁸⁷ «почтенному господьскимъ и царьскимъ саномъ и пресвятымъ и благимъ и живоворящимъ Духомъ его зблюдаему и усиляему на прѣдспѣние же и царьскихъ разумъ и державы, благочестивому, христолюбивому великому князю»³⁸⁸. Есть основания полагать, что уже современники соответствующим образом интерпретировали славянское имя киевского князя. Во всяком случае, такое толкование содержится в Хронике Титмара Мерзебургского³⁸⁹, который выполнил его (также как трактовку

³⁸⁵ СК. С. 59–60.

³⁸⁶ Там же. С. 96.

³⁸⁷ Ромодановская Е. К. О поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 4–5. Подробнее о датировке и атрибуции «Послания о повинных» см.: Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники: 2. Киевские князья XI столетия в Послании о повинных // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 454–455; СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 109; Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII вв. СПб., 1992. 51–55.

³⁸⁸ Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. С. 56.

³⁸⁹ «Имя названного короля [князя Владимира Святославича. — А. У.] не по праву толкуют как власть мира, ибо не тот вечно непостоянный мир

имен ряда других правителей Восточной и Центральной Европы — Яромир, Болеслав и др.) на основе знания им славянских языков³⁹⁰. Не исключено также и то, что определенное влияние на толкование славянского имени крестителя Руси в СК оказал перевод имени «Панкратей» Максимом Греком, который содержался в его трактате «Толкование имен по алфавиту» (одном из основных источников «Азбуковника» старшей редакции). Афонский старец определял это имя как «всѣми владеа ли одолѣвая»³⁹¹ (в СК «владыи миромъ и побежая съпостаты»). Нельзя исключить и того, что книжник времени Ивана IV мог воспользоваться содержащимся в его источниках переводом и соотнес его со славянским именем. При этом толкование греческого имени было самым тесным образом увязано с входящими в состав имени «Владимир» лексемами. К «владыи» книжник, возможно испытывая влияние восходящего к «Толкованию имен по алфавиту» Максима Грека толкования, добавляет «одолевая». Как видим, в распоряжении автора СК содержался пример перевода греческого имени, который мог быть использован при пояснении значения славянского имени Владимира. Оно в свою очередь трактовалось как «Божияго звание тезоименитое наречение», тем самым уподобляя крестителя Руси Христу.

Сравнение СК с предшествующими ей памятниками дает основания полагать, что обыгрывание «царственности» христианского имени Владимира было характерно и для других произведений московской книжности XVI в. Так, созданная по инициативе новгородского архиепископа (позднее митрополита) Макария тучковская редакция Жития Михаила Клопского (1537), среди прочего сообщала о том, что «Владимиръ, иже благочестия ревнитель блаженныи Василие, цареи наших православныхъ корень влечет, иже

зовется истинным, который царит меж нечестивыми и который дан детям сего века, но действительного мира вкусил лишь тот, кто, укротив в своей душе всякую страсть, снискал царствие небесное в награду за смирение, побеждающее невзгоды» (Цит. по: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 141).

³⁹⁰ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 172–173. Комментар. 59.

³⁹¹ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси. С. 326.

воистину достойн царскоименемъ нарещися»³⁹². Не исключено, что автор СК, который, как отмечалось в историографии³⁹³, мог быть знаком с тучковской редакцией Жития Михаила Клопского, воспользовался этим толкованием христианского имени крестителя Руси. Очевидно, пояснение значения славянского имени киевского князя можно рассматривать в контексте той значительной работы, которая в первой половине — середине XVI в. проводилась по созданию обобщающих лексикографических трудов, среди которых выделяется «Азбуковник» старшей редакции.

Результаты сравнения этого сюжета Жития Владимира в СК с предшествующими и современными ему памятниками наряду с «Посланием о повинных», Хроникой Титмара Мерзебургского и тучковской редакцией Жития Михаила Клопского дает основания также отметить близость содержащегося в 1 гл. 1 ст. фрагмента к трактату Максима Грека «Толкование именам по алфавиту»³⁹⁴, а также к созданной с его привлечением в конце 1550-х — 1560-х гг.³⁹⁵ старшей редакции «Азбуковника». Афонский старец указывал на то, что «Василеи царьскы»³⁹⁶. «Азбуковник» же сообщает о том, что «Василие — царь»³⁹⁷. Как видим, наряду с тучковской редакцией Жития Михаила Клопского автор СК мог позаимствовать толкование имени «Василий» как из сочинения ученого грека, так и из восходящего к нему «Азбуковника». Впрочем, не исключено, что книжник круга митрополита Макария был знаком со всеми тремя памятниками — с

³⁹² ВМЧ. Январь. Дни 6–11. СПб., 1914. Стб. 634; Повести о Житии Михаила Клопского / Подг. текста и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 143.

³⁹³ *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 33; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 85. Прим. 1.

³⁹⁴ В русской лексикографической традиции до трактата Максима Грека бытовали лишь сочинения, толкующие имена героев ветхозаветной истории (например, трактат «О именех глаголемых жидовьскимъ языкомъ»). Подробнее см.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963. С. 52–80; *Она же*, История русской лексикографии. СПб., 1998. С. 41–42.

³⁹⁵ *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. С. 117.

³⁹⁶ *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси. С. 315.

³⁹⁷ *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв. С. 170.

созданной по заказу Макария, который также инициировал создание СК, редакцией Жития Михаила Клопского, которая помещена в ВМЧ под 11 января, активно перерабатываемым в 1550-е гг.³⁹⁸ трактатом Максима Грека и составленной примерно в одно время с СК старшей редакцией «Азбуковника».

Также следует обратить внимание на приведенные выше слова о наречении Владимира в крещении Василием. Этот пассаж обнаруживает связь с указанием «Слова о законе и благодати» на то, что князь «имя приимъ вѣчно Василеи именито в роды и роды, им же написася въ книги животныя»³⁹⁹. Характерно, что в «Слове» отсутствует какое-либо указание на «царственность» христианского имени Владимира. Таким образом, можно заключить, что автор СК в своем рассказе сочетал толкование христианского имени с указанием на его принятие при крещении. Какую цель преследовал создатель памятника, соединяя в этом рассказе известия двух источников?

В ходе поиска ответа на этот вопрос было обращено внимание на один любопытный факт: Владимир ни разу в языческий период жизни не именуется царем⁴⁰⁰ — все его немногочисленные поименования царским титулом приходится на время после крещения. Как видно из толкования христианского имени князя, в 1 ст. оно определяется как «божественное именование», которое сопряжено со «священством». Это вполне однозначно помещало именование Владимира царем в христианский контекст, что, очевидно, и не позволило автору СК именовать Владимира-язычника царем.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что книжнику середины XVI в. было известно толкование греческого имени «Василий»

³⁹⁸ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси. С. 203. Влияние, хотя и опосредованное, сочинений афонского старца на текст СК отметила Г. Ленхофф (*Lenhoff G. How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptized. S. 319*) при разборе источников рассказа о крещении костей Платона в 75 гл. 1 ст.

³⁹⁹ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати». С. 175.

⁴⁰⁰ Исключение составляет обращение бояр к князю («никто же не противень благому совѣту царского твоего повеления»), в котором они соглашаются с необходимостью крещения. Однако этот эпизод уже «чисто» языческим назвать трудно — «жаждущий» крещения Владимир готов принять христианство. См.: СК. С. 92.

и то, что это имя князь получил после крещения «в роды и роды». Этим, по всей видимости, и обуславливалось то, что в СК Владимир именуется царем лишь после его крещения. Наглядным выражением этого, согласно версии памятника, явилось принятие князем «царского» имени от греческого епископа. Возможно, определенное влияние на логику рассуждений создателя СК оказало то, что современный Владимиру византийский император носил имя Василий, т. е. после крещения киевский князь уподоблялся ему. Таким образом, согласно тексту 1 ст., получение «царского» имени вытекало из принятия христианства. При этом книжник воспользовался содержащимся в его источниках толкованием греческого имени.

Разбор толкования христианского имени Владимира неизбежно ставит один вопрос. Известно, что в воспеваемой в СК династии были и другие государи с именем Василий. Обыгрывал ли автор произведения как-либо «царственность» их имени? Обратимся к тексту СК. В рассказе о достоинствах Владимира Мономаха (в крещении Василия) в 1 гл. 4 ст. специально оговаривается то, что князь «пресловущъ в Руси царским именованием»⁴⁰¹. Аналогичное толкование содержит 1 гл. 13 ст., которая повествует о Василии Дмитриевиче. Она сообщает: «Вторый же въ началодержавныхъ именуемъ есть сий державный Василий. Никто же бо не получи въ начальодержавствующихъ въ Росии сего царственаго имени Василия до сего державнаго Василия отъ самого перваго святаго и равноапостольнаго Владимира, иже нареченъ бысть симъ царственнымъ именемъ во святомъ крещении Василий»⁴⁰². «Царскоименитость» Василия Темного подчеркивает 1 гл. 14 ст.⁴⁰³. На царское имя другого Василия — Василия III Ивановича — и его «тезоименитство» с Владимиром Святославичем указывает и 1 гл. 16 ст.⁴⁰⁴. Как видим, содержащееся в лексикографических источниках СК толкование имени «Василий» прочно вошло в текст памятника.

⁴⁰¹ Там же. С. 184.

⁴⁰² Там же. С. 412.

⁴⁰³ Там же. С. 457.

⁴⁰⁴ «Сий благородный и христолюбивый царскоименитый самодержавный государь и великий князь Василий Ивановичъ... отъ него же [Владимира. — А. У.] бысть сий тезоименитый ему самодержецъ Василий шестынадесятъ степень...» (см.: СК. С. 582).

Высказанное предположение о связи СК с произведениями русской лексикографии подкрепляется и другими примерами. Так, в памятнике содержится указание на то, что великие князья московские Иван III (1 гл. 15 ст.)⁴⁰⁵, Иван IV (27 тит. 10 гл. 17 ст.)⁴⁰⁶, а также сын последнего Иван Иванович (14 гл. 17 ст.)⁴⁰⁷ носили «благодатное» имя. Это указание можно было бы счесть обычным эпитетом, которыми богата СК, если бы не одно обстоятельство — данное толкование содержалось в памятниках русской лексикографии. Так, «Азбуковник» указывает на то, что «Иоаннь т[олкование] по еврейски Иоан толкуется благодать, а по еллински глас»⁴⁰⁸. Аналогичный перевод содержит и «Толкование имен по алфавиту» Максима Грека⁴⁰⁹.

О знакомстве автора СК с памятниками русской лексикографии может свидетельствовать и одна деталь из рассказа о крещении киевлян. СК содержит важное добавление к известиям своих источников. В 38 гл. 1 ст. книжник сообщает о том, что в память о крещении Киев «наречеса мати всѣмъ градовомъ рускимъ»⁴¹⁰. По всей видимости, эти слова были почерпнуты книжником из летописной записи под 6390 г., в которой они относятся к рассказу о вокняжении Олега в Киеве (в кратко повествующей о его правлении 4 гл. 1 ст. это указание пропущено). В СК рассматриваемые слова помещены в принципиально иной контекст. Произведение

⁴⁰⁵ «Сей убо преславно въ державныхъ благодатное имя Иванъ родися в дѣто...» (СК. С. 528).

⁴⁰⁶ «Сиче богоподражательный побѣдоносець, боговенчаный царь, благодатное имя Иванъ...» (СК. С. 648).

⁴⁰⁷ «Егда же приспѣ время, и родися има богодарованный сынъ и наречень бысть отчимъ благодатнымъ именемъ царевичъ Иванъ» (СК. С. 651).

⁴⁰⁸ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. С. 201.

⁴⁰⁹ «Иванъ т[олкование] римски гласо еллински благодать» (Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси. С. 285). И. Шевченко связал данное толкование в СК с переводом, содержащимся в трактате «Речь жидовского языка», который послужил источником «Азбуковника» старшей редакции (Ševčenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol. II. P. 160. Note. 62).

⁴¹⁰ СК. С. 107.

Источник упоминания большинства народов в составе «Русской державы» не представляет особых затруднений — как отметил Я. Пеленский⁴¹⁶, 7 гл. 1 ст. основывается на содержащемся в летописных источниках памятника перечислении славянских племен и народов, дающих дань Руси⁴¹⁷. Однако в литературе было подмечено, что в список «Имен областей русских» были включены племена, которые ни в источниках СК, ни в других предшествующих ей памятниках исторической мысли никогда не включались в состав Древнерусского государства (чехи, литва, ляхи, лютичи, мазовшане, поморяне, угры). Как предположил В. В. Кусков, «подчеркивая могущество Русского государства в далеком прошлом, автор [СК. — А. У.] перечисляет области, входившие якобы издревле в его состав». Исследователь полагал, что содержащийся в 7 гл. список областей «Русского царствия» в произведении служил оправданием внешней политики Грозного⁴¹⁸. Наиболее последовательно этот взгляд представлен в работах Я. Пеленского, который особенно подчеркивал, что включение в перечень подчиненных Руси племен черемисы и мордвы обуславливалось стремлением книжника макарьевского круга исторически обосновать присоединение народов среднего Поволжья к России после взятия Казани⁴¹⁹.

⁴¹⁶ *Pelenski J. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974. P. 112.*

⁴¹⁷ «Сими же вѣсьми обладаху Русь, иже от Киева града, и дань емляху на чуди, на новгородѣх, на мери, на веси, на муроме, на черемисѣ, на мордвѣ, на перми, на печерѣ, на еми, на литвѣ, на зимголѣ, на корсѣ, на либи, иже на полуночных странах живут, от колѣна Афетова имущи свои язык. А инии, пришед от скиф, иже суть козари, сѣдоша по Дунаю, иже нарекошася болгаре, а инии приидоша оугри бѣлии и сѣдоша в словенской земли, прогнав волох при царствѣ Ираклиеве...» Цит. по С1497 (как было отмечено выше, наибольшую близость к 7 гл. 1 ст. обнаруживает летописный источник близкий к Лих., С1497 и С1518; в Лих. листы, содержащие этот фрагмент, не сохранились); в С1518, Ник. и Воскр. содержится сходный текст. См.: ПСРЛ. Т. 28. С. 13, 167; Т. 9. С. 5; Т. 7. С. 264.

⁴¹⁸ *Кусков В. В. Степенная книга. С. 93.*

⁴¹⁹ *Pelenski J. Russia and Kazan. P. 112–113, 117. Также см.: Kämpfer F. Die Eroberung von Kasan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // FOG. 1969. Bd. 14. S. 125, 141–144.*

Однако не исключено, что представленный в СК перечень «Имен областей русских» мог обуславливаться и данными ее источников.

Есть основания полагать, что наряду с летописным материалом определенное влияние на 7 гл. 1 ст. оказало «Слово о погибели Русской земли». В историографии уже было отмечено два случая близости текста этого памятника к СК — вводной статьи «Родословие русских государей», которая, однако, отсутствовала в древнейших списках памятника (Волк., Томск. и Чуд.), и повествующей о Ярославе Всеволодовиче 7 ст.⁴²⁰. Если предположение целого ряда исследователей относительно использования «Слова» в СК верно, то оно кроме 7 ст. может быть связано и со списком «Имен областей русских». «Слово» содержит пространный перечень племен, подчиненных русским князьям Владимиру Мономаху, Юрию Долгорукому и Всеволоду Юрьевичу⁴²¹. При этом, как указал М. Горлин⁴²², те народы, которые в «Слове о погибели Русской земли» представлены в качестве соседей Руси (чехи, ляхи, литва, угры, немцы и др.), в СК фигурируют в числе «Имен областей рус-

⁴²⁰ Подробнее о параллелях СК и «Слова о погибели Русской земли» см.: Жданов И. Н. Русский былевой эпос (Исследования и материалы). I—V. СПб., 1895. С. 95—96; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. С. 163—166; Gorlin M. Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav // *Revue des études slaves*. 1947. Т. 23. Fasc. 1—4. P. 13—22; Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 537—539; Бегунов Ю. К. Следы «Слова о погибели Русской земли» в Степенной книге. С. 116—130; Он же. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 145—152.

⁴²¹ «Отселъ до ОУгоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чахов до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Нѣмець до Корѣлы, от Корѣлы до ОУстьяга, гдѣ тамо бяхоу Тоимици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до Болгарь, от Болгарь до Боуртась, от Боуртась до Чермись, от Чермись до Морѣдвѣ — то все покороно было Богомъ крестияньскому языкоу поганьския страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрюю, князю Киевскому, дѣду его Володимеру и Манамаху» (Цит. по: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 154).

⁴²² Gorlin M. Le Dit de la Ruine de la terre russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. P. 18.

ских». Есть основания полагать, что таким образом автор памятника понял фрагмент своего источника⁴²³. На это прямо указывает содержащийся в 1 гл. 7 ст. отрывок «Слова о погибели Русской земли»: «...вси страны трепетаху именъ ихъ [предков Ярослава Всеволодовича. — А. У.] не токмо ближнии, но и дальние земли и царства и самии гречестие царие и како повсюду бысть въ Рустей земли православная вѣра христианская, идѣже бысть всякия божественныя благодати исполнение и всего земьнаго доброплодия изобилиование, въ нихъ же не бѣше тогда поганина. Уду же присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху отъ моря и до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и нѣмцы, и чюдъ, и корѣла, и Устюгъ, и обои болгары, и буртасы, и черкасы, и мордва, и черемиса; и самии половьцы дань даяху и мосты мостяху, литва же тогда и изъ лесовъ бояхуся выинцати, татары же тогда ни слухомъ не именовахуся»⁴²⁴. Представления о подчинении древнерусским князьям волжских болгар и черемисов отразились и в современной СК Казанской истории⁴²⁵.

Таким образом, есть основания предположить, что, приняв соседей Руси (перечень которых представлен в «Слове о погибели Русской земли») за ее данников, автор СК и поместил в состав Русской «державы» племена, которые, согласно его летописным источникам памятника, никогда не подчинялись Руси.

Разбирая 1 ст., В. В. Кусков затруднился с определением источников 6 гл. («Фотия патриарха свидѣтельство»)⁴²⁶. Как указал Д. М. Буланин, в этой главе был использован фрагмент славяно-русского перевода «Окружного послания» патриарха Фотия («Фотѣа пресвятѣишаго патриарха Константина града окружное послание к восточным архиерѣйским престолом, Александрии глаголю и прочим...»). Он, по мнению исследователя, был привнесен в московскую книжность Максимом Греком⁴²⁷. Автор СК после слов

⁴²³ М. Горлин (Ibid. Р. 18) указал на то, что подобная версия была «по сердцу» московскому книжнику середины XVI в.

⁴²⁴ СК. С. 254.

⁴²⁵ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 3.

⁴²⁶ СК. С. 62–63; Кусков В. В. Степенная книга. С. 92. Прим. 1.

⁴²⁷ Согласно наблюдениям Д. М. Буланина (Буланин Д. М. «Окружное послание» константинопольского патриарха Фотия в древнерусских руко-

«пишетъ же Фотий патриархъ въ таковѣмъ своемъ послании сице» до «прилежаниемъ обლობыаша» практически дословно воспроизвел текст своего источника, сделав при этом ряд поправок. Так, если в «Окружном послании» читается «яко епископа и пастыря приати», то в 8 гл. 1 ст. «яко епископовъ и самого пастыря приаща святѣйшаго митрополита»⁴²⁸. Как видим, книжник допустил два отклонения от текста своего источника — упоминание «епископа», который в «Окружном послании» упомянут в единственном числе, в СК во множественном и уточняющее указание на пастыря как на «святѣйшаго митрополита». Интересно, что вторая правка отразилась в древнейшем списке СК — Волк. Так, на л. 108 об. писец Волк. первоначально в основном тексте точно воспроизвел цитату из «Окружного послания». Затем редактор на левом поле того же листа со знаком вставки вписал слова «святѣйшаго митрополита». Правка была учтена в последующих списках СК⁴²⁹. Изменив текст своего источника, книжник подчеркнул, что от патриарха Фотия Русская земля получила не одного епископа, а целую церковную организацию — митрополита и епископов.

Как уже было отмечено выше, в основу повествования о «позорных ловитвах» в 14–18 гл. 1 ст. был положен заимствованный из пространной редакции Жития Ольги фрагмент, а также ряд летописных известий. Осуждающий охоты мотив, которым пронизана эта часть 1 ст., родственен другому крупному современному СК памятнику — Стоглаву. Как отметил В. Барнетт⁴³⁰, с этим памят-

писях XVI–XVII вв. // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. 1986. V/2. С. 39–43; *Он же*. Переводы и послания Максима Грека. С. 85–91), перевод «Окружного послания» в русской книжности соседствовал с рядом других посланий Фотия, а также со «Словом на латинян» Максима Грека. Как предполагает исследователь, этот комплекс сочинений Фотия был образован стараниями афонского старца, который в посланиях знаменитого патриарха усматривал аргументы, опровергающие рассуждения Николая Булева о незначительности вероисповедательных различий католичества и православия. Вопрос о личности переводчика и времени перевода «Окружного послания» Д. М. Буланин оставил открытым.

⁴²⁸ СК. С. 63; Буланин Д. М. «Окружное послание». С. 52.

⁴²⁹ Томск. Л. 72 об.; Чуд. Л. 76.

⁴³⁰ *Barnette W. Stepennaja kniga*. P. 66.

ником может быть связано содержащееся в СК осуждение охоты и скоморошества. Наибольшую близость обнаруживают 15 гл. 1 ст. СК («Оскверняется всякъ, ядый звѣроядину и птичядину и удавленину») и 91 гл. Стоглава («Отвѣтъ о кровоядении и удавлении — не ясти»)⁴³¹. Общим для этих памятников является указание на «священная правила, Божественное Писание, Ветхое же и Новое» (в СК; в Стоглаве содержится адресное указание на 67 правило шестого вселенского собора), а также осуждение охоты и запрет на употребление в пищу дичи. Впрочем, отсутствие прямых текстуальных параллелей не дает оснований усматривать непосредственную зависимость текста СК от Стоглава. Наиболее вероятным объяснением идейной близости позиции создателей пространной редакции Жития Ольги, Стоглава и СК может служить то, они — книжники круга митрополита Макария — уже далеко отстояли от прославляющей княжескую охоту традиции, которую наиболее ярко представляет «Поучение» Владимира Мономаха. Таким образом, знакомство автора СК с текстом Стоглава представляется возможным, но недоказанным.

Сложный характер имеет 23 гл. 1 ст. («Пророчество и благословение Русѣй земли святого апостола Андрея Первозванного и о жезлѣ его»), которая повествует о приходе апостола Андрея на Русь. В этой главе книжник не ограничился летописной повестью, которая содержалась в Ник. и Воскр.⁴³². Как отметил А. Ю. Виноградов, в начале главы автор СК, в соответствии с апокрифическими Деяниями апостолов, сообщает о метании жребия между апостолами и о последующем разделении ими земли в миссионерских целях⁴³³. Таким образом, появление апостола на Руси оказывается не случайным — Андрей, просвещая доставшийся ему

⁴³¹ Ср.: СК. С. 67; *Емченко И. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 399.

⁴³² Рассматривая источники 23 гл., автор настоящей работы во многом опирался на материалы неопубликованной статьи А. Ю. Виноградова по вопросам бытования легенды об апостоле Андрее в древнерусской книжности, а также на его консультацию. Пользуясь случаем, выражаем ему признательность.

⁴³³ СК. С. 72; Деяния апостола Андрея / Предисл., перев. и коммент. А. Ю. Виноградова. М., 2004. С. 13.

«жребий», неминуемо должен был посетить Русскую землю. Следующий отрывок главы связан со служебным Апостолом. Конеч рассказ своего источника создатель СК подвергает правке — после слов о проповеди Андрея «даждь до Эллады», он заменяет заключительные слова этого отрывка («и въ патрѣхъ Ахайскихъ на крестѣ распять бысть от Егеата царя турска, и скончася тамо, и погребень бысть») изложением летописного фрагмента, связывавшего Андрея с Русью («...до Елады, въ переходѣ же Понтъскаго моря, иже словеть море Руское, тоже Черное море именуется»)⁴³⁴. Кратко указав на проповедь апостола в Византии и поставление им епископа в Синопе, автор памятника, в соответствии с летописной повестью, сообщает о шествии Андрея из Синопа в Корсунь. При этом в СК уточняется, что там позднее примет крещение Владимир, а также приводится современное человеку середины XVI в. название Корсуни («страна та Перекопское и Крымское царство»). Этот рассказ заканчивается краткой выдержкой из летописного описания водного пути, в которой указан путь Андрея на Русь. Как видим, книжник, привлекая дополнительные источники, создает повествование об апостоле, которое по своей подробности намного превосходит летописную версию. В то же время в СК отчетливо прослеживается тенденция к упрочнению связи Андрея с Русью.

Очевидно, желая представить читателю максимально подробный рассказ о пути апостола Андрея на Русскую землю, автор СК включил в 23 гл. «Чюдо въ Херсоне на камени». Описание чуда сообщало о целительной силе камня, на котором остались отпечатки стоп Андрея, молившегося на этом камне во время своего пребывания в Херсонесе. Этот сюжет неизвестен в древнерусской письменности. Согласно предположению А. А. Турилова, он мог быть отражением херсонесского сказания, принесенного на Русь в конце XV в.⁴³⁵. Далее, в соответствии с летописной повестью, СК

⁴³⁴ СК. С. 72; Апостол. Сергиев-Посад, 1995. С. 4; ПСРЛ. Т. 9. С. 3; Т. 7. С. 262.

⁴³⁵ Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси. С. 50. С предположением исследователя о том, что в основе этого рассказа могло лежать устное сказание, согласуется указание автора СК в 1 гл. 1 ст. на использование «повестей» не только «пишемых», но и «глаголемых». См.: СК. С. 58.

сообщает о пророчестве Андрея на месте будущего Киева и о его приходе в Новгород. Известие о пребывании апостола в Новгороде автор памятника дополнил почерпнутым возможно из пространной редакции Жития Ольги⁴³⁶ известием о водружении им жезла в веси Грузино. Летописный рассказ о мытье новгородцев в банях в 23 гл. пропущен. Сообщение Жития Ольги о посещении апостолом Грузино в СК подверглось правке — с одной стороны, из него исчезло упоминание о «прообразовании» Андреем «самодержавного царского скипетроправления»⁴³⁷, с другой — при описании пребывания апостола в Новгороде уточнено, что «тамо прииде святыи Андрей, и пребывъ нѣколько время, проповѣдая слово Божие»⁴³⁸.

Таким образом, сочетая в 23 гл. материал различных источников, автор СК создал не имеющий аналогов в предшествующих памятниках по своей подробности рассказ о пребывании Андрея на Руси. При этом мотив связи апостола с Русью был усилен путем заимствования сюжетов о водружении в Грузино жезла и проповеди Андрея в Новгороде.

Как указал В. В. Кусков, в основу 58 гл. 1 ст. был положен Устав князя Владимира⁴³⁹. Я. Н. Щапов уточнил, что в СК был ис-

⁴³⁶ РГБ. Ф. 98. № 124. Л. 309 об.; *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 57. Кроме пространной редакции Жития Ольги рассказ о посещении Андреем веси Грузино содержится в тучковской редакции Жития Михаила Клопского (Повести о Житии Михаила Клопского. С. 142–143), которая также была привлечена при написании СК. (В пользу этого говорит целый ряд близких к тучковской редакции чтений в рассказе о пророчестве Михаилом Клопским рождения покорителя Новгорода Ивана III. Сходный рассказ кроме 1 гл. 15 ст. СК и тучковской редакции, как отметил Л. А. Дмитриев, содержится в записи Воскр. под 1440 г. Однако ряд деталей, отсутствующих в Воскр. (упоминание о новгородском богатстве, которое захватил московский князь и др.), позволяют отметить особую близость СК именно к Житию. См.: СК, С. 528; ПСРЛ. Т. 8. С. 108; Повести о Житии Михаила Клопского. С. 83, 157.) Точно ответить на вопрос о том, какой именно памятник — Житие Ольги или тучковская редакция Жития Михаила Клопского — был использован в 23 гл. 1 ст., не представляется возможным.

⁴³⁷ Эти слова сохранены в Житии Ольги, которое полностью вошло в СК (СК. С. 7).

⁴³⁸ СК. С. 73.

⁴³⁹ *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 104.

пользован Устав в Синодальной редакции⁴⁴⁰. Однако в Уставе отсутствует описание даров княгинь церквям и указание на «Нищих богатство». Поиск источников этих известий заставляет обратиться к другому произведению — «Правилу о церковных людях», которое, как отметил Я. Н. Шапов, представляет собой хотя и близкий к Уставу князя Владимира, но более поздний памятник полемической литературы, обосновывающий право церкви на крупную собственность⁴⁴¹. По мнению исследователя, он возник в последней четверти XIII — начале XIV в. при ростовской владычной кафедре. «Правило», получившее особое распространение в XIV–XV вв., было основано на тех же источниках, что и Устав князя Владимира. В отличие от сложившегося в XI–XII вв. Устава, «Правило» с самого начала говорит о церковной земельной собственности. Повидимому, ближе всего к СК пространная редакция «Правил», так как в ней появляется ссылка на князя Владимира Святославича, которая была призвана дополнить исторической аргументацией тезис о законности земельной собственности церкви. Эта редакция, по мнению Я. Н. Шапова, появилась в последней четверти XIV в., вероятно, во Владимире-на-Клязьме⁴⁴².

Сравнение СК с текстом «Правил» убеждает в близости к нему второй половины 58 гл. со слов «еже и до нынѣ благодатию Христовою». Так, фрагмент СК о «многоразличных даяниях» является пересказом текста «Правил». При этом книжник заменяет упоминание «великих князей», которые делали многочисленные дары церкви, указанием на наследников Владимира, которые, «ревнующе» своему равноапостольному предку, проявляли исключительную заботу о церкви⁴⁴³. Вслед за этим в СК следует весьма пространная цитата из «Правил»:

⁴⁴⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 81.

⁴⁴¹ Там же. С. 5.

⁴⁴² Шапов Я. Н. «Правило о церковных людях» // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 81.

⁴⁴³ Ср.: СК. С. 119; Бенешевич В. Н. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. (РИБ. Т. 36). Пг., 1920. С. 42.

«Правило»	СК
<p>«А княгини ихъ свою много- цѣнную кузнь, порты, злато, каменье драгое, великии жем- чюгъ, и иконы украшеныя, евангилья утварна, священныя тряпезы, съсуды царски укра- сившее обогатили паче тѣхъ, отъ кого ти прияли. Писано бо есть въ святыхъ апостолахъ правилѣхъ въ 59-мѣ: церковное богатство нищихъ богатство възраста ради сиротъ и старос- ти и немощи въ недугъ въпад- шихъ, и нищихъ кормление, странной чяди прилежание, и сиротамъ и убогимъ промыш- ление, и вдовамъ пособие, дѣвицамъ потребы, обидимымъ заступление, въ напастехъ по- бѣжение и въ пожарѣ и въ по- топѣ, и плѣннымъ свобожение и искупление, въ гладь пре- кормление въ худобѣ умираю- щимъ покровъ на гробы и по- гребанье, а церквамъ и монастыремъ и пустынямъ подъятье, живымъ прибѣжище и утѣшение, а мертвымъ памя- ти. Того ради на потребу цер- ковную и люди своя давали»⁴⁴⁴.</p>	<p>«Церковная утварь. Тако же и хри- столюбивыя ихъ царицы и благо- вѣрныя княгини усердно вдаваху свою лѣпотную утварь и всякую на- рочитую кузнь и свѣтлыя ризы, злато же и каменье драгое, и великий жен- чюгъ, и святыи иконы, и евангелія, и царскими сосуды святыя престолы украшившее, обогатили паче и тѣхъ, отъ кого сия прияли суть, внимающее писанию апостольскихъ правилъ. Нищихъ богатство. Яко церковное богатство — нищихъ есть богатство, еже симъ издовляти весь освящен- ный чинъ и вся причетники церков- ныя и возраста ради сиротъ и во ста- рость пришедшимъ и въ немощи и въ недуги впадшимъ и нишимъ въ пре- кормление и многимъ убогой чяди и страннымъ прилежание, и убогимъ сиротамъ промышление, вдовицамъ пособие, дѣвицамъ потребы, обиди- мымъ заступление, плѣннымъ искуп- ление, во гладе прокормление, въ худобѣ умирающимъ покровы и гро- бы и погребание, церквамъ пустымъ и монастыремъ подъятие, живымъ прибѣжище и утѣшение, а мертвымъ память. Сихъ ради потребъ церков- ныхъ людие даваху имѣния»⁴⁴⁵.</p>

К правке этого фрагмента следует отнести внесение указания на «христолюбивых цариц», а также пропуск ссылки на конкретное (согласно источнику СК, 59-е) правило. Как верно отметил

⁴⁴⁴ Бенешевич В. Н. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. С. 44–46. В последних словах в других списках читается «...на потребу церковную имение...».

⁴⁴⁵ СК. С. 119–120.

Я. Н. Шапов, в период создания Русского государства его идеологи «черпали из наследия Древней Руси все то, что так или иначе, прямо или косвенно можно было связать с нуждами своего времени». При этом юридические памятники могли переосмысливаться и использоваться не по их первоначальному назначению⁴⁴⁶. Примером такого использования и является 58 гл. 1 ст. СК. В ней содержащийся в «Правиле» материал (свидетельства о щедрости князей и княгинь по отношению к церкви, а также описание благотворительной деятельности духовенства) использован, с одной стороны, для подчеркивания почитания церкви русскими князьями, с другой — для усиления рассказа о добродетелях Владимира. Так, после окончания повествования «Правил» о нищелюбии в СК следует уточнение — «о таковыхъ потребахъ Владимиръ блаженный великъ подвигъ показа и вѣчное блаженство получи». Эта вставка, вероятно, была призвана связать деятельность анонимных дарителей церквей с вполне конкретным князем, который к тому же, согласно принятой в памятнике версии его источников, положил начало покровительству церкви. Таким образом, сочетая материал Устава и «Правил» в 58 гл., книжник середины XVI в. сообщал рассказу о начале представленной в памятнике модели взаимоотношений князя и церкви ту полноту, которую только позволяли его источники. Впрочем, не исключено, что автор СК имел предшественников, которые соединяли в одном произведении Устав Владимира и «Правило»⁴⁴⁷.

⁴⁴⁶ Шапов Я. Н. Вторая жизнь памятников права Древней Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 212–213.

⁴⁴⁷ Опубликованный Я. Н. Шаповым (Древнерусские княжеские уставы. С. 48) Волоколамский извод Устава Владимира, являвшийся выдержкой из «Ответа Макария, митрополита всея Руси, от божественных правил святых апостол и святых отец семи собор, и поместных, и особъ сущих святых отец, и от заповедей святых православных царей, к благочестивому и христолюбивому и боговенчанному царю великому князю Ивану Васильевичу, всеа Руси самодержцу, о недвижимых вещех, вданных Богови в наследие благ вечных» («Ответ» митрополита Макария царю Ивану IV // РФА. М., 1988. Ч. 4. № IX. С. 717–748), представлял собой смешение Устава Владимира и «Правил». В пользу этого предположения говорит наличие в «Ответе» (с. 733) характерных для «Правил» слов: «...царь или князь в девятих частях, а церкви соборная в десятой части» (эта фраза отсутствует в Уставе).

Как отметил А. В. Сиренов, первоначально в Волк. в 58 гл. читался крупный фрагмент (между словами «в роды и роды и въ вѣки» до слов «и таковая с молитвою» т. е. между фрагментами Устава Владимира и «Правил»), который не отразился в последующей рукописной традиции СК. В Волк. этот рассказ был зачеркнут и в последующих списках СК он уже не встречается⁴⁴⁸.

Вторая часть 63 гл. 1 ст. повествует о преставлении митрополита Леонта и приходе на Русь его преемника Ивана. Также в этой главе содержится известие о строительстве митрополитом Иваном церкви Петра и Павла. Источником последнего сообщения послужила запись Ник. под 6516 г.⁴⁴⁹. Первые же два известия отсутствуют в предшествующих СК летописных сводах. Откуда же могли быть позаимствованы сообщения о преставлении Леонта и приходе на Русь его преемника? Состояние источников не дает возможности точно ответить на этот вопрос. Однако итоги рассмотрения внелетописных статей, помещенных перед Ник. (а также Воскр.), дают основание выдвинуть одно предположение. В списке «Имен митрополитом русским от крещения Владимирова и до ныне» содержится перечень русских митрополитов в хронологической последовательности: «1. Михаил; 2. Леонтий; 3. Иван; 4. Феопемть...»⁴⁵⁰. Как видим, из этого списка прямо следует, что Леонту

⁴⁴⁸ «И тако святыи Владимиръ скончавъ словеса сия, паки на молитву обратися и глаголаше: «И приими Господи Боже нашъ, иже во святыи церкви, сеи приносимыя ти молитвы нося [«нося» написано сверху почерком отличным от основного. — А. У.] иже на ползу, прошения наша даруй намъ и наочи насъ творити волю твою и милостивъ боуди намъ, новымъ людемъ твоимъ, и здѣ, в будущемъ вѣце ради пречистыя твоея матери и всѣхъ святыхъ твоихъ, яко благословенъ еси съ отцемъ и съ святымъ духомъ и нынѣ и в бесконечныя вѣки. Аминь» (Волк. Л. 194 об.). А. В. Сиренов (*Сиренов А. В. О Волковском списке*. С. 266; там же впервые опубликован данный фрагмент) отмечает естественность этого отрывка — перед упоминанием «и таковая с молитвою» логично ожидать текст самой молитвы. Источник молитвы неизвестен.

⁴⁴⁹ СК. С. 124–125; ПСРЛ. Т. 9. С. 69; *Державин Н. С.* «Степенная книга». С. 69; *Кусков В. В.* Степенная книга. С. 104.

⁴⁵⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. XXI. В статьях, предшествующих Воскр., есть аналогичный список (ПСРЛ. Т. 7. С. 230), в котором, однако, последователь-

наследовал Иван. Таким образом, несмотря на отсутствие соответствующего летописного известия о приходе нового митрополита на Русь после смерти Леонта, у автора СК были все основания написать о том, что «въ него же мѣсто поставлень бысть Киеву и всей России въ митрополиты именемъ Иванъ отъ святѣйшаго патриарха въ царствующемъ граде». Далее книжник счел необходимым дополнить рассказ о новом митрополите еще одной деталью — отмеченным выше известием о строительстве им церкви Петра и Павла. При этом интересно, что первоначально в Волк. данное сообщение не читалось — в этом списке оно приписано рукой редактора на нижнем поле л. 26 (в тексте знак вставки расположен между словами «царствующемъ граде» и «при сем же митрополите»; в последующих списках правка была учтена⁴⁵¹). Сказанное выше дает основания предположить, что почерпнутая из списка русских митрополитов информация дала возможность книжнику круга митрополита Макария сделать это добавление к своему основному летописному источнику и тем самым заполнить лакуну относительно смены иерархов на киевской кафедре. По всей видимости, в произведении, в котором смене митрополитов на русской кафедре уделялось лишь немногим меньше внимания, чем смене «скипетродержцев», такой разрыв был сочтен недопустимым.

Сходное объяснение может быть предложено и относительно упоминания митрополита Михаила после сообщения о смерти Никиты в 9 гл. 4 ст. В СК отсутствует описание прихода митрополита из Константинополя — в ней лишь содержится указание на то, что после смерти митрополита Никиты «по немъ бысть Михаилъ митрополить всеа Руси». Есть основания полагать, что книжник, как и в предыдущем случае, воспользовался списком митрополитов, который давал вполне однозначный ответ на вопрос о наследнике митрополита Никиты — содержащийся в Ник. перечень указывает: «12. Никита; 13. Михаил...»⁴⁵². По-видимому, в руках создателя СК

ность митрополитов иная; «...1-ой митрополить в Киевѣ Леонтъ, Михаилъ, Иоаннъ, Феопемѣнтъ...»

⁴⁵¹ Томск. Л. 148 об.; Чуд. Л. 153 об.

⁴⁵² ПСРЛ. Т. 9. С. XXI. В помещенных в Воскр. списках (ПСРЛ. Т. 7. С. 239) Михаил также следует за Никитой. Очевидно, вставка имени митрополита в число русских митрополитов была произведена позднее. Так,

не было какого-либо источника, который бы описывал его приход на Русь. Однако имеющийся в его руках материал давал ему возможность упомянуть о Михаиле как митрополите, который наследовал Никите. Все вышесказанное позволяет считать использование списков митрополитов⁴⁵³ в СК вполне вероятным.

Окончание 4 гл. и 5 гл. 6 ст. сообщают о наказании убийц Андрея Юрьевича его братьями Михаилом и Всеволодом: «По Андрѣ же Боголюбскомѣ, приемникъ бысть державы его братъ его Михалко Георгиевичъ, пришедъ исъ преславнаго града Москвы, и отъмсти кровь брата своего Андрея. Самъ же лѣто едино державствова и къ Богу отиде. Тогда же богохранимый великий князь Всеволодъ Георгиевичъ господствуя въ Переяславли, отнюду же владимерстии людие многимъ желаниемъ призваша его въ Владимиръ и достодолжнымъ любочестиемъ срътоша его. И тако надо всѣми владомыми въ Рустей земли бысть единъ всѣми любимъ самодержецъ, тако же и самъ всѣхъ любя, токмо единехъ злодѣевъ, дерзнувшихъ проліяти неповинную кровь брата его, великаго князя Андрея, и сихъ всѣхъ изыска и сугубой казни предаде и всѣхъ общниковъ ихъ. Самѣхъ же безумныхъ Кучьковичъ ухващая и въ коробы пошивая, въ езере истопити повелѣ»⁴⁵⁴.

как отметил П. Г. Васенко (СК. С. 184. Прим. 2), в Чуд. (Л. 220) «Михаил» было написано над именем «Кирил» в оглавлении 4 ст. Аналогичная правка содержится и в Волк. (Л. 282 об.) — в том же месте имя «Михаил» написано обычными чернилами непосредственно на выполненном киноварью имени «Кирил». В Томск. (Л. 214) имя «Михаил» в заголовке 4 ст. было написано по стертому.

⁴⁵³ Трудно сказать наверняка, какой именно список (из Ник., Воскр. или какого-либо иного свода) был использован в СК.

⁴⁵⁴ СК. С. 223. Заголовки в ранних списках СК были вписаны позднее, т. е. текст без них отражал более ранний вариант текста, а значит ближе стоял к источникам памятника. Поэтому содержащийся между словами «къ Богу отиде» и «тогда же» заголовок 5 гл. («Глава 5. Самодержавство великого князя Всеволода Георгиевича во граде Владимире») в цитате опущен. В 14 тит. 12 гл. (СК. С. 242) это известие в более кратком виде продублировано: «Злодѣйственнымъ же убийцамъ брата своего, великаго князя Андрея, сугубо возмѣздіе учини самѣхъ Кучьковичемъ и всему сродствию ихъ и всѣмъ общникомъ ихъ. Ихъ же ухващая, многоразличнымъ смертемъ предати повелѣ, овыхъ же въ коробы пошивая, во езере истопити осуди».

В. В. Кусков отметил отсутствие этого эпизода в предшествовавшей СК летописной традиции. Справедливо указав на идейно-политическое значение рассказа о мести убийцам «самодержавного» в возвеличивающем русских государей памятнике эпохи Ивана IV, исследователь предположил, что авторство этого пассажа принадлежит непосредственно создателю СК⁴⁵⁵. Таким образом, если согласиться с В. В. Кусковым, появятся серьезные основания в книжнике видеть не только компилятора, но и сочинителя отвечающих его воззрениям фактов.

Для того чтобы подтвердить (или опровергнуть) предположение об уникальности этого известия в СК, был просмотрен ряд как летописных, так и других памятников древнерусской книжности. Результаты исследования дали основания отметить близость к этому рассказу СК:

Известного В. Н. Татищеву так называемого Еропкина манускрипта⁴⁵⁶;

Статьи «А се князи русьтии», которая сохранилась в сборниках, содержащих Комиссионный список НН мл. (Км.)⁴⁵⁷, ЛА⁴⁵⁸, Летописец епископа Павла (ЛЕП)⁴⁵⁹, а также в подборке известий о суздальских князьях⁴⁶⁰;

Памятников белорусско-литовского летописания — Никифоровской (Никиф.) и Супрасльской (Супр.) летописей⁴⁶¹;

⁴⁵⁵ Кусков В. В. Степенная книга. С. 137.

⁴⁵⁶ Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1994. Т. II–III. С. 250.

⁴⁵⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 468.

⁴⁵⁸ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 310.

⁴⁵⁹ БАН. Доброхот. № 18. Л. 32 об. Описание сборника, содержащего ЛЕП см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3. Вып. 2; Исторические сборники XV–XVI вв. С. 133–137.

⁴⁶⁰ ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1596. Л. 173 об. — 174. Выражаем благодарность Е. Л. Конявской за указание на эту рукопись. Ее подробное описание см.: Конявская Е. Л. Ответ митрополита Макария и новгородский летописный материал в сборнике XVI века // Макарьевские чтения: Русская культура XVI века — эпоха митрополита Макария. Можайск, 2003. Вып. 10. С. 131–134.

⁴⁶¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 36, 19.

«Повестей о начале Москвы»⁴⁶²;

Записей под 6686 г. Пискаревского (Пискарев.)⁴⁶³ и под 6683 г. Мазуринского (Мазур.)⁴⁶⁴ летописцев.

Могли ли эти произведения служить источниками СК?

Учитывая поздний характер «Повестей о начале Москвы», Пискарев. и Мазур.⁴⁶⁵, исключим их из круга потенциальных источников СК.

О содержании рассматриваемого известия в белорусско-литовском летописании можно судить по Супр., которая сохранила утерянное в Никиф. начало фразы. Супр. под 6605 (в кратком повествовании о древнерусских князьях) сообщает о том, что «князь великий Дмѣтрии Всевольд и мсти кровь брата своего Андрѣя: Кучьковичи побѣ; а иных бояр за Юрьвым изыма и побѣ»⁴⁶⁶. Как видим, в сохранившейся части Никиф. и Супр. сообщается о том, что 1) за брата отомстил один Всеволод Юрьевич; 2) убийцы князя Андрея были «изыманы и побиты». Пропуск Михаила, а также отсутствие каких-либо деталей «побиения» убийц князя не дают оснований усматривать связь Никиф. и Супр. с СК.

В своем описании использованных при написании «Истории Российской» рукописей В. Н. Татищев указывает на полоцкое происхождение Еропкина манускрипта⁴⁶⁷. В рассказе известного историка источника упомянуты кораба, в которые были зашиты Кучко-

⁴⁶² Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 191, 195.

⁴⁶³ ПСРЛ. Т. 34. С. 79.

⁴⁶⁴ ПСРЛ. Т. 31. С. 65.

⁴⁶⁵ «Повести» отмечают факт казни Кучковичей в отместку за смерть Андрея Боголюбского. В этом рассказе отсутствует мотив зашивания убийц владимирского князя в кораба. В Пискарев. изложение рассматриваемого события близко к статье «А се князи Русьтии», что дает основания для предположения о зависимости записи под 6686 г. Пискарев. от этого памятника. Мазур. содержит лишь указание на то, что Всеволод «злодейственным же убийцам брата своего, великого князя Андрея, сугубо возмездие учини самем Кучковичем и всему сродствию их и всех советников их, ухващая различным смертем предати повеле».

⁴⁶⁶ В Никиф. читается: «...Андрея, Кучковичи побѣ, а иных бояр за Юрьвым изыма и побѣ».

⁴⁶⁷ Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1994. Т. I. С. 122.

вичи, вдова Андрея Боголюбского и утопление убийц владимирского князя. Кроме того, В. Н. Татищев со ссылкой на Еропкин манускрипт сообщает о суде Михаила над убийцами брата⁴⁶⁸. В примечании № 520 к третьему тому «Истории Российской» исследователь отметил, что во многих источниках описание казни Кучковичей пропущено. Далее В. Н. Татищев пишет, что в «некоторых Степенных разно описано: некоторые в первом Михаила приходе, другие при Всеволоде казнь сию положили» (это действительно так — как было показано выше, в конце 4 гл. содержится известие о мести убийцам Андрея Боголюбского Михаилом, а в 5 гл. сообщается об утоплении Кучковичей Всеволодом). Далее историк отметил, что воспользовался наиболее обстоятельным описанием, которое содержалось в Еропкиной летописи⁴⁶⁹. Характерной чертой использованного В. Н. Татищевым рассказа Еропкина манускрипта является указание лишь на одно наказание Кучковичей — Михаилом Юрьевичем, в то время как СК сообщает о наказании убийц Боголюбского сначала Михаилом, а затем Всеволодом. Кроме того, текст Еропкина манускрипта не сохранился — о его составе можно строить лишь догадки (по всей видимости, он был одной из белорусско-литовских летописей). Это побуждает нас сосредоточить внимание на статье «А се князи русьтии».

Происхождение и бытование этой статьи тесно связана с историей русского летописания XV в. На фоне его развития путь рассматриваемой статьи проследил А. А. Шахматов. По мнению исследователя, наиболее ранний текст содержался в Км. А. А. Шахматов полагал, что дополнительные статьи (списки митрополитов, новгородских епископов, имен всех городов русских, «А се князи русьтии», «Правило о церковных людех», церковные уставы Владимира и Ярослава, статьи из судебника императора Константина и др.), содержащиеся в Км., были взяты из Свода 1448 г.⁴⁷⁰ Опосредованно к нему А. А. Шахматов также возводил ЛА и ЛЕП⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Там же. Т. II–III. С. 113.

⁴⁶⁹ Там же. С. 250.

⁴⁷⁰ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 167–168, 172. Табл. 5.

⁴⁷¹ Там же. С. 247, 303.

Однако появление статьи датируется 1410–1420-ми гг.⁴⁷². Она кратко повествует о русских князьях от Владимира Мономаха до Василия Дмитриевича. Сравним текст рассматриваемого рассказа в СК и ее возможном источнике (цит. фрагмента статьи по Км.):

«А се князи русьтии»	СК
«И въ первое лѣто [по убиении Андрея Боголюбского. — А. У.]	«По Андрѣе же Боголюбскомъ, приемникъ бысть державы его брать его Михалко Георгиевичъ, пришедъ изъ преславнаго града

⁴⁷² На основе состава статьи (в ней есть известие о кончине княжича Ивана Васильевича (ум. в июле 1417 г.), но отсутствует указание на смерть умершего 27 февраля 1425 г. Василия Дмитриевича) А. А. Шахматов (*Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков // ЖМНП. 1901. № 11. С. 61*) датировал ее появление 1417–1425 гг. Позднее эту датировку поддержали В. А. Кучкин и Т. А. Сумникова (см.: Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 483). При датировке статьи «А се князи русьтии» В. Л. Янин (Цит. по последнему изданию: Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб., доп. М., 2003. С. 36–37) исходил из посылки о единовременном появлении целого ряда статей Км. («А се посадници новгородьстии», «А се новгородскыи епископы», «А се князи русьтии» и др.). Исследователь обратил внимание на то, что в списке умерших новгородских владык последним упомянут Симеон (ум. 15 июня 1421 г.), а следующий за ним владыка Феодосий (1421 — сентябрь 1423 г.) не назван, т. е. эти статьи были составлены между июнем 1421 — сентябрем 1423 г. В целом с выводами В. Л. Янина согласился А. Г. Бобров (*Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 88–89*), который склонен датировать появление включенного в Км. комплекса статей временем ок. 1423 г. Позиция А. А. Шахматова — В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой представляется более предпочтительной в силу того, что датировка В. Л. Янина и А. Г. Боброва может быть принята лишь при весьма серьезном допущении — допущении того, что весь комплекс статей возник в течение одного-двух лет. Датировка данной статьи временем ок. 1417–1425 гг. позволяет избежать данного допущения. Впрочем, возможность появления данного комплекса статей в течение столь короткого периода тоже вероятна. Поэтому мы, не исключая возможности появления статьи «А се князи Русьтии» ок. 1421–1423 гг., остановимся на более осторожной датировке А. А. Шахматова — В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой. Таким образом, есть все основания полагать, что рассматриваемая статья возникла в конце первой четверти XV в.

мстилъ обиду брать его Михалко. Того же лѣта умре. На третии год прииде изъ заморія из Селуня брать его Всеволод, наречены въ крещении Дмитрии Юрьевичъ, и сѣде на великое княжение, и мсти обиду брата своего Андрѣву: Кучковичи поималъ, и в коробы сажда, въ озерѣ истопилъ, якоже рече пророк: потребишася въ Ендорѣ, рекше въ безлѣпници, и быша аки гнои земнии, и погыбе память ихъ съ шумомъ»⁴⁷³.

Москвы, и отмсти кровь брата своего Андрея. Самъ же лѣто едино державствова и къ Богу отиде. Тогда же богохранимый великий князь Всеволодъ Георгиевичъ господствуя въ Переяславли, отнюду же владимерстии людие многимъ желаниемъ призваша его въ Владимиръ и достождьнымъ любочестиемъ срѣтоша его. И тако надо всѣми владомыми въ Русей земли бысть единъ всѣми любимъ самодержецъ, тако же и самъ всѣхъ любя, токмо единехъ злодѣевъ, дерзнувшихъ пролияти неповинную кровь брата его, великаго князя Андрея, и сихъ всѣхъ изыска и сугубой казни предаде и всѣхъ общниковъ ихъ. Самѣхъ же безумныхъ Кучьковичъ ухващая и въ коробы пошивая, въ езере истопити повелѣ»⁴⁷⁴.

Как видим, 4–5 гл. не являются точным воспроизведением текста статьи «А се князи русьтии». Содержащийся в СК рассказ представляет собой скорее ее изложение. В отрывок внесен и ряд изменений: пропущено описание прихода Всеволода из Солуни, замененное на упоминание о его княжении в Переяславле, вставлено известие о приходе Михаила Юрьевича из Москвы, включен перечень достоинств Всеволода. Кроме того, в СК введен мотив мученической кончины Андрея Боголюбского путем указания на пролитую Кучковичами «неповинную кровь» князя. Любопытно, что в СК мотив «мести» за «обиду брата» вытесняет мотив «казни» «дерзнувших» на пролитие крови великого князя. Однако все эти различия не могут заслонить содержательной близости данной статьи с текстом 4–5 гл. Таким образом, учитывая, что содержащееся в статье «А се князи русьтии» описание казни Кучковичей ближе к СК, чем известие какого бы то ни было другого источника (из предшествующих СК), можно предположить, что книжник использовал эту статью в качестве своего источника.

⁴⁷³ ПСРЛ. Т. 3. С. 468.

⁴⁷⁴ СК. С. 223 (текст уже был приведен выше).

Желая более точно определить источник рассматриваемого известия, автор настоящей работы обратил внимание на отмеченную выше подборку известий о суздальских князьях. Ее отличительной особенностью является содержание в ней двух версий рассказа об убийстве Андрея Боголюбского и казни Кучковичей. Так, наряду с версией статьи «А се князи русьтии» она содержит и известие, сходное с отразившимся в Никиф. и Супр.⁴⁷⁵ Помещенные в подборке фрагменты текста статьи «А се князи русьтии» переставлены. В середину повествования о казни Кучковичей вставлен рассказ об основании Владимиром Мономахом Владимира-на-Клязьме (в статье сюжет об основании этого города помещен в начало текста)⁴⁷⁶. Очевидно, эти перестановки могут объясняться самим характером подборки, которая, как отметил ее создатель (см. запись на верхнем поле листов рукописи — «вынято из лѣтописца вкратце на память для»), носила компилятивный характер, выборочно передавая интересующие его известия. При этом в данной подборке совпадает чтение «в коробы пошивая» с СК⁴⁷⁷ (в Км. «в коробы саждая», в ЛА «в коробы сажая»). Сближает эти памятники и отсутствие содержащейся в статье «А се князи русьтии» заключительной части рассказа о наказании убийц Андрея Боголюбского («якоже рече пророк: потребишася въ Ендорѣ, рекше въ безлѣпици, и быша аки гнои земнии, и погыбе память ихъ съ шумомъ»). Впро-

⁴⁷⁵ РНБ. Погод. № 1596. Л. 174; ПСРЛ. Т. 35. С. 19, 36.

⁴⁷⁶ «На третее лѣто приде из заморья из Селуни брат его Всеволод, наречен по крещении князь Дмитрей [Владимирович Манамахов, правнук великаго Владимира. Сии постави град Володимерь Залѣшский в Суздальской земли и осыпа его спом, и созда первую церковь святого Спаса камену за 50 лѣт до Богородици наставления. И потом прииде с Киева Владимиръ Владимеров Мономах Юрьев Долгая Рука и постави другую церковь камену святого Георгия за 30 лѣт до Богородици наставления]. Юрьевич сѣде на великомъ княжении; и мсти обиду брата своего Андрея, Кучковичев поима, в коробы пошивая и въ езере истопи» (РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об. — 174; текст вставки заключен в квадратные скобки). Этот рассказ, разрывающий повествование о наказании убийц Андрея Юрьевичами, содержится также в статье «А се князи Русьтии», но в ней он помещен в начальную часть. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 467; Т. 16. Стб. 309; БАН. Доброхот. № 18. Л. 32 об.

⁴⁷⁷ СК. С. 223; РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об. — 174.

чем, отмеченный Е. Л. Конявской поздний характер подборки (исследовательница датирует время ее появления 1580-ми гг.) исключает ее непосредственную связь с созданной до 1564 г. СК. Кроме того, эту подборку отличает от СК расположение материала — в повествование о мести убийцам Андрея Боголюбского (перед указанием на казнь Всеволодом Кучковичей) введен рассказ о строительстве церквей в Суздальской земле Владимиром Мономахом и Юрием Долгоруким. В СК данный отрывок в известии о наказании убийц князя отсутствует. Это дает основания полагать, что наиболее вероятным объяснением совпадения чтения СК и подборки Погост. № 1596 «пошивая» является не влияние подборки (или ее протографа) на СК, а их восхождение к общему источнику — одному из списков статьи, который содержал это чтение. Все это дает основания видеть в качестве наиболее вероятного источника известия о казни Кучковичей Михаилом и Всеволодом Юрьевичами в СК статью «А се князи русьтии».

Предположение об использовании текста этой статьи в СК подкрепляется и другим известием. Основную часть 12 гл. 6 ст. СК составляет «Сказание об иконе Владимирской Богоматери»⁴⁷⁸. Однако в текст «Сказания» внесены изменения. Так, 8 тит. не находит соответствия его тексту. Этот фрагмент повествует о том, что Андрей, «послушавъ лъстиваго совѣта окоянныхъ Кучьковичъ», без отцова повеления самовольно перенес Богородичную икону на Северо-Восточную Русь (данное известие также читается в начале 14 тит. 12 гл.⁴⁷⁹). Этого сообщения нет как в «Сказании», так и в предшествующих СК летописных сводах⁴⁸⁰. Кроме того, в 8 тит.

⁴⁷⁸ СК. С. 230–235; Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 501–509; Кусков В. В. Степенная книга. С. 135.

⁴⁷⁹ СК. С. 239. По мнению А. Н. Насонова, это известие (исследователь ссылается на текст статьи по Км.) отразило устремления ростово-суздальского боярства, которое даже ценой ссоры Андрея Юрьевича с отцом стремилось получить собственного князя, способного отстоять независимость Ростово-Суздальской земли от Киева. Цит. по последнему изданию: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства (историко-географическое исследование). Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002. С. 169.

⁴⁸⁰ Тв. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 223), который дает наиболее подробный среди прочих сводов рассказ об уходе Андрея в Суздаль, повествует о

сообщалось о взятии из Вышгорода иерея Микулы и дьякона Нестера вместе с их домочадцами⁴⁸¹. А. Эббингхауз справедливо связал данный пассаж в СК с влиянием включенных в Км. статей (исследователь подробно не останавливался на статье «А се князи русьтии», рассматривая помещенные в Км. статьи лишь в контексте рассказа о Владимирской иконе)⁴⁸². В. А. Кучкин и Т. А. Сумникова отметили, что помещенный в статью «А се князи русьтии» рассказ (среди прочих позаимствованных из статьи известий он также содержится и в рассмотренной выше подборке известий)⁴⁸³, отражал текст «Сказания», отличный от дошедшего⁴⁸⁴. Очевидно, для создания более подробного рассказа о Владимирской Богородичной иконе автор СК привлек дополнительный источник — статью «А се князи русьтии».

Сказанное выше дает основания предположить, что в рассказе о казни убийц Андрея Боголюбского Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, а также в «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» в СК была использована статья «А се князи русьтии». При этом проведенное исследование позволяет указать путь этой статьи в книжности XVI — первой половины XVII в. и тем самым дополнить проведенное А. А. Шахматовым изучение ее бытования в XV в. Есть все основания полагать, что 1) в начале 1560-х гг. статья послужила источником СК; 2) в 1580-е гг. она была использована при составлении подборки известий о суздальских князьях; 3) в первой половине XVII в. памятник был привлечен при написании Пискарев.⁴⁸⁵

том, что Юрий Владимирович «негодоваша» «велми» на сына за его самовольный уход. Однако в этом рассказе Кучковичи даже не упоминаются.

⁴⁸¹ СК. С. 232.

⁴⁸² *Ebbinghaus A. Andrej Bogoljubskij und die «Gottesmutter von Vladimir» // RM, 1987. 6/1. S. 182; Idem. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. S. 98.* На эти работы автору настоящего исследования указала Г. Ленхофф.

⁴⁸³ ПСРЛ. Т. 3. С. 467; РНБ. Погод. № 1596. Л. 173 об.

⁴⁸⁴ Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. С. 483.

⁴⁸⁵ Для создания Пискарев., скорее всего, был привлечен непосредственно текст статьи, а не подборка Погод. № 1596, так как в Пискарев. со-

Рассмотренный материал дает основания на поставленный выше вопрос о том, являлся сюжет о казни Кучковичей плодом усилий создателя СК или нет, ответить отрицательно. В то же время нельзя не согласиться с предположением В. В. Кускова относительно закономерности появления в памятнике эпохи Ивана Грозного рассказа, который резко осуждает «злодейственных убийц» и предрекает «конечную гибель» всем тем, кто дерзнет поднять руку на «самодержавных». Однако у автора СК не было нужды измышлять соответствующие его политическим взглядам факты — их было более чем достаточно в тщательно отобранных им источниках. Рассмотрение этого сюжета убеждает в том, что основным методом работы создателя памятника было изучение доступных ему источников, отбор и интерпретация, но никак не вымысел известий. Сказанное выше дает основания полагать, что 4–5 гл., а также 8 и 14 тит. 12 гл. 6 ст. СК создавались с привлечением статьи «А се князи русьтии», распространение которой в древнерусской книжности следует признать более широким, чем это было известно ранее.

На еще один источник 6 ст. обратил внимание А. В. Сиренов. В заключительной части основанной на записи Ник. под 6713 г. 10 гл.⁴⁸⁶, которая повествует о жене Всеволода Юрьевича Марии, содержится описание некрополя владимирского Княгинина монастыря⁴⁸⁷. В Ник. этот фрагмент отсутствует. Как показал А. В. Сиренов⁴⁸⁸, содержащийся в СК отрывок является первым, но далеко

держится отсутствующее в подборке окончание рассказа о мести Юрьевичей Кучковичам («яко же рече пророк; и быша яко гной земны, тако сия окоянные Кучковичи, и погibe память их с шумом»).

⁴⁸⁶ СК. С. 226–229; ПСРЛ. Т. 10. С. 50; Кусков В. В. Степенная книга. С. 133.

⁴⁸⁷ «Въ монастыри же ея [Марии. — А. У.] въ придѣле Христова Рождества: отъ юга на правой странѣ положени быша великая княгини Александра да великая княжна Евдокия, а на лѣвой странѣ великая княгини Василиса, а в придѣле Благовѣщення отъ сѣвера на правой странѣ великая княгини инока Марфа Щварновна, да великая княгини Анна, а на лѣвой стране мученикъ Авраамий» (СК. С. 228–229).

⁴⁸⁸ Пользуясь случаем, автор настоящей работы приносит самую искреннюю признательность А. В. Сиренову за возможность ознакомиться с

не единственным. Исследователь поставил в связь с имеющимся фрагментом СК описания гробниц соборов в различных городах (Твери, Владимире, Нижнем Новгороде и др.), которые сохранились в сборниках XVII в.⁴⁸⁹ При этом интересно, что содержащийся в 10 гл. фрагмент не возводим ни к одному из этих текстов. Согласно А. В. Сиренову, к середине XVI в. было уже положено начало практике описания погребений, что и нашло отражение в СК. Таким образом, рассматриваемый памятник является древнейшим дошедшим описанием княжеских погребений. При этом интересно, что рассмотренный фрагмент в 10 гл. появился не сразу, а в процессе редактирования Волк., Томск. и Чуд.⁴⁹⁰

Итоги проведенного исследования источников СК по домонгольскому периоду для удобства представлены в виде таблицы, в которой сопоставлен накопленный в историографии материал с результатами настоящей работы.

Источники СК по русской истории с древнейших времен до начала XIII в.:

Согласно накопленному в историографии материалу	Согласно результатам настоящего исследования
Ник. Воскр. ⁴⁹¹ «Память и похвала» Иакова Мниха (1, 22, 28, 38, 60, 69– 70 гл. 1 ст.) ⁴⁹²	Ник. Воскр. «Память и похвала» Иакова Мниха (1, 20, 22, 28, 30, 38, 52, 57, 60, 69–70 гл. 1 ст.)

материалом его статьи «Описи древних гробниц в сборниках XVII в.» до ее публикации.

⁴⁸⁹ РНБ. ОЛДП. О-5; РНБ. Погод. № 1563; РНБ. F.XVII.21. Содержащиеся в этих сборниках описания гробниц опубликованы А. В. Сиреновым (Описи древних гробниц). Публикацию соответствующих текстов из сборников РНБ. Сол. № 888/998 и РГБ. Ф. 178. № 4288 А. В. Сиренов предпринял ранее. См.: Путь к граду Китежу: князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / Подг. текстов и исслед. А. В. Сиренова, СПб., 2003. С. 36–39, 71–87.

⁴⁹⁰ См.: Волк. Л. 334–335 об.; Томск. Л. 258; Чуд. Л. 268.

⁴⁹¹ Сходство фрагментов СК с Воскр. и Ник. отметил Н. С. Державин. Его выводы уточнил и развил В. В. Кусков.

Проложное Житие Владимира (70 гл. 1 ст.) ⁴⁹³	Проложное Житие Владимира (28, 38, 70, 72 гл. 1 ст.)
Житие Леонтия Ростовского (53 гл. 1 ст.) ⁴⁹⁴	Житие Леонтия Ростовского (53 гл. 1 ст.)
Сказание о Борисе и Глебе (73 гл. 1 ст.)	Сказание о Борисе и Глебе (73 гл. 1 ст.)
Чтение о Борисе и Глебе (73 гл. 1 ст.) ⁴⁹⁵	Чтение о Борисе и Глебе (73 гл. 1 ст.)
Киево-Печерский патерик (4 гл. 2 ст., 2, 11 гл. 3 ст.) ⁴⁹⁶	Киево-Печерский патерик (4 гл. 2 ст., 2, 11 гл. 3 ст.)
Житие и Слово на перенесение мощей Всеволода Псковского (9 гл. 5 ст.) ⁴⁹⁷	Житие и Слово на перенесение мощей Всеволода Псковского (9 гл. 5 ст.)
Житие Ефросинии Полоцкой (11 гл. 5 ст.) ⁴⁹⁸	Житие Ефросинии Полоцкой (11 гл. 5 ст.)
«Слово о знамении» (12 гл. 13 тит. 6 ст.) ⁴⁹⁹	«Слово о знамении» (12 гл. 13 тит. 6 ст.)
Устав Владимира (58 гл. 1 ст.) ⁵⁰⁰	Устав Владимира (58 гл. 1 ст.)
Житие Никиты Переяславского (18 гл. 6 ст.) ⁵⁰¹	Житие Никиты Переяславского (18 гл. 6 ст.)

⁴⁹² Заимствования из «Памяти и похвалы» в 1 ст. выделил Н. С. Державин, выводы которого повторили В. В. Кусков и В. Барнетт.

⁴⁹³ Близость проложного Жития Владимира к 1 ст. отметил В. В. Кусков.

⁴⁹⁴ На заимствования из Жития Леонтия Ростовского в СК указал В. В. Кусков.

⁴⁹⁵ Использование Сказания и Чтения о Борисе и Глебе в СК было отмечено Н. И. Серебрянским и Д. И. Абрамовичем.

⁴⁹⁶ Ссылки автора СК на Киево-Печерский патерик отметили П. Г. Васенко и В. В. Кусков. Их наблюдения дополнил В. Барнетт, который установил связь патерика с 11 гл. 3 ст.

⁴⁹⁷ На использование этих памятников указал В. В. Кусков.

⁴⁹⁸ Привлечение этого Жития к созданию СК отметил В. В. Кусков.

⁴⁹⁹ Включение «Слова» в текст СК показали В. В. Кусков и Л. А. Дмитриев.

⁵⁰⁰ Этот источник 58 гл. 1 ст. выявил В. В. Кусков.

Сказание об иконе Владимирской Богоматери (12 гл. 6 ст.) ⁵⁰² Пространная редакция Жития Ольги (Житие Ольги; 11, 14–16, 23–24, 60, 75 гл. 1 ст.) ⁵⁰³ «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (26, 71–72 гл. 1 ст.; 1, 5 гл. 2 ст.) ⁵⁰⁴	Сказание об иконе Владимирской Богоматери (12 гл. 6 ст.) Пространная редакция Жития Ольги (Житие Ольги; 11, 14–16, 23 ⁵¹⁴ –24, 60, 72, 75 гл. 1 ст.) «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (8, 26, 60; 70–72 гл. 1 ст.; 1, 5 гл. 2 ст.)
--	--

⁵⁰¹ Использование Жития Никиты Переяславского отметил В. В. Кусков.

⁵⁰² Близость этого памятника к СК определил В. В. Кусков.

⁵⁰³ На связь пространной редакции Жития Ольги с помещенным в СК Житием указал А. И. Соболевский. Н. С. Державин и И. В. Курукин отметили использование этого произведения в 1 ст.

⁵⁰⁴ На использование в 1–2 ст. СК «Слова» указал В. Барнетт, выводы которого дополнил А. В. Сиренов, отметивший использование сочинения Илариона в 26 гл. 1 ст., а также близость к СК 3-й редакции памятника.

⁵⁰⁵ Связь 9 гл. 1 ст. с Чудесами Дмитрия Солунского отметил А. А. Турилов.

⁵⁰⁶ На заимствования из этих памятников в 23 гл. 1 ст. указал А. Ю. Виноградов.

⁵⁰⁷ Рассказ об апостоле Андрее в СК с херсонесским сказанием связал А. А. Турилов.

⁵⁰⁸ Влияние «Поучения» Фотия Василию Дмитриевичу на СК отметил Б. М. Клосс.

⁵⁰⁹ Указание на использование Жития Климента в 35 гл. 1 ст. принадлежит А. А. Турилову.

⁵¹⁰ Связь СК со «Словом о князьях» была отмечена О. А. Линдеберг.

⁵¹¹ На включение фрагмента Иерусалимского патерика в 75 гл. 1 ст. указал В. Федер.

⁵¹² Близость 6 гл. 1 ст. к памятнику показал Д. М. Буланин.

⁵¹³ На использование этого источника обратил внимание А. В. Сиренов.

⁵¹⁴ Как было отмечено выше, нельзя исключить использования в 23 гл. 1 ст. и тучковской редакции Жития Михаила Клопского.

Чудеса Дмитрия Солунского
(8 гл. 1 ст.)⁵⁰⁵

Апокрифические Деяния
апостолов (23 гл. 1 ст.)

Служебный Апостол (23 гл.
1 ст.)⁵⁰⁶

Херсонесское сказание об
апостоле Андрее (23 гл.
1 ст.)⁵⁰⁷

Поучение митрополита Фо-
тия Василию Дмитриевичу
(8 гл. 1 ст.)⁵⁰⁸

Житие Климента (35 гл.
1 ст.)⁵⁰⁹

Слово о князьях (10 гл.
3 ст.)⁵¹⁰

Иерусалимский патерик
(75 гл. 1 ст.)⁵¹¹

Славяно-русский перевод
«Окружного послания» па-
триарха Фотия (6 гл. 1 ст.)⁵¹²

Описи гробниц (10 гл.
6 ст.)⁵¹³

Чудеса Дмитрия Солунского (8 гл. 1 ст.)

Апокрифические Деяния апостолов
(23 гл. 1 ст.)

Служебный Апостол (23 гл. 1 ст.)

Херсонесское сказание об апостоле
Андрее (23 гл. 1 ст.)

Поучение митрополита Фотия Василию
Дмитриевичу (8 гл. 1 ст.)

Житие Климента (35 гл. 1 ст.)

Слово о князьях (10 гл. 3 ст.)

Славяно-русский перевод Иерусалим-
ского патерика (75 гл. 1 ст.)

Славяно-русский перевод «Окружного
послания» патриарха Фотия (6 гл. 1 ст.)

Описи гробниц (10 гл. 6 ст.)

«Слово о погибели Русской земли»
(7 гл. 1 ст.)

Летописный источник, близкий к Лих.,
С1497 и С1518 (4–5, 7 гл. 1 ст., 5 гл.
4 ст., 2 гл. 5 ст., 8 гл. 6 ст.)

НIV (13 тит. 12 гл. 6 ст., 19 гл. 6 ст.)

Списки митрополитов в статьях, пред-
шествующих Ник. и Воскр. (63 гл.
1 ст., 9 гл. 4 ст.)

Памятники лексикографии (предполо-
жительно «Азбуковник» старшей ре-
дакции) (вводная статья «Царские са-
новники», 1, 29, 38 гл. 1 ст.)

«Поучение» на память Владимира (1,
29, 42, 50, 69, 70, 72 гл. 1 ст.)

«Правило о церковных людях» (58 гл.
1 ст.)

Внелетописная статья «А се князи
русьтии» (4–5 гл., 8, 14 тит. 12 гл. 6 ст.)

К представленному выше перечню можно также прибавить ряд произведений, обнаруживающих некоторую близость к СК, которая, однако, не представляется достаточной для твердого предположения об их использовании в рассматриваемой части СК — «Послание о повинных», Стоглав, тучковская редакция Жития Михаила Клопского, «Похвала» Владимиру, трактат Максима Грека «Толкование именам по алфавиту». Излишне специально останавливаться на том, что в СК (как и во всех прочих памятниках средневековой книжности) было использовано Св. Писание (этот вопрос, конечно, заслуживает специального рассмотрения, которое выходит за рамки настоящей работы). Проведенное исследование не дает оснований согласиться с Д. Н. Альшицем⁵¹⁵, который усматривал в СК прямую полемику со «Словом о полку Игореве»⁵¹⁶.

Представленный выше материал в целом подтверждает справедливость замечания А. А. Турилова⁵¹⁷ относительно того, что автор СК в основном использовал хронологически близкие к нему памятники. Основу источниковой базы составляют произведения первой половины — середины XVI в. (Ник., Воскр., «Поучение» на память Владимира, Жития Ольги, Всеволода, Ефросинии, памятники лексикографии, славяно-русский перевод «Окружного послания» патриарха Фотия). Однако в этом правиле было место исключениям. Так, в СК прослеживается влияние «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, «Слова о законе и благодати», Киево-Печерского патерика, проложного Жития Владимира, Сказания и Чтения о Борисе и Глебе, «Слова о князьях», «Слова о знамении», статьи «А се князи русьтии». При этом обращает на себя внимание то, что максимум привлечения ранних источников в рассмотренной части СК приходится на 1 ст. — последующие степени почти исключительно основаны на близких книжнику круга Макария памятниках (исключения составляет использование Киево-Печерского патерика, «Слова о законе и благодати», «Слова о князьях», «Слова о знамении» и статьи «А се князи русьтии»). Можно предположить, что,

⁵¹⁵ Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде. С. 64–70.

⁵¹⁶ Подробнее историю вопроса о гипотетических связях СК и «Слова о полку Игореве» см.: Каган М. Д. Степенная книга и «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. 54–56.

⁵¹⁷ Турилов А. А. Древнейшая история славян и Руси. С. 247.

основываясь на близких по времени создания к СК произведениях⁵¹⁸, ее автор «добирал» материал в более ранних источниках. Этим, очевидно, и объясняется сравнительно небольшой объем заимствований из них. Значительную часть этих фрагментов составляли детали, уточнявшие и дополнявшие рассказы, основанные на поздних памятниках (например, известия о шестимесячной осаде Корсуня и строительстве Туровской церкви в Киеве из проложного Жития Владимира; датировка по «Памяти и похвале» ряда известий, описанных в соответствии с Ник.). Это, впрочем, не исключало заимствований крупных фрагментов, большинство из которых (из «Памяти и похвалы», «Слова о законе и благодати», проложного жития Владимира, «Сказания» о Борисе и Глебе) приходилось на 1 ст., которая не только по своему объему, но и по количеству привлеченных источников превосходит все прочие степени.

Результаты проведенного исследования позволяют также высказать ряд суждений относительно «уникальных» известий СК. Разбор ее источников дает основания видеть в них сообщения источников, которые ранее с СК не связывались (например, почерпнутые из «Поучения» на память Владимира чудо о спустившейся с

⁵¹⁸ Не исключено, что написанные иным языком и в иную эпоху ранние памятники уже не отвечали литературным стандартам книжника круга Макария. Возможно, этим и объясняется относительно (в сравнении с современными автору СК произведениями) небольшой объем заимствований из более ранних источников (проложного Жития Владимира и др.). Впрочем, это предположение требует дополнительной (филологической по преимуществу) аргументации. Подробнее о единстве стиля в сочинениях макарьевского времени см.: Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века. С. 18–19; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 9–10, 103; Истоки русской беллетристики. С. 564–565; Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 160–161; Язык русской агиографии XVI в.: Опыт автоматического анализа. Л., 1990; Дмитриева Р. П. Агиографическая школа митрополита Макария (На материале некоторых житий) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 208–213; Пиккио Р. Древнерусская литература. М., 2002. С. 219–221; Сперанский М. Н. История древней русской литературы. СПб., 2002. С. 433–444; Рогожникова Г. П. Жития «Макарьевского цикла». СПб., 2003.

неба руке при крещении Владимира, его речь сыновьям и т. д.). Материал СК убеждает в том, что основу работы ее автора составляли отбор, сокращение, интерпретация известий, но никак не их вымысел. Результаты изучения источников СК и методов работы с ними ее создателя дают все основания отказаться от широко распространенного в историографии взгляда на СК как наиболее яркий пример проникновения «сознательного вымысла» в повествование о прошлом XVI в. Изученный материал заставляет думать, что спектр методов автора СК был много шире, чем механическое копирование фрагментов источников и вымысел известий. Это в свою очередь побуждает по-новому подойти к проблеме уникальных известий в памятниках исторической мысли средневековой Руси.

*А. В. Назаренко. Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма)**

Автор рецензируемой книги фрайбургский историк Готтфрид Шрамм — лингвист по образованию, вот уже не одно десятилетие систематически и с завидной продуктивностью трудится на ниве, куда нечасто заворачивает плуг других исследователей. Большинство его многочисленных работ об Античности или Средневековье, какому бы хронологическому или географическому ареалу они ни были посвящены, всегда имели в виду одну главную тему: средствами исторического языкознания извлечь из фактов языка, прежде всего топонимии, выводы, которые могли бы пролить свет на область собственно исторического. К монографическим исследованиям о северопонтийской¹, балканской² и славянской истории³ ныне

* *Schramm G. Altrusslands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg i. B., 2002 (Rombach Wissenschaften; Reihe Historiae. Bd. 12), 569 стр., библиография, указатели, 17 карт в тексте. Настоящая рецензия является весьма расширенным и существенно переработанным вариантом по сравнению со своей, по необходимости краткой, немецкоязычной версией: Byzantinische Zeitschrift. München, 2003. Bd. 96. H. 2. S. 780–784.*

¹ *Schramm G. Nordpontische Ströme: Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973; русский перевод представляет собой радикально переработанный вариант труда: Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / Перев. А. В. Назаренко. М., 1997 (Взгляд изда-лека: Немецкие историки о прошлом Восточной Европы. Т. 1).*

² *Schramm G. Eroberer und Eingesessene: Geographische Lehnennamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981; idem. Anfänge des albanischen Christentums: Die Bekehrung der Bessen und ihre langen Folgen. Freiburg i. Br., 1999. 2. Aufl. (Rombach Wissenschaften; Reihe Historiae. Bd. 4) (1-е издание вышло в 1994 г.).*

прибавился объемистый труд, в котором суммированы, усовершенствованы и продолжены изыскания автора, касающиеся исторического «чуда» (с. 132 и др.; здесь и ниже ссылки на рецензируемую книгу даются непосредственно в тексте) Древней Руси⁴.

Древняя Русь на историческом отрезке, который рассматривается автором (до эпохи Владимира Святославича включительно), представлена в качестве уникального государственного образования, которое возникло благодаря скандинавским находникам в Восточной Европе, преследовавшим здесь интересы международной торговли и ради этой цели организованным в прочные дружинные корпорации. Коль скоро это государственное образование было направлено на добывание в славяно-финском хинтерланде экспортных товаров, оно создало на важнейших речных путях обширную сеть опорных пунктов. Несмотря на собственно внешне-торговую основу, оно оказалось на удивление жизнеспособным и

³ *Schramm G.* Ein Damm bricht: Die römische Donaugrenze und die Invasionen des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern. München, 1997 (Südosteuropäische Arbeiten. Bd. 100).

⁴ Перечислим, на наш взгляд, важнейшие: *Schramm G.* Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie: Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // *JbbGOE*. 1980. Bd. 28. S. 321–333; *idem.* *Gentem suum Rhos vocari dicebant*: Hintergründe der ältesten Erwähnung von Russen (a. 839) // *Ostmitteleuropa, Berichte und Forschungen*: Festschrift für G. Rhode. Stuttgart, 1981. S. 1–10; *idem.* Die Herkunft des Namens *Rus'*: Kritik des Forschungsstandes // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Wiesbaden, 1982. Bd. 30. S. 7–49; *idem.* Normannische Stützpunkte in Nordwestrussland: Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // *Beiträge zur Namenforschung*. Neue Folge. Heidelberg, 1982. Bd. 17. H. 3. S. 273–290; *idem.* Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas: Zur historischen Einordnung der Kiever Rus' // *Staaten und Gesellschaften im Mittelalter und früher Neuzeit*: Gedenkschrift für J. Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15–39; *idem.* Die Waräger: Osteuropäische Schicksale einer nördgermanischen Gruppenbezeichnung // *Die Welt der Slawen*. Wien, 1983. Bd. 28. S. 38–67; *idem.* Die normannischen Namen für Kiev und Novgorod // *RM*. 1984. T. V, 1. S. 76–102; *idem.* Sechs warägische Probleme // *JbbGOE*. 1986. Bd. 34. S. 363–373; *idem.* Altrusslands Anfänge und die Nordhäfen des Schwarzen Meeres: Historische Aufschlüsse aus Ortsnamenentlehnungen // *RM*. 1987. T. VI, 1. S. 7–29.

после того, как эта основа исчезла или по меньшей мере радикально сузилась, когда на рубеже X–XI вв. иссяк приток в Восточную Европу арабского монетного серебра. Именно эта неожиданная жизнеспособность при численной минимальности скандинавского этнического компонента и составляет, согласно Г. Шрамму, не в последнюю очередь, содержание древнерусского «чуда».

Обширное исследование разбито на шесть больших глав, которые, в свою очередь, разделены на главки, распадающиеся на легко обозримые и тематически замкнутые параграфы, что весьма облегчает для читателя ориентацию на просторном и содержательно сложном поле; отчетливая структурированность целого — несомненное достоинство книги (хотя, справедливости ради, надо отметить, что перекрестные авторские отсылки к тем или иным параграфам далеко не всегда точны). Главы посвящены следующим узловым, с точки зрения автора, темам: I. международная торговля и ее ключевая роль в возникновении Древней Руси (с. 21–71); II. роль и место в этом процессе различных этнических компонентов (с. 75–176); III. варяги на Среднем Днепре (с. 179–252); IV. варяги между Балтикой, Волгой и Ледовитым океаном (с. 255–349); V. торговля и власть в объединенной Руси (эпоха Олега, Игоря, Ольги и Святослава) (с. 353–476); VI. держава Владимира (с. 479–529). Ни одна из названных глав не является и, как можно понять, не претендует на систематическую историческую реконструкцию, а состоит из самодовлеющих очерков, которые во многом резюмируют предшествующие публикации автора, причем если не численно, то по сути доминируют очерки об историко-лингвистических сюжетах — зачастую именно они и уполномочивают автора на те или иные собственно исторические заключения (что понятно).

Становая идея исследователя — о торговом по преимуществу характере древнейшей Руси IX–X вв. — не нова: ее отстаивал, как хорошо известно, еще В. О. Ключевский в рамках своей знаменитой «городовой теории» становления древнерусской государственности⁵ (Г. Шрамм сознает и не скрывает своей преемственности по отношению к концепции известного русского историка: с. 33–35); у

⁵ См. прежде всего лекции 8–10 его Курса русской истории: *Ключевский В. О. Сочинения*; в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 116–178.

нее довольно приверженцев в современной зарубежной русистике⁶. Что ново — так это настойчивое стремление автора подкрепить эту теорию путем систематического накопления новых аргументов, прежде всего из малоизученной сферы восточноевропейской исторической ономотологии. Неординарность аргументации, ее порой откровенно вызывающий характер, обилие нюансов и специфических деталей — все это делает особенно трудной задачу рецензента, которому надо представить и оценить целое, не поддаваясь постоянно преследующему его искушению полемизировать с автором по каждому пункту.

В методологическом отношении Г. Шрамм считает свою книгу началом принципиально нового этапа в изучении Древней Руси; авторское мессианское самосознание то и дело непрятно выражается на ее страницах: «Время легковесных суждений о том или сем, что так или сяк происходило в ранней истории Руси, полагаю, кончилось» (с. 291). Такие эпатажные огульные оценки неизбежно воспринимаются как намеренная дискредитация *всей* (!) предыдущей науки о ранней Руси, поскольку никакого дифференцирующего обзора историографии ни в целом, ни по отдельным проблемам читатель в труде Г. Шрамма не найдет — за исключением разве что некоторых специальных лингвистических вопросов. Что есть — так это победоносная ирония по адресу иных одиозных персон или откровенно шатких конструкций преимущественно (но не только) советской эпохи. Читатель то и дело сталкивается с манерой автора полемизировать с «русской наукой» как некой нерасчлененной в себе константой, которая только и делает, что реализует предписанные сверху директивы. Сейчас вряд ли кто-либо станет спорить с Г. Шраммом, например, в его нежелании усматривать в варяжской дани со славян IX–X вв. «по беле веверице» «феодальную ренту» (с. 144), но приписать такую точку зрения огулом «русской науке» в целом (отослав при этом лишь к заметке С. В. Юшкова 1936 г.!) значит проявить несправедливость (если не

⁶ См., например: *Mühle E.* Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 32); *Франклин С., Шенард Д.* Начало Руси: 750–1200 / Авториз. перев. Д. М. Буланина. СПб., 2000 (английский оригинал книги вышел в 1996 г.); и др.

сказать — исследовательскую недобросовестность) и принципиально исказить суть дела. Ведь именно в этом вопросе русская наука советского периода породила длительную и разветвленную дискуссию, утихшую, собственно, только в последние пятнадцать лет, и приведшую к созданию оригинальных концепций (назовем лишь теорию «государственного феодализма» Л. В. Черепнина, В. Л. Янина и др.), что никоим образом несводимо к «зерновому оброку и барщине» («*Feudalrente in Korn und Fronarbeit*»), как ядовито, хотя и беспочвенно иронизирует автор.

Насколько мы можем судить, такая позиция — это его принципиальный выбор, поскольку приведенная выше цитата имеет следующее продолжение: «Задачей специалистов сегодня является объединение усилий ради *совершенствования методики* (выделено нами. — А. Н.) исследования, такое сопряжение» дисциплин источниковедения, археологии и ономастики, «которое позволило бы каждой из них избежать опасности попасть в ловушку к другой». Трудно не подписаться под подобным призывом, но тут же становится ясно, что как раз такая программа радикального методологического обновления и порождает неожиданный рефлекс в самосознании исследователя, которому в самом деле становится незачем опускаться до разбора «легковесных суждений о том или сем». Ввиду так сформулированной задачи, да и вследствие общего недостатка источников по теме неудивителен тот факт, что свой традиционный исследовательский домен — историческое языкознание, область «исторических заключений на основе имен и слов» (имена, конечно, — тоже слова, но мысль понятна) — автор теперь расширяет за счет «исторических заключений на основе... текстов» (так в самом названии книги), иными словами стремится охватить всю сферу традиционной *собственно* исторической науки; в этом отношении рецензируемая книга принципиально отличается от перечисленных выше предыдущих трудов немецкого исследователя. Удивительно другое: автор не уточняет, кому же именно он адресует свой настойчивый призыв к синтезу, «сопряжению» результатов нарративного источниковедения, археологии и ономастики? Ведь сам он, совершенно неожиданно после всего сказанного, принципиально дистанцируется как от археологических контrovers, так и от текстологической проблематики древнерусского летописания (с. 17 и др.).

В этом отношении поучительно подробнее проследить за мыслями автора, высказанными в небольшой главке, специально по-

священной отбору источников и способам исследовательского «вопросания» (Befragungsweise) (с. 38–47). Автор дает ей программный подзаголовок: «нераспознанное в знакомых источниках», снова и снова подчеркивая, что его методика позволяет, по его мнению, радикально обновить наши знания о Древней Руси. Как же он сам понимает и формулирует эту методику? Что на первом месте стоит здесь педантичный анализ «имен и слов», «который необычен для литературы о Древней Руси» (с. 39) — это само собой разумеется. Остается только согласиться с автором в том, что в науке о Древней Руси по-прежнему слишком мало исследователей, которые были бы озабочены «тщательной и методичной разработкой историко-филологической аргументации» (с. 40). Но вот от «имен и слов» речь переходит к «текстам». Главный из них, конечно, — Повесть временных лет, которую автор «берет такой, какой она дошла до нас в трех (? — А. Н.) главных списках». Кроме того, он «сознательно устраняется» от вопросов вроде: «...в какой мере севернорусские летописи, новгородские и устюжские (? — А. Н.), сохранили ценные первоначальные зерна, впоследствии выпавшие из киевской традиции», потому что это «выходит за рамки его компетенции» (с. 41). Автор делает это с тем более легкой душой, что из статьи Л. Мюллера о так называемой «третьей (по А. А. Шахматову) редакции» Повести он узнал о всей условности текстологических выводов на эту тему (с. 41, примеч. 46) — как будто ею исчерпывается или от ее решения зависит все летописеведение! Поэтому-то Г. Шрамм «не может поверить» (!), что, обходя текстологические вопросы, он может упустить сколько-нибудь ценное знание.

То, что немецкий лингвист некомпетентен в источниковедении древнерусского летописания, не подлежит сомнению — если бы было иначе, он бы знал, что, скажем, текстологические отношения между Повестью временных лет и Комиссионным списком Новгородской первой летописи младшего извода, которым уделил столько внимания А. А. Шахматов, важны для понимания не того, что *утратила* Повесть по сравнению с новгородским летописанием, а того, что она *привнесла* в более древнюю летопись и что столь критичный в других случаях автор простодушно принимает на веру, беря летописный текст «таким, каким он дошел до нас». Подобная некомпетентность понятна и до известной степени простибельна. Труднее понять, как серьезный исследователь способен считать

argumentum ad ignorantiam достаточным методическим обоснованием принципиального отказа учитывать летописное источниковедение! Так, отвергая шахматовскую реконструкцию проникновения сказания о призвании варягов в летописание, автор не затрудняет себя аргументами — он в нее просто «совсем не верит» («ganz unglaublich»): «Мне не удалось обнаружить ни прочных доводов, ни, тем более (! — А. Н.), исторической вероятности для предположения о подобном влиянии Новгорода на исторические взгляды столичного Киева в XI в.» (с. 140, примеч. 162 и др.). Но зачем же было самому искать «доводы»? Достаточно было бы критически отозваться на доводы А. А. Шахматова, с которым по разным поводам постоянно спорят текстологи-летописеведы. Зачем (снова!) будить у не всегда сведущего западного читателя настойчивую иллюзию о горестной судьбе «русской историографии», которую в данном случае слишком уж «определил» (meinungsprägend) авторитет А. А. Шахматова? Мало того, дело доходит до неприкрытого и в своей резкости ничем не оправданного сарказма в адрес «великого, но часто слишком фантазирующего филолога А. А. Шахматова... и его антинорманистских поклонников (Nachbeter)». Это, разумеется, может служить лишь очень слабым основанием для собственных исторических построений автора в той их части, в которой так или иначе использован летописный текст. Автор должен отдавать себе отчет в том, что никто из его коллег, избалованных «фантазиями» А. А. Шахматова (который, к слову, сам вовсе не был «антинорманистом», если уж оставаться в рамках этой не слишком плодотворной дихотомии), не примет на веру в качестве источниковедческого критерия субъективное чувство правдоподобия, тем более не свое собственное — а именно таковым обходится автор, аргументируя свои предпочтения тем, что то или иное сообщение летописи «похоже (! — выделено нами. — А. Н.) на достоверную информацию» (с. 42 и *passim*).

Игнорируя результаты наличной текстологии, Г. Шрамм не уклоняется от самостоятельного посильного анализа летописи как источника, строя его, по собственному утверждению, на проверенном принципе текстологии библейской — вопрошании о *Sitz im Leben* того или другого летописного повествования, т. е. об условиях, в которых оно сложилось, и целях, которые оно могло преследовать. Результат такого подхода, который всякому исследователю, хоть сколько-нибудь осведомленному в летописеведении,

очень трудно назвать новаторским, следующий. Повесть временных лет в своей части, посвященной событиям IX–X вв., состоит из текстов троякого рода. Во-первых, документов, включенных в летопись (договоры с греками). Во-вторых, преданий — либо тенденциозных героических, которые киевская дружина любила слушать «за пивом и медом», вроде рассказа о захвате Киева Олегом или сказания о призвании варягов (им верить не следует, а если верить, то с испытанием), либо бестенденциозных, как «новеллы» о местах Ольги древлянам (тут для историка поживы почти нет). В-третьих, «стилистически ясно выделяющихся *хроникальных пассажей* (курсив автора. — А. Н.)». Последние для автора — важнее всего. В результате их изучения он пришел к выводу, который «удивил его самого»: «речь идет по большей части об *окаменелостях* (Urgestein) верно переданного *государственного знания* (Reichswissen) (в обоих случаях курсив автора. — А. Н.), которое, очевидно, передавалось совсем иными людьми, нежели певцы и сказители». К таким «окаменелостям» автор относит, например, сведения о том, «кто основал Северную Русь, в каких местах устроили свои резиденции трое братьев, каким образом держава распространилась на юг» и т. п. Вот немудреная схема, которой автор предлагает заменить все, что наработано наукой о древнерусских летописях за два столетия со времен А. Л. Шлещера! Г. Шрамм сам видит слабость своего источниковедения: «Каким образом, с помощью каких приемов и какими людьми» могло транслироваться это «государственное знание» в пору, когда «отсутствовали предпосылки и для славянского, и для древнесеверного летописания?» — «на этот вопрос я не могу ответить». И вот как автор выходит из положения: «Но ведь это — в природе научного знания: решая проблемы, ставить тем самым другие, которые пока вынуждены оставаться без ответа» (с. 41–43). Поворот мысли, показательный для неоправданно менторской позиции автора, «выворачивающего» ситуацию наизнанку: существующую текстологию можно игнорировать, но вот результаты, полученные им путем интуитивного отбора «надежных» фрагментов автор призывает своих коллег не только принять, но и задним числом текстологически обосновать. После всего этого брошенные мимоходом легкие извинения за невозможность в должной мере учесть достижения археологии («Нельзя же знать всего!») (с. 46) выглядят верхом научной куртуазности.

На нескольких наиболее характерных, по нашему мнению, примерах покажем, насколько роковые последствия имеет эта противоречивость и методологическая неудовлетворительность исходной позиции для представлений автора, который на каждом шагу — и это понятно — вынужден ссылаться на историческую правдоподобность или археологическую данность.

Одним из шокирующих «открытий» Г. Шрамма является странный тезис, будто славян в районе Ильмена поселил киевский князь Олег и они появляются здесь «определенно (!? — А. Н.) только в конце IX в.» (с. 135, примеч. 152; с. 154 и др.); именно тогда, по приказу из Киева, якобы и основывается Новгород. Устойчивость всей этой конструкции самым непосредственным образом зависит от датировки славянского расселения на северо-западе Восточной Европы. Между тем автор довольствуется в этом важнейшем для себя вопросе простым замечанием, которое к тому же роняет по случаю уже где-то посредине долгого пути своих рассуждений, что-де эта датировка служит предметом научных споров (с. 282). Это, конечно, так, но достаточно ли этого? Кроме того, автор прав только в отношении культуры длинных курганов, тогда как в отношении сопок позволительно было бы все-таки говорить об относительном единстве взглядов в науке как на их этническую принадлежность (именно ильменским словенам), так и на их хронологическую приуроченность главным образом к VIII–IX вв.; спорно лишь происхождение самого погребального обряда. Если же учесть к тому же, что древнейшие археологические слои Рюрикова городища, т. е. первоначального Новгорода, датируются серединой IX столетия⁷, то конструкция автора лишается минимального вероятия.

Удивительно также, как исследователь не замечает рокового противоречия (во всяком случае он его не обсуждает) между этим своим революционным предположением и другим принципиальным для него тезисом, который был высказан еще в 1982 г. в рабо-

⁷ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Nosov E. N. Rjurikovo gorodišče et Novgorod // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckermann. Paris, 2000. S. 143–172 (Réalités Byzantines. T. 7); автору работы Е. Н. Носова, как можно понять (с. 384 и сл.), известны.

те о происхождении имени «Русь», но был включен и в данную книгу: что др.-русс. *Русь* происходит не непосредственно от какого-то северогерманского оригинала (например, **rōþs* или подобного), как это часто предполагают, а от прибалт.-фин. *ruotsi* «шведы», и в этом упразднении гипотетического скандинавского прототипа автор видит санацію, необходимую для оздоровления современного «норманизма»⁸. Заимствование из языка прибалтийских финнов произошло, по Г. Шрамму, когда славянские «передовые отряды нащупывали пути через глубинные районы Восточной Прибалтики» (с. 108), «самое позднее в IX столетии» (с. 103). Конечно, такую датировку можно с горем пополам сочетать с мнением, что они делали это в конце IX в. по приказу киевского князя. Однако тогда неизбежен парадоксальный (мягко выражаясь) вывод, что вся шумная история скандинавской руси, развернувшаяся на протяжении 30–60-х гг. IX в. на юге, в Причерноморье, происходила без какого бы то ни было участия или даже ведома восточных славян. Автор такого вывода, понятно, не делает, но как быть читателю перед лицом столь кричащей противоречивости авторской позиции? Ее трудно объяснить одной только торопливостью при «сшивке» воедино первоначально раздробленных и разновременных фрагментов будущей книги; совершенно очевидно, что нет ясности в самой авторской концепции. Исследователь, разумеется, волен не видеть исторической реальности за летописным сказанием о призвании варягов, в том числе и из-за невероятности, с его точки зрения, межплеменного взаимодействия чуди, словен и кривичей в акте призвания (с. 136–142), но как это совместить с признанием договорного характера варяго-славянских отношений, согласно тому же сказанию (со ссылкой на В. Я. Петрухина: с. 141, прим. 163)? А главное — с кропотливо обосновываемой Г. Шраммом гипотезой об аутентичности имен трех варяжских братьев-князей Рюрика, Синеуса и Трувора? Или имена попали в славянскую традицию позднее? Нет, в своем лингвистическом анализе автор исходит из их заимствования согласно летописной хронологии, а не при Олеге, причем непосредственно из скандинавского в славянский, а не через финское посредство (с. 264–273). Где же в таком случае происходило это заимствование? По автору,

⁸ Schramm G. Die Herkunft des Namens *Rus'*... S. 12–16, 48.

«разумеется», в Киеве, благодаря «тем норманнам Южной Руси, которые были постоянными контрагентами» здешних славян (с. 269). А как быть тогда с убеждением автора (см. выше), что имя «Русь» попало в славянский почему-то именно из финского, а не от самих скандинавов? И как называли эти пришельцы-скандинавы сами себя? Ясно, что, по мнению автора, не именем «Русь». Однако именно под этим именем они представляли себя уже в 838–839 гг. Здесь что-то явно не в порядке. Складывается впечатление, что разделы II, 1 («Происхождение имени *Русь*»), II, 3 («Аборигены: данничество и военная служба») и IV, 3 («Рюрик и его братья») написаны тремя разными исследователями.

А теперь немного о южной истории ранней руси. По нашему глубокому убеждению, автора следует всячески поддержать, когда он выводит и *русское* (курсив призван отразить условность этого современного этнонима в применении к руси IX столетия) посольство в Константинополь ок. 838 г., и *русский* флот, напавший на столицу Византийской империи в 860 г., из Среднего Поднепровья, из Киева (с. 179–193, 243–252), а не из северных областей Восточной Европы (Ладоги или т. п.), как то часто делают историки в последнее время — по крайней нужде, разумеется⁹. Ибо весьма трудно поверить в предположение, будто флот из нескольких сот ладей (согласно одним источникам — 200, согласно другим — 360), разоривший окрестности Царьграда, явился по рекам и волокам Восточной Европы из Ладоги, причем успел это сделать к 18 июня¹⁰ (тогда как в середине X в. он, с учетом времени на сбор кораблей, в эту пору только отправлялся из Киева), проделав путь, который и в мирных условиях требовал не менее двух месяцев — более месяца от Киева до Босфора и три недели от Балтики до Киева (впрочем, сам историк этих аргументов не приводит). Но почему в таком слу-

⁹ Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 5–25; Франклин С., Шепард Д. Указ. соч. С. 49–69; Zuckerman С. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les centres protourbains... Р. 106–114; и др.

¹⁰ Cumont F. Anecdota Bruxellensia, I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376. Gand, 1984. Р. 33; Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ, 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 156.

чае на Киевском Юге, как известно, нет археологических древностей IX в. скандинавского происхождения? Автор как-то уж слишком легко отделяется от этого рокового вопроса, говоря о более неблагоприятной археологической обстановке на юге, нежели на севере (не разъясня, в чем она заключается), а также об отсутствии в Киеве скандинавского торгового поселения «как закрытого комплекса» (с. 114). Но где, спрашивается, такие «закрытые комплексы» были? Так называемые торгово-ремесленные поселения IX в. в Ладого, на Рюриковом городище, в Тимерёве, Гнёздове и т. п. вовсе не являлись собственно скандинавскими поселениями, а представляли собой полиэтничные конгломераты, в которых скандинавский элемент в количественном отношении отнюдь не был преобладающим. Что же касается условий археологического наблюдения в Киеве, то они вовсе не мешают обнаруживать скандинавские древности применительно к X в. (например, известные камерные погребения). Следовательно, дело в чем-то другом. В чем? В рецензируемой книге ответа на этот вопрос мы не находим. А пока его нет, вся картина, слишком оптимистично рисуемая автором, будет неизбежно выглядеть упрощением *pro domo sua*, тем самым *Wunschbild* — желанием выдать желаемое за действительное, против которого постоянно и справедливо ополчается сам исследователь.

А как быть с другим вопросом, загадочным для всякого, кто хочет непременно согласовать между собой все имеющиеся в распоряжении науки факты (т. е., с одной стороны, ищет историческую, фиксируемую письменными источниками IX в. русь на юге, а с другой — настаивает на ее скандинавской этнической атрибуции), а именно с вопросом об отсутствии в это время в Среднем Поднепровье, не говоря уже о Правобережье, кладов арабского монетного серебра, которые в массовом количестве присутствуют на севере? Здесь археологическая неискушенность автора приводит просто к скандалу, одновременно демонстрируя, что и у нее должны быть какие-то пределы: нельзя же, в самом деле, заблуждаться настолько, что утверждать (пусть даже и со ссылкой на одну из работ Т. Нунэна¹¹), будто по количеству и древности кладов дир-

¹¹ Noonan Th. S. When did *Dirhems* first reach the Ukraine? // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1977. Vol. 1. № 2. P. 26–40; не имея

хемов Киевщина с 820/825 г. ничем не уступает северу (с. 69)! Как же так? На всей обширной территории нынешней Украины *нет* кладов монетного серебра IX в., за исключением единичных в глубине Левобережья, в Посулье и Подесенье, которые, конечно, никак не могут свидетельствовать о торговом присутствии скандинавов в это время в районе Киева. Между тем этот вопрос имеет для автора сугубое значение, поскольку он, автор, как и пишущий эти строки, является сторонником концепции об архаической древности торговых контактов в широтном направлении, для которых Среднее Поднепровье было одним из важнейших перекрестков (*Drehscheibe*, по терминологии Г. Шрамма), и именно это обстоятельство, наряду с близостью к рынкам Причерноморья, влекло сюда предприимчивых скандинавов (с. 68–71). Таким образом, автор в силу непонятных (несмотря на его объяснения) причин упустил из виду или недооценил характерные признаки, отличавшие южных, киевских, варягов IX в. от их северных единоплеменников этого времени, с одной стороны, и от киевских же варягов «второй волны», т. е. варягов X в., — с другой. Без учета, а главное — объяснения природы этих контрастных различий никакая общая теория, сколь бы остроумна она ни была, не может претендовать на убедительность¹².

Несомненно, в заслугу Г. Шрамму надо поставить тот факт, что в своих построениях он попытался учесть феномен, получивший в отечественной науке несколько громоздкое название «Русская земля в узком смысле слова». Другие западные историки Руси это фундаментальное для понимания древнерусской истории IX–X вв. явление обычно по непонятной причине обходят молчанием¹³ — кажется, вследствие убеждения в его чисто историографи-

под рукой этой статьи Т. Нунэна, мы не могли перепроверить ссылку, но речь явно идет о каком-то недоразумении.

¹² На наш взгляд, следует предполагать быстрое и целенаправленное ославянивание варягов «первой волны» (*Назаренко А. В. Две Руси IX века // Родина. М., 2002. № 11–12. С. 16–22*); эта важная проблема, без сомнения, нуждается в дополнительном исследовании.

¹³ Нам уже приходилось обращать внимание на это характерное обстоятельство в связи с книгой немецкого исследователя К. Гёрке: *Назаренко А. В. [Рец.:] Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums / Unter Mitwirk.*

ческой природе, что, конечно, неверно. Но вот его интерпретация, предлагаемая автором, равно как и снова проявляемая при этом манера обращения с трудами своих предшественников продолжают удивлять. Исследователь видит в «Русской земле в узком смысле» особый этап в эволюции семантики имени «Русь»: от этнонима, прилагавшегося к скандинавским находникам — к политониму, обозначавшему всю территорию Древнерусского государства и его полиэтническое население. «Что имя *Русь* уже довольно рано функционировало не только в специальном смысле, имевшем в виду варягов, но и в этнически расширительном смысле, особенно хорошо видно по особому его употреблению в качестве *Руси в узком, ограниченном смысле* (курсив автора. — А. Н.), который развился предположительно уже ок. 900 г. применительно к пограничной марке на юге и юго-востоке государства. Ведь в полосе укреплений, которая призвана была защищать Киев от печенегов, с самого начала должно было сложиться воинское сообщество, в котором варяжские пришельцы не имели численного преобладания» (с. 154–155). В конце этого рассуждения читатель адресуется к работам о «Русской земле» А. Н. Насонова и В. А. Кучкина. Но читатель, если он хоть немного ориентируется в данной проблематике, остается неудовлетворен, так как знает, что А. Н. Насонов понимал «Русскую землю в узком смысле» совсем иначе: не как *пограничную марку*, а напротив — как территориальное ядро IX в. будущего Древнерусского государства (В. А. Кучкин, уточняя географические пределы «Русской земли», не уточняет взгляда А. Н. Насонова на ее природу)¹⁴. Автор знаком с такой трактовкой, но не соотносит ее с именем А. Н. Насонова, а приписывает анонимным «антинорманистам» (с. 494), что дает ему моральное право не вступать с нею в какую бы то ни было полемику, а увлеченно разворачивать свою точку зрения (с. 485–497, раздел VI, 2: «Восток степного фронта: наиболее уязвимый фланг Руси»). Однако убедительной ее признать никак нельзя. Уже открывающие этот раздел размышле-

von U. Kälén. Darmstadt, 1992 // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 166–167.

¹⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 42–46, 216–217.

ния об особом месте Чернигова, которое объясняется будто бы тем, что он прикрывал Киев от набегов степняков «с северо-востока» (!) — «направления, откуда столичный Киев был подударен всегда» (с. 485—486), приводят в недоумение. Здесь, конечно же, недостаточно ссылки на Слово о полку Игореве, что от половцев «въстона... Киев тугою, а Чернигов напастыми». И без Слова хорошо известно, что Чернигов и его окрестности подвергались набегам из степи, но из этого вовсе не следует, что через Чернигов эти набегии направлялись на Киев. То был бы очень странный маршрут, в чем убеждает между прочим и карта № 16, на которой нанесены прикрывавшие Киев укрепления по Роси и Суле и на которой Чернигов даже не поместился (с. 487). Однако все недоумения объясняются, когда чуть позже читатель понимает, что имеет дело с очевидной авторской конструкцией *ad hoc*: автору известно, что Чернигов был неотъемлемой частью «Русской земли в узком смысле», и поэтому для обоснования своего представления о последней как о «пограничной марке» ему непременно требуется, чтобы Чернигов, как Переяславль и Витичев, стал пограничной крепостью, защищающей Киев. После чего следуют ни на чем не основанные догадки, будто в связи с необходимостью поддержания «пограничной марки» на юге произошла перестройка системы даней и вместо натуральной дани была введена «денежная подать» (*Geldzins*), на средства от сбора которой содержались полиэтнические гарнизоны на территории «марки» и т. п. (с. 495). Гротескная идея («пограничная марка», в состав которой входит столица!) рождает гротескную аргументацию. Тут же автор вдруг словно забывает о своей мысли, что новое, «этнически расширительное» значение имени «Русь» развивалось в ходе межэтнического взаимодействия в рамках южной «марки», и выдвигает совсем иную: дело, оказывается, не в ассимиляции варягов в славянской среде, а в контактах с «иностранцами», для которых было естественно воспринимать имя «Русь» «в общегосударственном значении» (с. 156). Каким образом словоупотребление в иностранных языках могло не просто повлиять, а определить семантическое наполнение самоназвания (!), остается тайной. Во всяком случае для такого, мягко выражаясь, неординарного предположения была бы нужна особая аргументация, между тем в тексте оно высказано как самоочевидный постулат. О непоследовательности авторской мысли нечего и говорить: исследовательское воображение историка рождает одно за другим

остроумные идеи, от которых он не в силах отказаться, несмотря на их явную взаимопротиворечивость.

При изучении скандинаво-славяно-финского взаимодействия в Восточной Европе накануне образования и в начальную пору Древнерусского государства немаловажное значение имеет анализ исторической лексики. В этой собственно лингвистической области от книги Г. Шрамма читатель был бы вправе ожидать нового. Действительно, такой раздел, пусть и небольшой, в ней есть (II, 2: «Следы пришельцев из Швеции: археологические находки, имена, лексические заимствования»), но выдержан он как достаточно беглый обзор уже сделанного в науке и имеет целью подкрепить отнюдь не новое наблюдение о численной незначительности скандинавского пришлого элемента в славяно-финском окружении (чем восточноевропейская ситуация принципиально отличалась, скажем, от английской). Разочаровывают бросаемые походя догадки там, где компетенция автора предполагала бы основательные и нюансированные оценки. Ясно, что по способу передачи герм. *-ing* следует различать условия заимствования др.-русск. *варягъ* и *колбязгъ*, с одной стороны, и слав. **vitjazь* «витязь», **penjazь* «серебряная монета», **retjazь* «цепь» — с другой, но как совместить предполагаемый автором фризский источник заимствования слов на *-jazь* (с. 118–119) с общеславянским характером этих лексем? И как быть тогда со слав. **kъnjazь* «князь», которое надо бы включить в эту группу (автор о нем молчит), но при этом невозможно отнести к заимствованиям из фризского? В каком соотношении эти группы заимствований находятся с аналогичным распределением внутри пары др.-русск. *склязь/стлязь* — *щелягъ*, все элементы которой так или иначе восходят к герм. **scilling* и которую автор попросту не учитывает? Автор, разумеется, прав (хотя и неоригинален), когда отмечает славяно-скандинавскую взаимность в сфере торговой лексики (с. 121). Однако мало просто указать на связь др.-русск. *бърковъскъ* «мера веса берковец», с названием древнешведского торгового центра Бирки. Ведь главное в том, что здесь перед нами, вообще говоря, не заимствование, а собственно древнерусское слово (со значением «относящийся к Бирке, как в Бирке»), производное по славянской морфологической модели (прилагательные на *-ъскъ*) от скандинавского топонима. Это значит, что мы имеем дело со свидетельством не просто о знакомстве восточных славян с мерами весов в Бирке, а об их, славян, пребывании в Бирке.

К немногочисленным показательным заимствованиям в этой области надо добавить др.-сканд. **skattR* > др.-русск. *сכותь* «серебряная монета ногата, деньги вообще»¹⁵, а др.-русск. *сорокъ*, напротив, со всей определенностью из нее изъять, потому что к др.-сканд. **serkR* «рубашка», вопреки мнению автора, высказанному вслед за некоторыми своими предшественниками, древнерусское слово не имеет никакого отношения¹⁶.

О порочности текстологических подходов автора уже говорилось. Текстологическая критика *sensu stricto* как некая совокупность неперменных, строгих, порой формализованных процедур в инструментарии автора, увы, отсутствует начисто, будучи заменена оценками приблизительными и благоприятными для собственных построений. Приведем характерный пример. Хронологическая сетка начальной части Повести временных лет (примерно до середины X в.), как давно выяснено исследователями, — искусственного происхождения, будучи созданной ок. 1110 г. в лабораторной реторте ученого киево-печерского монаха, и автор, как можно догадываться, знает об этом фундаментальном факте, хотя оговаривает его вскользь только в одном-единственном случае (применительно к 862 г. как датировке «изгнания варягов»), причем со ссылкой не на А. А. Шахматова или И. Сорлен, а почему-то на посвященную совсем другой проблематике, хотя и знаменитую работу С. Болина¹⁷ (с. 135, примеч. 151). И что же? Именно на этих самых условных датировках начальной части Повести оказывается построена основополагающая для всей аргументации автора хронологическая шкала историко-фонетических преобразований в восточнославянском, поскольку, по мнению автора, они, датировки, «выглядят по меньшей мере приблизительно вероятными» (с. 135 и *passim*). Критерием «вероятности» или «маловероятности» остается глазомер автора, а возникающая специфическая конгруентность летописных и историко-фонетических датировок (а как могло быть иначе при таком ме-

¹⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII веков. М., 2001. С. 151–155.

¹⁶ Там же. С. 192–193.

¹⁷ Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Rurik // The Scandinavian Economic History Review. Uppsala; Stockholm, 1953. № 1. P. 5–39.

тоде?) служит, сверх того, в его глазах дополнительным доказательством их аутентичности (ср., например, с. 268, где датировки, полученные автором с помощью лингвистического анализа имен, прямо характеризуются как «независимые» от летописных и потому их подтверждающие). Тем самым аргументация автора вращается в опасной близости от *circulus vitiosus*, поучительно напоминая рассуждения тех отечественных археологов, которые приводят, например, в качестве доказательства совпадение летописной датировки изгнания варягов с дендрохронологической датой пожара в Ладоге. Вообще пренебрежение данными текстологии, прямое игнорирование ее результатов — тяжелый симптом нынешнего размывания науки под влиянием самых разных причин: от чрезмерного увлечения культурологическими виртуальностями до высокомерного дилетантизма. Крайне прискорбно обнаруживать интересного исследователя в столь плохой компании.

Первопроходческий пафос Г. Шрамма служит для него, как кажется, неким психологическим оправданием при конструировании многозначительных схем, не подкрепленных должным источниковедческим фундаментом. Так, беглое замечание Повести временных лет, что князь Олег, овладев Смоленском, а затем Любечем, сажает в каждом из них «мужь свои»¹⁸, позволило автору постулировать ни много ни мало как создание Олегом нового «среднерусского типа властвования», который, в противоположность прежнему «севернорусскому» типу единоличного посадничества, был основан на посадничестве коллективном (с. 318 и сл., 410 и сл.). То обстоятельство, что этот эпизод отсутствует в Новгородской первой летописи младшего извода, автор отмечает, но никак не учитывает. Почему? Да просто потому, что им сознательно устранена из рассмотрения вся проблематика, связанная с так называемым Начальным сводом, хотя последний является, как ни посмотреть, довольно прочным завоеванием летописной текстологии. Иначе пришлось бы согласиться, что известия о посадении Олегом посадников в Смоленске и Любече не входили в первоначальный летописный рассказ, а так можно сослаться на «впечатление», что «наш текст покоится на доброкачественной, надежной информации» (с. 320), и «использовать его буквально, порадовавшись,

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

весьма точной, как видно, информированности» летописца (с. 319). Окончательную черту под этими удивительными рассуждениями подводит маленькая деталь, которую извинительно было бы не заметить современному историку, не испорченному филологическим образованием, но никак не лингвисту: др.-русск. *мужь свои* — это форма *единственного* числа, а вовсе не множественного, как почему-то считает автор (последняя звучала бы *мужа / мужъ свои*). Внезапно выясняется, что размашистая гипотеза была миражом с самого начала.

Последнее досаднее всего: оказывается, аргументация автора дает сбой еще и там, где читатель вправе был бы рассчитывать на ее полную строгость и непоколебимую прочность — а именно в историко-лингвистической области, и даже в сфере собственно ономастики, где автор по праву может с гордостью говорить о «ремесленной строгости метода» (с. 33, примеч. 38). Логическим центром и отправной точкой все более расширяющихся кругов филологической аргументации исследователя (так же, заметим, как и исходным пунктом в цепи его работ о Древней Руси) служит попытка лингвистически доказать историчность трех братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора (с. 264 и сл.) — дело немаловажное, учитывая их место в летописном предании о первых русских князьях, да и сложную судьбу самого этого предания в историографии. На основе анализа слав. *Truvorъ* автор добывает, как ему представляется, «до сих пор остававшийся не известным *terminus post quem* для метатезы плавных в восточнославянском», который, в свою очередь, служит ему в дальнейшем для преобразования относительной хронологии историко-фонетических процессов в восточнославянских диалектах в абсолютную. В качестве исходной формы рассматривается вост.-слав. **Tōrvarъ* < др.-сканд. **Þórvar(a)R*, которая с наступлением полногласия, ориентируясь вопреки норме почему-то не на модель *tort-*, а на модель с редуцированным *tʁt-*, через промежуточную ступень **Tʁūvorъ* и дала, после падения редуцированных, желаемый итог — *Truvorъ* (с. 271). Такое явное филологическое насилие в вопросе, для всего построения автора основополагающем, наводит на грустные мысли. Откуда взялось промежуточное **Tʁūvorъ*? Ведь развитие по модели *tʁt-* (если вдруг на мгновение последовать за приглашением автора) должно было бы привести не к чему иному, как к др.-русск. ***Торворъ* (ср. слав. **gʁdъ* > др.-русск. *грьдъ* > *гордъ* «гордый»),

а вовсе не к *Труворь*. И главное: зачем гипотетическому первоначальному слав. **Tōrvarь* следовать за образованиями типа *tort-?* Объяснение автора, будто «для преобразования **Tōrvarь...* в коренном восточнославянском лексиконе не было вполне подходящего образца», принять трудно ввиду очевидных контрпримеров вроде слав. **golva* > др.-русск. *голова*, слав. **korva* > др.-русск. *корова* и т. п. Таким образом, естественным следовало бы признать совсем другой переход: **Tōrvarь* > др.-русск. ***Тороварь*. А коль скоро дело обстоит не так, то приходится поставить под сомнение посылку автора. Не много лучше обстоит дело и в другом случае, который призван, по мысли Г. Шрамма, замкнуть цепь доказательств и дать теперь уже *terminus ante quem* для метатезы плавных. Др.-сканд. **Helgu* было заимствовано в восточнославянский якобы уже после наступления полногласия, так как иначе оно дало бы не др.-русск. *Ольгъ*, а ***Лагъ* (с. 272). Между тем именно здесь были бы вполне уместны сомнения вследствие отсутствия «вполне подходящего образца», поскольку надежных примеров, которые недвусмысленно иллюстрировали бы судьбу начальных *ert-/elt-* в славянском в самом деле нет; известные колебания между *алькати* и *лакати* (< слав. **olkatī*) в древнеболгарском заставляют считаться с реальной возможностью перехода др.-сканд. **Helgu* > (вост.-)слав. **Ельгъ* > др.-русск. *Ольгъ* в древнерусском. Эти в общем-то достаточно простые наблюдения ставят под сомнение всю базовую для авторской концепции в ее лингвистической части хронологическую шкалу. Другой пример. Гипотетическим прообразом для древнескандинавской кальки **KiænugarðR* «Киев», согласно автору, послужило славянское образование **Kŭjěnъ gradъ*, производное от **Kŭjěne* «киевляне» (с. 196 и сл.). Никаких параллелей этому **Kŭjěnъ gradъ* автор не приводит, да и вряд ли смог бы привести, ибо в славянском начисто отсутствует топонимическая модель «*genet. plur.* племенного названия» + *gradъ*. И уж совсем непонятно, как возможны реконструкции типа слав. **Бѣтъ* < др.-сканд. **HólmR* (так автор объясняет летописное личное имя *Ольма*, восстанавливаемое на основе киевского микропонима *Ольминъ дворъ*) (с. 355), если еры, как хорошо известно, в начале слова в славянском исключены?

Непонятно и обидно за «ремесленную строгость метода», когда не только в собственно «исторических», но и в лингвистических главах сталкиваешься с откровенной торопливостью и не-

брежностью при работе с источниками. Разберем для примера сказанное Г. Шраммом о топониме «Смоленск» (с. 311–314). Исходной формой справедливо служит др.-русск. *Смольньскъ*, к которой автор добавляет встречающуюся изредка *Смольскъ*, и в дальнейшем пытается показать, что вторая из них отражает первичное ареальное смоленское словоупотребление, а первая — вторична и возникла в Киеве. Поэтому для автора важны свидетельства иностранных источников, в которых встречаются упоминания топонима без суффиксального *-н-*: «Один византийский список русских епархий конца XII в. (ничего более читатель о нем так и не узнает. — *А. Н.*)... отмечает применительно к учрежденной в 1130 г. (надо — 1136 г. — *А. Н.*) на Верхнем Днепре епархии форму *to Smoluskion* (на самом деле *to Σμολίσκον*. — *А. Н.*). Другие греческие источники (что за источники? автор ни называет их, ни дает каких бы то ни было ссылок. — *А. Н.*) дают *Smoleskon* и *Smoliskon*. В древнерусской традиции мне представляются наиболее важными данные договоров смоленских князей XIII в. (у этих договоров есть конкретные даты, самая ранняя из которых — 1229 г., но они, видимо, не имеют значения при филологическом анализе. — *А. Н.*) с Рюгеном (надо — с Ригой. — *А. Н.*) и Готландом». Огрехи, в том числе, что самое досадное, и при передаче исходного ономастического материала, на котором строится авторский анализ, продолжают и ниже: так, древнейшее упоминание Смоленска у Константина Багрянородного дважды (!) приведено в ошибочной форме *tōn Miliniskian* вместо правильной *τῆν Μιλινίσκαν* (причем *tōn* в данном случае, заметим, невозможно даже теоретически). Имеются еще и нижненемецкие упоминания типа *Smalencike*, но их исследователь оставляет без внимания и даже не приводит. Почему? Ведь чуть выше при анализе др.-русск. *Ладога* и *Изборьскъ* нижненемецкая традиция была одной из опорных. Читатель подталкивается к неприятному для автора подозрению, что в данном случае немецкоязычная форма намеренно изъята из рассмотрения, так как слишком явно противоречит заключению, будто *-а-* в др.-сканд. *Smaleskia* свидетельствует в пользу древности скандинавской формы (заимствование должно было будто бы совершиться до перехода *a > o* в восточнославянском) (с. 311). Но как признать такую же древность за нижненемецкой формой? Только постулировав ее вторичность по отношению к скандинавской, что маловероятно ввиду прямых смоленско-ганзейских контактов. Но оставим автор-

ские умолчания (намеренные или ненамеренные) и присмотримся к ходу его размышлений. Как при исходной, по автору, форме *Смольскъ* возникла наиболее распространенная в источниках *Смольньскъ*? Благодаря существованию наряду со *Смольскъ* другого названия города — *Smolěny*. Правда, в источниках оно не зафиксировано, но автор образует его по аналогии с реконструируемыми (!) им якобы архаическими названиями Киева и Новгорода — *Kŭ-jěny* и *Slověny*; достоверность этих реконструкций и аналогии, видимо, так велика, что гипотетическое *Smolěny* фигурирует в тексте даже без значка *, который призван указывать на реконструированные формы. Затем, как полагает автор, по аналогии с прилагательным *slověnskъ* «словенский» был образован топоним *Smolěnskъ*. Но даже если так, отсюда еще далеко до искомого *Смольньскъ*. Как быть? А никак: автор даже не оговаривает этого кричащего обстоятельства и просто начинает писать *Смольньскъ* вместо *Smolěnskъ* (с. 314).

Нельзя не отметить склонности автора к некоторому схематизму в исторической трактовке своих лингвистических наблюдений. Тот факт, что др.-русс. *Тѣмutorоканъ* заимствовано не из греч. *та Матарха*, а непосредственно отражает лежащее в основе греческой формы тюрк. **Tüman-tarqan* (с. 224–227), вряд ли оспоримо; подобной уверенности именно в тюркском источнике др.-русс. *Кърчевъ* и *Сурожъ* уже нет, хотя эта точка зрения и кажется автору предпочтительной. Но вот черед доходит до др.-русс. *Корсунъ*, и тут желание автора во что бы то ни стало, в угоду красивой схеме, также и здесь обнаружить тюркскую основу (с. 230–234) просто бьет в глаза. Начинается все, как, увы, часто, с нелепой ошибки — следствия торопливой невнимательности, печать которой лежит на всей книге (*Сурож* и *Корсунъ* находятся-де «на пути между Пантикапеем и Киммерийским Боспором»). Далее, обнаружив доводы в пользу тюркоязычного происхождения др.-русс. *Сурожъ*, автор предлагает «перевести» этот результат «на язык истории»: «Что варяги, когда их ладьи достигли южных берегов Крыма, застали Сугдею (т. е. Сурож. — А. Н.) еще под византийской властью, кажется мне маловероятным. Скорее всего, город был уже присоединен к Хазарскому государству». Но гадания вряд ли уместны, коль скоро известно, что именно при Феофиле (829–842) византийские владения в Крыму были организованы в особую фему Климатов, в составе которой Сугдея пребывала до середины

XI в., после чего оказалась под верховной властью половцев, хотя и сохранила преимущественно греческое население. Известно также, что время Феофила (когда варяги, судя по всему, и «достигли южных берегов Крыма») — это время не хазарско-византийского конфликта из-за крымских городов, а совершенно наоборот — исключительно тесного военного сотрудничества (строительство Саркела и проч.). В результате вывод автора на основании своих интуиций, будто «большинство жителей» Сугдеи в IX в. «очевидно говорило на одном из тюркских диалектов», никак не может быть принят, не говоря уже о совершенно фантастической догадке, что этим языком был печенежский (печенеги пересекли Волгу не ранее конца 880-х гг.). Переходя к др.-русс. *Корсунь*, автор допускает две исходные формы — греч. *Χερσων* (сокращенный вариант от *Χερσονησος*) и производную от нее тюрк. *Qorsun*. Положим, несмотря на только что сказанное нами, теоретически тюркский оригинал все равно возможен, так как и хазарский язык — тоже тюркский, но в любом случае заимствование в славянский должно было произойти после того, как в восточнославянском появился *u₂* (сам автор почему-то пишет «после перехода *u₁* > у», что лишено смысла), иначе получилось бы слав. **Korsunь*. Однако появление *u₂* в восточнославянском, по автору, имело место не ранее середины IX в. При этом в итоговых выводах историк относит проникновение крымской топонимии в восточнославянский еще к доваряжским временам (с. 239). Как же одно соединить с другим? Тюркскую деривацию автор предпочитает греческой потому, что ударение в древнерусском слове падало на первый слог (полагаясь здесь, впрочем, на современное произношение), а «это свидетельствует о тюркоязычном посредстве». Но разве в тюркских ударение приходится на первый слог?

В этих и других подобных случаях, к сожалению, вовсе не редких, Г. Шрамм сам рискует заслужить упрек в «поспешной легковесности» («*rasch hingeworfene Behauptungen*»), который он так часто адресует на страницах книги своим коллегам.

Расставим точки над «*i*»: наша цель совсем не в том, чтобы составить каталог огрехов автора (это было бы излишне, да и утомительно). Речь идет о другом: о том, что порочны сами методы, с помощью которых исследователь конструирует несущий каркас своего здания, сама манера его работы (или, вернее, *не-работы*) с источниками. Читателю приходится то и дело убеждаться, что ис-

топанное поколениями историков пространство древнерусской истории для автора — целина и дебрь, в которой он ориентируется с трудом, но при этом выдает нужду за добродетель: нежелание считаться с этими трудностями рассматривает как радикальное новаторство. Автор действует с размахистостью и напором конквистадора там, где уже давно показан осторожный скальпель хирурга. Свежий взгляд, как обычно, рождает новые идеи, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они редко бывают удачны.

Так, руководствуясь зыбкими историко-лингвистическими соображениями, автор рискует интерпретировать ср.-греч. *Κουλιγγοι* (др.-русс. *колбязи*) как обозначение тех торговых объединений скандинавов (др.-сканд. *kylfingar*), которые якобы с IX в. систематически присутствовали в Константинополе и не позднее русско-византийского договора 911 г. (не 912, как, заметим, постоянно пишет автор, поскольку принципиально предпочитает ориентироваться на летописный текст как на данность) стали вступать в качестве наемников на императорскую военную службу (с. 167–169). Но как совместить эту интерпретацию с тем грубым фактом, что скандинавские наемники в Византии в первой половине X в. и при Константине VII, и даже уже при Льве VI именовались, как известно, *Рως*, а вовсе не *Κουλιγγοι*¹⁹?

Автор тешит себя иллюзией, что он положил конец полемике вокруг «русского» чуда в Житии св. Стефана Сурожского, которую он дерзко именует «долгой и бесплодной главой в историографии», и даже «мыльным пузырем», раздутым «В. Г. Васильевским и его поклонниками» «из национальных предубеждений» (язвительность автора утомляет и тематической, и даже лексической монотонностью) (с. 247 и сл.). Какие же у него для этого основания? Какими он располагает новыми аргументами? Разве В. Г. Васильевский и «его поклонники» не знали и не учитывали того факта, что упоминание Новгорода для начала IX в. — анахронизм? Знали, конечно же, и учитывали, и искали посильных объяснений, считаясь, между прочим, с тем, что древнерусский текст носит явные следы перево-

¹⁹ *Constantini Porphyrogeneti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo* / E rec. I. Reiskii. Bonnae, 1829. Т. 1. Cap. II, 15; 44–45. P. 579.21 (οι βαλτισμενοι Ρως в дворцовой страже), 651.18, 654.6 ff., 664.9 ff. (Ρως в императорском флоте).

да с греческого (чего не видит автор). Мы ни в коем случае не собираемся непременно настаивать на аутентичности данных Жития св. Стефана Сурожского о «новгородском князе Бравлине»; мы хотим всего лишь отметить, что для того, чтобы спорить с В. Г. Васильевским, необходимо обращение к тексту источника, который подробно анализировался русским византинистом, а не оглуляющие ярлыки. И уж совсем плохо обстоит дело с Житием св. Георгия Амастридского, сведений которого о нападении русского флота на Амастриду ок. 840 г. автор также не признает, считая их проекцией событий 860 г., но при этом удивительным образом сохраняя атрибуцию Жития Игнатию Диакону — со ссылкой на работы С. Г. Макриса и И. Шевченко! Как Игнатий, родившийся ок. 770/80 г. и вряд ли намного переживший 845 г., мог откликнуться на нашествие руси в 860 г., остается загадкой. И как можно звать в союзники И. Шевченко, вся новизна позиции которого в этом вопросе заключалась не в последнюю очередь именно в возвращении к точке зрения В. Г. Васильевского, после того как мнение его оппонентов (А. Грегуара и др.) было до известной степени канонизировано в классическом компендиуме Х.-Г. Бека²⁰?

Еще один пример лихого наскока автора на сложнейшую проблему: пресловутая «внешняя Русия» («ἡ ἐξω Ρωσσία») из 9-й главы трактата Константина Багрянородного Об управлении империей, вокруг которой было поломано столько ученых перьев, есть будто бы не что иное, как простое недоразумение: выражение «αὐτοὶ τῆς ἐξω Ρωσσίας» — это всего лишь «оборот бытовой речи» со значением «из Руси». После такого вердикта должны немедленно «рухнуть» все предшествующие конструкции, что с неизменным остроумием

²⁰ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977. S. 512; Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 113–131; отметим, что и по сей день находятся исследователи, которые убеждены в том, что точка зрения В. Г. Васильевского — И. Шевченко может быть подкреплена новыми аргументами: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 24–36. Укажем, к слову, на досадную оплошность в немецком варианте нашей рецензии: в результате неудачного сокращения первоначального текста начало пассажа о Житии св. Стефана совпало с концом фрагмента о Житии св. Георгия, в результате чего ссылка на И. Шевченко оказалась отнесена к Житию св. Стефана.

воздвигались снова и снова» (с. 431 и сл.). Очень сильно сказано! Самое любопытное, что единственным основанием (скорее даже поводом) для такого революционного разгона почтенного конвента послужило, *horribile dictu*, частное разъяснение И. Нихофф-Панайотидиса, аргументы которого, по уверениям автора, мы, может быть, услышим когда-нибудь в будущем (с. 432, примеч. 174)! Каковы бы ни были грядущие аргументы, уже сейчас позволительно спросить (эти вопросы должен был бы задать себе сам автор), а какой «оборот бытовой речи» кроется в таком случае, например, за «η εξω θαλασσα» Птолемея (название Атлантики в противоположность Средиземному морю)? Или за «εσω και εξω βολιαδες» Константина Багрянородного²¹?

Свое убеждение в уникальном характере древнерусской государственности автор подтверждает, в частности, тем, что систематические наследственные разделы внутри древнерусского княжеского семейства представляют собой будто бы «исторический феномен, не имеющий убедительных аналогов в современной ему Европе» (с. 513 и сл.). Поразительное заблуждение, на этот раз уже не только относительно Древней Руси. Родовые внутридинастические разделы не просто имеют место, а составляют *сущность* политического строя, например, Франкского государства. В той же мере, что и Руси, они свойственны также странам Центральной Европы (назовем только Польшу и Чехию), и этому замечательному обстоятельству посвящена изрядная историография²².

Автор пребывает в несколько наивном убеждении, что многочисленные загадки древнерусской истории находят наконец свое разрешение, будучи, как «вспышкой света» («wie im Schlaglicht» — одно из любимых выражений автора), высвечены его прозрениями, что его «книга открывает фазу в науке», «когда перестанут наконец заклинаяще скрипеть жернова затверженных представлений» («Gebetsmühlen verfestigter Anschauungen») (с. 47). В кричащем

²¹ *Const. Porph. De cerim.* Cap. II, 47. P. 681.18, 682.16–17.

²² О ней, как и о проблеме в целом, см.: Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Юриковичей над Русью (X–XI вв.) // ДГ, 1985 год. М., 1986. С. 149–157; он же. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: Сеньорат, наследственные разделы и попытки десигнации // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 500–519.

противоречии с таким убеждением находится его явная неуверенность среди обильного и нового для него материала, с которой постоянно приходится сталкиваться читателю и которую очень сложно бывает отнести на счет опечаток или корректурных промахов. Почтенному В. М. Истрину приписана точка зрения, будто хроника Георгия Амартола была переведена в Киеве *в начале (!) XI в.* (при этом автор не различает между хроникой Георгия Мниха и ее продолжениями) (с. 109). Если неожиданное сообщение автора, что Лиутпранд, «посол Оттона I в Константинополь, пережил там в 916 г. безуспешное нападения варягов под предводительством князя Игоря» (с. 110), можно все-таки трактовать как многоэтажное недоразумение (в дате — двойная опечатка, перепутаны два посольства Лиутпранда 949 и 968 гг., хотя и первое состоялось спустя несколько лет после похода Игоря 941 г.), то как понять читаемую *тут же* в примечании фразу, что отчим Лиутпранда Кремонского «пережил в Константинополе в 949 и 960 гг. два безуспешных варяжских нападения с (так! — А. Н.) князем Игорем» (!?) (с. 110, примеч. 94) — здесь неверны буквально каждое слово, не говоря уже о датах, и поверхностное, нетвердое знание явно усугублено торопливостью пера. Небезызвестный новгородский *Поромонь двор* превращен в малопонятное *Portman'* и перенесен в Москву (!), да к тому же со ссылкой на хрестоматийную работу Б. Клейбера на эту тему (с. 116; примеч. 101). В послании итальянского короля и франкского императора Людовика II к византийскому императору Василию I от 871 г. мы имеем дело не с ответом на запрос византийской стороны к франкской о том, кого на Западе титулуют «каганами», как думает Г. Шрамм (путая к тому же итальянского Людовика II с германским королем Людовиком Немецким), а совсем напротив — с реакцией франкской канцелярии на употребление этого титула в византийской практике; это делает дальнейшие про-
странные и глубокомысленные рассуждения автора (с. 186–187) не только излишними, но и несколько забавными — своего рода свидетельством тому, что с помощью наукообразных вольностей можно обосновать все, даже недоразумение. Когда бежавший в Новгород после поражения в битве у Волыня в 1018 г. Ярослав Владимирович собирался бежать далее «за море», его, как пишет автор со ссылкой на Повесть временных лет, «удерживают оба (! — А. Н.) управлявших городом посадника, велев рассечь его ладьи»; затем, после победы над Святополком в 1019 г., они «в благодар-

ность... получили щедрые привилегии» (с. 397). За имена двух посадников здесь, очевидно, приняты имя и отчество Константина Добрынича («Коснятин, сын Добрынь»), а за «щедрую привилегию» — казнь Константина по приказу Ярослава в 1019/20 г. Вместо имени воеводы Свенельда в русско-византийский договор 971 г., по мнению Г. Шрамма, надо вставить совсем другое имя — богатыря Икмора, упомянутого Львом Диаконом, «что до сих пор никому не приходило в голову» (как не без гордости замечает автор) (с. 472). Чему удивляться, ведь Икмор, согласно тому же Льву Диакону, погиб до заключения мира 971 г. Знаменитую Никоновскую летопись не узнать под странным названием Патриаршая Архангельская (!) летопись (с. 483, примеч. 9). Известный миссионер архиепископ Бруно Кверфуртский, посетивший в 1008 г. киевского князя Владимира, назван «братом» германского императора Генриха II (с. 488 и др.) — явная путаница с аугсбургским епископом Бруно (1004–1029), свойственная, заметим, еще средневековой историографии. Владимир Волынский (название которого автор торжественно-научно приводит в, никогда не существовавшей форме др.-русс. *Володимѣрь Волюньскъ*) оказывается «соседом» (Nachbarstadt) Переяславля Русского (с. 491); либо автор измеряет пространство парсеками, либо путает южнорусские Владимир и Переяславль с одноименными залесскими городами, которые и в самом деле расположены относительно недалеко друг от друга. Переписав с ошибкой из летописи перечень сыновей Владимира Святого, автор в итоге так и строит свои рассуждения на заблуждении, будто Ярослав Мудрый — старший сын Владимира от Рогнеды (с. 509–510). Изяслав Ярославич перепутан со старшим братом новгородским князем Владимиром (с. 520). И так далее.

Масса недоуменных вопросов возникает при рассматривании рассеянных по тексту карт, создателем которых был автор. На карте № 3, призванной проиллюстрировать водные пути в Восточной Европе IX–X вв. (с. 143), наряду с Киевом, Новгородом, Смоленском и проч., вдруг видим не только Ярославль, но и почему-то Орел, Полтаву, Либаву (!); в качестве *города* показан днепровский остров Березань; но самое удивительное не то, что есть лишнее, а то, что отсутствует *главное* — путь по Ловати, ключевой участок «пути из варяг в греки». Карта № 4 посвящена восточноевропейским племенам X столетия (с. 149); поляне здесь простираются до самого Донца, северяне вторгаются в Поочье, дреговичи — в По-

неманье, древляне перешагнули Горынь (и это — не небрежность картографа! автор убежден, что древляне обитали на Вольни: с. 444; но что говорить об этом, когда вятичи «на юго-западе граничат с древлянами»: с. 347), а волыняне — Западный Буг, в Побужье показаны невиданные лучане, а ятвяги изгнаны отсюда в Пруссию. На карте № 5 (южные названия в древнерусском ономастиконе) находим *город* Кубань, а также крайне досадное для наполовину лингвистической книги неразличение мягкого и твердого еров (*Кърсь*, *Тьмutorokань*, *Кърsunь* и т. д.) (с. 237), которые, к слову сказать, очень часто путаются и в самом тексте. На карте № 10 (локализация в IX в. так называемой «третьей Руси» арабских источников) не без удивления обнаруживаем эту «третью Русь» в окружении Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода и Казани (!) (на радость устроителям мнимо-тысячелетнего юбилея) (с. 345). На карте № 14 (с. 461) не показана южная граница Деревской пятины. Карта № 15 (с. 465) демонстрирует русско-польское порубежье «в 1025–1138 гг.». Почему границы именно этого времени нужно приводить в книге, посвященной IX–X вв.? Чем замечателен 1025 г.? Граница тогда не менялась. Она изменилась впервые, как известно, ок. 980 г., затем в 1018 г. (Болеслав I захватывает Червенские города) и снова в 1030–1031 гг., когда последние отвоевываются Ярославом и Мстиславом Владимировичами. Точно так же не представляет собой никакого рубежа в отношении формирования русско-польской границы и 1138 г. — дата смерти Болеслава III Кривоустого.

И на последок — о «чуде» Древней Руси. Книга Г. Шрамма так и не приблизила читателя к его разгадке. Да, Русь не распалась, «подобно империи Каролингов, от собственной колоссальности» (так почему же?), но к кануну монгольского нашествия некогда могучая держава Ярослава Мудрого «стала рыхлой», представляя собой «своего рода патологическое образование, постоянно раздиравшееся двумя противоположными тенденциями — дробления (*kleinräumig*) и объединения (*grossräumig*)» (с. 524). И несмотря на это, добавим от себя, все-таки опять не исчезла. Откуда же живучесть такой «патологии»? Да еще под сильнейшим прессом Орды? И почему наличие «противоположных тенденций» должно служить признаком «патологии»? Ведь противоборство политического партикуляризма и централизации свойственно отнюдь не только Руси, а есть явление общее? Историк ухватило остроты взгляда, чтобы

разглядеть необычное в древнерусской истории и удивиться ему, но не достало средств, чтобы дать объяснение этой необычности. Это и понятно — ведь такое объяснение возможно только с учетом духовной истории, а она осталась вне круга интересов Г. Шрамма.

Подведем итог. Название нашей пространной рецензии — не более, чем реплика другого названия, которое некогда дал сам Г. Шрамм своему крайне полемическому (и по праву) обсуждению неудачной книги О. Прицака²³. Это неслучайно. Последняя книга Г. Шрамма в целом представляется нам, к сожалению, неудачей. К сожалению, надо признаться, особенно для нас, потому что стремление автора к историко-филологическому синтезу нам глубоко импонирует; в нем, по нашему глубокому убеждению, — будущее науки. Знакомство с книгой может оказаться полезным для читателя, подкованного в древнерусской истории, так как ряд оригинальных поворотов исследовательской мысли могут навести его на дальнейшие плодотворные размышления. Но пытаться по рецензируемой книге хотя бы отдаленно представить себе состояние современной науки о Древней Руси — дело совершенно безнадежное. В ней нет ничего из неперменных условий, предполагаемых исследовательской кухней историка: ни источников и их анализа, ни историографии и ее критики, причем и в том, и в другом автор умудряется усмотреть оригинальность своей научной позиции. Если же в книгу заглянет кто-либо, кому Древняя Русь известна еще менее, чем автору, то он наверняка заплутает на окольных тропинках, которых вокруг исторического «чуда» Древней Руси натопта-но, увы, и без того немало.

²³ *Schramm G. Neues Licht auf die Entstehung der Rus'? Eine Kritik an Forschungen von Omeljan Pritsak // JbbGOE. 1983. Bd. 31. S. 210–238.*

П. В. Лукин, П. С. Стефанович. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Выход в свет книги М. Б. Свердлова, известного специалиста по истории Древней Руси, — безусловно, большое событие в отечественной медиевистике. Этот объемный труд, очевидно, во многом подводит итоги многолетних исследований историка, который сформировался как ученый в советское время, но не мог остаться в стороне от кризиса устоявшихся стереотипов и представлений, переживаемого нашей исторической наукой в последние десятилетия. Само заглавие свидетельствует, с одной стороны, о стремлении автора взглянуть на проблему принципиальную для ранней истории Руси — происхождения и становления *государственной власти* — в самой широкой перспективе, а с другой стороны — о полемическом характере постановки темы. Внимание к «князю как общественно-политическому институту и содержанию княжеской власти в начальный период русской истории» (с. 5¹) объясняется в значительной степени давним спором автора с И. Я. Фрояновым, который отстаивает идею об «общинности» социального устройства Древней Руси. Впрочем, отметим сразу, несмотря на то, что в книге, действительно, значительное место уделено критике (и тоже сразу признаемся, на наш взгляд, почти всегда справедливой) построений И. Я. Фроянова и его последователей, М. Б. Свердлову удастся избежать полемической односторонности и максимально учесть мнения предшественников по теме в целом и по отдельным сюжетам.

В отличие от многих современных работ по истории допетровской России, претендующих на синтетический взгляд и обобщающие выводы, но на деле сбивающихся на детали и фактографическое изложение, в рецензируемом труде с самого начала заявлен и затем достаточно последовательно проведен собственный концептуальный подход к исследованию общественно-политического строя Древнерусского государства. Правда, композиция сочинения, выбранная автором, все-таки иногда нарушает эту последователь-

¹ Здесь и далее в скобках после цитат указываются страницы рецензируемой книги.

ность. М. Б. Свердлов выбрал хронологический способ изложения с очень широким охватом тем: в каждой из семи глав книги основной предмет раскрывается на фоне политического развития, социального устройства, права, экономики, а также религии и «символики княжеской власти» на определенном временном промежутке (от «индоевропейского периода» до «политической раздробленности» Руси). В результате получается, что, с одной стороны, один и тот же сюжет, принципиально важный для авторской концепции — например, титулатура русских князей или роль дружины в государственном устройстве — оказывается изложен в разных местах книги с неизбежными недоговоренностями и повторениями, а с другой стороны, желание автора «объять необъятное» приводит нередко к потере основной мысли в массе локальных вопросов и наблюдений. Кроме того, бросается в глаза некоторая несбалансированность частей книги: акцент явно смещен в древнейший период, тогда как периоду с середины XI до конца первой трети XIII в. уделено только две главы, хотя как раз именно это время значительно лучше обеспечено источниками (и не случайно, что как раз в этой части автор больше зависим от историографии и чаще анализ источника уступает место иллюстративному цитированию).

Свою концепцию М. Б. Свердлов излагает в общих чертах и в противопоставлении с теориями, существующими в отечественной и западной историографии, уже во введении, а затем лишь уточняет и детализирует на конкретных примерах по ходу повествования. Основной вопрос для автора — это существование «феодальных отношений» в Древней Руси. Положительный ответ на этот вопрос позволяет утверждать, что Русь была включена в «единство исторического прогресса народов Европы». Преимущество такой постановки вопроса в том, что автор сразу определяет то «поле», на котором собирается работать — политико-юридическая и отчасти социально-экономическая сферы, — и выдвигает сравнительно-исторический метод исследования на одно из первых мест. Очевидный же изъян такого подхода, с нашей точки зрения, — это жесткость, с которой принадлежность Руси к европейской цивилизации ставится в зависимость от наличия в ней «феодализма». Можно привести немало примеров европейских стран, в которых «феодализма» было мало или он практически отсутствовал (например, Византия), но которые занимали существенное место в «европейском пространстве».

М. Б. Свердлов вопрос о «феодализме» на Руси однозначно решает в положительном смысле и подвергает резкой критике всех тех, кто в своих суждениях не был столь однозначен. Так, мнение русской дореволюционной историографии об «особом историческом пути России» автор объясняет «постоянным политическим и идеологическим воздействием на историческую науку консервативной политики царской власти, особенностями философских и исторических концепций, а также опосредованным воздействием экономических и социальных причин на российскую историческую науку 30-х — первой половины 90-х гг. XIX в. как науку об обществе» (с. 11). Современные подходы, которые пытаются преодолеть указанную жесткость в вопросе о месте России в Европе, переставляя акцент с политических и социально-экономических вопросов на культурные, М. Б. Свердлов объявляет «новыми идеологемами» в том случае, если они настаивают на особенностях исторического пути России и «изучают «другое средневековье» без учета взаимодействия относимых к нему элементов культуры с основными средневековыми экономическими, общественно-политическими структурами и социальными связями» (с. 37). Не собираясь никого оправдывать (тем более что критика некоторых современных апологетов «культурно-антропологического подхода» вполне оправдана) и оставляя пока в стороне вопрос об авторском стиле, отметим все же, что изначальное признание исключительной правильности собственных взглядов и негативное восприятие альтернативных подходов ведут прежде всего к ограниченности и прямолинейности конкретно-исторических наблюдений и выводов самого автора, как увидим на некоторых примерах ниже.

Традиционно решая вопрос о наличии «феодальных отношений» в Древней Руси, М. Б. Свердлов зато предлагает не совсем традиционное их понимание. Он отказывается от понимания феодализма через такие «признаки», как землевладение (крупное, условное и т. д.), крепостничество или «юридические институты» (вассально-ленные отношения) и предлагает расценивать «как основу феодальных общественно-политических отношений» «неземельные фьефы-феоды», под которыми понимаются любые вознаграждения от князя дружинникам или вообще всем тем, кто ему служит. Эта концепция феодализма отличается от марксистской, для которой краеугольным был вопрос об эксплуатации зависимых крестьян в рамках крупного землевладения, и от теории «государ-

ственного феодализма», которую М. Б. Свердлов критикует за «абсолютизацию рентных отношений податей» (т. е. за понимание государства как верховного феодала, а государственных налогов как феодальной ренты) (с. 28–30, 37).

Идеи автора ближе тем мыслям, которые развивал А. Я. Гуревич в работах 1960–1970-х гг., отталкиваясь от скандинавских материалов и выводов таких западных медиевистов, как Г. Миттайс, Ф. Л. Гансгоф и В. Эбель². Правда, названные историки, хотя и говорили о разнообразии феодов, особенно на ранних этапах, все-таки признавали, что общее развитие феодальных отношений привело в конце концов к укреплению классической формы феода — земельной. М. Б. Свердлов же обходит молчанием вопрос о том, какова была судьба «неземельных феодов» на Руси после XI–XII вв., появились ли и стали ли когда-либо преобладать «земельные», поэтому его мысль остается простой: там, где были вознаграждения за службу князю, там был и феодализм. Такая концепция, конечно, подкупает своей простотой, но все-таки оставляет вопрос: не слишком ли общий «признак» выбран для определения феодализма? Ведь тогда можно любое общество, где правитель дает вознаграждения за службу, объявить феодальным. Как отличить то вознаграждение за службу, которое является феодом, от того, которое таковым не является?

Но главное даже не в этом. В конце концов можно признать, что «лжице сребрены», которые Владимир Святославич, как сообщает «Повесть временных лет», повелел «исковати» для своей дружины, и «правые виры», которые, согласно автору предисловия к Начальному своду, «древние князи» давали дружине «на оружье», — это «система неземельных феодов» (с. 265–267). И тогда можно назвать древнерусское общество феодальным. Но что нам это даст? Иными словами, в чем эвристическая ценность этой теории? Объявляя, например, отношения князя и дружинников в Древней Руси феодальными или вассальными, поймем ли мы их реальную сложность и своеобразие? М. Б. Свердлов довольствуется тем, что называет древнерусских дружинников таким же вассалами, *fideles*, как служилые люди в раннесредневековой Европе или

² См.: Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1. С. 222–224.

в славянских странах латинского ареала, и показывает разнообразие форм их материального обеспечения (с. 171–175, 265–267, 411–418). Для него вопрос о сути дружинных отношений, о роли дружины и знати в становлении Русского государства и о типологическом сходстве Руси с европейскими странами на этом закрыт. Между тем достаточно лишь немного изменить угол зрения, как откроются совсем другие перспективы исследований и проблема сравнения Руси с другими странами переместится в иную и, с нашей точки зрения, значительно более интересную плоскость.

Например, если уж говорить о вассалитете на Руси, то нельзя обойти молчанием вопросы, заключались ли и, если да, то на каких условиях, вассальные договоры, какая идеология стояла за отношениями службы и зависимости, какими обрядами они оформлялись. Какова была роль «договорного начала» в отношениях князя и знати в Древней Руси? — над этой проблемой очень много думали русские дореволюционные историки, но ее не существует для М. Б. Свердлова. Что бы ни писали западные медиевисты о «неземельных феодах», никто из них не сомневался, что вассальная присяга — это важнейший элемент феодальных отношений³. А в рецензируемой книге даже упоминания о таком явлении, сущностном для вассалитета, мы не найдем. Правда, автор упоминает, что у германских народов «верность» (*Treue*), следующие из нее договорные отношения и взаимные обязательства, являлась основой германских дружин и последующих вассальных отношений», и даже характеризует русских дружинников «X — первой половины XI в.» как «„верных“ князю людей» (с. 264). Но на этом он останавливается, как будто все проблемы решены. Однако достаточно заглянуть в словоуказатель к «Повести временных лет», и мы увидим, что слова «верность», «верный» и однокоренные им ни разу не употребляются для характеристики отношений князей и дружинников или князей друг с другом. Наверное, следовало бы объяснить

³ В подтверждение сошлёмся на А. Я. Гуревича: «Важнейшим и неотъемлемым признаком вассальной зависимости была преданность вассала сеньору, устанавливавшаяся при посредстве присяги верности. В основе своей это личное отношение покровительства и служения, — без той или иной формы коммандации и сюзеренитета нет феодальных отношений» (Указ. соч. С. 224).

это обстоятельство, прежде чем характеризовать служилых людей Древней Руси как *fideles*.

Тот же А. Я. Гуревич, на ранние работы которого ссылается М. Б. Свердлов, хотя обращал внимание на «неземельные феоды», не стремился показать их какую-то выдающуюся роль. Его цель была в другом: показать, что в Средневековье «в основе отношений в среде феодалов, между сеньорами и вассалами» лежали «личные отношения», что классовое господство в том обществе «обязательно и неизбежно принимало формы личного господства», что «личный характер в средние века имели не только общественные отношения, но и отношения политические». Следуя идеям школы Анналов, А. Я. Гуревич пытался показать, что невозможно понять средневековое общество без обращения прежде всего к личности средневекового человека и без учета системы личных человеческих связей, на которых оно держалось. В этом смысл «культурно-антропологического» подхода, который остался для М. Б. Свердлова чужд (неслучайно он негативно относится к более поздним работам А. Я. Гуревича, в которых тот более ясно и последовательно развивал свои взгляды и тем самым, как считает М. Б. Свердлов, «отказался от своих конструктивных наблюдений над генетическими процессами раннего средневековья» (с. 35)).

Таким образом, нам представляется, что концепция «неземельных феодов», которую развивает автор, оправдывает себя на древнерусских материалах лишь отчасти, а именно в объяснении форм материального обеспечения княжеских служилых людей. Если не принимать принцип «экономического детерминизма» (на чем справедливо настаивает сам автор), то этого недостаточно для того, чтобы объявлять вообще все государственное и общественное устройство Древней Руси феодальным. Остается слишком много вопросов (некоторые из них были уже упомянуты, о других пойдет речь ниже).

В то же время, разумеется, нельзя не оценить отказ М. Б. Свердлова от догматических концепций и «идеологем» типа «истматовской» теории формаций или оценки государства исключительно как «инструмента насилия». Безусловно, актуальным и очень продуктивным представляется сравнительно-исторический подход автора, хотя он и ограничивается (за исключением первых двух глав) вопросами, связанными с «системой неземельных фео-дов». Широкий взгляд и интересная постановка темы позволяют

автору сделать много новых конкретно-исторических наблюдений и выводов или на новом, более высоком уровне подкрепить традиционные мнения, подвергавшиеся сомнению в работах последних десятилетий. Так как в одной рецензии невозможно разобрать трактовки всех источниковых свидетельств и все выводы и положения этой весьма насыщенной материалом и интерпретациями работы, мы остановимся только на некоторых моментах, на наш взгляд, наиболее важных, дискуссионных и вызывающих возражения или сомнения.

Новаторской по постановке проблемы и очень интересной по привлеченному материалу представляется первая глава, представляющая собой очерк социальных понятий и реалий «индоевропейского периода», главным образом, на основании исследований лингвистов (прежде всего Э. Бенвениста) о лексике индоевропейских языков. Можно только приветствовать смелость автора, не побоявшегося в поисках истоков института княжеской власти спуститься столь далеко «в глубь веков». Правда, пока М. Б. Свердлову удалось найти не так много явных индоевропейских параллелей древнерусским реалиями и явлениям, а некоторые сопоставления выглядят натянутыми. Например, автор делает акцент на индоевропейском обычае оказания разного рода почестей лицам царского рода — но остается непонятным, какое отношение это имеет к древнерусскому или славянскому пониманию «чести»⁴. Малообоснованным выглядит сопоставление скипетра как знака царского достоинства у индоевропейцев с княжескими инсигниями в Древней Руси: кроме спорного толкования этимологии Киева (от «кия» — дубины, которая рассматривается как княжеская регалия) никаких иных доказательств автор не приводит (с. 255). Позднее автор сам вполне справедливо концентрирует внимание на княжеском «столе» как главном символе княжеской власти на Руси (например, с. 255, 438).

Уже в первой главе и затем несколько раз в следующих М. Б. Свердлов специально обращает внимание на «патриархальный» характер рабства в «индоевропейский период», затем у славян и на Руси (с. 54, 66–67 и др.). Тем самым автор возражает против

⁴ Ср.: Стефанович П. С. Древнерусское понятие чести по памятникам литературы домонгольской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2004. № 2.

идеи, возникшей в результате плоского применения марксистской теории формаций к истории России и до сих пор распространенной в отечественной историографии, согласно которой рабовладение рассматривается как «формационный» элемент общественного строя Древней Руси. Совершенно поддерживая эту критику, отметим, что автор сам впадает в крайность, когда в одном месте заявляет, что на Руси «холопы не являлись рабами» (с. 406). Разумеется, холопство в средневековой Руси отличалось от античного рабства, и тем не менее это было именно рабство — то есть право одного человека на личность другого. Неопределенно характеризуя холопов как зависимых людей, мы никак не объясним суть этого явления и его живучесть на протяжении всей допетровской эпохи на всех социальных уровнях параллельно с изменениями в других социальных категориях (закупы, смерды, крестьяне и т. д.).

Во второй главе рассматриваются скудные упоминания письменных источников о вождях или князьях славян VI–VII вв. опять-таки на самом широком фоне — общественный быт, хозяйство, религия славян по письменным, лингвистическим и археологическим источникам. Этот обзор представляет несомненный интерес, и бесспорным выглядит вывод о генезисе древнерусской княжеской власти из общеславянских корней. Автор справедливо возражает против архаизации и примитивизации древнеславянских общностей, но вместе с тем иногда сам отдает дань весьма спорным теориям и устаревшим стереотипам и впадает в модернизацию. Так, на современном уровне развития этнографии и археологии очень сомнительными выглядят утверждения об эволюции славянского общества от родовой общины к соседской, а семьи — от патриархальной к малой. Явной модернизацией предстает вывод, основанный на спорной и неясной этимологии слова «феод», о том, что в славянской дружине были «генетически запрограммированы феодальные отношения». Хотя у нас нет твердых и бесспорных данных даже о самом существовании дружины у славян в VI–VIII вв. (те данные, которые приводятся обычно в литературе, — в лучшем случае косвенные), автор уже заводит речь о превращении «дружбы», на которой якобы была основана дружина (хотя этот постулат тоже следовало бы доказать, не ограничиваясь указанием на этимологию), в «службу» князю, за которую полагалось вознаграждение — *корм* («неземельный феодал»). Спорным едва ли не в каждом пункте нам кажется утверждение о выборе князя у славян:

«в позднем племенном обществе князь избирался на народном собрании для управления племенем» (с. 72). На самом деле мы не знаем точно, были ли действительно славянские общности той эпохи «племенами» (и вообще — что такое «племя»?), были ли в то время какие-то народные собрания; и о выборах князя мы можем судить только по позднейшим данным, в которых фигурируют уже совсем другие общности (как, например, при избрании Рюрика несколько «племен» — то есть на самом деле племенных союзов, разной этнической принадлежности).

Так как всем этим утверждениям в источниках, упоминающих о славянах, нет подтверждения, М. Б. Свердлов вынужден идти путем «научно корректного» «системного привлечения сравнительно-исторических материалов синхро-стадиальных обществ», и для восстановления общественно-политического устройства славянских общностей он привлекает античные данные о германцах, в основном Тацита. При отсутствии или крайней скудости данных о славянах такой метод кажется крайне рискованным, и осторожнее было бы, по нашему мнению, идти по пути, правильно намеченному автором и действительно «научно корректному» в данном случае, терминологическо-лингвистического анализа праславянской лексики. В результате автор приходит к выводу, что славянское общество было практически во всем аналогично германскому, а единственное отличие усматривается в отсутствии сакрализации княжеской власти у славян («идеологическим основанием князя и княжеской власти у славян, в отличие от германцев, становились не их сакрализация и мифологизация, а средневековый историзм конкретных личностей, причинно-следственных связей и конкретных обстоятельств» (с. 82)). На самом деле разговор о сходствах и различиях общественного устройства германцев и славян можно еще очень долго продолжать (упомянем хотя бы очень неясный и давно обсуждаемый в науке вопрос о так называемой децимальной системе у славян и германцев). В том числе не таким ясным нам кажется и вопрос о сакрализации князя в Древней Руси: вспомним, например, характеристику русских князей как «Дажьбожьих внуцев» в «Слове о полку Игореве».

В третьей главе рассматривается процесс становления государства у восточных славян в VIII — первой половине X в. С нашей точки зрения, это один из самых сильных разделов книги. Очень убедительно выглядят анализ летописных известий об избрании

Рюрика князем в Новгороде, о мести Ольги древлянам, локализация «каганата россов» на Среднем Поднепровье, наблюдения над смыслом титула «каган», принятого первыми русскими князьями, глубокий и тонкий анализ древнерусского полюдь. Удачным представляется раздел о княжеской власти по русско-византийским договорам. Сильной стороной всей главы является источниковедческий анализ привлекаемых источников, который всегда предшествует собственно историческому исследованию и который позволяет автору осторожно придерживаться наиболее надежных и достоверных данных и не принимать всякого рода сомнительные гипотезы, основанные на поздних известиях о Гостомысле, Вадиме и прочих «героях» ранней истории Руси. Вместе с тем некоторые моменты вызывают вопросы. Прежде всего, не слишком удачным кажется новое понятие, которое вводит М. Б. Свердлов, — «потестарное государство», т. е. такое, которое было «основано на завоевании и власти завоевателя, соединившее племенные традиции и начальные государственные институты» (с. 84). Сочетание это по сути тавтологично, поскольку в основе любого государства лежит власть и ее осуществление (принуждение). В медиевистике определение «потестарный» применяют обычно для характеристики собственности, социальных отношений. Для того чтобы подчеркнуть преемственность Древнерусского государства с родоплеменными традициями, неразвитость его структур, с нашей точки зрения, вполне подошли бы более нейтральные термины.

Справедливым представляется итоговый вывод автора, что образование Древнерусского государства было обусловлено внутренними процессами в восточно-славянских общностях и параллельно шло на Юге (Поднепровье) и на Севере (Ладога, Новгород) (с. 120). Но все-таки из рассуждений автора не совсем ясно, на каких основаниях покоилась власть правителей этих двух раннегосударственных образований и затем объединенного Русского государства. Прежде всего, противоречиво говорится о том, каким образом устанавливалась власть: при определении «потестарного государства» автор делает акцент на завоевании (см. выше, с. 84), а при анализе установления власти Рюрика — на избрании (например, с. 120). Неясна роль в этом процессе пришлых скандинавских дружин и «местной знати», и непонятно, как они должны были относиться к центральной власти и как между ними складывались отношения. С одной стороны, автор объясняет силу Рюрика «новым аппаратом княжих мужей» (с. 120,

129, 131), а с другой — одним из важнейших факторов образования государства у него выступает формирование «местной знати». Интеграция служилой и местной знати, которую М. Б. Свердлов предполагает, привлекая для сравнения скандинавские саги (что само по себе выглядит очень интересно), не объясняет дело — ведь она началась (и, видимо, далеко не безболезненно) только спустя долгое время *после* установления государства. Неубедительным представляется в этой связи вывод автора о том, что «бо(л)яре» — это термин, который применялся для обозначения всей знати (как служилой, так и «местной») «как одного социального слоя», но не дружины или отдельных дружинных слоев (с. 149, 173, 176–178; 439). Нет ровно никаких известий, которые бы говорили о «боярах» как о какой-либо племенной или местной знати, а с другой стороны, есть ряд бесспорных данных конца XI — XII в., которые свидетельствуют, что бояре противопоставлялись «детским» или «отрокам» как верхний слой дружины низшему⁵.

Нельзя согласиться с буквально-прямолинейной трактовкой автором ряда древнерусских слов и выражений, которые, очевидно, на наш взгляд, употреблялись образно. Так, выражение русско-византийского договора 944 г. «иже под рукою его» автор интерпретирует как вассалитет и обозначение князей «вассально зависимых» от киевского князя. Само по себе выражение — явный перевод греческого фразеологизма, а о вассалитете князей явно говорить преждевременно — даже сам автор в другом месте говорит о сохранявшейся «автономии племенных княжений» (с. 149, 164). То же можно сказать и о трактовке слов «хлеб» и «корм»: под пером М. Б. Свердлова они превращаются едва ли не в юридические термины и дают ему основания для далеко идущих выводов о «системе неземельных феодалов».

В четвертой главе речь идет о роли княжеской власти в правление княгини Ольги, князей Святослава Игоревича и его детей. Вполне оправданно, на наш взгляд, автор уделяет большое внимание реформам Ольги как важному этапу в развитии центральной власти и фискально-административной системы Русского государства. Справедливо М. Б. Свердлов обращается ко времени «династического кризиса 70-х годов X в.» как исходной точке монополь-

⁵ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 66–67.

ного права князей Рюриковичей на власть в Русском государстве; автор очень дельно критикует произвольные интерпретации летописных известий И. Я. Фрояновым и приходит к обоснованному выводу о силе центростремительных тенденций, которые преодолевают неурегулированность порядка престолонаследия.

М. Б. Свердлов пытается дать всестороннюю характеристику личностей княгини и других князей. Хотя попытку осветить эту тему с точки зрения «социального поведения» князя, церемониальности и символики княжеской власти можно только приветствовать, но практическая реализация этого подхода зачастую оставляет желать лучшего. Так, обращая внимание на описание облика Святослава, оставленное Львом Дьяконом, автор интерпретирует длинные усы и бритый подбородок Святослава как «внешние атрибуты» его «особого социального статуса» и приходит к заключению: «...Святослав придерживался или западноевропейской моды брить лицо и оставлять длинные усы, противопоставляя себя во внешнем виде массе простого населения Руси, или походил на верховного княжеского бога (то есть Перуна. — П. С.). В системе духовных ценностей такое совмещение земного и божественного приобретало особое знаковое значение» (с. 226–227). Этот вывод как по содержанию надуман и мало обоснован, так и по форме логически не согласован (о стилистике и говорить не приходится): непонятно, что за «западноевропейская мода», о какой «массе простого населения Руси» идет речь, причем тут какая-то «система духовных ценностей», почему в усах Святослава надо видеть «совмещение земного и божественного».

Значительное внимание в главе уделено религиозным вопросам. К сожалению, здесь также не обошлось без ряда спорных и даже странных утверждений. Например, пытаясь подчеркнуть самостоятельность церковной политики Владимира Святославича, М. Б. Свердлов пытается — как нам представляется, малоуспешно — найти следы католического влияния и «западной» ориентации князя в этой сфере. В частности, установление Владимиром десятины от княжеских доходов в пользу церкви автор толкует как «католическую систему материального обеспечения» (с. 286–287). Это мнение иначе как недоразумением или заблуждением назвать нельзя: католическая десятина представляла собой всеобщий налог с населения в пользу всего духовенства и тем самым принципиально отличалась от той десятины, которая была установлена Влади-

миром и просуществовала в России вплоть до XV–XVI вв. (доля только от княжеских доходов и только в пользу архиереев и кафедральных соборов). Не более убедительны и другие «свидетельства западной ориентации» Владимира, которые находит автор, — например, помещение саркофагов Владимира и Анны в центре Десятинной церкви (с. 303). Совершенно необоснованным является предположение о параллельном существовании в Киеве в X в. «общин, различавшихся по христианскому вероисповеданию, западнохристианскому (преимущественно скандинавы) и восточнохристианскому (крестившиеся по византийскому и южнославянскому обряду)» (с. 208). Это предположение М. Б. Свердлов основывает на упоминании соборной Ильинской церкви в летописном комментарии к русско-византийскому договору 944 г., которое, как доказано, является ошибочным домыслом летописца, писавшего в конце XI в.⁶ Малоудачным выглядит описание «освоения» христианства широкими кругами населения Древнерусского государства. Только недоумение оставляет, например, следующая характеристика такого весьма сложного и спорного явления, как «двоеверие»: «Когда христианство стало на Руси государственной религией, оно начало вытеснять в общественном религиозном сознании родоплеменное по происхождению языческое многобожие, создавая гибкую подсистему религиозного синкретизма (двоеверия) в тех зонах религиозных верований и быта, где вытеснение языческих представлений христианскими в ежедневной жизни и праздниках оказалось невозможным» (с. 280).

В пятой главе М. Б. Свердлов рассматривает междоусобицу, возникшую после смерти Владимира Святославича, и княжение Ярослава Мудрого. В разделе, посвященном кризису княжеской власти в 1014–1019 гг., есть ряд новых и интересных наблюдений. К ним можно, в частности, отнести тщательный анализ нумизматического материала, иллюстрирующего властные амбиции Святополка Окаянного. Обращают на себя внимание также исчерпывающее привлечение письменных источников с учетом их особенностей и

⁶ См., например: *Васильев М. А.* Степень достоверности известия Повести временных лет о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998. М., 2000.

изучение представлений о старейшинстве в княжеской семье как важного аспекта борьбы между Владимировичами.

Автор декларирует, что историки дореволюционной России изучали династический кризис 1015–1018 гг., «преодолевая воздействие летописной и агиографической традиции, что было не просто в Российской империи, где церковь не была отделена от государства» (с. 314), не приводя конкретных примеров влияния на работу ученых идеологических установок. В действительности в серьезных исследованиях (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. А. Шахматова, А. Е. Преснякова и др.) такого влияния не обнаруживается. М. Б. Свердлов справедливо отмечает стремление Святополка привлечь на свою сторону киевлян, однако, на наш взгляд, напрасно делает акцент на том, что в связи с этим в летописи не упоминается вече. Социально-политическая активность городского населения могла характеризоваться по-разному, и лексема «вече» была только одним из средств (могли также использоваться описательные конструкции, типа «кияне реша...», или понятие «совет»).

На наш взгляд, автор несколько преувеличивает степень государственной консолидации Руси при Владимире Святославиче и его наследниках. Несмотря на то что киевские князья проводили целенаправленную политику ликвидации «племенных» княжеств, «племенные» термины тогда не исчезли и встречаются в летописях вплоть до второй половины XII в. (хотя тогда они характеризовали уже административно-территориальные единицы внутри русских земель и не имели отношения к древним «племенам»). Есть свидетельство хрониста Ливонского Ордена Петра из Дусбурга, который в рассказе о нападении крестоносцев на Полоцкую землю под 1314 г. (!) назвал ее «Кривичской землей» (*terra Crivicie*)⁷. Но и остатки «племен» в собственном смысле слова сохранялись гораздо позже,

⁷ *Petri de Dusburg. Chronica terre Prussie / Übersetzt und erläutert von K. Scholz und P. Wojtecki. Darmstadt, 1984. S. 432. См.: Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997 (пер. В. И. Матузовой). С. 173; Пахуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. М., 1974. С. 110; Лукин П. В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.*

чем это представляется М. Б. Свердлову. Определенно это можно сказать о вятичах, у которых, судя по «Поучению» Владимира Мономаха в конце XI в., еще существовали «племенные» династы (Ходота с сыном), а в середине XII в. — какие-то элементы политической самостоятельности⁸. Возможно, до конца XI в. существовали остатки «племени» радимичей⁹. М. Б. Свердлов полагает, что участвовавшие в Лиственской битве под командованием Мстислава «северяне» названы в «Повести временных лет» так лишь «в память о некогда существовавшем на этой территории племенном союзе», а на самом деле представляли собой «объединенное ополчение Днепро-Днепровского Левобережья» (с. 346). Но в таком случае непонятно пренебрежительное отношение к этим ополченцам Мстислава («Мстиславъ же, о светъ заоутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своихъ Сѣверъ и Варягы Ярославль, и рече: „Кто сему не радъ? Се лежить Сѣверянниъ; а се Варягъ, а дружина своя цѣла“») ¹⁰, совершенно не характерное для отношений между князьями и «воями»-ополченцами XI–XIII вв.¹¹. Ясно, что для Мстислава варяги и северяне — одинаково чужие, т. е., по-видимому, речь здесь идет именно о «племенных» северянских «воях».

Много внимания уделяет автор новгородскому «восстанию» 1015 г. М. Б. Свердлов справедливо основывает свое изложение на версии Новгородской первой летописи (далее — НПЛ), в составе которой отразился предшествовавший Повести временных лет (далее — ПВЛ) так называемый «Начальный свод»¹² (при этом историк полагает, что версии НПЛ и ПВЛ принципиально различны; на наш взгляд, эти расхождения носят в большей степени не содержатель-

⁸ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338.

⁹ См.: Лукин П. В. Восточнославянские «племена»...

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149.

¹¹ См.: Лукин П. В. Древнерусские «вои» IX — начала XII вв. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5.

¹² Отметим, что здесь М. Б. Свердлов отказался от мнения о равнозначности версий НПЛ и ПВЛ, которого он придерживался ранее (см.: Свердлов М. Б. К истории новгородского вече // Новгородский край. Материалы научной конференции «Новгород древний. Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13–15 сентября 1982 г. Л., 1984).

ный, а стилистический характер¹³). Однако характеристика событий вызывает определенные возражения. Даже не рассматривая по существу построения автора, заметим, что если версия НПЛ, по М. Б. Свердлову, «не только более древняя, но и более достоверная», а версия ПВЛ — «ее последующее переосмысление» (с. 329), неясно, как может последняя, *противореча НПЛ именно в аспектах, относящихся к определению социальной сущности* этих событий, подтверждать мнение В. Л. Янина об олигархическом характере новгородского веча или давать информацию о восстановлении союзных отношений Ярослава с новгородской знатью (с. 328). Ведь ниже сам М. Б. Свердлов пишет, что вече, согласно НПЛ, было широким по социальному составу и именно поэтому было собрано не в городе, а «на поле». Историк также, разбирая версию НПЛ, отмечает, что «вои славны» и «тысяща» представляют собой два прямых дополнения в винительном падеже объекта, между которыми отсутствует подчинительная связь» и предлагает два дополнения разделить запятой, что дает: «...собра вои славны, тысящу». В этом он видит дополнительный довод, подтверждающий точку зрения Л. В. Черепнина о том, что это были «знатные военачальники, возглавлявшие подразделения войсковой «тысячи»¹⁴. Но предлагаемая М. Б. Свердловым запятая имеет уточняющее значение и не меняет смысла словосочетания (его толкованию соответствовал бы вариант «вои славны тысящи» без всякой запятой). В этом и во многих других случаях автор много и справедливо критикует фантастические построения И. Я. Фроянова и, вообще, вопреки сложившейся в современной историографии порочной традиции, большое внимание уделяет разбору и обсуждению мнений предшественников. Это, несомненно, является большой заслугой автора, но все же не все высказывавшиеся мнения им учтены¹⁵. «Старост», участвовавших, согласно НПЛ, в походе Ярослава

¹³ См.: Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 95–96.

¹⁴ Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 132.

¹⁵ См., например: Гринёв Н. Н. Летописное сообщение о событиях 1015 г. в Новгороде и вопросы политического и военного устройства Нов-

на Киев; М. Б. Свердлов называет «избранными и (или) назначенными княжеской властью главами погостов» (с. 331), не приводя в пользу этого мнения никаких доказательств. В этом же разделе (с. 331–332), анализируя данные «Хроники» Титмара Мерзебургского, М. Б. Свердлов полемизирует по ряду важных вопросов с А. В. Назаренко. Так, последний считает, что в 1017 г. Ярослав не просто осаждал, а взял Берестье. Не затрагивая вопроса по существу, отметим, что перевод А. В. Назаренко точнее. Спор идет о фразе: «*cesar... conperit Ruszorum regem... Bolezlavum peciisse nilque ibi ad urbem possessam proficisse*»¹⁶. М. Б. Свердлов, правильно определяя оборот, считает, что в нем «к существительному в винительном падеже *regem* относится инфинитив *proficisse* с предлогом *ad...* с целевым значением... «преуспевать в»». Здесь, однако, верен перевод А. В. Назаренко: от *conperit* зависит оборот *Accusativus cum infinitivo*, где логическое подлежащее — *regem*, а два логических сказуемых — *peciisse* и *proficisse* (М. Б. Свердлов, видимо, не обратил внимания на соединительный союз *que*). В таком случае «*urbs possessa*», действительно, означает «захваченный город»¹⁷. Напрасно, думается, автор, говоря о том же походе Ярослава (с. 335), делает акцент на слове *interea* («между тем, тем временем»), которое, по его мнению, непременно свидетельствует об «одновременности событий». В той же VII книге «Хроники» Титмара мы видим, что после сообщения о событиях, произошедших в течение двух суток после июльских нон (7 июля) 1015 г., говорится о событиях, случившихся в августовские календы того же года (21 августа), причем второе повествование начинается со слова «*interea*»¹⁸. Никаких оснований, следовательно, видеть в употреблении этого слова свидетельство одновременности событий нет, и вновь доводы А. В. Назаренко остаются непоколебленными¹⁹.

городской земли // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 61, 62.

¹⁶ *Kronika Thietmara. Poznań, 1953. S. 561–562 (VII, 65).*

¹⁷ Ср.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001. С. 470. Отметим также, что М. Б. Свердлов не отреагировал на критические замечания по своему адресу, высказанные в этой работе.

¹⁸ *Kronika Thietmara. S. 550–551 (VII, 57, 58).*

¹⁹ То же относится и ко всем остальным критическим замечаниям ав-

Большой удачей автора следует, на наш взгляд, признать раздел о княжении Ярослава Мудрого. Ценные наблюдения, сделанные М. Б. Свердловым, весьма многочисленны. Особенно хотелось бы отметить тонкий сопоставительный анализ данных древнерусских правовых источников и скандинавских саг, позволивший сделать обоснованный вывод о социальной сущности свадебного дара Ярославом Ладоги своей невесте Ингигерд (с. 350–353); привлечение памятников зодчества и изобразительного искусства для характеристики идеологии княжеской власти при Ярославе (отметим, что автор приводит дополнительные и достаточно убедительные аргументы в пользу обстоятельно обоснованного А. Поппе мнения о невозможности постройки *каменного* Софийского собора до 1037 г.); тщательный анализ внешней политики Ярослава на общеевропейском фоне и его законодательства (основывающийся на более раннем монографическом исследовании²⁰); интересные наблюдения над титулатурой Ярослава в русских и западноевропейских источниках.

Некоторые замечания могут быть высказаны только по частным вопросам. Неясен вывод автора о церковной политике Ярослава, направленной, по его мнению, на «углубление христианства, православного в своих основах, но сохранявшего принципы Вселенской

тора по адресу А. В. Назаренко в связи с трактовкой последним известий Титмара. Употребление настоящего времени применительно к прошлому также вовсе не свидетельствует об одновременности событий (ср.: с. 335), это обычный *Praesens historicum*, соответствующий прошедшему времени. В толковании важного отрывка, в котором говорится о том, что Киев был покорён Болеславом «*scilicet* (имеется в виду Святополк. — П. Л.) *gratia et postrogum timore*». Второе выражение прозрачно: «страхом перед нашими» (т. е. войском Болеслава, в котором участвовали и саксонцы, «наши» для Титмара), а вот первое трактуется А. В. Назаренко как «благорасположением» к Святополку, а М. Б. Свердловым — как «милостью Святополка». Обе трактовки в принципе возможны (*scilicet* можно понимать и как *Gen. obi.* и как *Gen. subi.*), но *postrogum timore* — несомненный *Gen. obi.*, следовательно, перевод А. В. Назаренко более обоснован. Общеисторические соображения, приводимые М. Б. Свердловым, при решении данной лингвистической проблемы не могут служить аргументом (см.: с. 335).

²⁰ См.: *Свердлов М. Б.* От закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

церкви» (с. 385). Во-первых, до 1054 г. в любом случае (а по существу, и позже) говорить о расколе Церкви на православную и католическую преждевременно. Во-вторых, противопоставление православия и вселенского характера церкви неуместно (ср. хотя бы титул константинопольского патриарха). Здесь и ниже (с. 407, 563) М. Б. Свердлов пишет о смердах как о «свободном сельском населении», «свободных крестьянах», опираясь на свое исследование 20-летней давности²¹ и господствующую историографическую традицию. Однако в рамках этой концепции по-прежнему не удастся объяснить ряд фактов, прежде всего то, что по Краткой Правде штраф за убийство смерда соответствует штрафу за убийство холопа (5 гривен). Предположение о двух категориях смердов (находящихся в «феодальной зависимости» и свободных) также не имеет опоры в источниках, которые знают только смердов как таковых и отделяют их *in corpore* от других слоев древнерусского населения. Вообще в запутаннейшей проблеме социально-экономического строя Древней Руси автор в силу недостатка источников вынужден был выдвинуть гипотезы разной степени убедительности. В целом с его характеристикой общественного строя Киевского государства как аграрного, основанного на социально-экономической дифференциации и принципиально сходного с общественным строем соседних восточно- и центральноевропейских государств (Польша, Чехия, Венгрия) следует, видимо, согласиться. Однако некоторые моменты остаются спорными. Основной формой социальной организации сельского населения М. Б. Свердлов считает вервь, представлявшую собой, по его мнению, «соседскую общину» (с. 407, 518–519), однако никаких доказательств при этом не приводится. Тезис автора о том, что «в сельской общине-верви была сосредоточена хозяйственная, социальная и юридическая активность лично свободного крестьянина-смерда» (с. 519) также ничем не обоснован. В чем именно заключалась хозяйственная функция верви, ученый не пишет. Между тем фрагментарные данные Русской Правды о верви не позволяют сделать однозначных выводов о ее социальной сущности (не говоря уже о том, что вопрос о древнерусской общине сам по себе чрезвычайно сложен и до сих пор не разрешен). Из слов автора о том, что селами,

²¹ См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 135–149.

находившимися в составе княжеского хозяйства, руководили княжеские старосты, а не сельские сходы-веча, может сложиться впечатление, что какими-то селами такие сходы руководили, в то время как никаких данных об этом в источниках нет. В целом не очень понятно, зачем автор уделяет столько места сложнейшим и с трудом решаемым в науке проблемам социального статуса рядового населения, прямо не относящимся к теме исследования.

Один из параграфов этого раздела назван «Ярослав — „самовластец“», причем автор настаивает на том, что эта летописная характеристика Ярослава, связанная с тем, что он стал единственным правителем после смерти своего брата Мстислава, означает и то, что он «один осуществлял *власть* в огромной стране» (с. 420). Этот вывод представляется явным преувеличением. У нас практически отсутствуют данные о том, как осуществлялось принятие политических решений при Ярославе, но все, что известно о его предшественниках и преемниках говорит о важнейшей политической роли дружины, без согласия которой воля князя не могла быть реализована²². Нет оснований делать исключения и для правления Ярослава. Вопрос о существовании в это время городских собраний (условно говоря, вече, если не вкладывать в это слово, по справедливому выражению автора, догматического юридического содержания) спорен, но летописное указание на созыв вече в Киеве в 1068 г. как на событие, пусть и исключительное по масштабу, но не уникальное по существу, а также новгородские события 1015–1016 гг. говорят скорее в пользу того, что какие-то формы социально-политической активности населения, по крайней мере в крупнейших городах, в то время все-таки имели место.

В шестой главе идет речь об истории Руси при сыновьях и внуках Ярослава Мудрого. И здесь много ценных наблюдений. Терминологический анализ зафиксированного в ПВЛ «ряда» Ярослава привел автора к убедительному выводу об использовании Ярославом традиционного по форме «ряда»-завещания для усиления позиций старшего князя. Рассматривая события 1068–1069 гг. в Киеве, автор справедливо критикует построения И. Я. Фроянова о мифической «общинной революции». М. Б. Свердлов тонко подме-

²² См.: Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 111–114.

чает социально-психологический аспект возмущения киевлян, раскрывая с этой точки зрения их загадочную угрозу уйти в «Греческую землю» (с. 452); объективно анализирует социальный состав «киян», действовавших в 1068–1069 гг.; верно обращает внимание на длительность и неоднозначность нарастания центробежных тенденций после смерти Ярослава. На конкретных примерах М. Б. Свердлов вновь демонстрирует, что понимание даже внутриполитической истории Руси возможно лишь при использовании всего комплекса источников, в том числе западноевропейских, и с учетом европейского контекста (характерный пример: распри Ярославичей и их сыновей, в которые оказались втянуты соседи Киевского государства). Исследователь прав в том, что, судя по прямому смыслу летописного текста, основу вече 1068 г. составляло вернувшееся после поражения на Альте ополчение. Некоторые детали, однако, вызывают сомнения. Вопреки автору, ничто не говорит об участии в событиях 1068 г. тысячной организации. «Дружина», сидевшая в погребѣ, не обязательно была частью ополчения; термин «дружина» многозначен и здесь мог быть использован в своем самом общем значении — «друзья»²³. Не стоит видеть в том, что киевляне собрались на «торговище», а не на специальной вечевой площади, свидетельство отсутствия вече как «общественного института» (с. 448)²⁴. Не только на Руси, но и у западных славян торговые, рыночные площади были обычным местом «народных собраний». А жития епископа Оттона Бамбергского однозначно свидетельствуют о том, что в крупнейшем городе поморских славян Щецине место для собраний было оборудовано именно на рыночной площади. Согласно автору одного из них, Херборду, там

²³ Так, например, М. Н. Тихомиров и В. В. Мавродин думали, что это были киевские горожане, ещё раньше выступившие против князя и оказавшиеся за это в «порубе» (см.: *Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси в XI–XIII вв. М., 1955. С. 86; Мавродин В. В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 61. Л. В. Алексеев* полагает, что это была полоцкая «дружина» — сторонники Всеслава, арестованные вместе с ним (*Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 247*).

²⁴ В данном случае мы спорим не с этим мнением автора (вече, по нашему убеждению, не было «общественным институтом» ни тогда, ни позже), а с системой его аргументации.

собирались «густейшие толпы язычников», причем были устроены «деревянные ступени, с которых глашатаи и представители власти имели обыкновение произносить речи к народу»²⁵. Таким образом, киевское «торговище», вполне вероятно, и было вечевой площадью. Впрочем, справедливо отводя искусственную, противоречащую источнику и здравому смыслу точку зрения И. Я. Фроянова о том, что после расправы над киевлянами Изяслав Ярославич «взгна торгъ на гору» якобы для того, чтобы ввести вече «в круг высших институтов, направлявших течение общественной жизни»²⁶, автор, вслед за большинством историков, делает обоснованный вывод о том, что это было мероприятие князя, направленное на недопущение бесконтрольных собраний киевлян (с. 455). Исключительно интересны наблюдения автора над элементами сакрализации княжеской власти в официальной идеологии Древнерусского государства во второй половине XI — начале XII в. М. Б. Свердлов иногда обращает внимание на, казалось бы, второстепенные детали, которые при ближайшем рассмотрении содержат важную историческую информацию (например, он отметил разницу в летописных некрологах Святополка Изяславича и Владимира Мономаха: если по первом «плакали» только вдова и «дружина»; то по втором — «весь народ и вси людье» (с. 503). Это замечание важно и в методическом плане: оно показывает, насколько важно отслеживать даже малейшие изменения в стандартных формулах, так как они могут сигнализировать о существенных исторических явлениях. С целью определения правовых прерогатив князя М. Б. Свердлов широко и плодотворно использует материал «Правды Русской». Вполне объективно автор трактует и сложный вопрос о так называемом «смердолюбии» Владимира Мономаха и его политику в отношении закупов.

Некоторые выводы М. Б. Свердлова все же вызывают возражения. Историк называет «волости», которыми Ярослав наделял своих сыновей, «апанажами», термином французского феодального права

²⁵ Herbordi Dialogus de vita S. Ottonis episcopi Babenbergensis / Monumenta Poloniae historica. Series Nova. Warszawa, 1974. T. VII. Fasc. 3. III, 17. S. 179.

²⁶ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 193–195.

(*apanage*). Однако в литературе обращалось внимание на то, что французские апанажи не передавались по наследству, представляя собой пожизненное владение, возвращавшееся в казну по смерти держателя, тогда как владения Ярославичей стали *отчинами*, передававшимися по наследству²⁷. Вопрос этот в книге не разъясняется. Говоря о возникновении культа святых князей Бориса и Глеба, М. Б. Свердлов отмечает, что в нем проявлялся «религиозный синкретизм» (с. 457) (очевидно, христианства и язычества?), не поясняя, в чем именно. Вряд ли можно найти что-либо более чуждое язычеству, чем почитание святых князей-страстотерпцев. Описывая поход русских князей на половцев в 1093 г. и совет, который держали русские князья перед боем, автор в ряде случаев делает комментарии, не вытекающие из источника (с. 470). Так, в летописи прямо сказано, что князья сначала совещались с «дружиной» (по М. Б. Свердлову, с «руководителями подразделений объединенного войска»); в одном из совещаний, по летописи, приняли участие «кияне» (по М. Б. Свердлову, «предводители киевского ополчения»). Однако никаких аргументов не приводится, и, следовательно, другие мнения остаются неопровергнутыми²⁸. Вместо аргументов предлагается следующее рассуждение: «Естественно, о народном вече... нет речи... поскольку такого веча нет, а общегородские органы самоуправления в Киеве не институировались» (с. 470), логика которого осталась для нас неясной. То же самое относится и к выражению из послания Владимира Мономаха Олегу Святославичу «до то ти съдѣти сынъ твой хрестыни с малым, братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень». Этот «хлеб» автор понимает как «получение натурально-денежных податей в Ростово-Суздальской земле» (с. 475, 541–542) и называет даже «хлебом-апанажем». Непонятно, что же такое «хлеб» — территория, находящаяся под управлением князя, или комплекс повинностей подчиненного князю населения? Почему этот «хлеб» надо считать апанажем? Наконец, почему вообще данное выражение нельзя понимать идиоматически? рассмат-

²⁷ См.: *Eck A. Le Moyen Age Russe*. P., 1933. P. 43; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 63.

²⁸ См.: *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. М., 1909. С. 46; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2. С. 96; *Лукин П. В.* Древнерусские «вои»... С. 50–52.

ривая киевское восстание 1113 г., историк напрасно, на наш взгляд, акцентирует внимание на том, что собранное стремившимися прекратить погромы жителями совещание названо в летописи не «вечем», а «советом» (с. 489–490). Между тем еще М. А. Дьяконов, говоря об этих событиях, отмечал, что иногда термин «вече» заменяется термином «совет»²⁹. Другие летописные сообщения показывают, что древнерусские понятия «вече» и «совет» не следует рассматривать как абстрактные категории, «институты» в традиции историко-правовой науки XIX в. Очевидно, очень часто мы имеем дело с разными предпочтениями разных летописцев: в схожей ситуации один описывал ее словами «кияне реша...», другой употреблял слово «вече», третий — «совет»³⁰. Не вполне четко автор обрисовывает и социальный состав «совета», призвавшего на киевский стол Владимира Мономаха. С одной стороны, М. Б. Свердлов полагает, что он был «широким по составу» (с. 489), с другой — пишет, что в нем участвовали «по преимуществу люди, относившиеся к окружению Святополка и его администрации» (с. 490). Но если в ПВЛ и восставшие, и участники «совета» одинаково называются «киянами», то в «Сказании о чудесах святых Романа и Давыда», памятнике, справедливо привлеченном автором наряду с летописью, говорится: «...сѣвъкупивъше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедъше причѣтъмъ всѣхъ людии и моляхоу Володимира, да въшедь оуставить крамолоу соущую въ людѣхъ»³¹. Таким образом, «советом», действительно, руководила знать, но участвовали в нем более широкие круги населения. Вызывает сомнение и толкование М. Б. Свердловым упоминания Ипатьевской летописи о вкладе дочери князя Ярополка Изяславича в Киево-Печерский монастырь: «вда всю жизнь свою, Небльскую волость, и Дервьскую, и Лучьскую, и около Киева»³². Автор полагает, что это

²⁹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 94.

³⁰ См.: Лукин П. В. К вопросу о так называемом совете в домонгольской Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 (в печати).

³¹ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 69. Вообще активное использование этого источника, которому подчас не уделяется достойного внимания, является большим достижением М. Б. Свердлова.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662.

были «господские княжеские владения» (с. 551). При таком понимании приходится объяснить то обстоятельство, что князь был земельным собственником таких обширных территорий, как Луцкая и Деревская волости, и на правах собственника передал их (вместе с городами?) монастырю. Сознавая, что это трудно представимо, М. Б. Свердлов предлагает понимать дело так, что Небльская волость и земли «около Киева» были подарены обителю целиком, а из Луцкой и Деревской «небольшие владельческие волости на их территориях». Но это противоречит прямому смыслу источника, где одинаково говорится о вкладе всех трех волостей. Еще одним аргументом для М. Б. Свердлова является толкование слова «жизнь», которое в данном случае, по его мнению, надо интерпретировать как «личное владение». Но не так давно А. В. Назаренко обратил внимание на то, что применительно к обозначению имущества лексема «жизнь», во-первых, встречается только в ряде соседних статей Киевского свода в составе Ип., а во-вторых, только в словосочетании «вся жизнь». На этом основании А. В. Назаренко выдвинул убедительное, на наш взгляд, предположение о том, что это выражение могло быть «личным авторским тропом»³³ летописца, а не хозяйственно-юридическим термином. К сожалению, М. Б. Свердлов не прокомментировал точку зрения А. В. Назаренко. В целом, учитывая вышесказанное, ближе к истине, думается, были те исследователи, которые видели в этих волостях нечто, похожее на позднейшее кормление³⁴. Закупов М. Б. Свердлов считает «лично свободными крестьянами-смердами» (с. 563). Оставляя в стороне спорный вопрос о социальном статусе закупов, отметим, что вряд ли можно однозначно определять их как только сельское население. В Пространной Правде фигурирует «ролейный» (пашенный) закуп, что предполагает существование закупов непашенных. Конечно, можно предполо-

³³ Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси (Замечания и размышления по поводу книги Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, «Наукова думка», 1992, 224 с.) // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 168.

³⁴ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания. С. 35; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974: С. 77.

жить, к чему, по-видимому, склоняется М. Б. Сverdлов, что непашенные закупы были заняты в обслуживании господского скота, но на существование городских закупов, возможно, указывает упоминавшееся выше летописное сообщение о киевском восстании 1113 г. Киевляне, основу которых явно составляли горожане, громили, очевидно, дворы тех, у кого они оказались в долговой кабале. А принятый после восстания Устав Владимира Мономаха как раз регулировал отношения между кредиторами и должниками-закупками³⁵. Таким образом, закупы — люди, находившиеся в долговой кабале, могли быть жителями, как сел, так и городов.

Вызывает некоторое удивление, что ключевой, по нашему мнению, проблеме представлений о князе и княжеской власти в русском обществе домонгольского времени посвящен лишь небольшой раздел шестой главы. Автор, впрочем, использует иные термины: «сознание и самосознание русского общества» (с. 568). И, если понятие «общественное сознание» (впрочем, на наш взгляд, неудачное, так как «сознание» в строгом смысле слова может быть только личностным) и используется в науке, то непонятно, что такое «самосознание» общества и чем оно отличается от «сознания». Авторская терминология в этом разделе вообще не выглядит четкой. В начале раздела присутствует, например, такая фраза: «...появление /христианского — П.Л./ самосознания у русских православных князей во второй половине XI — первой трети XII в. было уже традиционным» (с. 568). Непонятно, как *появление* какого бы то ни было самосознания может быть «традиционным». По словам М. Б. Сverdлова, образ идеального князя «формировался не только как сублимированное выражение особого экономического, социального и политического положения князя», но и особыми художественными средствами в литературе, эпосе и искусстве (с. 570). Причем тут сублимация — термин, введенный «отцом психоанализа» З. Фрейдом, неясно, а главное, непонятно, что вообще хочет сказать автор. Самым интересным и убедительным в этом разделе выглядит анализ образа идеального князя (и на основе скрытой информации — князя, достойного осуждения) в «Поучении» Владимира Мономаха, уникальном памятнике, сохранившем

³⁵ См. об этом: Кучкин В. А. Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 241–250.

представления князя о самом себе. Чрезвычайно интересны и перспективны размышления М. Б. Свердлова о семиотике княжеских имен и одеяний, о развитии культов княжеских патрональных святых. Автор верно обращает внимание на литературные и библейские корни многих идей «Поучения» Владимира Мономаха. Однако, вопреки М. Б. Свердлову, собственно евангельской заповеди о необходимости заботиться о сиротах и вдовах не существует. Такая заповедь есть только в одном новозаветном тексте, тесно связанном с Ветхим Заветом, — соборном послании апостола Иакова (2; 17). Но в любом случае евангельская заповедь никак не могла быть изложена в «Премудрости Иисуса сына Сирахова» (с. 572), поскольку эта ветхозаветная книга, считающаяся в православной традиции неканонической, была написана более чем на 200 лет раньше Евангелий. Однако все ветхозаветные призывы к защите сирот и вдов (встречающиеся и в псалмах, и у пророков) восходят к заповеди Моисея: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте» (Исх. 22; 22). Слова Мономаха: «И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ» ученый понимает, с одной стороны, как свидетельство продолжающегося «процесса кладообразования» (с. 573), с другой — как мысль о «необходимости не хранить, а тратить князем богатства в качестве феода-денег — корма». С последним замечанием никак нельзя согласиться. Владимир Мономах писал о другом. Его волновали в данном случае не кормления и даже не «процесс кладообразования», а грех стяжательства как таковой. Не случайно эта фраза следует сразу за рассуждением князя о бренности земной жизни человека: «...смертни есмы, днесъ живи, а заутра в гробъ; се все, что ны еси вдаль, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний»³⁶. Сколько ни собирай сокровищ, в гроб с собой не унесешь, — таков смысл слов Владимира Всеволодовича. А вот на что расходовать «имение», это уже другой вопрос. Однако в «Поучении» ни слова о «феодах», «кормлениях» и т. п. нет. Зато есть много рассуждений о том, что князь считал благочестивым тратить средства на помощь «сырым и убогим». Думается, и в этой фразе речь идет о том же.

По мнению автора, то, «как осмысляли князя и княжескую власть простые люди, определить, видимо, несложно, исходя из

³⁶ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 101.

характеристик обыденного мышления...» (с. 573). Эта убежденность вызывает некоторое недоумение. В действительности все обстоит совершенно иначе: нет ничего более сложного, чем изучение именно народных представлений о государственной власти, которые, как показывают более поздние материалы, могут принципиально отличаться от официальной идеологии, и ссылки на абстрактные «характеристики обыденного мышления» (являющиеся, очевидно, вневременными?) тут только затемняют проблему.

Глава седьмая, в которой идет речь о княжеской власти в период раздробленности, представляет собой сжатый очерк, во многом основывающийся на историографии. Исключение составляет раздел о Владимиро-Суздальском княжестве, где, по мнению М. Б. Свердлова, складывались традиции «монархической княжеской власти» (с. 605). Особое место в обосновании этой концепции занимает трактовка известной и явно противоречащей точке зрения автора фразы Лаврентьевской летописи об изначальности вечевого строя: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, /и Полочане — РА/, и вся власти якоже на дому /думу — Р/ на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумають, на томъ же пригороди стануть»³⁷. Еще раньше М. Б. Свердлов писал, что «это была политическая конструкция, а не обобщение реально существовавших межгородских отношений, порожденных вечевой практикой»³⁸. Здесь же исследователь подвергает эту летописную статью подробному анализу. Прежде всего, М. Б. Свердлов обнаруживает в ней контаминацию: сначала в рассказе идет речь о «правде» владимирцев, а затем летописец «излагает политическую ситуацию на Руси 70-х гг. XII в. как политическую программу — *правду* ростовских и суздальских бояр, смешивая косвенную и прямую речь этих бояр...». В итоге историк приходит к выводу о том, что сентенция об изначальности вечевых порядков принадлежит ростовским и суздальским боярам, а не владимирскому летописцу: «Ростовские и суздальские бояре указывают на новгородцев, которые «изначала» сходятся на вече как на «думу»-совет, а то, что они решат, другие города их волости исполняют. Для доказательства этой мысли, которая должна идеологически с историческими свидетельствами

³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377–378.

³⁸ Свердлов М. Б. Генезис и структура... С. 54.

обосновать подчинение Владимира боярам Ростова и Суздаля, современная для второй половины XII в. практика Новгородской боярской республики распространяется на весь период существования Новгорода. Добавляются к ней также известные тогда случаи вечевых собраний в Смоленске, Киеве, Полоцке середины XII в. В таком обобщении вече распространяется на все русские волости. Это, по словам летописца, — правда бояр, «злых развратников», которые противятся Божьей правде». С другой стороны, М. Б. Сverdлов не сомневается в активном участии в политических коллизиях после гибели Андрея Боголюбского во Владимире «городского торгово-ремесленного населения», но не связывает его с понятием «вече» (с. 624–626). Однако рассуждение летописца о вечевом строе логичным образом вытекает из описания им вполне реальной социально-политической деятельности древнерусских горожан, и прежде всего жителей городов Ростовской земли. Никаких оснований подозревать тут «политическую конструкцию» или «неправомерное распространение новгородской вечевой практики» нет. Летописец спорит не с правилом о подчинении пригородов городам (в том числе городскому вечу) и тем более не с идеей вечевого строя, а с тем, что Владимир — пригород по отношению к Ростову и Суздалью³⁹. В связи с этим тезис о владими́ро-суздальской монархии может быть поставлен под вопрос. О том, что владимирские князья не обладали неограниченной властью и вынуждены были считаться с участием в управлении таких слоев общества, как боярско-дружинная элита, духовенство, горожане, свидетельствует обширный материал, собранный еще в начале XX в. А. Н. Насоновым и проанализированный им в статье, опубликованной в 1924 г.⁴⁰ В ней были тщательно проанализированы летописные данные о политических событиях в Северо-Восточной Руси во второй половине XII — первой трети XIII в. и сделан, кажется, обоснованный вывод о том, что социально-политический строй Владимирского княжества принципиально не отличался от

³⁹ См. подробнее: *Лукин П. В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 55–60.

⁴⁰ *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле // «Век». Исторический сборник. Пг., 1924. Вып. 1.

строю остальных русских земель. К сожалению, хотя другие, более поздние работы А. Н. Насонова автор учитывает и активно использует, на эту статью ссылок нет, нет ее и в библиографическом списке. Между тем именно в данном случае обсуждение и, возможно, полемика были бы очень полезны⁴¹. При этом М. Б. Свердлов остро, но по существу и, на наш взгляд, совершенно справедливо критикует оторванные от источников и исторической реальности построения И. Я. Фроянова, выводящие, как верно заметил автор, русские земли из «контекста исторического развития средневековой Европы» (с. 626), сопоставляя их то с древнегреческими полисами, то с африканскими общностями скотоводов, то с племенами папуасов. Очень удачно использует М. Б. Свердлов и «Слово» Даниила Заточника для характеристики социальной психологии различных слоев владими́ро-суздальского общества. Такой конкретно-исторический, направленный на постижение социальной реальности подход, имеет, по нашему убеждению, несомненные преимущества перед модными, но от того не более убедительными «культурологическими» или «феноменологическими» штудиями.

В целом монография М. Б. Свердлова представляет собой очерк социально-экономической, политической, отчасти культурной истории домонгольской Руси (преимущественно киевского периода), в центре которого находится князь и княжеская власть. В тех (преобладающих по объему) частях, где меньше сказывается догматическое влияние авторской концепции о «неземельных феодах», книга

⁴¹ Правда, в другой своей работе М. Б. Свердлов высказывает мнение о том, что А. Н. Насонов «под влиянием быстро накапливаемых материалов и развивающихся методов исторической науки... отказался от своих давних взглядов на общественный строй Древней Руси» и присоединился к «грековской концепции» (Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 240). Однако из некоторых замечаний А. Н. Насонова и в поздних трудах (см., например: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 166–167) складывается впечатление, что он ни от каких взглядов не отказывался (да и причин для этого не было: «накапливаемые материалы» его взглядам не противоречили, а «методами исторической науки» он, выдающийся источниковед, владел существенно лучше многих сторонников «грековской концепции»), а изменил основное направление своих исследований вынужденно.

представляет собой серьезную научную работу, и именно благодаря обобщению многолетних конкретно-исторических исследований автора она несомненно станет обязательным пособием для всех специалистов по русской медиевистике. В основном М. Б. Свердлову удается сохранять спокойный, взвешенный подход и осторожные оценки, в то же время демонстрируя в ряде случаев и смелость в обращении к новым вопросам, способность увидеть ценное в разных мнениях, с которыми сам автор может и не быть согласен. Безусловными плюсами труда являются широта подхода и работа с источниками: автор привлекает самые разные виды источников (от нумизматики до данных лингвистики), что подразумевает и применение разных исследовательских методик, а при анализе письменных памятников почти всегда предваряет исторические выводы тщательным источниковедческим анализом.

Как недостаток работы, который сказывается на протяжении всего текста книги, приходится с сожалением отметить далеко не самый изящный стиль. Длинные синтаксические конструкции, иногда чуть не на половину страницы и часто плохо согласованные, пристрастие автора к казенно-шаблонным характеристикам, злоупотребление сложными «научными» выражениями и терминами типа «структурообразующее значение», «синхростадиальный подход», «подсистема» или «институт» — все это крайне затрудняет восприятие читателем мыслей и наблюдений автора. Как можно было уже заметить из приведенных в настоящей рецензии цитат, в некоторых местах мысль автора неясна; иногда складывается впечатление, что текст не был окончательно выверен и «почищен» с редакторской точки зрения (этот упрек адресован, правда, больше даже не автору, а издательству). На этом фоне помещение одной и той же цитаты из летописи два раза подряд на соседних страницах (с. 281–282) или цитирование «Повести временных лет» в переводе на современный русский язык без приведения оригинала (хотя в остальных случаях цитируется древнерусский оригинал без перевода) (с. 383) выглядят даже не самыми существенными недочетами.

Конечно, задача, которую поставил перед собой автор, настолько огромна, что, как отмечалось выше, в монографии есть неравноценные разделы, ряд вопросов остается спорным. Некоторые проблемы, прямо относящиеся к теме, указанной в заглавии, остались не только не рассмотренными, но даже не поставленными. Каковы были пределы власти князя в реальности и в представлении

ях современников?⁴² Какова была связь официальной идеологии Древнерусского государства и византийских политических теорий? Как сочетались в системе представлений и на практике христианские нормы поведения правителя и суровая действительность? Были ли представления о государственной власти общими для всего населения Древней Руси или здесь были существенные отличия, региональные, социальные, прочие? Список можно было бы и продолжить, но оценивая работу с точки зрения того, что в ней есть, а не того, чего нет, монографию М. Б. Свердлова следует признать достижением новейшей отечественной историографии.

⁴² Показательно в этом смысле, что автор не использует классическую работу В. Е. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти» (Пг., 1916), где много говорится и о древнерусской эпохе.

Список сокращений

АЕ	—	Археографический ежегодник
БАН	—	Библиотека Академии наук
БЛДР	—	Библиотека литературы Древней Руси
ВВ	—	Византийский временник
ВЕДС	—	Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Материалы конференции. М.
ВИ	—	Вопросы истории
ВИД	—	Вспомогательные исторические дисциплины
ВМЧ	—	Великие Минеи Четьи
ГВНП	—	Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ДГ	—	Древнейшие государства на территории СССР (с 1991 г. — Древнейшие государства Восточной Европы): Материалы и исследования. М.
ДДГ	—	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	—	Исторические записки
ИОРЯС	—	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ЛХ	—	Летописи и хроники
Н1	—	Новгородская I летопись
НИС	—	Новгородский исторический сборник. Л.; СПб.
НПЛ, НЛ	—	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ОР	—	Отдел рукописей
ПДПИ	—	Памятники древней письменности и искусства

ПИ	— Проблемы источниковедения
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПС	— Православный собеседник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГБ	— Российская государственная библиотека
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией
РНБ	— Российская национальная библиотека
СА	— Советская археология
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
Син.	— Синодальный список Новгородской I летописи
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности АН
СЭ	— Советская этнография
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)
УЗ ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
АЕМА	— Archivum Eurasiae medii aevi. Wiesbaden
ЕІ ²	— The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; London
FOG	— Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
JbbGOE	— Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas. Neue Folge. München; Wiesbaden
RM	— Russia Mediaevalis. München

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Статьи

<i>А. А. Горский.</i> Русское Средневековье в трудах Л. В. Милова.....	5
<i>И. Г. Коновалова.</i> Путь купцов-русов на Восток.....	9
<i>А. В. Лаушкин.</i> К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньский» в памятниках летописания XI–XIII вв.)	29
<i>Б. Н. Флоря.</i> «Сотни» и «жупцы» в Новгороде XII–XIII вв.	66
<i>Т. В. Гимон.</i> Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи.....	80
<i>Н. Ф. Котляр.</i> Галицко-Волынский свод: летопись или собрание повестей?.....	119
<i>А. А. Горский.</i> Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой.....	138
<i>В. А. Кучкин.</i> Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем	155
<i>А. А. Турилов.</i> К биографии и генеалогии Михаила Клопского	178
<i>А. С. Усачев.</i> Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси.....	210

Рецензии

<i>А. В. Назаренко.</i> Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма).....	341
<i>П. В. Лукин, П. С. Стефанович.</i> Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.	371
Список сокращений	403

Научное издание

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Выпуск 6

Издательство «Индрик»

Корректор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *И. В. Заика*

Исключительное право оптовой реализации
книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: (495) 959-21-03

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
25,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 3288

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6